

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Russia and the East:
The Palette of Interaction

Contending the "Tenebrous World"
in the Sermon

Napoleon the Antichrist in an Old
Believer Manuscript

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 10 | 2022 | № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia's culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal's website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal's
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus.*

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus.*

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина, Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU). *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva, Alexey Antoshin.
The Contact of Cultures in History
and Politics 1229

Larisa Soboleva, Alexey Antoshin.
The Contact of Cultures in History
and Politics 1229

Problema voluminis

Россия и Восток: историко-
политические противоречия
и культурные взаимодействия

Russia and the East:
Historico-Political Contradictions
and Cultural Interaction

Виктор Ларин, Лилия Ларина.
Представления о странах Востока
в Тихоокеанской России: парадоксы
общественного сознания 1241

Viktor Larin, Liliia Larina. The Idea
of Eastern Countries in Pacific
Russia: The Paradoxes of Public
Opinion. 1241

Jahangir Karami. Iran-Russia Relations:
New Opportunities and Existing
Problems 1258

Jahangir Karami. Iran-Russia Relations:
New Opportunities and Existing
Problems 1258

Edgar Hovhannisyán. The Restoration
of the Catholicosate of the Great
House of Cilicia After Exile. 1274

Edgar Hovhannisyán. The Restoration
of the Catholicosate of the Great
House of Cilicia After Exile. 1274

Ji-bae Park. A Comparison between
Russia-Qing Trade and Anglo-
Chinese Trade in 1802-1860. 1288

Ji-bae Park. A Comparison between
Russia-Qing Trade and Anglo-
Chinese Trade in 1802-1860. 1288

Woo-hyung Chon. International Film
Festivals as a Field for Agonistics
and Resonance: Contact Zones
with Russian/Soviet Films 1304

Woo-hyung Chon. International Film
Festivals as a Field for Agonistics
and Resonance: Contact Zones
with Russian/Soviet Films 1304

Turkan Olcay. The Cultural Heritage
of the White Russian Emigration
in Istanbul. 1318

Turkan Olcay. The Cultural Heritage
of the White Russian Emigration
in Istanbul. 1318

*Марзие Яхьяпур, Джанолах Карими-
Мотаххар, Форуз Сотудехмехр.*
Толстовская традиция в персидской
литературе: семья и женская
измена. 1334

*Marzieh Yahyapour, Janolah Karimi-
Motaahhar, Forough Sotoudehmehr.*
The Tolstoy Tradition in Persian
Literature: Family and Female
Infidelity 1334

Сергей Винокуров, Виктория Деменова.
Коллекционирование искусства Вос-
тока на Урале: региональный феномен
в общеевропейском контексте ... 1348

Sergey Vinokurov, Victoria Demenova.
Collecting Asian Art in the Urals:
A Regional Phenomenon in the
European Context. 1348

Противостояние «крошечному
миру» в учительном слове
Древней Руси

Contending the "Tenebrous World"
in the Moralising Word
of Old Rus

Людмила Журова. Слова Максима Грека
на иудеев в авторских кодексах
публициста 1362

Liudmila Zhurova. Maksim Grek's
Writings against the Jews
in His Codices 1362

Ольга Журавель. Искусство проповеди
Андрея Денисова: риторические
стратегии и приемы 1377

Olga Zhuravel. The Art of Andrei Denisov's
Sermons: Rhetorical Strategies
and Techniques 1377

Ирина Дергачева. Триумф смерти
макабра и «эсхатологический
оптимизм» синодиков 1394

Irina Dergacheva. The Triumph of Death
of the *Danse Macabre* and the "Eschato-
logical Optimism" of the Synodics. ... 1394

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Сукина. Осуждение алчности как «бесовского наущения» в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени. 1408

Марина Федотова. Нравоучение в творчестве Димитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца») 1420

Древнерусская книга и ее автор

Антон Коваленко. «Слово на Рождество Христово» в сборнике XVI века: проблема авторства Спиридона, митрополита Киевского 1438

Валентина Мельничук. Предсмертные княжеские обращения к детям в Степенной книге: аксиология рода и государства 1450

Наталья Савельева. Издательская политика Московского печатного двора: от «Книги о вере» до «Анфологиона» 1463

CONTENTS

Liudmila Sukina. The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation” in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period. 1408

Marina Fedotova. Moralising in Dimitri Rostovsky’s Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*) 1420

Old Russian Books and Their Authors

Anton Kovalenko. *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ* in a Sixteenth-Century Codex: The Problem of the Authorship of Spyridon, Metropolitan of Kyiv 1438

Valentina Melnichuk. Princes’ Deathbed Addresses to Their Children: The Axiology of Kinship and State (with Reference to *The Book of Royal Degrees*) 1450

Natalya Savelieva. The Publishing Policy of the Moscow Print Yard: From the *Book on Faith* to *Anthologion* . . .1463

Origines

Сергей Рябов. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном. .1485

Ирина Починская. Старообрядческое сочинение о Наполеоне-лжепророке «Сказание о картах» 1499

Sergey Ryabov. A Letter from Sigismund II Augustus to King Charles IX of France: Trade Struggle in the Baltic under Ivan the Terrible. 1485

Irina Pochinskaya. *The Tale of the Cards:* An Old Believer Work on the False Prophet Napoleon. 1499

Hereditas: nomina et scholae

Alexey Antoshin, Alexander Balezin. Searching for Africa in Russia: The Fate of Apollon Davidson 1517

Alexey Antoshin, Alexander Balezin. Searching for Africa in Russia: The Fate of Apollon Davidson 1517

Disputatio

Борис Норман. Крокодил в русском языке, сознании и культуре. 1529

Елена Маркасова, Павел Ключин. «Мосье L’Abbé», гражданин Российской империи 1541

Boris Norman. The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture. 1529

Elena Markasova, Pavel Kliushin. *Monsieur L’Abbé:* A Citizen of the Russian Empire. 1541

Conceptus et conceptio

Владимир Земцов. Наполеон и Россия: историографические и общественные тренды последних лет 1555

Vladimir Zemtsov. Napoleon and Russia: Recent Historiographical and Social Trends 1555

Controversiae et recensiones

Evgeny Chemyakin. Polyphony of Decoloniality 1569

Об авторах 1578

Сокращения. 1587

Evgeny Chemyakin. Polyphony of Decoloniality 1569

On the authors 1578

Abbreviations 1587

The Contact of Cultures in History and Politics*

The situation of contact in bordering cultures expressed through the recognition of the “other world” and the situation of a multi-vector interaction and/or repulsion has quite often attracted the attention of many authors of scholarly articles in the issues of the journal [see: Mazur, Soboleva; Panchenko, Soboleva]. No approach towards identity, assessment of the “self-being” of a person, as well as of a culture, can be complete without referring to other worlds (spatial, ideological, political, or cultural). The mode of contact, the search for ways of understanding, and the intersection of cross-cultural and political interaction are often accompanied by processes of rejection and intolerance, as well as a sense of threat to one’s identity. The fourth issue of *Quaestio Rossica* for 2022 once again offers its pages to researchers studying these ambiguous processes.

The *Problema voluminis* section of this issue opens with the topic *Russia and the East: Historical and Political Contradictions and Cultural Interactions*. It has become extremely relevant in recent years, due to the growing influence of non-Western civilizations in the modern world. Russian history and culture have for a long time been focused on the eastern neighbors; there is a special respect for the culture of the East. This does not exclude difficulties and contradictions on the long path of intercultural connections; correspondingly, the topic attracts researchers’ attention in various fields.

The question of the perception of the East in the minds of the population of Russia is central to the article by *Viktor Larin* and *Liliia Larina* (Vladivostok, Russia). Basing their research on the materials of field studies conducted in the last decade, they show that the population of the Russian Far East does not particularly trust the neighboring countries of East Asia, suspecting them of an expansionist intention.

The contradictory nature of Russia’s interaction with the countries of the East is convincingly proved in the article by the author belonging to a different academic school of thought – *Jahangir Karami* (Tehran, Iran). Analyzing the peripeteia of Russian-Iranian relations in the post-bipolar

---

* L. Soboleva’s work was financially supported by RSF Project № 22–28–01617 “Confronting the ‘World Beyond’ in Late 17th – Early 18th Century Sermons: Authorial Axiology and the Mechanisms of Influence.”

world era, he concludes that, despite the existence of common interests, in the long run, cooperation between our countries may be facing serious problems.

Trade between Russia and China in the first half of the nineteenth century is the focus of *Ji-bae Park* (Seoul, Republic of Korea). Analyzing the impact of Anglo-Chinese trade on the foreign trade turnover between Russia and the Qing Empire at that time, he proves that British opium smuggling forced Russian tea merchants, who had significantly lower profits, to constantly look for new business development options.

The First World War had a great influence on the process of interaction between Russia and the countries of the East. As shown in the article by *Turkan Olcay* (Istanbul, Turkey), the collapse of the Russian and the Ottoman Empires was accompanied by an intensification of cultural dialogue between the peoples, associated with the appearance of a large number of Russian refugees in the Turkish capital in the early 1920s. This emigration, notes Olcay, introduced the Turks to ballet, operetta, new forms of leisure, and elements of European everyday life. *Edgar Hovhannisyán* (Yerevan, Armenia) highlights the little-studied historical fact of the emigration of Armenians to Lebanon and the foundation of the Catholicos of Cilicia Church in Beirut in the interwar period.

Russian philology often turns to the topic of borrowing motifs and plot lines from the world classics. The article by *Marzieh Yahyapour, Janolah Karimi-Motahhar, and Foroug Sotoudehmehr* (Tehran, Iran) studies the references to Leo Tolstoy's works in Javad Fazel, a classic of Iranian literature. Taking as a basis the theme of female infidelity in the novel *Anna Karenina*, the Iranian writer raises the problem of family and female emancipation in Iran. The article is interesting for its precise observations and the overview of the "Eastern patriarchal" view of Iranian readers. The authors successfully managed to bring together and differentiate the two writers' positions in the context of national history and culture.

Cultural interaction between Russia and the East continued throughout the twentieth century, as shown in the article by *Woo-hyung Chon* (Seoul, Republic of Korea). Analyzing the theoretical problems of perception of foreign films in South Korea, he proves that the Busan International Film Festival in 1996 largely opened up the new Russian cinema represented by films of A. Rogozhkin, K. Shakhnazarov, and A. Sokurov, for the Korean audience.

Thus, the articles presented in the current issue of *QR*, show that in various historical epochs in our country, there was a serious interest in the countries of the East, and this was the foundation for the interaction with the countries and peoples of this region. *Sergey Vinokurov* and *Victoria Demenova* (Yekaterinburg, Russia) describe the process of forming important museum collections of Eastern art in the Urals, emphasizing the uniqueness of collected works by masters from China, Japan, Tibet, and Mongolia stored in these regional museums.

The second theme of the section explores the topic of opposition in sermons and polemical writings between the fifteenth and eighteenth centuries to the demonic world, and the affirmation of Christian virtues in Early Modern literature. The theme of exploration opens with an article by *Liudmila Zhurova* (Novosibirsk, Russia) about the writings “on the Jews” by Maksim Grek, a writer associated with both Greek Orthodox and Russian literature. The main task of such writings, it is argued, was to prove the divine nature of Christ. The author of the article explores several reasonable doubts about the authorship of some words attributed to Maksim Svyatogorets.

An informative article by *Marina Fedotova* (St Petersburg, Russia) shows how closely the problems of time were perceived in the genre of church sermons by Dimitri Rostovsky. The privacy of confession, the violation of which the author criticized in his writings, was one of the most acute at the time, dividing society into those for whom the interests of the state were superior to everything, and those for whom the faith in the omniscience of God was unshakable. The continuation of the struggle for genuine Christianity is the writings of Andrei Denisov, an authoritative Old Believer writer. *Olga Zhuravel* (Novosibirsk/Yekaterinburg, Russia) carefully analyzes Denisov’s rhetoric in correlation with the theoretical poetics of the seventeenth century, showing the author’s creative search for rhetorical techniques that could influence the fellow believer. Two articles examine depictions of personified death in different medieval traditions. *Irina Dergacheva* (Moscow, Russia) compares the “dance of death” in Western European tradition, which had the function of awakening fear of the event, and the depictions of death in the synodics, which rather carried the task of reminding about possible salvation. The didactic function of the illustrations of the synodics in the late Middle Ages is also studied in the article by *Liudmila Sukina* (Pereslavl-Zalessky, Russia). It shows how artists sought to use the “memento mori” of impending death in their illustrations, visually demonstrating the intervention of demons of the “underworld” in everyday human life.

A few articles on Old Russian books from the author’s perspective are thematically close to the problems of the genre of the sermon. *Anton Kovalenko* (Novosibirsk, Russia) persuasively proves the authorship of the sixteenth-century Kyivan Metropolitan for the *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ*. Considering the testaments of Russian princes and princesses from the sixteenth-century *Book of Royal Degrees* (*Stepennaia kniga*) addressed to their children, *Valentina Melnichuk* (Novosibirsk, Russia) establishes the main parameters of such testaments, i. e. calls for loyalty to the family and earnest concern for state interests. Thus, *The Book of Royal Degrees* becomes an important part of the ideology of the Tsardom of Muscovy. The publishing policy of the Moscow Print Yard in the seventeenth century is described in an article by *Natalia Savelyeva* (St Petersburg, Russia). The main conclusion of the researcher is that

the church reform was being prepared long before its announcement and was conceived as a necessary renewal of the church. This opinion is based on the analysis of several translations of the South-West Russian manuscript tradition and new publications of Byzantine heritage and samples of European theology prepared for publication in the Moscow Print Yard at the time.

Articles about the book and manuscript heritage are included in the *Origines* section. The unique message of the Polish King Sigismund II to King Charles IX of France with a request for trade agreements prepared for publication by *Sergey Ryabov* (Yekaterinburg, Russia) offers an impressive picture of diplomatic correspondence on trade issues during the time of Ivan the Terrible. The second source presented in the issue is an Old Believer essay about Napoleon, the false prophet and the Antichrist, with versions from several manuscripts. *Irina Pochinskaya*, the publisher of the text (Yekaterinburg, Russia), reveals the name of the author of this Old Believer political pamphlet – a learned layman (*nachetchik*) from Uralsk, Ya. M. Tarasov.

The search for the interaction between Russia and non-European countries is continued in the analysis of the biography and academic research of Apollon Davidson, an Africanist and academician of the Russian Academy of Sciences (*Hereditas: nomina et scholae* section). The authors of the article, *Alexey Antoshin* (Yekaterinburg, Russia) and *Alexander Balezin* (Moscow, Russia), draw attention to the unique creative side of the scholar's work – his devotion to historical facts as much as to the personalities of the people who had been discovering Africa for Russia.

This issue's main themes are indeed saturated with recent research, and this leaves only a few opportunities for articles outside the announced topics. However, we could not postpone the publication of the two following articles (both offered in the *Disputatio* section), paradoxical and interesting to any grateful reader. This is an article by *Boris Norman* (Minsk, Belarus), a friend and an attentive reader of our journal, who also turns out to be an expert "on crocodiles". The development of this symbol, quite special for the Russian reader's culture and its perception in our minds are assessed in the article by the respected author. The second article belongs to *Elena Markasova* (Beijing, China) and *Pavel Kliushin* (St Petersburg, Russia) and is looking into the well-known character from Pushkin's *Eugene Onegin* – Monsieur L'Abbé. With a certain amount of audacity, backed up by solid archival research, the authors supply new information about the French educator of the novel's main character, and, most importantly, reveal Pushkin's true attitude to the character, once again surprising us with his brilliant brevity and ability to express the main traits of a person in a few poetic lines.

In this issue, the *Conceptus et conceptio* section is given to *Vladimir Zemtsov's* reflections (Yekaterinburg, Russia) on the modern historiography of the topic "Russia and Napoleon". In connection with the anniversary of the great Frenchman, it seemed important to us to present extremely contradictory

assessments of his deeds and personality at the present stage of historical writing. Napoleon is the character whose charm as a great tragic genius does not leave Russian culture, and Pushkin's phrase 'We all look forward to becoming Napoleon' has turned into an aphorism in Russian culture.

The topic of decolonization is often present in the mainstream of today's academic and public discussions. The colonial historical period, as important as it is ambiguous in the formation of the empires, is actively discussed and conceptualized in world academic literature. A collection of articles on this topic, published in 2022, and edited by E. Dzhabbarova, is reviewed in an article by *Evgeny Chemyakin* (Yekaterinburg, Russia; *Controversiae et recensiones* section). The reviewer emphasizes both the controversial nature of the collection and its complex correlation with European tradition, as well as interesting new views that expand the historical horizon.

Larisa Soboleva, Alexey Antoshin
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
Translated by Anna Dergacheva

Особенности пограничной ситуации в культуре, выраженные в признании «инога мира», и процесс разновекторного взаимодействия/отталкивания привлекали внимание многих авторов научных статей ряда выпусков данного журнала [см.: Mazur, Soboleva; Panchenko, Soboleva]*. Познание самобытности, оценка «самостоянья» как человека, так и культуры некорректны без обращения к иным мирам (пространственным, идейным, политическим, культурным). Режим соприкосновения, поиск путей понимания и пересечения в кросс-культурном и политическом взаимодействии сопровождаются также процессами отторжения и отказа от толерантности, ощущением угрозы утраты идентичности. Этим неоднозначным процессам вновь отдает свои страницы четвертый выпуск журнала за 2022 г.

Рубрика *Problema voluntis* в данном номере открывается темой *Россия и Восток: историко-политические противоречия и культурные взаимодействия*. Выбранный аспект в последние годы становится исключительно актуальным, что обусловлено ростом влияния незападных цивилизаций в современном мире. Особенности истории и культуры России являются постоянным вниманием к восточным соседям и уважительное отношение к культуре Востока. Это

---

* Работа Л. Соболевой по подготовке номера и вступительной статьи осуществлялась при финансовой поддержке гранта РФФ (проект № 22–28–01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия»).

не исключает сложностей и противоречий на долгом пути взаимодействий, что откликается вниманием к теме исследователей разных направлений.

Вопрос о восприятии образа Востока в сознании населения нашей страны является центральным в статье *Виктора и Лилии Лариных* (Владивосток, Россия). Опираясь на материалы полевых исследований, проведенных в последнее десятилетие, они показывают, что жители Дальнего Востока России не слишком доверяют соседним странам Восточной Азии, подозревая их в намерении к экспансии.

Противоречивый характер взаимодействия России со странами Востока убедительно доказан в статье автора, принадлежащего иному цивилизационному ареалу, *Джахангира Карами* (Тегеран, Иран). Анализируя перипетии российско-иранских отношений в постбиполярную эпоху, он делает вывод, что, несмотря на наличие общих интересов, в долгосрочной перспективе сотрудничество наших стран может столкнуться с серьезными проблемами.

Торговля между Россией и Китаем в первой половине XIX в. находится в центре внимания *Чинэ Пака* (Сеул, Республика Корея). Анализируя влияние англо-китайской торговли того времени на внешнеторговый оборот между Россией и империей Цин, он доказывает, что британская контрабанда опиума заставляла российских торговцев чаем, которые имели значительно меньшую прибыль, постоянно искать новые варианты развития бизнеса.

Большое влияние на процесс взаимодействия между Россией и странами Востока оказала Первая мировая война. Как показано в статье *Тюркан Олджай* (Стамбул, Турция), крушение Российской и Османской империй сопровождалось активизацией культурного диалога между народами, связанного с появлением в турецкой столице в начале 1920-х гг. большого числа русских беженцев, познакомивших турок с балетом, опереттой, новыми формами досуга, европейским бытом. *Эдгар Оганнисян* (Ереван, Армения) освещает малоизученный исторический сюжет эмиграции армян и историю основания в межвоенный период церкви Католикоса Киликии в Ливане.

Отечественная филология часто обращается к теме заимствования мотивов и сюжетов из мировой классики. В статье *Марзие Яхьянур, Джанолаха Карими-Мотаххара, Форуга Сотудехмехра* (Тегеран, Иран) приводятся факты обращения к творчеству Льва Толстого классика иранской литературы Джавада Фазела. Взяв за основу тему женской измены в романе «Анна Каренина», иранский писатель поднимает проблему семьи и женской эмансипации в Иране. Статья интересна точными наблюдениями и представленным в ней восточнопатриархальным взглядом иранских читателей. Авторам удалось сблизить и дифференцировать позиции писателей в контексте национальной истории и культуры.

Культурное взаимодействие России и Востока продолжалось на протяжении всего XX в., что показано в статье *Чона Ухёна* (Сеул,

Республика Корея). Анализируя теоретические проблемы восприятия иностранного кинематографа в Южной Корее, он доказывает, что проходивший в Пусане в 1996 г. международный кинофестиваль во многом открыл для корейского зрителя современное российское киноискусство, представленное фильмами А. Рогожкина, К. Шахназарова, А. Сокурова.

Представленные в номере статьи показывают, что в различные исторические эпохи в нашей стране наблюдался серьезный интерес к странам Востока, и это являлось фундаментом для развития взаимодействия со странами и народами этого цивилизационного ареала. Так, *Сергей Винокуров* и *Виктория Деменова* (Екатеринбург, Россия) освещают процесс формирования региональных музейных собраний предметов искусства стран Востока, подчеркивая уникальность коллекций произведений мастеров из Китая, Японии, Тибета и Монголии, хранящихся на Урале.

Вторая проблема рубрики углубляет тему противостояния в проповедях и полемических сочинениях XV–XVIII вв. демоническому миру, утверждению христианских добродетелей в памятниках литературы. В ее основу легли доклады, прочитанные на конференции «Практики противостояния кромешному миру в учительном слове Древней Руси» (Екатеринбург, УрФУ, 23 сентября 2022 г.). Внимание современной гуманитарной науки к иррациональному началу в культуре и поиску механизма противостояния ощущению смертельной опасности, присущее русской словесности XVI–XVII вв., нашло отражение в ряде статей выпуска. Открывается подрубрика статьей *Людмилы Журовой* (Новосибирск, Россия) о сочинениях «на иудеев» Максима Грека – писателя XVI в., связанного с греко-православной и российской литературой. Главная задача письменных памятников – доказать божественную природу Христа и обличить иудейских учителей, не принимающих этот постулат христианства. Статья вводит в научный оборот малоизученные рукописи и восстанавливает исторический контекст их бытования. Автор статьи приводит ряд аргументированных сомнений в авторстве некоторых слов, приписанных Максиму Святогорцу.

В информативной статье *Марины Федотовой* (Санкт-Петербург, Россия) показывается, насколько близко в церковном жанре проповеди Димитрия Ростовского воспринимались проблемы времени. Тема тайны исповеди, нарушение которой автор критиковал в своих сочинениях, была одной из самых острых, разделяющих общество на тех, для кого государственные интересы были превыше всего, и тех, для кого вера во всеведение Бога оставалась непоколебимой. Это острая тема, показывающая стремление государства использовать церковную ритуальную жизнь в спекулятивных политических интересах. Исторический урок демонстрации силы и возможностей государства становится примером противостояния временных политических решений укреплению церковного института. Подчинение

церкви мирской власти и слияние с нею предопределили усиление кризиса в ее взаимоотношениях с паствой. Продолжением пафоса борьбы за подлинное христианство являются сочинения Андрея Денисова, авторитетного старообрядческого писателя. *Ольга Журавель* (Новосибирск/Екатеринбург, Россия) тщательно анализирует риторику автора в корреляции с теоретическими поэтиками XVII столетия, показывающими творческий поиск автором приемов красноречия, воздействующих на соратников. Две статьи посвящены изображению олицетворенной смерти. *Ирина Дергачева* (Москва, Россия) сопоставляет изображение «пляски смерти» в западноевропейской традиции, выполняющее функцию пробуждения страха перед этим событием, и изображение смерти в синодиках, задача которого – напомнить о возможном спасении. Это сопоставление приводит автора к кажущемуся современному человеку парадоксальным определению об оптимистическом звучании статей синодика. Тема дидактической функции в иллюстрациях синодиков позднего Средневековья продолжена в статье *Людмилы Сукиной* (Переславль-Залесский, Россия). Она показывает, как художники стремились использовать память о грядущей смерти в иллюстрациях, визуально демонстрируя вмешательство демонов «кромешного мира» в жизнь человека. Автор приводит миниатюры из рукописей, демонстрирующие грани обыденной жизни человека прошлых веков.

Воспроизводя различные направления изучения «кромешного мира» в учительном слове проповеди, журнал привлекает внимание научного сообщества к историческим корням не критического восприятия русским человеком суждений, шедших от официальной власти. В свою очередь, это дает повод задуматься об истоках кризиса доверия к институту церкви при явной демонстрации разного рода мирских интересов в ее деятельности.

К проблеме проповеднического слова примыкают статьи, посвященные древнерусской книге в авторском ракурсе. *Антон Коваленко* (Новосибирск, Россия) аргументированно устанавливает авторство киевского митрополита XVI в. в рукописном «Слове на Рождество Христово». *Валентина Мельничук* (Новосибирск, Россия), рассматривая обращения русских князей и княгинь к детям перед кончиной из Степенной книги XVI в., устанавливает главные параметры завещаний, прописанные автором, это верность роду и забота о государственных интересах. Таким образом, Степенная книга становится частью идеологии Московского царства. Об издательской политике Московского печатного двора XVII в. повествуется в статье *Натальи Савельевой* (Санкт-Петербург, Россия). Главный вывод исследователя о том, что церковная реформа готовилась задолго до ее объявления и была задумана как шаг к необходимому обновлению церкви, основан на анализе процесса подготовки ряда переводов юго-западнорусской книжно-рукописной традиции, новых памятников византийского наследия и образцов европейского богословия.

Статьи о книжно-рукописном наследии включены в рубрику *Origines*. Уникальное послание польского короля Сигизмунда II французскому королю Карлу IX с просьбой о торговых соглашениях, подготовленное к публикации Сергеем Рябовым (Екатеринбург, Россия), рисует впечатляющую картину дипломатической переписки по проблемам торговли во времена Ивана Грозного. Второй представленный источник – старообрядческое сочинение о Наполеоне – лжепророке и антихристе, представленное рукописями из нескольких рукописных собраний. Ирина Починская, публикатор текста (Екатеринбург, Россия), открывает имя автора этого, по сути, старообрядческого политического памфлета – начетчика из г. Уральска Я. М. Тарасова.

В соответствии с темой (поиск взаимодействия России и неевропейских стран) в контекст номера вписывается анализ биографии и научных исследований африканиста, академика РАН Аполлона Давидсона (рубрика *Hereditas: nomina et scholae*). Авторы статьи Алексей Антошин (Екатеринбург, Россия) и Александр Балезин (Москва, Россия) обращают внимание на уникальную творческую сторону личности ученого – его внимание не только к историческим фактам, но и к людям, открывавшим Африку для России.

Насыщенность материалом проблемных рубрик оставила немного возможностей для статей вне заявленной тематики. Но мы не смогли отложить публикации двух статей (рубрика *Disputatio*), парадоксальных и интересных любому благодарному читателю. Это статья Бориса Нормана (Минск, Белоруссия), друга и внимательного читателя нашего журнала, который к тому же оказался специалистом «по крокодилам». Развитие этого особенного для русской читательской культуры образа, его восприятие в нашем сознании раскрываются в статье уважаемого автора. Вторая статья принадлежит перу Елены Маркасовой (Пекин, Китай) и Павла Ключина (Санкт-Петербург, Россия) и посвящена всем известному еще со школьной скамьи персонажу «Евгения Онегина» – «мосье L'Abbé». С определенной долей дерзости, подкрепленной архивными изысканиями, авторы дополняют сведения о французском воспитателе, и главное, раскрывают подлинное отношение А. С. Пушкина к персонажу, еще раз удивляя нас его гениальным лаконизмом и умением увидеть и отобразить главное в человеке.

В этом выпуске рубрика *Conceptus et conceptio* отдана размышлениям Владимира Земцова (Екатеринбург, Россия) о современной историографии темы «Россия и Наполеон». В связи с юбилеем великого француза нам показалось важным представить крайне противоречивые оценки его деяний и личности на современном этапе. Наполеон – тот персонаж, чье обаяние как великого трагического гения не уходит из русской культуры, и пушкинская фраза «Все мы глядим в Наполеоны» для русского уха стала афоризмом.

В русле сегодняшних научных и общественных дискуссий находится тема деколонизации. Колониальный исторический период, столь важный при формировании предшествовавшего имперского времени,

активно осмысливается в мировой научной литературе. Сборник статей на эту тему, опубликованный в 2022 г. под редакцией Е. Джаббарово́й, рецензируется в статье *Евгения Чемякина* (Екатеринбург, Россия; рубрика *Controversiae et recensiones*). Автор подчеркивает при этом как его дискуссионность, сложную корреляцию с европейской традицией, так и новые взгляды, расширяющие исторический горизонт отечественных исследований.

Список литературы

Mazur L., Soboleva L. Window to Russia: Everyday Life and Mythology in History and Literature // *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5, № 4. P. 915–924. DOI 10.15826/qr.2017.4.258.

Panchenko A., Soboleva L. Rite and Time: The Inversion of Ritual Practices in Historical and Cultural Perspective // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9. № 4. P. 1153–1166. DOI 10.15826/qr.2021.4.632.

References

Mazur, L., Soboleva, L. (2017). Window to Russia: Everyday Life and Mythology in History and Literature. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4. P. 915–924. DOI 10.15826/qr.2017.4.258.

Panchenko, A., Soboleva, L. (2021). Rite and Time: The Inversion of Ritual Practices in Historical and Cultural Perspective. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9. No. 4. P. 1153–1166. DOI 10.15826/qr.2021.4.632.

Лариса Соболева, Алексей Антошин
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Problema voluminis

RUSSIA AND THE EAST: HISTORICO-POLITICAL CONTRADICTIONS
AND CULTURAL INTERACTION

CONTENDING THE "TENEBOUS WORLD" IN THE MORALISING WORD OF OLD RUS'
OLD RUSSIAN BOOKS AND THEIR AUTHORS

Problema voluminis

РОССИЯ И ВОСТОК: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «КРОМЕШНОМУ МИРУ» В УЧИТЕЛЬНОМ СЛОВЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИГА И ЕЕ АВТОР

RUSSIA AND THE EAST: HISTORICO-POLITICAL CONTRADICTIONS AND CULTURAL INTERACTION

DOI 10.15826/qr.2022.4.726

УДК 316.653 + 323.1(5-11) + 323.1(510) + 323.1(519.3) + 323.1(520) +
+ 323.1(519.3) + 323.1(519.5)

Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания*

Виктор Ларин

Лилия Ларина

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН,
Владивосток, Россия

The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion

Viktor Larin

Liliia Larina

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples
of the Far East of the Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

This article examines the research results of the Public Opinion Research Laboratory of the Institute of History of the RAS obtained during field studies of 2010–2021. The authors analyse the key elements of the views of the Far Eastern Federal District residents on the countries of East Asia – China, Japan, North, and South Korea. Also, the authors focus on such basic elements of these notions as historical memory, people's economic and humanitarian needs, and external threats to regional and national security. It is established that historical memory works selectively. Regarding China,

---

* *Citation:* Larin, V., Larina, L. (2022). The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

Цитирование: Larin V., Larina L. The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726 / Ларин В., Ларина Л. Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1241–1257. DOI 10.15826/qr.2022.4.726.

it supports the uncertain feelings of Pacific Russians in the finality of resolving the border issue between the two countries, while Japanese territorial claims are primarily perceived through the prism of modern politics. However, neither one nor the other prevents the inhabitants' interest in the history and culture of the neighboring states, focusing their economic interests on interaction, first of all, with these three countries. It is China, Japan, and South Korea that they consistently view as major economic partners of Pacific Russia. The authors estimate that the high level of development of these countries' economies along with the uniqueness and attractiveness of authentic cultures, as well as positive assessments of the current state and prospects of bilateral relations *en masse* have become the forces of attraction that encourage the Far Easterners to have a fellow feeling for them. At the same time, the countries of the Korean peninsula receive much less attention in Pacific Russia, and their images are mostly neutral and vague. The authors also note that the stereotypes that were rooted in the minds of Russians more than a century ago (the refined culture of Japan and the poor, uncultured China) place these two countries on different levels in the rating of their sympathies: Japan was a stable and undisputed leader, while China, despite noticeable rising popularity in recent years, along with South Korea remained in the middle. Finally, they conclude that a large proportion of the residents of the region, although not trusting their Asian neighbours too much, are not only interested in an economic interaction with the surrounding Asian world but are also psychologically committed to it.

Keywords: public opinion, Pacific Russia, China, Japan, North Korea, South Korea

На основе результатов полевых исследований Лаборатории изучения общественного мнения Института истории ДВО РАН за 2010–2021 гг. анализируются ключевые элементы представлений жителей Дальневосточного федерального округа о близких к ним странах Востока – Китае, Японии, Северной и Южной Корее. Авторы рассматривают базовые элементы этих представлений: это историческая память, экономические интересы и гуманитарные потребности людей, угрозы безопасности территории их проживания и Российскому государству. Удалось установить, что историческая память работает избирательно: если в отношении Китая она поддерживает неуверенность жителей Тихоокеанской России в окончательном разрешении пограничного вопроса между двумя странами, то территориальные претензии Японии воспринимаются преимущественно через призму современной политики. Однако это не мешает жителям региона интересоваться историей и культурой соседних государств, настраиваться на экономическое взаимодействие с ними: именно Китай, Японию и Южную Корею они стабильно рассматривают как главных экономических партнеров Тихоокеанской России. Высокий уровень развития экономики наряду с уникальностью и притягательностью аутентичных культур, а также позитивными оценками состояния и перспектив двусторонних отношений являются теми сила-

ми притяжения, которые побуждают дальневосточников отдавать свои симпатии странам Востока. При этом страны Корейского полуострова пользуются существенно меньшим вниманием дальневосточников, а поэтому их образы преимущественно нейтральны и размыты. Авторы отмечают, что столетие назад укоренившиеся в сознании россиян стереотипы (изысканная культура Японии и бедный малокультурный Китай) разводят эти две страны по разным «этажам» в рейтинге симпатий дальневосточников: Япония является стабильным и безусловным лидером, в то время как Китай, несмотря на заметный рост популярности в последние годы, вместе с Южной Кореей отстает в рейтингах. Авторы приходят к выводу, что значительная часть жителей региона, не слишком доверяя своим азиатским соседям, все же оказывается заинтересована в экономическом взаимодействии с азиатским миром и психологически настроена на него.

Ключевые слова: общественное мнение, Тихоокеанская Россия, Китай, Япония, Северная Корея, Южная Корея

Для Тихоокеанской России – обширного пространства Евразийского континента от озера Байкал до Камчатки и от Северного Ледовитого океана до границ Китая и КНДР – Восток в его географическом и цивилизационном смысле – это прежде всего четыре страны конфуцианско-буддийского культурного ареала: Китай, Япония, Северная и Южная Корея. Исторически входя в сферу влияния этого ареала, его ныне российская часть веками являлась зоной спонтанных миграций, межэтнических, межцивилизационных и культурных контактов. В начале нынешнего тысячелетия, когда роль Востока в мире стала стремительно возрастать, а Россия предприняла попытку более органично встроить собственные восточные владения в структуру новой государственности и использовать их для упрочения своих позиций в Тихоокеанской Азии, логично было бы рассматривать этот регион не только как плацдарм экономической интеграции России в АТР, но и в еще большей степени как готовую платформу ее культурного взаимодействия с регионом.

Но готово ли население Тихоокеанской России к такому взаимодействию психологически? На какие страны ориентирована Россия? Какие факторы способствуют и какие мешают ее взаимодействию с соседями? Ответы на ряд вопросов может дать изучение внешнеполитического менталитета¹ жителей региона, проводимое методами социологических опросов.

---

¹ Во введенном в оборот С. Чугровым понятии «внешнеполитический менталитет» мы хотели бы подчеркнуть такое его свойство, как «особое политическое мировосприятие, основанное на *долгожизнущих* (выделено нами – В. Л., Л. Л.), устойчивых самоидентификациях по отношению к иным социокультурным и национально-этническим группам» [Чугров, 2007, с. 56].

Традиционно общественное мнение и сформированные в нем мироощущения, образы государств и народов рассматриваются и оцениваются как один из инструментов внешнего влияния [Jervis, p. 16–31; Киселев, Смирнова] или как «ценный резерв» внешней политики государства [Бруссе, p. 362]. О прямом влиянии регионального общественного мнения на формирование внешней политики России говорить, как минимум, опрометчиво. Представления местных социумов о соседних странах и народах сказываются на качестве кроссграничных и межрегиональных международных связей. Соответственно, оценка характера этих представлений, степени их устойчивости и изменчивости, зависимости от идеологической и политической конъюнктуры, информационной среды и повседневных интересов участников международного взаимодействия способствует пониманию того, как это взаимодействие формируется, развивается и каким будет его будущее.

Культурные, языковые, политические и иные барьеры, которые существуют между славянским населением Тихоокеанской России и его азиатским окружением, объективно препятствуют созданию у него объемных, детально прописанных образов соседних государств. Скорее мы фиксируем какие-то общие, упрощенные представления, сотканые из отдельных, не всегда связанных друг с другом картинок и сюжетов, в создании которых поучаствовали разные компоненты человеческого сознания.

Первый из них – историческая память. Исторический фундамент представлений дальневосточников о Китае, Японии и Корее уходит не на такую большую глубину – всего на полтора столетия, но богат разнообразными событиями. Российский и советский Дальний Восток, даже пребывая за «железным занавесом», был связан с азиатским миром разнообразными экономическими, политическими и гуманитарными нитями.

Второй – экономические и гуманитарные интересы и потребности. «Челночный бизнес» 1990-х, более известный в его китайской интерпретации, но также весьма активный на других азиатских направлениях, наполнял дальневосточные рынки поддержанными японскими автомобилями, корейской бытовой техникой и стройматериалами, китайским ширпотребом, внося поправки в сложившиеся к тому времени образы соседних государств. Одновременно соседние страны Азии стали для дальневосточников самыми доступными в географическом и финансовом отношениях для реализации их гуманитарных потребностей, что обусловило рост познавательного туризма, прежде всего в Китай².

---

² Например, за 2015–2016 гг. из Приморского края в Китай в общей сложности выезжали около 1,1 млн россиян, в Южную Корею – 230 тыс., в Японию – 42 тыс. чел. [Сведения]. Из Хабаровского края в 2016 г. в КНР выезжали 58,2 тыс. чел., Республику Корея посетили 7,3 тыс. туристов, Японию – 3,4 тыс. [Развитие туристских связей Хабаровского края].

Третий – осознание и интерпретация угроз личной и национальной безопасности. Частично эти угрозы являются элементом бытового сознания, питаемого исторической памятью, но в большей степени формулируются официальной пропагандой и средствами массовой информации.

Наконец, играют свою роль эмоциональные последствия прямого межличностного взаимодействия с представителями восточноазиатских культур. Богатый опыт общения с ними как на собственной, так и на чужой территории³ позволяет жителям региона формировать свои представления о государствах Восточной Азии, не столь зависимые от позиции СМИ, как на большей части остальной России.

Основой для статьи стали результаты социологических опросов, которые с середины 90-х годов XX в. на территории ДФО проводит Лаборатория изучения общественного мнения (ЛИОМ) ИИАЭ ДВО РАН. Опросы проводились методом случайной выборки практически во всех субъектах округа за исключением Республики Саха – Якутии и Чукотки, а число респондентов колебалось от 600 до 1 145 чел., что позволяет оценивать как константы, так и переменные, как общие, так и частные моменты в восприятии жителями региона соседних стран Азии.

Специальных исследований на эту тему ни в России, ни за рубежом не проводилось. На рубеже XX–XXI вв. взгляды дальневосточников на Китай в той или иной степени рассматривались в работах московских [Ларин], приамурских [Понкратова, Забияко, Кобызов] и американских [Alexseev, Hofstetter] ученых, посвященных проблемам китайской миграции. Однако в последнее десятилетие эта тема, перестав быть актуальной для региона и России в целом, выпала из политического и научного дискурса. В немногочисленных исследованиях, посвященных образу Японии в России [Куланов; Чугров, 2016], его интерпретация населением указанной территории никак не представлена. Некоторый свет на взгляды дальневосточников о странах Восточной Азии проливают опросы российских [Дружественные и недружественные страны; О России] и зарубежных исследовательских центров [China's Economic Growth Mostly], но они дают лишь общую картинку, подводя к выводу, что более половины россиян считает Китай «дружественным России государством», а Япония и обе Кореи находятся где-то на задворках их сознания.

Анализируя основные элементы представлений, можно прийти к пониманию причин устойчивости и изменчивости существующих образов и к выводу о возможности и необходимости использовать

---

³ В 2019 г. только Приморский край, прежде всего Владивосток (население 600 тыс. чел.), посетили более 456 тыс. китайских, около 300 тыс. корейских и 34 тыс. японских туристов [Поток иностранных туристов вырос в Приморье].

позитивный потенциал общественного сознания жителей региона для налаживания более эффективного взаимодействия Российского государства с восточноазиатским миром.

Историческая память

Эта фундаментальная основа современных представлений дальневосточников о своих азиатских соседях изучена недостаточно. Образы загадочного Китая, утонченной Японии и угнетенной Кореи, сформировавшиеся полтора столетия назад, не исчезли бесследно. Так же обстоит дело и с непростой историей овладения Россией Приамурьем и пограничного размежевания с Китаем, с которой детально знакома мизерная часть жителей региона, но которая заставляет их с подозрением относиться к своему памятливому соседу. Хотя официально вопрос о границе закрыт⁴, но события 1969 г. на острове Даманский и ожесточенная идеологическая полемика 1970-х гг. еще свежи в памяти, и немалая часть дальневосточников не верит, что Пекин отказался от планов вернуть себе утраченные в XIX столетии территории. Подливают масла в огонь китайские туристы и блогеры, чьи периодические высказывания об исторической принадлежности Хайшэнвэя (Владивостока), Боли (Хабаровска) или «Великого северного моря» (Байкала) охотно тиражируют российские СМИ.

Отсутствие прочных исторических знаний накладывает отпечаток и на восприятие Японии. Исследование, посвященное памяти приморцев о Великой Отечественной войне, выявило отсутствие у большей части респондентов как твердых знаний о событиях заключительного этапа войны на Тихом океане, так и представлений об исторических основах современных российско-японских отношений. Только 30 % респондентов увязали с войной существование территориального спора с Японией, а 9 % вспомнили об отсутствии мирного договора между двумя странами. Менее 60 % знают, что Советская армия освобождала Маньчжурию, а среди школьников таковых оказалось только 42 % [Ларина, Томашук, с. 155–156].

Экономические и гуманитарные мотивы

Однако те же люди, что опасаются реанимации территориальных претензий Китая, полагают, что из всех близких и дальних партнеров России именно КНР более всего заинтересована в развитии Дальнего Востока и интеграции России в АТР. На Китай указали в ходе опроса 2014 г. 78 % респондентов во Владивостоке и Хабаровске, в то время как на Южную Корею – 52 %, а на Японию – 30 %. Именно в Китае

---

⁴ Нерушимость границы зафиксирована в ст. 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. [Договор].

значительная часть дальневосточников видит сегодня главного экономического партнера Тихоокеанской России. В разные годы на него делали ставку от 48 до 73 % опрошенных. В Японию верили от 35 до 52 %, в Южную Корею – от 24 до 49 % из них (рис. 1). Доля сторонников взаимодействия с далекими от региона Австралией, США и Западной Европой с трудом поднималась выше отметки в 10 %, со странами СНГ – не превышала (за исключением 2013 г.) 20 %.

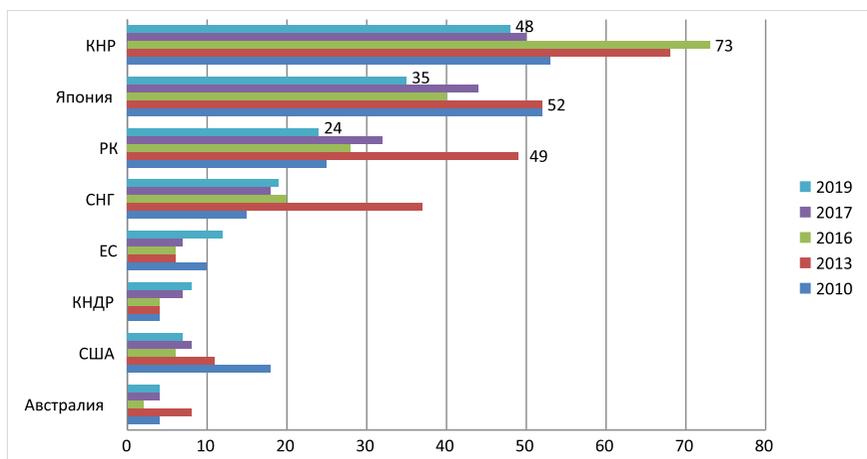

Рис. 1. Страны, приоритетные для экономического сотрудничества (ДФО, % от числа опрошенных)⁵

Этот противоречивый выбор продиктован реалиями жизни. В последние три десятилетия на долю КНР, Японии и Южной Кореи стабильно приходилось более 70 % внешнеэкономического оборота региона, обеспечивавшего ему товары, рынки сбыта, рабочие места. Но именно китайские товары неизменно доминировали на потребительском рынке, а на китайские инвестиции возлагались главные надежды. Китайское направление считали приоритетным на большинстве территорий ДФО. Исключение составили Сахалин, чьи исторические, административно-политические и экономические связи с Японией заметно прочнее, чем с Китаем, и Камчатка⁶.

При этом к концу десятилетия надежды дальневосточников на широкое взаимодействие с соседями как один из источников экономического процветания региона ослабели. Сыграли роль

⁵ Все иллюстративные материалы статьи сост. по: [Материалы опросов населения Дальневосточного федерального округа].

⁶ В 2016 г. во внешнеторговом обороте Сахалинской области на Японию приходилось 39,3, на Южную Корею – 35,7, а на Китай – только 9,3 %. В экспорте Камчатки Япония находилась только на третьем месте (20 % экспорта), уступая Южной Корее (43 %) и Китаю (36 %). В импорте края доминировали южнокорейские товары – 31 % от объема. Подсчитано на основе: [Дальневосточное таможенное управление]. Так что выбор камчадалов структура внешнеторговых связей края не объясняет.

как попытки российского правительства самостоятельно решить проблемы региона через внедрение новых механизмов развития (ТОРы, свободный порт Владивосток и др.), так и резкое снижение объема экономических связей ДФО с этими странами (рис. 2).

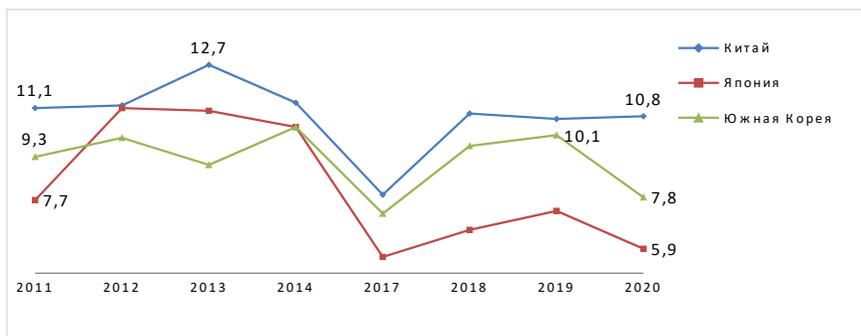

Рис. 2. Объемы торговли ДФО с Китаем, Японией и Южной Кореей (в млрд долл.)

Свою роль в этом сыграло и то, что, ратуя за развитие экономических связей с Китаем, воспринимая его как *важного экономического партнера* (51 % во Владивостоке, 2021 г.), две трети жителей региона лично не ощущали никакой пользы от сотрудничества с ним. В 2019 г. такую выгоду увидели по 37 % респондентов – камчадалов и сахалинцев, 36 % жителей Владивостока, 30 % жителей Магадана, 29 % – Читы, и только 27 % – приграничного Дальнереченска (Приморский край).

Понимание респондентами экономической значимости Китая для жизни собственных территорий не обеспечивало ему особых симпатий. В группе стран, образы которых по разным причинам сформировались и стабильно присутствуют в сознании дальневосточников, КНР вместе с Южной Кореей прочно занимала позицию «средняка», заметно уступая постоянному лидеру – Японии, а также Австралии и другим странам европейской культуры (табл. 1). Основой кратковременного роста популярности КНР в 2016–2017 гг. (второе-третье места в рейтинге симпатий) стал благоприятный информационный фон: в условиях нараставшей конфронтации с Западом общественное сознание России все более лояльно оценивало попытки Москвы наладить отношения с Востоком [Калачинский], СМИ активно обсуждали интеграционные проекты Си Цзиньпина и перспективы «нового этапа» российско-китайских отношений.

Таблица 1

Симпатии дальневосточников к зарубежным государствам (место в рейтинге и % от числа опрошенных, возможны не более трех ответов)

Страны	2010	2016	2017	2019
Япония	1	1	1	1
	40	33	37	36
Австралия	2	3–4	2–3	2
	34	24	26	26
Франция	3	5	4	5
	31	21	19	20
Германия	4	7	7	4
	26	19	17	21
Канада	5	6	5–6	3
	25	20	18	25
КНР	6	2	2–3	6
	16	25	26	19
Южная Корея	7	3–4	5–6	7
	15	24	18	18
Индия	9	8–9	8	9
	8	11	13	11
США	8	8–9	9	8
	13	11	10	15
КНДР	10	10	10	10
	2	4	5	4

Важно отметить, что на сегодняшний день Китай является единственной страной, представления о которой многие жители региона формируют или корректируют на основе собственного опыта. В 2019 г. тремя главными источниками информации о Китае респонденты назвали собственные поездки в эту страну (50 % респондентов), Интернет (45 %) и общение с китайцами в России (37 %). Как показывают результаты опросов, семь из десяти взрослых жителей Дальнего Востока хотя бы раз в жизни посетили КНР. Этот показатель для других стран много ниже: ни разу в жизни не были в Южной Корее 51 % жителей Владивостока и 64 % жителей Хабаровска, в Японии – 55 и 68 % соответственно (2016 г.). Это обстоятельство напрямую влияет на формирование образа страны, уменьшая, но не исключая зависимость от иных источников информации, в частности, от СМИ, и сказываясь на глубине и характере получаемых страноведческих знаний. О других странах дальневосточники судят прежде всего на основе информации, полученной из Интернета, СМИ

и других вторичных источников. Поэтому, выражая симпатии той же Австралии, многие видят перед собой не страну, а идиллическую картинку, которая сложилась в их сознании от просмотра популярных художественных фильмов вроде «Крокодила Данди»⁷.

Главными драйверами интереса у 70 % жителей Владивостока, которые в ходе опроса 2021 г. признались в своих симпатиях к Китаю и Японии, являются высокий уровень экономического развития и уникальность культуры этих государств. Но если китайскую экономику они воспринимают прагматично («важный партнер»), то японскую – лишь как факт, заслуживающий уважения: для 49 % респондентов Япония – это *высокоразвитая экономическая и технологическая держава*. В Японии респондентов привлекают прежде всего культура как таковая (61 %), высокие технологии (50 %), природа (48 %), кухня (41 %) и история (37 %). К таким конкретным проявлениям культуры, как литература, театр, музыка, религия, проявили интерес менее 5 % респондентов.

Что касается Южной Кореи, то почти 42 % опрошенных не смогли вычленить ее главную характеристику. Но при этом главным мотивом для тех, кто симпатизирует Южной Корее, являются качество и комфортность жизни в ней (73 %) и уровень ее экономического развития (54 %). На этой же платформе основываются симпатии к США, Австралии и Канаде. Политический фактор имеет некоторое значение, но при этом американская, японская и южнокорейская демократия, как и китайский социализм, привлекают не более чем каждого десятого дальневосточника. Результаты опросов прошлых лет эти выводы полностью подтверждают (табл. 2).

Таблица 2

Основания для симпатий к странам-соседям (Владивосток, место в ряду причин симпатий и % от числа опрошенных)

Показатель	Япония			Южная Корея			КНР		
	2013	2017	2019	2013	2017	2019	2013	2017	2019
Уровень экономического развития	1–2	2	1	1	1	1	1	2	2
	50	43	45	28	21	22	31	23	17
Культурные традиции	1–2	1	2	2	2	3	2	1	1
	50	4	8	22	19	15	23	35	25
Дружелюбие и гостеприимство народа	3	3	3	3–4	3	2	3–5	3	3
	25	21	25	10	16	16	13	19	11

⁷ В 2012 г. ЛИОМ провела экспресс-опрос молодежи в г. Владивостоке, посвященный Австралии. В ходе него выяснилось, что само название страны вызывало у большинства респондентов только положительные реакции, но при этом только 44 % смогли назвать столицу Австралии, а фамилию ее действующего премьер-министра вспомнили только 8 % [Стратегические интересы, с. 12–13].

Окончание табл. 2

Показатель	Япония			Южная Корея			КНР		
	2013	2017	2019	2013	2017	2019	2013	2017	2019
Природное разнообразие	4	4	4	5	4	4	3–5	5	5
	12	15	11	9	8	7	13	10	8
Общественно-политический строй	6	5	6	3–4	6	5	3–5	4	4
	7	11	5	10	4	6	13	12	9
Необъяснимые симпатии	5	6	5	6	5	6	7	7	7
	8	10	7	4	6	5	2	5	2
Военно-политическая мощь	7	7	7	7	7	7	6	6	6
	1	4	3	3	1	2	4	8	4

Еще одним элементом, из которых складывается образ государств Тихоокеанской Азии в сознании дальневосточников, является видение ими характера отношений России с той или иной страной. Большинство респондентов стабильно видели эти отношения в позитивном свете (рис. 3). Очень незначительная часть опрошенных (не более 5 %) оценивала отношения России с Китаем и Южной Кореей негативно, а небольшой рост скептицизма в оценке российско-японских отношений укладывается в рамки статистической погрешности. Это особенно заметно на фоне восприятия российско-американских отношений.

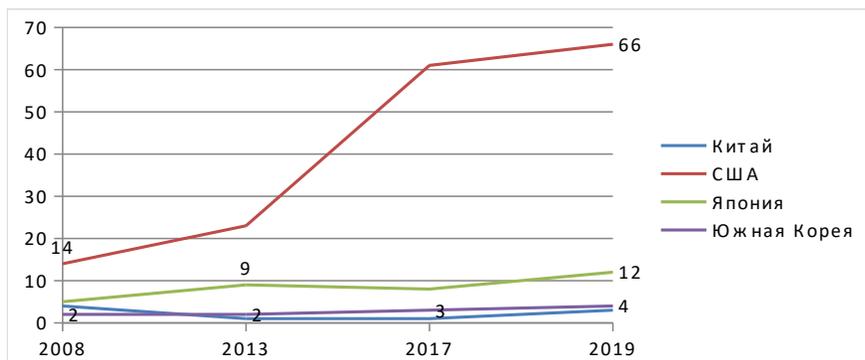

Рис. 3. Доля респондентов, считавших отношения России со странами региона плохими (ДФО, % от числа опрошенных)

Таким образом, набор элементов, которые формируют позитивную составляющую образа соседних государств – общие представления о стране, оценка двусторонних отношений, экономический и познавательный интерес, – доминирует, и он весьма стабилен. Однако наряду с позитивными факторами существуют и негативные, которые порождают у людей неуверенность и тревогу.

Угрозы с Востока

Тихоокеанская Россия осваивалась русскими, формировалась и развивалась под дамокловым мечом внешней угрозы, так что задачи обеспечения безопасности границ и самого существования региона как части единого государства всегда стояли в центре политики российского и советского правительства на Тихом океане. Эти угрозы всегда ассоциировались с политикой соседних государств.

Современные угрозы безопасности и интересам России на Тихом океане четко идентифицированы и также соотносятся с конкретными государствами. И хотя все они, за исключением демографической («рост численности китайских мигрантов»), не являются прямыми, опросы второго десятилетия XXI в. регулярно фиксировали очень высокий уровень тревожности населения (рис. 4). Не более 3 % респондентов полагали, что никаких угроз с Востока интересам и безопасности России и ее дальневосточным территориям не существует. Свою роль в поддержании тревожности играли «страшилки» СМИ о китайской демографической и экономической экспансии, информационная война Москвы и Вашингтона, активность Токио по поводу Южно-Курильских островов, периодическое обострение ситуации на Корейском полуострове.

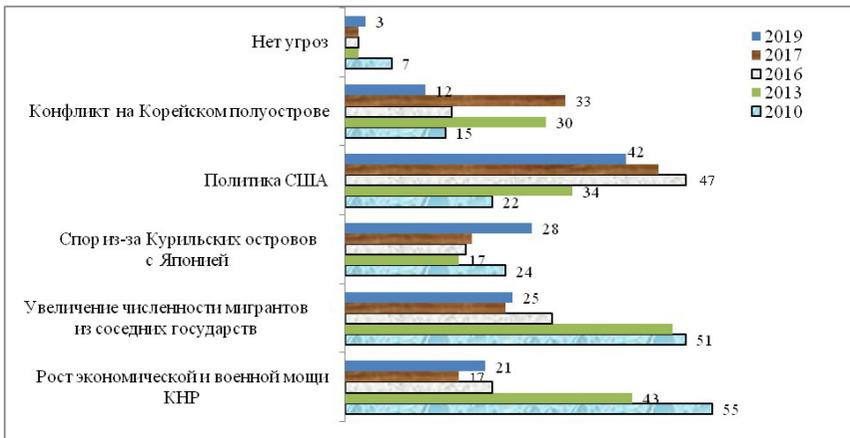

Рис. 4. Главные угрозы безопасности России и ее дальневосточным территориям на Тихом океане (2010–2019 гг., не более трех ответов, % от числа опрошенных)

Оценка остроты тех или иных угроз со временем менялась. Снижение количества китайских трудовых мигрантов в России и позитивное представление в официальной пропаганде российско-китайского военно-политического взаимодействия заметно снизили страх перед зарубежной миграцией и амбициями Пекина.

Хотя и сегодня в посягательстве на территориальную целостность России Китай подозревают более половины респондентов Читы, Благовещенска, Хабаровска и Биробиджана и немногим менее половины жителей Владивостока и Улан-Удэ. Треть респондентов убеждена, что Китай угрожает экономическому развитию России, а каждый десятый – ее независимости и суверенитету. При этом на приграничных с ним территориях процент уверенных в существовании такой угрозы выше, чем на отдаленных от него (53 против 46 %) [Ларин, Ларина, с. 34].

Оценка остроты угроз, исходящих с Корейского полуострова, и претензий Японии на Курильские острова зависела как от политической ситуации, так и от территории опроса: во Владивостоке ядерные амбиции Пхеньяна воспринимались значительно острее, чем в Магадане; на Сахалине требования Японии вызывали куда более жесткую реакцию, чем в Биробиджане. Но при этом все четыре граничащих с ДФО государства стабильно воспринимались как источники угроз безопасности России (рис. 5).

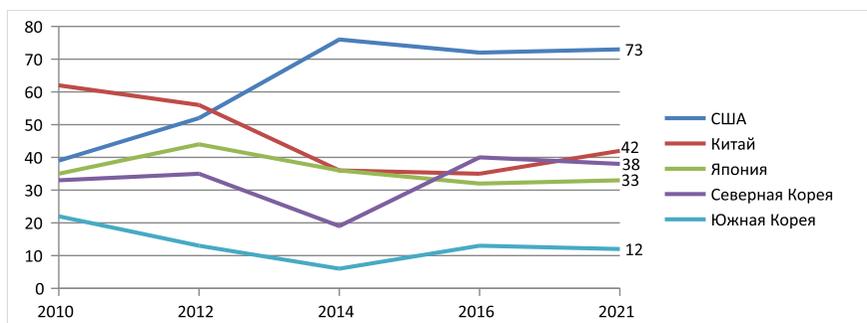

Рис. 5. Положительные ответы на вопрос «Угрожают ли интересам и безопасности Тихоокеанской России указанные страны?» (Владивосток, % от числа опрошенных)

Восприятие того или иного государства как угрозы напрямую влияет на такое чувство во внешнеполитическом менталитете дальневосточников, как доверие или недоверие к нему⁸, хотя немногочисленные исследователи этого феномена отмечают, что в его основе лежат разнообразные экономические, политические, социальные и культурные факторы [Kleiner]. Поскольку критерии оценок степени доверия, которые применялись в анкетах разных лет, отличались, прием для рассмотрения лишь безапелляционные суждения респондентов (безусловное доверие или недоверие), оставляя «за скобками» тех, кто колеблется в принятии решения (табл. 3).

⁸ В современных практиках социологического исследования тема международного доверия (к другим государствам, их правительствам, институтам) представлена слабо, методики его изучения требуют серьезной проработки, см.: [Барановский].

Таблица 3

**Уровень безусловного доверия жителей Владивостока к странам мира
(% от числа опрошенных)**

Страна	Доверяют			Не доверяют			Разница		
	2013	2016	2021	2013	2016	2021	2013	2016	2021
Япония	24	14	13	14	12	11	+ 10	+ 2	+ 2
Южная Корея	25	21	7	9	6	10	+ 16	+ 15	- 3
Китай	16	16	6	17	7	12	- 1	+ 9	- 6
США	15	3	3	31	45	36	- 16	- 42	- 33

На примере опроса жителей Владивостока видны как невысокий уровень доверия дальневосточников к странам региона вообще, так и снижение их оптимизма в последние годы. Последний фактор обусловлен, как нам кажется, как обострением внешнеполитической обстановки вокруг России, так и общим падением уровня доверия россиян к государственным институтам и средствам массовой информации [Галимова, Гордеев]. Даже симпатичной Японии безусловно верят только 13 % горожан. Подавляющее большинство жителей Владивостока не могут сформировать однозначного мнения даже в отношении откровенно враждебных к России США, не говоря уже о «дружественном» Китае и нейтральной Южной Корее.

Итак, каким «резервом» в лице общественного мнения Тихоокеанской России располагают, с одной стороны, российская власть, а, с другой, страны-соседи России на Востоке для дальнейшего развития межгосударственных, приграничных и межрегиональных связей?

В целом восток России относится к окружающему его конфуцианско-буддийскому миру достаточно благосклонно, с симпатией, вниманием и интересом, хотя не очень хорошо его понимает и не слишком ему доверяет. Однако экономические потребности, культурно-познавательный интерес и реалии повседневности отодвигают на задворки сознания те раздражители, которые проецируются историей двусторонних отношений и современной политикой. Как и прежде, восхищение Японией не мешает дальневосточникам занимать принципиальную позицию по Курильскому вопросу и выражать опасение перед китайской экспансией – делать ставку на углубление экономических связей с КНР, а в условиях напряженности на Корейском полуострове симпатизировать обеим сторонам конфликта. Тихоокеанская Россия действительно может быть той самой платформой культурно-цивилизационного взаимодействия России с Восточной Азией, без существования которой все разговоры о ее экономической интеграции в этот регион останутся пустым звуком.

Список литературы

Барановский М. В. Современные практики методологического изучения феномена доверия // Власть. 2019. № 2. С. 183–190. DOI 10.31171/vlast.v27i2.6349.

Галимова Н., Гордеев В. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // РБК : [сайт]. 2020. 26 мая. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5e9cf7b9a794728f8f0f327> (дата обращения: 14.01.2022).

Дальневосточное таможенное управление. Таможенная статистика // Дальневосточное таможенное управление : [официальный сайт]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 05.01.2022).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 14.01.2022).

Дружественные и недружественные страны // Фонд «Общественное мнение» : [официальный сайт]. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (дата обращения: 12.08.2020).

Калачинский А. В. «Поворот России на Восток»: пресса и формирование общественного мнения о взаимоотношениях России и Китая // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 127–140.

Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 116–125.

Куланов А. Е. Образ Японии в современной России: стереотипы и реалии // Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М. : АИРО – XX, 2004. С. 55–73.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. : Восток, 2009. 512 с.

Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 15–45. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10045.

Ларина Л. Л., Томашук С. М. Великая Отечественная война в памяти жителей Приморского края (по результатам социологического опроса 2020 г.) // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 145–160. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10056.

Материалы опросов населения Дальневосточного федерального округа // Текущий архив Лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

О России и странах мира // Фонд «Общественное мнение» : [официальный сайт]. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения: 14.02.2022).

Понкратова Л. А., Забияко А. П., Кобызов Р. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2009. 412 с.

Поток иностранных туристов вырос в Приморье // Восток России : информ.-аналитич. аг-во : [официальный сайт]. 2020. 17 янв. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/potokinostrannykh-turistov-vyros-v-primore/> (дата обращения: 18.01.2020).

Развитие туристских связей Хабаровского края с зарубежными странами в 2016 году // Туристический портал Хабаровского края. URL: <http://www.travel.khv.ru/pages/171> (дата обращения: 10.01.2022).

Сведения о количестве жителей Приморского края, выехавших за границу за 2016 год, в сравнении с 2015 годом // Правительство Приморского края : [официальный сайт]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/planu-i-otchety-departamenta.php> (дата обращения: 02.09.2019).

Стратегические интересы и политика России и Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. 2012. № 24. 36 с.

Чугров С. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 46–65.

Чугров С. В. Образ России в Японии и образ Японии в России : рабочая тетрадь 33/2016. М. : НИИ РСМД, 2016. 64 с.

Alexseev M. A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // Political Science Quarterly. 2006. № 1. P. 1–32.

Bryce J. *The American Commonwealth* : 4 vols. N. Y. : Macmillan and Co., 1889. Vol. 2. 760 p.

China's Economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence // Pew Research Center : [website]. URL: <http://www.pewresearch.org> (accessed: 20.07.2020).

Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1976. 445 p.

Kleiner T.-M. Why We Trust Other Nations: The Role of Cultural Values and Corruption in Generating Transnational Trust // *Comparative Sociology*. 2016. № 15 (1). P. 85–111. DOI 10.1163/15691330-12341375.

References

Alexseev, M. A., Hofstetter, R. (2006). Russia, China, and the Immigration Security Dilemma. In *Political Science Quarterly*. No. 1, pp. 1–32.

Baranovskii, M. V. (2019). Sovremennye praktiki metodologicheskogo izucheniya fenomena doveriya [Modern Practices of Methodological Research of the Phenomenon of Trust]. In *Vlast'*. No. 2, pp. 183–190. DOI 10.31171/vlast.v27i2.6349.

Bryce, J. (1889). *The American Commonwealth. 4 vols.* N. Y., Macmillan and Co. Vol. 2. 760 p.

China's Economic Growth Mostly Welcomed in Emerging Markets, but Neighbors Wary of Its Influence. (N. d.). In *Pew Research Center* [website]. URL: <http://www.pewresearch.org> (accessed: 20.07.2020).

Chugrov, S. (2007). Ponyatie vneshnepoliticheskogo mentaliteta i metodologiya ego izucheniya [The Concept of Foreign Policy Mentality and the Methodology of its Studying]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 46–65.

Chugrov, S. V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii. Rabochaya tetrad' 33/2016* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia. Workbook 33/2016]. Moscow, Nekommercheskoe partnerstvo “Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam”. 64 p.

Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie. Tamozhennaya statistika [Far Eastern Customs Administration. Customs Statistics]. (N. d.). In *Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie* [official website]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (accessed: 05.01.2022).

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiiskoi Federatsiei i Kitaiskoi Narodnoi Respublikoi [Treaty of Good Neighborliness, Friendship, and Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China]. (N. d.). In *President Rossii* [official website]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 14.01.2022).

Druzhestvennye i nedruzhestvennye strany [Friendly and Unfriendly Countries]. (N. d.). In *Fond “Obshchestvennoe mnenie”* [official website]. URL: <https://fom.ru/Mir/14201> (accessed: 12.08.2020).

Galimova, N., Gordeev, V. (2020). Za vremya pandemii uroven' doveriya k gosudarstvu upal u 61 % rossiyan [During the Pandemic, the Level of Trust in the State Fell Among 61 Percent of Russians]. In *RBK* [website]. May 26. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327> (accessed: 14.01.2022).

Jervis, R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, Princeton Univ. Press. 445 p.

Kalachinskii, A. V. (2015). “Povorot Rossii na Vostok”: pressa i formirovanie obshchestvennogo mneniya o vzaimootnosheniyakh Rossii i Kitaya [“Russia's Turn to the East”: The Press and the Formation of Public Opinion on the Relationship between Russia and China]. In *Rossiia i ATR*. No. 3, pp. 127–140.

Kiselev, I. Yu., Smirnova, A. G. (2004). Obraz gosudarstva kak faktor prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii [The Image of the State as a Factor in Making Foreign Policy Decisions]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 116–125.

Kleiner, T.-M. (2016). Why We Trust Other Nations: The Role of Cultural Values and Corruption in Generating Transnational Trust. In *Comparative Sociology*. No. 15 (1), pp. 85–111. DOI 10.1163/15691330-12341375.

Kulanov, A. E. (2004). Obraz Yaponii v segodnyashnei Rossii: stereotypy i realii [The Image of Japan in Today's Russia: Stereotypes and Realities]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedi v novom tysyacheletii*. Moscow, AIRO – XX, pp. 55–73.

Larin, A. G. (2009). *Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The Chinese Migrants in Russia. History and Modernity]. Moscow, Vostochnaya kniga. 512 p.

Larin, V. L., Larina, L. L. (2020). Menyayushchiesya obrazy Vostochnoi Azii v soznanii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii: srezy poslednikh let [Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Features of Recent Years]. In *Rossiya i ATR*, No. 4, pp. 15–45. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10045.

Larina, L. L., Tomashuk, S. M. (2020). Velikaya Otechestvennaya voina v pamyati zhitelei Primorskogo kraja (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa 2020 g.) [The Great Patriotic War in the Memory of the Residents of Primorye Region (Based on the Results of the Sociological Survey in 2020)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 145–160. DOI 10.24411/1026-8804-2020-10056.

Materialy oprosov naseleniya Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Materials of Surveys of the Population of Far Eastern Federal District]. (N. d.). In *Tekushchii arkhiv Laboratorii izucheniya obshchestvennogo mneniya Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*.

O Rossii i stranakh mira [About Russia and the Countries of the World]. (N. d.). In *Fond "Obshchestvennoe mnenie"* [official website]. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (accessed: 14.02.2022).

Ponkratova, L. A., Zabiako, A. P., Kobyzov, R. A. (2009). *Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and the Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk, Amurskii gosudarstvennyi universitet. 412 p.

Potok inostrannykh turistov vyros v Primor'e [The Flow of Foreign Tourists Has Grown in Primorye]. (2020). In *Vostok Rossii. Informationno-analiticheskoe agentstvo* [website]. Jan. 17. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/potok-inostrannykh-turistov-vyros-v-primore/> (accessed: 18.01.2020).

Razvitie turistskikh svyazei Khabarovskogo kraja s zarubezhnymi stranami v 2016 godu [Development of Tourist Relations of Khabarovsk Krai with Foreign Countries in 2016]. (N. d.). In *Turisticheskii portal Khabarovskogo kraja*. URL: <http://www.travel.khv.ru/pages/171> (accessed: 10.01.2022).

Strategicheskie interesy i politika Rossii i Avstralii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (po materialam kruglogo stola) [Russia's and Australia's Strategic Interests and Policies in the Asia-Pacific Region (Based on Workshop Materials)]. (2012). In *U karty Tikhogo okeana*. No. 24. 36 p.

Svedeniya o kolichestve zhitelei Primorskogo kraja, vyekhavshikh za granitsu za 2016 god, v sravnenii s 2015 godom [Information on the Number of Residents of Primorsky Krai Who Went abroad in 2016 as Compared to 2015]. (N. d.). In *Pravitel'stvo Primorskogo kraja* [official website]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism-pk/plany-i-otchety-departamenta.php> (accessed: 02.09.2019).

The article was submitted on 23.01.2022

Iran-Russia Relations: New Opportunities and Existing Problems*

Jahangir Karami

University of Tehran,
Tehran, Iran

Iran and Russia have had increasing and changing relations from 1991 to 2021. At first glance, the close political relationship of Russia and Iran has been on the bilateral, regional, and international levels. Tehran and Moscow have fluctuating political, economic, and technical-military trade, so the level of economic and trade cooperation has remained less than \$ 4 billion over three decades. Despite their cooperation in three major regional crises, this cooperation lacked institutionalization and lasting mechanisms. On the international level, Iran and Russia emphasize a multipolar and multilateral international system and oppose double standards on human rights and the protection of the UN Security Council, pursuing a common policy in this regard. At the same time, however, this does not mean that there are no problems in Iran-Russia ties, and the general trend of relations shows that despite common interests and threats, these relations have not been lasting and long-term ones and therefore have been faced with problems and limitations. The main question is why do Iran-Russia ties face problems such as limited trade, short-term regional cooperation, and being influenced by other international actors? In this article, it is observed that attitudes and programmes presented by domestic and international media, Russia's regional balance policy, and Iran's behaviour outside the international system have limited the level and depth of relations between the two states. To examine this hypothesis, the author first looks at the trend of relations over the last three decades and then discusses the opportunities and possibilities that affect these relations. Finally, he reviews and analyses the existing problems and obstacles hindering stable relations.

Keywords: economic relations, Iran, Russia, cooperation, counterterrorism, Syria

На протяжении трех десятилетий, в 1991–2021 гг., отношения Ирана и России претерпевали изменения. Можно говорить о тесном политическом взаимодействии между Россией и Ираном, которое развивалось на различных уровнях. Экономическое сотрудничество испытывало взлеты и падения, но внешнеторговый оборот оставался на уровне менее 4 млрд

---

* *Citation:* Karami, J. (2022). Iran-Russia Relations: New Opportunities and Existing Problems. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1258–1273. DOI 10.15826/qr.2022.4.727.

Цитирование: Karami J. Iran-Russia Relations: New Opportunities and Existing Problems // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1258–1273. DOI 10.15826/qr.2022.4.727.

долларов в течение трех десятилетий. По мнению автора, для реализации целей взаимодействия РФ и Ирана необходимы его институционализация и создание долговременных механизмов сотрудничества. Иран и Россия выступают за многополярный мировой порядок, против двойных стандартов в области защиты прав человека, проводят общую политику в этих вопросах. Однако это не означает, что в ирано-российских связях отсутствуют противоречия. Несмотря на общее понимание многих вопросов международной безопасности, в рассматриваемый период эти отношения не были прочными, в их рамках возникали различные проблемы. Главный вопрос заключается в том, почему для ирано-российского взаимодействия характерны ограниченные объемы торговли, краткосрочное региональное сотрудничество и влияние на двусторонние отношения других международных игроков. В статье доказано, что формируемая мировыми СМИ повестка дня, слабость экономик России и Ирана, проводимая Россией на Ближнем и Среднем Востоке политика регионального баланса и реализация руководством Ирана внешней политики страны вне международной системы ограничили уровень и глубину отношений между двумя государствами.

Ключевые слова: экономические отношения, Иран, Россия, сотрудничество, борьба с терроризмом, Сирия

Iran-Russia relations over the last three decades, from 1991 to 2021, have been one of the most important issues in international politics and have been monitored by third parties such as the United States, Saudi Arabia, and Israel. Some of these actors have even tried to force Russia to limit relations. Issues and events such as crises in Syria, Afghanistan, and Central Asia show that Tehran-Moscow ties go far beyond their bilateral relations and have a great impact on other states, regions, and international issues. On the other hand, if the severe decline of Iran's relations with Russia means that Iran is getting closer to the West, it will concern the Kremlin and may have important implications for Russia in regional and world systems. Therefore, after the Ukraine crisis of 2014, Iran, along with China, India, and Turkey, was also mentioned as one of the important actors in Russia's Greater Eurasian approach and eastern policy.

Therefore, Russia and Iran have had important interactions on the bilateral, regional, and international levels. On both sides, the issue of bilateral relations has been of great importance, always receiving serious attention in foreign policy documents, the statements of senior officials, and think tanks. However, these interactions have had many ups and downs, leading to periods of closeness and distance on various issues. Despite the importance of Tehran-Moscow ties and cooperation for both sides and other countries in the region, these relations still involve various problems. The level of economic cooperation is limited to less than \$4 billion and regional cooperation is not institutionalized. Russia's vote on six sanction resolutions against Iran from 2005 to 2010 and the fact that cooperation

between the two sides is influenced by the behaviour of other actors are major problems in maintaining the relationship.

How the ties between Tehran and Moscow have been over the last three decades, what ups and downs they have had, and what their achievements have been for both sides are some of the questions that we answer in this article. But the main question is why Iran-Russia ties have faced significant problems, such as limited trade, limited regional interactions, and instability on the international level? In response, I propose the idea that “domestic attitudes and representations in the media, the incomplete foundations of the two states’ economies, Russia’s regional balance policy, and Iran’s international game outside the system have limited the level of relations between both sides.” Of course, proposing these as the main factors to answer the article’s main question does not mean that other factors are denied or ignored. Rather, the author believes that these factors have more weight in explaining the problems of Tehran-Moscow relations; as long as they continue, relations and cooperation will remain limited. Any serious opening in relations will occur by finding a solution to these problems.

To examine the hypothesis, I try to analyse the qualitative content of documents and data on foreign policy and interactions between the two states and explain the causes and factors affecting the limited relations of Tehran and Moscow. Therefore, this study is explanatory in terms of its method and discusses the most important obstacles and problems in the development of relations between the two sides from a pathological perspective. I first describe the trends of relations between the two sides on the bilateral, regional, and international levels. Then, I discuss the problems, limitations, and main obstacles to relations. At the end, I will present future perspectives and conclude the discussions by analysing the factors affecting relations.

Trend and development

New Iran-Russia ties began with a ten-year cooperation agreement between the two countries in 1989. In 2001, an agreement on the foundations of relations between the two countries was signed for a period of ten years: this was extended in 2009 and March 2021. According to these agreements, the cooperation between Iran and Russia, despite their differences and ups and downs, continued on bilateral, regional, and international levels.

Changing global, regional, and national geopolitical conditions for the two countries after the Cold War, the elimination of ideology in Russian foreign policy and detent in Iran’s foreign policy have paved the way for the further expansion of relations and cooperation. But, at the same time, relations between the two countries were limited by Russia’s pro-Western policies from 1991 to 1995. It was only after the Kosovo crisis in 1999 that Russia became frustrated with close relations with the West; in 2000, with Vladimir Putin coming to power and NATO and the West being listed as a military threat in Russia’s national strategic documents, Iran-Russia relations improved.

But this improvement did not last long; from 2005, the era of Mahmoud Ahmadinejad's radical foreign policy and Dmitry Medvedev's "modernization partnership with the West" [Krumm, p. 10], we saw the reduction of cooperation. When the International Atomic Energy Agency referred Iran's case to the UN Security Council, Russia voted along with other permanent members in favour of the six resolutions and imposed various sanctions on Iran. These events, and the US's "reset" plan in 2009, gradually led to a serious reduction in relations. On 9 June 2010, Medvedev issued an order banning the sale of S300 missile systems to Iran [Rumer]. This ruling was a final blow to the ties between the two nations up to 2012.

When Putin was re-elected in 2012 and the Syrian crisis began, new relations with Russia were formed, the most important features of which were the "military coalition" in support of the Syrian government and counter-terrorism in the region. This cooperation has taken on more important dimensions since 2014, following the Ukraine crisis and the deterioration of Western relations with Russia. Between 2015 and 2018, Putin met with the Iranian leader three times. Therefore, the most important period of Tehran-Moscow ties was from 2013 to 2021, when bilateral relations entered a new phase characterised by dialogue, understanding, and cooperation on various issues.

The level of dialogue between the two countries' leaders has never been so high over the last five hundred years. The Russian president has visited Iran four times since 2013, and the Iranian president has visited Russia five times. In total, the two presidents have met about 17 times in six years. There has been a significant leap in the economic sector and in the field of military and technical cooperation; for example, Russia has delivered S-300 missile defence systems to Iran.

As we saw, Iran-Russia relations have operated on different levels over the last three decades. On the bilateral level, following the first decade, Russia became Iran's main source of advanced conventional arms and Iran's first military partner, and this technical and defence relationship lasted until the start of international sanctions on Iran in 2006.

According to some statistics, the amount of military technical relations has reached \$4 billion. Others have estimated the value of arms contracts at \$6 billion [Ehteshami, Gawdat, p. 156]. These military ties have also caused concern among the Americans; so, at various stages, including the Gore-Chernomyrdin agreement in 1995, attempts were made to limit them. At the beginning of the Putin era, the Russian president continued the cooperation. The weapons that Iran bought from Russia have been crucial in strengthening its defence, and the Tor-M1 and S-300 defence missiles have helped secure Iran's airspace against any military threats.

Russia-Iran economic relations began in 1991 at about \$400 million and increased to more than \$3 billion by 2010, but then declined under international sanctions from 2011 to 2013 to their lowest level, less than \$1 billion. Annual trade averaged \$3.1 billion from 2007 to 2011, then fell

to \$2.33 billion in 2012. The following chart shows the trend of economic relations between the two countries from 1991 to 2014 (Fig. 1).

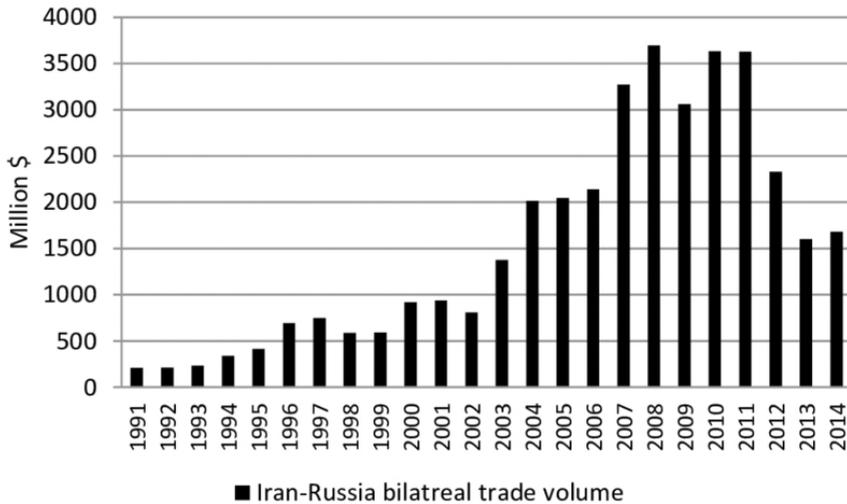

Fig. 1. Statistics of Iran Russia Trade 1991–2014 [Rasoulinezhad, Popova]

Since 1991, Moscow and Tehran have a common understanding of threats and mutual interests in a wide number of regions from South Asia and Afghanistan to Central Asia, the Caspian Sea, the south Caucasus, and the Middle East, which has formed the basis of their cooperation. The threat of the expanding influence of Western powers and their allies, the emergence and spread of radicalism, fears of regional instability, and the possibility of spreading crises in the region between the borders of the two countries have been very effective in expanding this cooperation. Despite differences between the two governments' views on some regional issues, Tehran and Moscow cooperated significantly in the three crises of Tajikistan from 1992 to 1997, fought together against the Taliban from 1996 to 2001, and have engaged in counter-terrorism cooperation in Syria since 2012.

In the case of Syria, Iran-Russia cooperation has effectively helped regional security and stability, maintaining the government in Syria and preventing further crisis in this country [Karami]. Russia's short-term use in August 2016 of the Iranian air base near the city of Hamadan for bombing targets in Syria symbolizes that Russia-Iran relations have entered a fundamentally new phase [Тренин].

Iran, Russia, and India signed the International North-South Transport Corridor (INSTC) agreement in 2000; since then, various measures have been taken to make this corridor operational. Ports in southeastern Iran have served as strategic transportation points to Russia, Central Asia, the Caucasus, and Afghanistan; India has begun investing in Chabahar to prepare the route. On 11 June 2022, INSTC began operations with the first shipment from Russia to India.

The two states also cooperate in the framework of regional organizations. Iran has been an observer member of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) since 2005 and has applied for official membership since 2007, but remained outside until the summer of 2021. Finally, Iran's membership in the SCO was approved on 17 September 2021 during a summit in Tajikistan: Iran has started the process of joining the organs of this institution.

Under an agreement on trade preferences between Iran and the Eurasian Economic Union in 2017, the two sides lifted customs restrictions on trade, so trade between Iran and its members has increased in recent years. The interim agreement to establish a free trade area between the EAEU and Iran came into force on 27 October 2019 and provided for a reduction in customs duties for 862 categories of goods. The commodity list covers approximately 50% of the total reciprocal trade between the partners. The trade turnover between the EAEU and Iran increased to \$2.9 billion in 2020, an 18 % increase over 2019 [Smagin]. According to eaeunion.org, the EAEU and its Iranian representative are going to hold the next round of negotiations on a permanent and full-fledged free trade memorandum of understanding in the Russian capital in September.

On the international level, Iran and Russia oppose the unipolar and unilateral international system: with the expansion of NATO and the deployment of the NATO missile shield, there are common views, goals, and interests. They are also opposed to double standards in the field of human rights and, despite slightly different views, are willing to strengthen the UN and use UN mechanisms to resolve crises and international issues. Specifically, we can mention the two cases of Yemen and Iraq. On 28 February 2018, Russia blocked the adoption of a Security Council resolution on Yemen in which Iran was condemned. On 31 December 2019, Russia prevented the adoption of an anti-Iranian resolution on the attack on the US embassy in Baghdad.

One of the most important issues for Russia has been Iran's nuclear programme. Russia insists on maintaining N. P. T. and international control regimes within the framework of the concept of "strategic stability", an important principle of its foreign policy. At the same time, Moscow is concerned that Western states may use these international norms and regimes as a means for violating the national sovereignty of states. Therefore, Moscow has supported the peaceful settlement of this case.

However, during the Medvedev era and after the International Atomic Energy Agency (IAEA) Board of Governors voted to refer Iran's case to the UN Security Council, Russia, along with other permanent members of the Security Council, voted in favour of the six sanction resolutions against Iran. In JCPOA, Moscow has had a balanced policy between the two sides to reach a nuclear agreement: the settlement of the nuclear issue has not had a significant negative impact on Russian-Iranian talks. The two sides continue to be interested in cooperating on a wide range of issues. Russian policy makers believe that a nuclear deal with Iran may even be in Moscow's interest because it will remove sanctions that have hindered Russia's economic activity in Iran and will ensure that will not become another red dot on the CIS margin [Kozhanov, p. 14]. Russia also expressed concerns

about the US's withdrawal from the nuclear deal with Iran in 2018 and welcomed the US's return to the Vienna talks at the beginning of 2021.

Reviewing the trend of relations between Tehran and Moscow over the last three decades, we see that they have had ups and downs and these relations have improved since 2012. With the Russian military operation in Ukraine, it seems that this cooperation will expand more than at any other time.

Opportunities and possibilities

Since 1991 and the formation of a new international and regional system, Iran and Russia were placed in a different strategic environment: new opportunities were created for their relationship, such as new geopolitics in Eurasia, pressures and restrictions from the US, mutual economic needs, and serious political will among elites. Tehran and Moscow have significant interest in regional stability and security and countering terrorism and foreign intervention.

Over the past three decades, the two countries have been under varying degrees of Western pressure, from intervention in internal affairs under pretexts such as human rights to trying to limit their regional influence and economic sanctions. Iran needed new technologies during the post-war reconstruction period, and this was especially important in the field of military industry. These relations began in the 1990s, and Russia was the only market for Iran's military industry [Parker, 2009, p. 103—104]. Hence, before the UN Security Council imposed sanctions on Iran from 2008, a large amount of weapons and technical supplies were provided. For Russia, too, in the new era of declining military sales, the Iranian military market was important, making Iran the third largest customer for Russian arms. UN Security Council sanctions have prevented Iran-Russia technical and military cooperation from continuing, but from 2020 and the official end of the Iran arms embargo under UN Security Council Resolution 2231, Iran-Russia technical and military relations have begun again.

The other field of relations is nuclear energy: in the late 1980s, Iran tried to gain supplies from foreign markets and chose Russia. From 1992 to 1995, Moscow was not to be deterred from negotiations for a contract worth nearly \$800 million for the construction of the Bushehr nuclear power station [Parker, p. 104]. On 4 September 2011, this power station began to operate and provide electricity to the national grid. This was the first in a network of nuclear facilities that reduce reliance on fossil fuels. On 11 November 2014, Russia agreed to build two new nuclear power reactors in Iran, with the possibility of six more, in a deal that greatly expands nuclear cooperation between the two countries [Kramer].

But beyond the geopolitical, environmental, and economic factors, we must mention the political will between the leaders of the two countries. In 2014, President Putin spoke of the beginning of a new phase in relations between the two countries and called Iran a good neighbour [Belobrov]. He has visited Iran four times in the last two decades and met with Ayatollah Khamenei. The first visit occurred in 2007: the Iranian leader considered

the expansion of Tehran-Moscow relations to be in the interests of both countries, stressing that an independent Iran and a strong Russia are good for both sides. The president of Russia also emphasized that Russia's cooperation with Tehran has no limits [Khamenei, 2007].

However, 2015 should be considered a very important period in the relations, the threshold of an important and crucial stage: this was when the Syrian crisis intensified and there was a meeting between the Russian president and the Iranian leader. In 2017, the Russian president stressed that Iran is a "strategic partner" and a "great neighbour" [Khamenei, 2017]. In 2018, they met for the fourth time: the Iranian leader emphasized the United States as a threat to humanity and welcomed the Russian president's views on the UN Security Council [Khamenei, 2018].

Therefore, the meeting of the leaders of the two countries and the events of 2014 to 2018 should be considered as a demonstration of the fundamental political will for military and political cooperation. It is an important fact that Iran's eastern policy is both a reaction to Western pressure and a proactive move in a changing global environment that contains opportunities for bilateral, regional, and international interactions [Sanaei, Karami]. Given the possibilities for cooperation between Iran and Russia (most importantly, military cooperation in the Syrian crisis), some analysts see their relationship as a strategic alliance on the regional level [Belobrov, p. 34], a strategic relationship [Velayati], or tactical cooperation [Tabrizi].

However, the realities of relations show that despite the important opportunities that exist for development, the two sides cannot be considered strategic allies. Thus, one can only equate Iran-Russia cooperation on regional issues with a "strategic coalition against terrorism", such as opposition to Taliban rule in Afghanistan in the 1990s and maintaining the Syrian government in the 2010s. They have cooperated militarily on the intelligence and operational levels to maintain regional stability and security.

One of the most important opportunities for Iran-Russia cooperation is Afghanistan: without this cooperation, regional security in Central Asia would be threatened. It should be considered that after the withdrawal of the US and NATO, the Afghan state will simply collapse under the pressure of the Taliban [Дуткевич]. The possible increase of insecurity in Afghanistan and its spread into Central Asia is not in Russia's favour at all. For Moscow, stability and successful cooperation with Central Asia are crucial, as this region is within its traditional sphere of influence and is where Russia pursues major projects such as the Eurasian Economic Union. Therefore, Russia will work to maintain and strengthen security in Central Asia, especially with Tajikistan and Kyrgyzstan as partners of the CSTO. Therefore, it seems that Iran and Russia are finding new opportunities for cooperation with the aim of achieving regional stability and security in Central Asia.

But the main problem is that despite a general trend in cooperation between the two countries and significant opportunities for development, this relationship lacks stability and institutionalization and is still under pressure. In the next section, I will discuss these limitations.

Challenges and problems

Despite common interests and important cooperation between Iran and Russia over the past three decades, they disagree on several important issues. In general, their relationship lacks the basic foundations for continuity, stability, and expansion. In this section, we discuss four issues in the field of public opinion, trade, regional security, and international structural issues as the main problems in Iran-Russia relations.

Negative media representations. It is a hard fact that some bitter historical events, especially Iranian historical memory about the Caucasus wars in the first decades of the nineteenth century, the shooting of the first Iranian parliament by the Cossack officer Lyakhov, and the presence of the Soviet army in Iran (1941–1946), have not created good social capital for a relationship. The political systems of Iran and Russia also have different views on the world and the region. In fact, there is little ideological affinity between the modern Russian and Iranian systems. Patriotic sentiments, memory of the glorious past, and a desire to return the country to its former status, both globally and regionally, are strong in the leadership and among the population of both countries [Тренин]. Although the ruling elites want more and better relations with each other, there are different political ideas: pro-Western opposition in Tehran and Moscow stubbornly rejects the expansion of cooperation and through the media tries to influence public opinion negatively. So any Iranian government attention to its eastern policy and cooperation with Russia and China faces heavy criticism.

Public opinion in both countries does little to help rapprochement. It seems Russians are frankly indifferent to Iran. Ties between Moscow and Tehran do not attract much attention, and Iran does not provoke almost any emotion among most Russians. In contrast, Russia is of great interest to Iranians. Arguments about whether Russia can be trusted and whether it is worth establishing contacts with Moscow are regularly encountered in the Iranian media. Competitive elections in Iran have led to the fact that various political directions are trying to earn points on the Russian topic. The Iranian government, meanwhile, has invested heavily in trying to sway public attitudes toward Russia and paper over the centuries-old grudges Iranians hold against Russian imperial policies toward their country [Ziabari].

Incomplete economic foundations. In the economic field, despite numerous agreements and great economic efforts made by the trade sector, trade remains one of the slowest and most limited areas of cooperation between Iran and Russia. In the first place, the economies of the two countries are not complementary, as both are major exporters of raw materials and energy and importers of technology and industrial goods. This has prevented Tehran-Moscow economic relations from exceeding \$4 billion over the last three decades.

In terms of trade, Russian-Iranian cooperation also has its limits. Russia has a very narrow range of goods to offer Iran and economic problems prevent Russian companies from doing business with Iran. Iran currently lacks engineering and technological support, as well as equipment to upgrade and construct oil refineries and liquefied-natural-gas production

plants. However, Russia is unable to provide Iran with the required assistance, equipment, and technology. With Russia's mounting economic problems, the technological gap will increase. International sanctions against Iran also severely limit the options for Russia-Iran cooperation. As a result, in practical terms there is little substance behind the intense exchange of high-rank delegations and ideas [Kozhanov, p. 14].

The main obstacles standing in the way of effective economic cooperation can be considered as Russia's participation in international sanctions; an incomplete picture of mutual opportunities, especially for the private sector; bureaucracy and weak corporate structures; the premium that companies and nations place on cooperation with Europe and the West; a lack of systematic interaction between banking and insurance structures; a lack of fundamental agreements ensuring financial and insurance activity; the extremely low level of humanitarian ties; and a low level of mutual tourism [Belobrov, p. 28].

As mentioned before, one of the most important factors negatively affecting Russia-Iran relations is the sanctions imposed by the UN Security Council, the US, and the European Union. In most cases, sanctions against Iran do not directly affect Russia's interests, but bank sanctions complicate the settlement of financial accounts with Iran. Many Russian companies are naturally reluctant to lose their beneficial relations with Western partners because of Iran. Luke Oil, which has considerable business in the United States, has preferred to develop trade relations with Iran, despite promising developments in the oil sector [Belobrov, p. 29]. The chart below shows the trend of Tehran-Moscow trade and its decline in the years following Iran's economic sanctions from 2011 (Fig. 2).

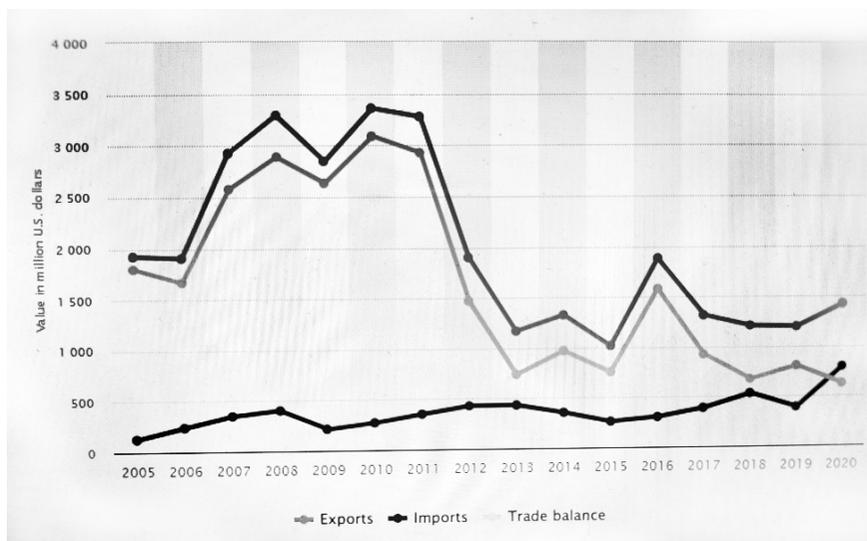

Fig. 2. Iran-Russia trade relations statistics from 2007 to 2020
[Value of Russian trade in goods]

Regional institutional instability. Iran and Russia have different regionalisms; despite having a lot in common in their areas of interest, each of them pursues different attitudes and priorities. Iranian regionalism, based on the 2003 Twenty-Year Vision document, emphasizes the regional prominence of southwest Asia, which includes Central Asia, the Caucasus, the Middle East, Afghanistan, and Pakistan. Russia also considers the Central Asian region as its first foreign policy priority according to its foreign policy concept documents, including one from 2016. Although the two countries have common interests in these areas, there are also differences between Tehran and Moscow on regional issues.

In this regard, we should mention the disputes over the Caspian Sea and influence in Central Asia, the Caucasus, and the Middle East. There is a lot of dissatisfaction with the Caspian Sea legal convention inside Iran because of the memory of land concessions in the Qajar period to tsarist Russia: this issue has caused an internal reaction [Grajewski, p. 31]. Russia's Middle East policy is based on regional balance and dynamic interaction with all countries in the region; as a result, Moscow's relations with Tel Aviv and Riyadh are as important as those with Iran. Iran's Middle East policy is based on strengthening the axis of resistance, restraining the United States, Israel, and Saudi Arabia and balancing with Turkey. This is significantly different from Russia's policy. During the cooperation between Iran and Russia in Syria, Moscow and Tel Aviv had many interactions and discussions [Кожанов]. In the view of Mark Katz, the possibility of increased conflict between Iran and its regional rivals could significantly raise the costs for Moscow of continuing to cooperate with Iran and highlight Moscow's inability to effectively play the role of mediator [Katz].

Another important issue is the fierce competition between Russia and Iran over Syria's future and their positions in that country. Although the competitive dynamics between Moscow and Tehran will never be transformed into hostility, they will affect key aspects of the crisis. While Russia seeks to strengthen its position in the Mediterranean, Iran considers strengthening its axis of resistance as its main goal. These two different approaches coexisted relatively comfortably at the height of the armed conflict, but as the war escalated, they no longer functioned in exactly the same way. In recent years, the divergent security priorities of Russia and Iran have also become increasingly clear [Lister]. According to Parker, Russia's cooperation with Israel, Saudi Arabia, and Turkey has limited Iran's regional influence [Parker].

Different international status. Russia has a set of characteristics that place it in a different position in relation to global strategic issues: it sees itself in the context of the concept of "strategic stability" that needs to be recognized by the United States. It seemed that Russia did not want to enter into a serious and extensive competition with the West before 2022 and sought to maintain the rules of the great game with the presence and participation of Europe, the United States, and China. Balance on the international and regional levels was very important for Moscow. The 1990s

and 2008 to 2011 clearly show the influence of the Washington factor on Tehran-Moscow relations. According to one Russian analyst, "There are no guarantees that Moscow's relations with the West will not change and that these changes, in turn, will not affect its interests in Iran. As the Medvedev era demonstrated, Moscow could be tempted to sacrifice some of its stakes in the Islamic Republic for the sake of another reset with the United States" [Kozhanov, p. 14].

One of the other permanent problems of relations over the last two decades has been Iran's nuclear programme and the tensions surrounding it. Russia, while emphasizing maintaining N. P. T. and supporting UN Security Council resolutions, does not want the United States to ever interfere in the internal affairs of other countries under the pretext of maintaining international regimes. However, it is important for Russia to maintain the central role of the UN Security Council and the security regimes left over from the Cold War, and it is therefore ready to work with the United States to maintain those institutions. From 2006 to 2011, it was in terms of this logic that Russia voted for sanctions against Iran.

Under the influence of the nuclear issue, from summer 2006 into spring 2008 Moscow and Tehran continued their uneasy push-pull-but-don't-let-go dance. Russia awkwardly tried to lead Iran towards a softer stance on the nuclear issue, presumably calculating that its behaviour would strengthen Russia's long-term influence in Iran against other historical powers, particularly the United States. Putin reiterated that Russia still had concerns about the character and quality of Iran's nuclear programme. After prolonged bargaining, in December 2006, Russia joined other UN Security Council members in unanimously approving Resolution 1737, which for the first time called for sanctions against Iran for failing to suspend its nuclear enrichment activities [Parker, p. 301].

But unlike Russia, Iran is a great regional power that still considers ideology and revolution as its main feature and pursues a less pragmatic and more idealistic policy. The anti-Americanism inherent in the ideology of the Islamic Revolution, along with the bitter experiences of American double standards on various issues, has caused any relationship with Iran to be measured in terms of the other side's relationship with the United States, which has created many limitations for Russian relations with Iran. Druzhilovsky writes: "An important fact is that over the past three decades, relations between Russia and Iran have gradually developed, but have not been distinguished by permanent stability. Cooperation has begun on many new political issues. But even at this stage, there are disagreements related both to the change in the internal political paths of both countries and to the influence of external factors that limit the possibility of mutually beneficial cooperation. However, over past years, Iran has not posed a real threat to Russia and, on the contrary, has helped to resolve a number of regional and international issues" [Дружиловский, с. 25].

All of these issues show that we can understand the main problems of Iran-Russia relations in various ways. Tehran-Moscow interactions over

three decades (1991-2021) have problems in terms of attitude, fundamentals, institutions, and behaviour that have prevented these relations from becoming stable, continuous, and dynamic in order to be safe from the influence of third parties and reach beyond short-term and limited collaboration.

* * *

This discussion about relations between Iran and Russia has showed that despite the significant need and opportunities for cooperation over the last thirty years, there have been many obstacles and problems regarding the expansion of interactions on both sides. As long as these relations do not become institutionalized and concrete arrangements, they will continue to be short-term and temporary. From the topics in this article, we found that relations before 2022 depended heavily on factors such as interactions between Russia and America and had not yet found an independent basis. However, conditions have changed significantly on the eve of the fourth decade of relations.

The end of military operations in Syria should not be considered the end of Iran-Russia cooperation: they still need cooperation and interaction in Syria and must enhance diplomatic cooperation for the future of this country. Events at the end of 2020 in the south Caucasus, the future fragility of the region, and the possibility of a new era of tension and war should also be noted: this can only be controlled through cooperation between Iran, Russia, and Turkey. Since the fall of the Afghan government in 2021, security concerns have grown in Iran, Russia, and Central Asia: the situation is such that stability can only be secured through cooperation between the member countries of the SCO. Here, too, relations between Tehran and Moscow will be very vital for regional security and stability. With the expansion of the SCO, Iran, the missing link in any regional security plan in Central Asia, will play a more positive role in security cooperation.

The complexity of the situation in central Eurasia following the escalation of the Ukraine crisis in 2022 and Iran's policy towards it show that the prospects for relations between Tehran and Moscow in the coming years are more serious than in the past. Therefore Tehran's new eastern policy, the extensive western sanctions against Russia, and Russia's adoption of a full-fledged eastern policy have led to fundamental changes in the relations between the two countries. Even if America returns to a nuclear agreement with Iran during new negotiations in 2022, it is unlikely that Iran-Russia relations will be limited.

Список литературы

Дружиловский С. Б. Российско-иранские отношения после создания Исламской Республики Иран // Российско-иранские отношения : Проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М. : Ин-т востоковедения, 2015. 260 с.

Дуткевич П. Не расколоть страусиное яйцо : Центральная Азия после ухода США и НАТО из Афганистана // Россия в глобальной политике : [сайт]. 2021. 06 июля.

URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-raskolot-strausinoe-yaiczso> (дата обращения: 14.12.2021).

Кожанов Н. Брак по расчету: перспективы российско-иранского регионально-го сотрудничества // Россия в глобальной политике : [сайт]. 2016. № 3. Сент. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/brak-po-raschetu/> (дата обращения: 15.08.2020).

Тренин Д. Россия и Иран: недоверие в прошлом и сотрудничество в настоящем // Carnegie Endowment for International Peace : [сайт]. 2016. Sept. 08. URL: <https://carnegie.ru/publications/64508> (дата обращения: 15.08.2020).

Belobrov Y. Y. Modern Russian – Iranian Relations: Challenges and Opportunities // Russian International Affairs Council (RIAC). Working Paper. 2014. № 14. 62 p.

Ehteshami A., Gawdat B. Iran's Asianization Strategy // Iran Looking East, an Alternative to the EU? / ed. by A. Perteghella, Milan : ISPI Report, 2019. № 29. P. 11–40.

Grajewski N. Russia and Iran in Greater Eurasia // Middle East Insight : [website]. № 239. 2020. July 14. P. 1–7 URL: https://static1.squarespace.com/static/54db7b69e4b00a5e4b11038c/t/5f0ee32c763da63047c66def/1594811183422/B%26B_MEI_Grajewski_Russia_Essay.pdf (accessed: 15.11.2021).

Karami J. Syasate ourasyaie Iran, enghelabe eslami va syasate khareji // Fasnameye syasate. 2019. Vol. 32, № 4. P. 159–200.

Katz M. Russia and Iran: Common Interests, Ongoing Differences and Growing Risks // The London School of Economics and Political Sciences : [website]. 2018. May 7. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/05/07/russia-and-iran-common-interests-ongoing-differences-and-growing-risks/> (accessed: 02.11.2020).

Khamenei A. Didare raiese jomhuri Roussye ba rahbare enghelab // Khamenei.ir : [website]. 2007. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=38052> (accessed: 06.01.2021).

Khamenei A. Didare raiese jomhuri Roussye ba rahbare enghelab // Khamenei.ir : [website]. 2017. URL: <https://www.leader.ir/19702/> (accessed: 10.01.2021).

Khamenei A. Didare raiese jomhuri Roussye ba rahbare enghelab // Khamenei.ir : [website]. 2018. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=40426> (accessed: 10.01.2021).

Kozhanov N. Understanding the Revitalization of Russian-Iranian Relations // Carnegie Moscow Center. May 2015. P. 1–30.

Kramer A. E. Russia Reaches Deal with Iran to Construct Nuclear // The New York Times : [website]. 2014. Nov. 11. URL: <https://www.nytimes.com/2014/11/12/world/europe/russia-to-build-2-nuclear-plants-in-iran-and-possibly-6-more.html> (accessed: 12.01.2021).

Krumm R. The Medvedev Factor, Russia's Desire to Modernize // International Policy Analysis : [website]. 2010. P. 1–18. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/07656.pdf/> (accessed: 20.01.2021).

Lister C. Russia, Iran, and the Competition to Shape Syria's Future // MEI@75 : [website]. 2019. Sept. 12. URL: <https://www.mei.edu/publications/russia-iran-and-competition-shape-syrias-future/> (accessed: 26.02.2021).

Parker J. Persian Dreams, Moscow and Tehran since the Fall of Shah. Washington : Potomac Books, 2009. 422 p.

Rasoulinezhad E., Popova L. An Estimation of the Impact of Economic Sanctions and Oil Price Shocks on Iran-Russian trade // Iranian Economic Rev. 2017. Vol. 21, № 3. P. 469–497. DOI 10.22059/IER.2017.62926.

Rumer E. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None // Carnegie Endowment for International Peace : [website]. 2019. Oct. 31. P. 1–63. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233/> (accessed: 28.03.2021).

Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. № 3. P. 25–49. DOI 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49.

Smagin N. EAEU – Iran Trade and Its Prospects // Russian International Affairs Council (RIAC) : [website]. 2021. Apr. 6. P. 1–8. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/eaeu-iran-trade-and-its-prospects/> (accessed: 14.11.2021).

Tabrizi A. B. Iran's Relations with Russia: From Tactical to Strategic // London School of Economics and Political Sciences : [website]. 2018. May 4. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/05/04/irans-relations-with-russia-from-tactical-to-strategic/> (accessed: 07.01.2021).

Value of Russian Trade in Goods (Export, Import and, Trade Balance) with Iran from 2005 to 2021 (in Million US Dollars) // Statista : [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1025404/> (accessed: 12.09.2022).

Velayati A. A. Ravabete Iran va Russye rahbordi va jame // Aftab anlain : [website]. 2018. Aug. 18. URL: <https://www.aftabir.com/news/article/view/2016/08/17/1395362> (accessed: 10.06.2021).

Ziabari K. Despite Official Hype of a "Strategic Partnership," Iranian Public is Skeptical of Russia // MEI@75 : [website]. 2022. Aug 15. URL: <https://www.mei.edu/publications/despite-official-hype-strategic-partnership-iranian-public-skeptical-russia/> (accessed: 25.05.2022).

References

Belobrov, Y. Y. (2014). Modern Russian–Iranian Relations: Challenges and Opportunities. In *Russian International Affairs Council (RIAC)*. Working Paper. No. 14. 62 p.

Druzhilovskii, S. B. (2015). Rossiisko-iranskije otnosheniya posle sozdaniya Islamskoi Respubliki Iran [Russian-Iranian Relations after the Creation of the Islamic Republic of Iran]. In Dunaeva, E. V., Sazhina, V. I. (Eds.). *Rossiisko-iranskije otnosheniya. Problemy i perspektivy*. Moscow, Institut vostokovedeniya. 260 p.

Dutkevich, P. (2021). Ne raskolot' strausinoe yaitso. Tsentral'naya Aziya posle ukhoda SSHA i NATO iz Afganistana [The Ostrich Egg Cannot Be Cracked: Central Asia after US and NATO Withdrawal from Afghanistan]. In *Rossiya v global'noi politike* [website]. 6 July. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-raskolot-strausinoe-yajczo> (accessed: 14.12.2021).

Ehteshami, A., Gawdat, B. (2019). Iran's Asianization Strategy. In Perteghella, A. (Ed.). *Iran Looking East, an Alternative to the EU?* Milan, ISPI Report, No. 29, pp. 11–40.

Grajewski, N. (2020). Russia and Iran in Greater Eurasia. In *Middle East Insight*. No. 239. July 14, pp. 1–7 [electronic resource]. URL: <https://static1.squarespace.com/static/54db7b69e4b00a5e4b11038c/t/5f0ee32c763da63047c66def/1594811183422/B%26B+MEI+Grajewski+Russia+Essay.pdf> (accessed: 15.11.2021).

Karami, J. (2019). Syasate ourasyaie Iran, enghelabe eslami va syasate khareji. In *Faslnameye syasate*. Vol. 32. No. 4, pp. 159–200.

Katz, M. (2018). Russia and Iran: Common Interests, Ongoing Differences and Growing Risks. In *The London School of Economics and Political Sciences* [website]. May 7. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/05/07/russia-and-iran-common-interests-ongoing-differences-and-growing-risks/> (accessed: 02.11.2020).

Khamenei, A. (2007). Didare raiese jomhurie Roussye ba rahbare enghelab. In *Khamenei.ir* [website]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=38052> (accessed: 06.01.2021).

Khamenei, A. (2017). Didare raiese jomhurie Roussye ba rahbare enghelab. In *Khamenei.ir* [website]. URL: <https://www.leader.ir/19702/> (accessed: 10.01.2021).

Khamenei, A. (2018). Didare raiese jomhurie Roussye ba rahbare enghelab. In *Khamenei.ir* [website]. URL: <https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=40426> (accessed: 10.01.2021).

Kozhanov, N. (2015). Understanding the Revitalization of Russian-Iranian Relations. In *Carnegie Moscow Center*. May, pp. 1–30.

Kozhanov, N. (2016). Brak po paschetu: perspektivy rossiisko-iranskogo regional'nogo sotrudnichestva [Marriage of Convenience: Prospects for Russian-Iranian Regional Cooperation]. In *Rossiya v global'noi politike* [website]. No. 3. Sept. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/brak-po-raschetu/> (accessed: 15.08.2020).

Kramer, A. E. (2014). Russia Reaches Deal with Iran to Construct Nuclear. In *The New York Times* [website]. Nov. 11. URL: <https://www.nytimes.com/2014/11/12/world/>

europe/russia-to-build-2-nuclear-plants-in-iran-and-possibly-6-more.html / (accessed: 12.01.2021).

Krumm, R. (2010). The Medvedev Factor, Russia's Desire to Modernize. In *International Policy Analysis* [website], pp. 1–18. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/07656.pdf/> (accessed: 20.01.2021).

Lister, C. (2019). Russia, Iran, and the Competition to Shape Syria's Future. In *MEI@75* [website]. Sept. 12. URL: <https://www.mei.edu/publications/russia-iran-and-competition-shape-syrias-future/> (accessed: 26.02.2021).

Parker, J. (2009). *Persian Dreams, Moscow and Tehran since the Fall of Shah*. Washington, Potomac Books. 422 p.

Rasoulinezhad, E., Popova, L. (2017). An Estimation of the Impact of Economic Sanctions and Oil Price Shocks on Iran-Russian Trade. In *Iranian Economic Rev.* Vol. 21. No. 3, pp. 469–497. DOI 10.22059/IER.2017.62926.

Rumer, E. (2019). Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None. In *Carnegie Endowment for International Peace* [website]. Oct. 31, pp. 1–63. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233/> (accessed: 28.03.2021).

Sanaei, M., Karami, J. (2021). Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. In *Russia in Global Affairs*. No. 3, pp. 25–49. DOI 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49.

Smagin, N. (2021). EAEU – Iran Trade and Its Prospects. In *Russian International Affairs Council (RIAC)* [website]. Apr. 6, pp. 1–8. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/caeu-iran-trade-and-its-prospects/> (accessed: 14.11.2021).

Tabrizi, A. B. (2018). Iran's Relations with Russia: From Tactical to Strategic. In *London School of Economics and Political Sciences* [website]. May 4. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/05/04/irans-relations-with-russia-from-tactical-to-strategic/> (accessed: 07.01.2021).

Trenin, D. (2016). Rossiya i Iran: nedoverie v proshlom i sotrudnichestvo v nastoyashchem [Russia and Iran: Mistrust in the Past and Cooperation in the Present]. In *Carnegie Endowment for International Peace* [website]. 8 Sept. URL: <https://carnegie.ru/publications/64508> (accessed: 15.08.2020).

Value of Russian Trade in Goods (Export, Import and, Trade Balance) with Iran from 2005 to 2021 (in Million US Dollars). (N. d.). In *Statista* [website]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1025404/> (accessed: 12.09.2022).

Velayati, A. A. (2018). Ravabete Iran va Russye rahbord-i va jame. In *Aftab online* [website]. Aug. 18. URL: <https://www.aftabir.com/news/article/view/2016/08/17/1395362> (accessed: 10.06.2021).

Ziabari, K. (2022). Despite Official Hype of a “Strategic Partnership,” Iranian Public is Skeptical of Russia. In *MEI@75* [website]. Aug 15. URL: <https://www.mei.edu/publications/despite-official-hype-strategic-partnership-iranian-public-skeptical-russia/> (accessed: 25.05.2022).

The article was submitted on 11.10.2021

The Restoration of the Catholicosate of the Great House of Cilicia After Exile*

Edgar Hovhannisyan

Armenian State Pedagogical University
Yerevan, Armenia

The Catholicosate of the Great House of Cilicia played an important role in the life of the Armenians of Cilicia. The history of the Catholicosate is divided into two historical periods: “Cilician” and “Diasporian”. This article focuses on the “Diasporian” period of one of the Hierarchical Sees of the Armenian Church in the 1920s–1930s. The historiography of Armenia has never given serious attention to the investigation of the History of the Catholicosate of Cilicia, particularly with respect to the issue of the forced exile of the Catholicosate and the process of its diasporization in the 1920s–1930s. This article focuses on those issues, analyzing the process of diasporization of the Cilician See, its reconstruction under the new circumstances, and its establishment in Antelias (Lebanon). Not all refugees or migrants create a diaspora community, in fact, the most likely result of both voluntary and forced dispersions is assimilation into the host country’s culture. From the analytical perspective of Diaspora Studies, refugees or migrants transform their dispersion into a diaspora only when they insist on sustaining a community and maintaining a national identity. Theorists of modern Diaspora Studies suggest several factors under which dispersed people become an organized diaspora. For this, the role of national institutions is very important, for instance, spiritual-religious organizations. Thus, it is a very acute problem to understand the process of diasporization of a Church organization and its role in the reconstruction of Armenian communities. Different kinds of forced or voluntary migrations are still very common and active in the modern world. Thus, the case discussed in the present article could be useful for understanding many similar processes and historical examples. This research is based on archival documents (including those from the National Archive of Armenia and archival documents of the Catholicosate of Cilicia), the official journal of the Holy See of Cilicia, and existing studies connected to the subject. The analysis of these sources utilizes a comparative-historical methodology. Analyzing the collected data and using the mentioned research

---

* *Citation:* Hovhannisyan, E. (2022). The Restoration of the Catholicosate of the Great House of Cilicia After Exile. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1274–1287. DOI 10.15826/qr.2022.4.728.

Цитирование: Hovhannisyan E. The Restoration of the Catholicosate of the Great House of Cilicia After Exile // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1274–1287. DOI 10.15826/qr.2022.4.728.

method the following problems are discussed and summarized in the article: the forced migration of the Catholicosate of the Great House of Cilicia and the process of the reconstruction of it under new circumstances; Antelias as a new spiritual and religious center of the Diaspora after the Armenian Genocide; the role of the Cilician See in the process of the diasporization of Armenian refugees in Syria-Lebanon; the activities of the Catholicosate in their attempts to preserve the national identity of Armenian communities in the Near East after the Genocide.

Keywords: Catholicosate of the Great House of Cilicia, Armenian Apostolic Church, Cilicia, Antelias, Armenian diaspora, Armenian genocide, forced migration

Католикосат Великого дома Киликийского играл важную роль в жизни армян Киликии. Историография Армении никогда не уделяла серьезного внимания изучению насильственного переселения католикосата и процесса «диаспоризации» Киликийского престола в 1920–1930-х гг. В статье анализируется данный процесс, рассматриваются его реконструкция в новых условиях и становление в Антилиасе (Ливан). Не все беженцы, мигранты и национальные группы объединяются в диаспоральные сообщества, наиболее вероятным результатом как добровольного, так и вынужденного их расселения является ассимиляция с культурой принимающей страны. Группы беженцев или мигрантов превращаются в диаспору, когда они стремятся к сохранению национальной и культурной идентичности. В статье выделяются несколько факторов, при которых рассеянные группы людей становятся организованной диаспорой. Отмечено, что очень важной при этом оказывается роль национальных институтов, в частности, духовно-религиозных организаций. Актуальной проблемой является и понимание процесса диаспоризации церковной организации и ее роли в восстановлении армянских общин. Основой исследования послужили архивные источники (из Национального архива Армении и архивные документы Католикосата Киликийского), документальные материалы (официальный журнал святого престола Киликии), а также исследования и нарративы, связанные с этой темой. На основе анализа собранных данных обсуждаются следующие проблемы: вынужденная миграция католикосата Великого дома Киликийского и процесс его восстановления в новых условиях; Антилиас как новый духовный и религиозный центр в диаспоре после геноцида армян; роль Киликийского престола в процессе диаспоризации армянских беженцев в Сирии и Ливане; деятельность католикосата по сохранению национальной идентичности армянских общин на Ближнем Востоке после геноцида.

Ключевые слова: Католикосат Великого дома Киликийского, Армянская апостольская церковь, Киликия, Антилиас, армянская диаспора, геноцид армян, вынужденная миграция

Due to historical circumstances, the Armenian Church carries out its activities in “every continent apart from Antarctica” [Cowe, p. 430]. The activity of the Armenian Church outside its homeland became even more important, especially after the Armenian Genocide, when Western Armenia, which was part of the Ottoman Empire, was completely emptied of Armenians. During the First World War (1914–1918), one and a half million Armenians were massacred by the Turks [Hovhannisian; Zayas; Kevorkian]. After the genocide, as a result of forced deportations, hundreds of thousands of Armenians also left their homeland, taking refuge in many near and far countries. By the end of 1925, the mass movement of Armenians “had already stopped for the most part” [Չորսիսյան, էջ 65]. Based on the survivors from among these deported Armenians, between the 1920s and 1930s a post-genocide Armenian Diaspora was gradually formed.

The Armenians of Cilicia, which is located northeast of the Mediterranean Sea, were also massacred and deported. Armenians settled in Cilicia in the first century BC, and in the eleventh–fourteenth centuries an Armenian statehood was established in the territory of Cilicia [Chahin, p. 242–259].

Almost every religion in Late Antiquity appeared in both their native lands and among diasporic centers. The Armenian Apostolic Church also had a similar structure, containing several Hierarchical Sees and many dioceses beyond Armenia’s borders.

In 1375 the Armenian Kingdom of Cilicia was destroyed. Cilicia became a battleground for Seljuks, Mamluks and other invaders. In the meantime, Armenia enjoyed a relatively peaceful time. The deteriorating situation in Cilicia on the one hand, and the growing cultural and religious awakening in Armenia on the other, led the clergy of Armenia to elect a Catholicos in Etchmiadzin. The latter was the original seat of the Catholicosate, but it had ceased to function as a Catholicossal See after 485. Thus, in 1441, a new Catholicos was elected in Etchmiadzin – Kirakos Virapetsi. At the same time Krikor Moussabegiants (1439–1446) was the Catholicos in Cilicia. Thus, The Catholicosate of Cilicia emerged as an autonomous entity in 1441 in Sis, Cilicia [Բարկեն Ա. Կյուլիսերյան, էջ 15; Kouymjian, p. 3–10].

Henceforth, there were two Catholicosates: the Catholicosate of All Armenians in Etchmiadzin and the Catholicosate of the Great House of Cilicia in Sis. Both Catholicosates have their own jurisdiction and recognize each other’s status [Aram, p. 75]. The Catholicosate of Cilicia ranks second in the Hierarchical Structure of the Armenian Apostolic Church after the Mother See of Holy Etchmiadzin [The Catholicosate of Cilicia, p. 14–34]. The Armenian Patriarchates of Jerusalem and Constantinople followed them [Ormanian, p. 69–74; Atiya, p. 354]. The Catholicos of Cilicia is equal in rank but recognizes the primacy of honor of the Catholicos of All Armenians in Etchmiadzin. The heads of both Sees are consecrated by the same rite of the Church and enjoy the same privileges of the Catholicos, namely, the consecration of bishops and blessing of Holy Chrism [Tchilingirian, 2004, p. 149–152; Tchilingirian, 2008, p. 22–23].

Throughout history, the Armenian Church has not been merely a religious organization; it has had many roles, especially in the Diaspora. Thus, it is impossible to disagree with the following opinion of Khachig Tololyan: “The Church has not one role, but several. It acquired these conflicting roles gradually, in a process that began long before the genocide committed by the Young Turks during the First World War created the contemporary Diaspora. Much earlier, the Church had already ceased to be just one Armenian institution among many, charged with a specific spiritual mission that it could articulate, pursue, and accomplish” [Tololyan, p. 55].

After the signing of the French-Turkish agreement in Ankara on 20 October 1921, Cilicia was handed over to Turkey [Hale, p. 37]. The Armenians of Cilicia left their home for the second time to avoid further persecution, this time ordered by Kemalist Turkey [Tachjian]. According to some estimates, more than 300,000 Cilician Armenians were massacred.

The Armenian Genocide had a devastating impact as well as on the Armenian Church [Payaslian]. Miraculously, however, the Church was able to survive.

The Catholicosate in Sis was robbed and ruined by the Turks. Catholicos Sahak II followed his flock into exile. For the first time in its almost five hundred years existence, the head of Catholicosate of Cilicia left his historical seat in Sis and the Cathedral of St Sophia.

Usually, after forced emigration, those who find themselves in a foreign environment face two choices: to assimilate into a host society and lose their national identity or become a Diaspora and integrate into a host country, while maintaining their own identity. After their forced deportation, the Armenians were similarly faced with this decision.

Likewise, the Catholicosate of Cilicia might have either ceased to exist or tried to reorganize under new conditions, becoming not only a new spiritual-religious center for deported Armenians but focusing its own efforts on restoring the sense of community and preserving the national identity of refugees. In the end, the Catholicosate of the Great House of Cilicia chose the second way and succeeded.

The forced migration of Armenians: From Homland to Diaspora

Before the Genocide, the Armenians of Cilicia and surrounding areas were under the jurisdiction of the Catholicosate of Cilicia. It had 30 dioceses at that time. The religious and educational life of Armenians of Cilicia were under the control of the Catholicosate of Cilicia. There were about 400 thousand Armenians under the jurisdiction of the Cilician See before the massacres [Թաթոնյան, էջ 158–179]. At the end of November 1921, the last Catholicos of Cilicia, Sahak 2nd Khapayan (1902–1939), along with his clergy and thousands of Armenians left Cilicia. The refugee Armenians settled in many countries, but primarily Syria and Lebanon. These countries were under the administration of the French mandate authorities. Statistical data on the numbers of the Armenians who settled

in these countries in that period is available: According to Sahak II, about 77,000 Armenians settled in Syria and Lebanon in 1922 [ՀԱԱ. Փննդ 430. ցուցակ 1. գործ. 1416. էջ. 13]. According to another archival document, the number of Armenians reached 111,500 in [date], of which the number of local Armenians (who lived there before the Genocide) was about 25,000 [ՀԱԱ. Փննդ 430. ցուցակ 1. գործ. 1416. էջ. 20]. In 1923, the report prepared by the Armenian National delegation, which was acting in Europe, mentioned the number of Armenian migrants was 87,750 [ՀԱԱ. Փննդ 430. ցուցակ 1. գործ. 1416. էջ. 53]. Another source claims that in 1924 there were 131,700 Armenians in Syria, Lebanon, and Cyprus [Եղիպյան, էջ 282]. S. Tat, a professor at the American University of Beirut, gives the number of Armenians in Syria and Lebanon as 144,570, of whom 36,220 were considered natives [Վարժապետյան, էջ 34–35]. In 1940, according to the statistics of the Catholicosate of Cilicia, its four dioceses had a total population of 131,787 Armenians [Հասկ, 1941, մայիս-հունիս, էջ 80], and 148,907 by 1943 [Հասկ, 1944, մայիս-հունիս, էջ 100]. It is worth mentioning that not all Armenians who had migrated to Syria and Lebanon settled there. Some of them subsequently moved on to other countries. It should be noted, however, that the Catholicosate of Cilicia registered only those Armenians who were under its jurisdiction. Armenian Catholics and Protestants were not included in these data. In the 1920s–1930s, the number of Catholic and Protestant Armenians in the territories of Syria and Lebanon were about 20–30 thousand [Վարժապետյան, էջ 24]. Thus, in this period the number of Armenians under the jurisdiction of the Catholicosate of Cilicia in Syria, Lebanon and Cyprus fluctuated at around 150 thousand.

After leaving Cilicia, Sahak Catholicos arrived in Aleppo on 1 December 1921 [Եղիպյան, էջ 209–210]. The Catholicosate of Cilicia had lost all the dioceses except the Diocese of Aleppo. A new period began for the Catholicosate of Cilicia. The Catholicosate did not have any regular seat for about nine years. The Catholicos either visited Aleppo and Beirut, or sometimes Damascus and Nicosia. This period of “wandering” was the most difficult for the Cilician See.

Even in that situation, Sahak Khapayan did not lose hope. He did his best to strengthen the position of the Catholicosate and to become the main center for the restoration of the community life of the exiled Armenians. In May 1923, the first blessing of the Holy Chrism was performed by Catholicos Sahak in Aleppo [Dadoyan, p. 52]. It was an important event in terms of the restoration of the spiritual-religious life of the exiled Armenians. The Catholicosate was doing everything to change its so-called “guest status”. Soon these efforts would bring important results. In order to legalize his status, in March 1924, Catholicos Sahak secured official recognition as the spiritual head of the Armenians in Syria and Lebanon by the French Mandate authorities [Ibid., p. 53].

The next important problem was the issue of the citizenship of Armenian refugees. By the proclamations of 30 August 1924 and

19 January 1925, the French High Commissioner granted the right of citizenship to deported Armenians [Եղիպյեացիներ, էջ 297–298]. Thus, in fact, the right to lead the administrative affairs of the national life of Armenians in Syria and Lebanon was officially given to the Catholicosate of Cilicia by French Mandate authorities. That decision played a huge role in strengthening the position of the Catholicosate.

The “Will” of the Catholicos of Cilicia Sahak II. Efforts to preserve the Catholicosate

After its deportation, the See of Cilicia had lost almost all former dioceses and the number of clergies had also decreased significantly [Բնիքություն, էջ 463]. In this context, many circles predicted the end of the existence of the Catholicosate of Cilicia.

The Armenian Church is a national church, so the question of the further existence of one of her Hierarchical Sees could not be decided by the clergymen of that See only. Therefore, it was necessary to understand whether the Armenians wanted to maintain the existence of the Cilician See and determine whether they were ready to contribute to its restoration. On 29 February 1928, Catholicos Sahak II published his famous “Will” [Շահիմյան, 1999, էջ 325–330]. That “Will” was a signal of alarm to all Armenians and, at the same time, an invitation to open a dialogue on the future of the Catholicosate of Cilicia.

“The Armenian Church is in danger both in the East and in the West” [Ibid., p. 325], Sahak Catholicos emphasized in his “Will”. In reality, the two Catholicosates of the Armenian Church were in a dire situation in the 1920s. “In the West”, the Catholicosate of Cilicia was in exile and with a vague future. “In the East”—in Soviet Armenia, the Catholicosate of All Armenians was targeted by the anti-church and anti-religious policy of the Soviet authorities. The latter carried that policy out in two directions. First, they tried to weaken religious organizations. To this end, unprecedented persecutions and violence against religious organizations and clergy broke out. Second, the Soviet authorities aimed to spread atheism among the people. It should have been pursued by “The League of Militant Godless”, which was established in 1925. An Armenian “Society of the Godless” was subsequently established in 1928. The motto of that organization was “The fight against religion is the fight for the culture” [Հովհաննիսյան, 2014, էջ 100–107].

In that challenging context, Catholicos Sahak tried to save the Cilician See. In his “Will” he reflected on the future status and role of the Catholicosate of Cilicia. He sent his “Will” to the heads of all dioceses, as well as to Armenian newspapers, representatives of the intelligentsia, and various national figures. Soon the representatives of the various circles of the Armenian diaspora responded to the “Will”. Expressed views and opinions differed and were often contradictory. However, the majority was in favor of maintaining the Catholicosate and invited Catholicos Sahak to elect someone from among the clergymen as his Coadjutor-Catholicos as a first step [ՀԱԱ. ֆոնդ 398. ցուցակ 1. գործ. 10. էջ. 91–92]. The Mother

See was also in favor of the further existence of the Catholicosate of Cilicia and channeled its efforts towards this goal.

Thus, most Armenians decided that it was necessary to preserve the Cilician See. It would continue to occupy its place in the Hierarchical system of the Armenian Church but would immediately operate under new conditions, with new problems and challenges ahead. The Holy See of Cilicia was to become a new spiritual-religious center for the Armenians of the Diaspora. The restoration of the Cilician See was not only a religious issue, but it also had political significance in the process of the formation of the Armenian Diaspora.

To achieve all this, the following three important tasks needed to be solved:

1. The acquisition new dioceses.
2. Determine the next successor of the throne of the Cilician See.
3. Find a new permanent residence for the Catholicosate.

The further existence of the Catholicosate of Cilicia under the new circumstances, in general, depended on resolving these problems.

The process of acquiring new dioceses and the strengthening of the Catholicosate

The problem of acquiring new dioceses was an urgent issue. Catholicos Sahak started the process of acquiring new dioceses from the beginning of the 1920s. After a concerted effort, the Diocese of Cyprus became the first reconstructed diocese of the Catholicosate in the mid-1920s [Հովհաննիսյան, 2021, էջ 93–130].

The next task was the resolution of the issue surrounding the status of the Armenian dioceses in Syria and Lebanon. The problem was that the Armenian Church dioceses in the territory of Syria and Lebanon belonged to the Armenian Patriarchate of Jerusalem. After the deportation of the Armenians of Cilicia to those territories, a special situation emerged. Most of those Armenians had previously been under the jurisdiction of the Catholicosate of Cilicia. In the new conditions, the latter wanted to continue maintaining their previous status. Actually, somewhat dual spiritual-religious power was created in Syria and Lebanon. On the one hand, those territories were under the administrative rule of the Armenian Patriarchate of Jerusalem, on the other hand, the majority of the Armenians settled in those regions were under the jurisdiction of the Catholicosate of Cilicia. The problem could have been solved if the Armenian Patriarchate of Jerusalem had transferred those dioceses to the Catholicosate of Cilicia.

Sahak Catholicos took the first steps towards resolving the situation in the middle 1920s. His desire to transfer the Jerusalem dioceses to his subordination shows that he had already lost some hope of returning to Cilicia. The further existence of the See of Cilicia is largely connected with the transfer of those dioceses to the Catholicosate. Finally, on 26 March 1929, the Patriarchate of Jerusalem decided to transfer the diocese to the Catholicosate of Cilicia [Երուսաղեմապատկան թեմերի փոխանցումը,

էջ 28–32]. This whole process took place with the consent of the Mother See of Holy Etchmiadzin. Thus, the Mother See was completely in favor of the reconstruction of the Catholicosate of Cilicia and sought to support that process [Ծիրինյան, 2002, էջ 54, 60].

Afterwards, five further dioceses were established under the jurisdiction of the Catholicosate of Cilicia: Aleppo, Beirut, Damascus, Laodicea (Latakia) and Cyprus. About 150 thousand Armenians were included in those dioceses. The transfer of these dioceses, in fact, came to legitimize the de facto situation that had arisen in Syria-Lebanon after the settlement of exiled Armenians. That significantly strengthened the position of the Catholicosate and, in fact, offered a strong guarantee of her further existence among the Diaspora.

The next important issue for Sahak Catholicos, who was about 80 years old, was the solution to the problem of his successor. He was well aware that the election of a new Catholicos after his death could become a serious ordeal. Therefore, the Catholicos decided to elect a Coadjutor-Catholicos during his lifetime. On 26 April 1931, one of the prominent clergymen of the Armenian Church Bishop Babken Kyuleseryan was enthroned as a Coadjutor-Catholicos [Բարկեն Ա. Կյուլեսերյան, էջ 1002]. Unfortunately, the Coadjutor-Catholicos Babken I passed away in 1936, after five years of intensive and fruitful activities [Հասկ, 1936, հունիս-օգոստոս, էջ 105–108]. The Episcopal Assembly of the Catholicosate of Cilicia convened in July 1936 and elected Archbishop Petros Sarajyan, Primate of the Armenians in Cyprus, as the Vicar General of the Catholicosate of Cilicia. The Catholicos Sahak died in 1939. In 1940, Archbishop Petros Sarajyan was elected a new Catholicos of Cilician See. Unfortunately, the new Catholicos reigned for only a few months.

Thus, the institution/tradition of the election of the Head of the Catholicosate was restored in the new Diaspora reality, which was a very important task for the further existence of the Catholicosate.

The establishment of the Catholicosate in Antelias: A new spiritual-religious center

For almost 10 years Catholicos Sahak did not have a regular seat. After wandering for many years, the Catholicosate of Cilicia relocated to Antelias, not far from Beirut, in 1930. A new period began for the See of Cilicia. This period is recognized as the “Diasporian” period, which continues to the present day. Antelias gradually transformed not only as the seat of the Catholicosate, but also to the important spiritual center for the Armenians of Diaspora.

It is well-known that the former orphanages operating under the auspices of the American Committee for Relief in the Near East were located in those buildings in Antelias. Following the demolition of those orphanages, the Near East Relief decided that these constructions were to be handed over for free to the Catholicosate of Cilicia, via a symbolic American lease of just \$1 [Բարկեն Ա. Կյուլեսերյան, էջ 1005–1010].

On April 7, 1930, a lease agreement was signed between the General Secretary of the American Relief Society, B. Achison, and the Catholicos of Cilicia, Sahak 2nd, by which the property was given for five years to the Catholicosate, which as a tenant, “should use the estate as a school for the preparation of clergy and teachers” [Եղիայեան, էջ 332]. The newly opened Drevevank (Seminary) of Antelias, in a sense, would be a unique educational institution in the Armenian Church, because, as a result of the First World War and other subsequent political events, the Gevorkian Theological Seminary of Etchmiadzin, Armash Seminary, Seminary of Sis¹, as well as dozens of Armenian schools ceased functioning.

After that, in September 1930, Catholicos Sahak appealed to the Lebanese President asking for an official privilege for the functioning of the newly opened Armenian educational institution. Soon, the necessary formal authorization was obtained, which was also confirmed by the French High Commissariat. After these legal arrangements, there seemed to be no further obstacles to impede the opening of Dprevank. The church and the school in the Diaspora are two wings of the nation. The role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora, as an essential organization, is crucial [Tololyan, p. 55–66]. The role of school and education is none the less crucial for the preservation of Armenian identity. “The Armenian school with all its shortcomings and limitations will remain a real value for our nation... The only institution that insures us against the threat of allegation is our Armenian school” [Հասկ, 1939, մայիս, էջ 77] writes “Hask” – the official periodical of Antelias.

Dprevank was “an institution with double purpose” where their primary aims were: “1. Prepare priests for the Armenian Church; 2. Train teachers for Armenian Colleges” [Հասկ, 1932, հունվար, էջ 15]. The opening of Dprevank took place on 12 October 1930, on Holy Translators’ Day. A few months later, the building of the former pottery of the orphanage, where the opening ceremony was held, was anointed as a church by the name of the Holy Translators [Բարկեմ Ա. Կյուլետերյան, էջ 1007]. The educational program of Dprevank had a distinctive feature, or, in other words, basic principle: it demanded from its graduate alumni to be instructed and trained in accordance with the “*life for the sake of the National Service* as much as possible” [Հասկ, 1932, փետրվար, էջ 36]. That principle makes it clear that graduates of Dprevank should be ready for national service both in the spiritual and the secular spheres. In other words, the school had set a goal of preparing active community figures, who were in great demand by the Diaspora communities. And the graduates of Dprevank were called to replace, first of all, the elder generation of national-community figures.

In 1935, the first students graduated from Dprevank [ՀԱԱ. ֆոնդ 409. ցուցակ 1. գործ. 4483. էջ. 1]. This was the first “academic harvest”, the

¹ In that period, only the theological seminary of Armenian Patriarchate Jerusalem continued to function among such schools, which released only clergymen.

need for which was strongly felt by the Armenian communities. In the course of time, Dprevank acquired a “pan-colonial character”. The need for the establishment of the school was evident after many years, as graduates of this institution went on to find themselves in responsible positions not only in educational institutions, but also in different community structures. Thus, the influence of Dprevank graduates goes far beyond the Armenian colonies of Syria and Lebanon, spreading various Armenian communities around the world from the Middle East to America.

Eventually, besides a seminary, a printing house, large cathedral, and administrative buildings were built, enhancing the mission and function of the Catholicosate. The newly established Printing House continued to play an important role in the activities of the seminary and the Catholicosate in general. Here, essential textbooks and monographs were published for educational institutions, which were acting under the supervision of Antelias.

In 1931, the official journal of Catholicosate was established, under the name of “Hask” (Ear of Corn). Besides news connected with the activities of Cilician See, it started to publish a number of religious, educational and historical publications. In May 1931, the first episcopal ordination took place in Antelias and in May 1936 five graduates of the Seminary received the order of deacon [Հասկ, 1936, հոսկար-փետրվար, էջ 28]. In March 1936, the first blessing of the Holy Chrism was performed by Coadjutor-Catholicos Babken Kyuleseryan in Antelias [Մեռննօրհնէք, էջ 1], for only the second time since leaving Cilicia.

All this shows that the Catholicosate, adapting to the new conditions, was gradually restoring and fulfilling its spiritual-religious functions. However, the purchase of buildings in the orphanage remained an urgent issue, as they were temporarily given to the Catholicosate. Finally, by the donation of Simon and Mathilde Kayekjyan, the estates of Antiles were purchased in May 1937 [Հասկ, 1937, մայիս, էջ 53–60]. This finally completed the process of establishing the Catholicosate in Antelias. Henceforth, the Armenian Diaspora had a new spiritual-religious center, which, in addition to its spiritual functions, would play a significant role in the reorganization of the Armenian communities of the Diaspora, particularly in Syria, Lebanon, and the preservation of the national identity of the Diaspora. In the following years, many new structures and buildings were planned and completed: A Chapel in memory of the one and a half million Armenian martyrs, a residence for the Catholicos, a new Seminary building, and the Mother Cathedral named after St. Lusavorich were constructed one after the other [Հասկ, 1940, մարտ, էջ 48].

The Catholicosate of Cilicia, after its establishment in Antelias, tried, as wrote the “Hask” journal, “To unite the life and organization of the Armenian people in the Diaspora around the Church” [Հասկ, 1944, օգոստոս-սեպտեմբեր, էջ 113]. Thus, after settling in Antelias a new era opened in the history of the the Catholicosate. In this “Diasporian” period the Cilician See as a religious entity also obtained some characters of the Pan-Armenian Diaspora organization.

***

The establishment of the Catholicosate of the Great House of Cilicia in Antelias (Lebanon), and its subsequent activity among the Armenian Diaspora, is a classic example of the migration and transformation of a religious organization. Study of this case allows us to understand the restoration and diasporization process of this church institution. It means we can observe an interesting process of how the religious organization from a local, regional entity became a diasporic organization. The Cilician See not only overcame all the challenges it faced after exile and did not cease to exist, rather it also acquired a pan-Armenian, diasporic character. As a result of that process, the Holy See of Cilicia was not only restored in the new Diasporic environment, but also played a huge role in the reconstruction of Armenian communities in the Diaspora, especially in Syria and Lebanon.

Thus, a renaissance emerged in the history of the Catholicosate with the organization of dioceses and communities. In the course of time, and in response to the growing needs of the Armenian communities and changing realities, the scope of the Church's activities and service was broadened. The Cilician See had to adopt new priorities, which had to fit with the new realities facing the Diaspora. The Catholicosate of Cilicia was not only a spiritual-religious organization as it used to be in its former homeland. In Antelias the Cilician See transformed and obtained some features of the Diaspora organization. Soon, it became the core of the reconstruction of Armenian communities in Syria, Lebanon, and Cyprus. As a result of those efforts, exiled Armenians integrated within their host societies, reconstructed the Armenian communities of those countries and became the leading communities of the whole Armenian Diaspora [Migliorino; Boudjikianian; Messerlian].

Following the Genocide in the 1920s, the main focus of the Cilician See were its efforts to ensure the survival of Armenian refugees and itself. However, this was soon changed into prioritizing activities aimed at community-building and the preservation of national identity among the Diaspora. The Catholicoses Sahak II, Babken I, and Petros I revitalized the mission of the Holy See of Cilicia among the Diaspora in the 1920–1930s. Since then, the new “Diaspora Era” began for the Catholicosate of Cilicia, which continues to play a very important role in the life of many Armenians today.

Список литературы

- Aram I.* The Armenian Church. An Introduction to Armenian Christianity. Antelias : Printing House of the Armenian Catholicosate of Cilicia, 2017. 244 p.
- Atiya A.* A History of Eastern Christianity. L. : Methuen and Co : Univ. of Notre Dame Press, 1968. 514 p.
- Boudjikianian A.* Armenians of Lebanon: From Past Princesses and Refugees to Present-Day Community. Beirut : Haigazian Univ. Press, 2009. 543 p.
- Chahin M.* The Kingdom of Armenia. L. : Routledge, 2013. 350 p.
- Cowe P.* Church and Diaspora: The Case of the Armenians. The Cambridge History of Eastern Christianity. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. 722 p.

Dadoyan S. The Armenian Catholicosate of Cilicia: History, Treasures, Mission. Beirut : Catholicosate Publ., 2015. 400 p.

Hale W. Turkish Foreign Policy Since 1774. N. Y. : Routledge Taylor : Francis Group, 2013. 360 p.

Hovhannisian R. The Armenian Genocide in Perspective. N. Jersey : Transaction Books, 1987. 215 p.

Kevorkian R. The Armenian Genocide. L. : A Complete History, 2011. 1029 p.

Kouymjian D. Cilicia and Its Catholicosate from the Fall of the Armenian Kingdom in 1375 to 1915 // Armenian Cilicia, UCLA Armenian History and Culture Series, Historic Armenian Cities and Provinces / ed. by R. G. Hovannisian, S. Payaslian. Costa Mesa : Mazda, 2008. P. 297–307.

Messerlian Z. Armenian Participation in the Lebanese Legislative Elections 1934–2009. Beirut : Haigazian Univ. Press, 2014. 542 p.

Migliorino N. (Re)constructing Armenia in Lebanon and Syria. N. Y. ; Oxford : Berghahan Books, 2008. 256 p.

Ormanian M. The Church of Armenia: Her History, Doctrine, Rule, Discipline, Liturgy, Literature, and Existing Condition. L. : A. R. Nowbray & Co, 1912. 316 p.

Payaslian S. The Destruction of the Armenian Church during the Genocide. Genocide Studies and Prevention // International Journal. 2006. Vol. 1. Sept. P. 149–172.

Tchilingirian H. The Catholicos and the Hierarchical Sees of the Armenian Church // Eastern Christianity. Studies in Modern History, Religion and Politics / ed. by A. O'Mahony. L. : Melisende, 2004. P. 140–159.

Tchilingirian H. The Armenian Church. Brief Introduction. Burbank : Western Diocese Press of the Armenian Church, 2008. 32 p.

Tachjian V. The Expulsion of Non-Turkish Ethnic and Religious Groups from Turkey to Syria during the 1920s and Early 1930s // Mass Violence & Résistance // SciencesPo : [website]. 2009. 5 March. URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/expulsion-non-turkish-ethnic-and-religious-groups-turkey-syria-during-1920s-and-early-1930s.html> (accessed: 05.02.2022).

The Catholicosate of Cilicia: Her Place and Status in the Armenian Church. Antelias : Printing House of the Armenian Catholicosate of Cilicia, 1962. 42 p.

Tololyan Kh. The Role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora // Armenian Rev. 1988. Vol. 41. Spring. P. 55–68.

Zayas A. de. The Genocide Against the Armenians 1915–1923 and The Relevance of the 1948 Genocide Convention. Beirut : Haigazian Univ., 2010. 112 p.

Բարկևն Ա. Կիլիկիան. Պատմություն Կաթողիկոսաց Կիլիկիոյ (1441-էն մինչեւ մեր օրերը): Անթիլիաս, Տպարան Կաթողիկոսութեան Հայոց Մեծի Տանն Կիլիկիոյ, 1990. 1446 էջ.

Բեհրուշյան Ս. Վավերագրեր հայ եկեղեցու պատմության, Գիրք Գ, Տ.Տ. Սահակ Բ Խապայեան. Կաթողիկոս Մեծի Տանն Կիլիկիոյ 1891–1940թթ.: Երևան, Ոսկան Երևանցի հրատարակչություն, 1997. 590 էջ.

Եղիսյան Բ. Ժամանակակից պատմություն Կաթողիկոսութեան Հայոց Կիլիկիոյ 1914–1972: Անթիլիաս, Տպարան Կաթողիկոսութեան Հայոց Մեծի Տանն Կիլիկիոյ, 1975. 948 էջ.

Թաթոյան Ռ. Կիլիկիահայության թիվը հայոց ցեղասպանության նախօրյակին: Երևան, ՀՅԹԻ հրատարակչություն, 2021. 240 էջ.

Հայաստանի ազգային արխիվ (ՀԱԱ). ֆոնդ 398. ցուցակ 1. գործ. 10; ֆոնդ 430. ցուցակ. 1. գործ. 1416; ֆոնդ. 409. ցուցակ. 1. գործ. 4483.

Հասկ (1932). Հունվար, Փետրվար; (1936). Հունվար-Փետրվար, Մարտ-Ապրիլ, Հունիս-Օգոստոս; (1937). Մայիս; (1939). Մայիս, (1940). Մարտ; (1941). Մայիս-Հունիս; (1944). Մայիս-Հունիս, Օգոստոս-Սեպտեմբեր.

Հովհաննիսյան Է. Կիպրոսի հայոց թեմի վերակազմությունը (1920–1940). Պետրոս արքեպիսկոպոս Մարաճյան: Երևան, Լուսակն հրատարակչություն, 2021. 152 էջ.

Հովհաննիսյան Է. Մարտնչող անաստվածների միության գործունեությունը Խորհրդային Հայաստանում 1920–1930-ական թթ.: // Էջմիածին, «Էջմիածին» կրոնագիտական և հայագիտական ամսագիր, հունվար, 2014. էջ 100–107.

Մեռնօրինէք, 1936 մարտ 29. Պաշտօնական յարտարարութիւն: Անթիլիաս, Հայաստանի ազգային գրադարան, գրանցահամար 21-ԱՀ, 1 հունվարի, 1936. 1 էջ.

Շահինյան Գ. Թղթակցութիւն Մեծի Տանն Կիլիկիոյ երեք կաթողիկոսներու եւ Ամենայն-Հայոց կաթողիկոս Խորէն Ա. Մուրադբէկեանի. Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան արխիւներ, թիւ 3: Անթիլիաս, Մեծի Տանն Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան տպարան, 2002. 364 էջ.

Շահինյան Գ. Թղթակցութիւն Սահակ Բ. եւ Բարզէն Ա. Կաթողիկոսներու; Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան արխիւներ, թիւ 1: Անթիլիաս, Մեծի Տանն Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան տպարան, 1999. 350 էջ.

Չորմիսյան Լ. Կուսակցությունները: Բեյրութ, “Մշակ” տպարան, 1965. 308 էջ.

Միւրիոյ երուսաղէմապատկան թեմերուն Կիլիկիոյ կաթողիկոսութեան փոխանցումը. Երուսաղէմ, տպարան Ս. Յակոբեանց, 1930. 57 էջ.

Հարժապետյան Ս. Հայերը Լիբանանի մէջ: Բեյրութ, հատոր 2, Սևան հրատարակչություն, 1981. 298 էջ.

References

Aram, I. (2017). *The Armenian Church. An Introduction to Armenian Christianity*. Antelias, Printing House of the Armenian Catholicosate of Cilicia. 244 p.

Atiya, A. (1968). *A History of Eastern Christianity*. L., Methuen and Co, Univ. of Notre Dame Press. 514 p.

Babken, A. (1990). *Պատմութիւն Կաթողիկոսաց Կիլիկիոյ (1441-էն մինչև մեր օրերը)* [The History of the Catholicosate of Cilicia (from 1441 – until Present Day)]. Antelias, Tparan Katoghikosutean Hayots Metsi Tann Kilikioy. 1446 p. (In Armenian)

Behbudyan, S. (1997). *Հավերժագրեք հայ եկեղեցու պատմության, Գիրք Գ, Տ.Տ. Սահակ Բ Խոսապետան. Կաթողիկոս Մեծի Տանն Կիլիկիոյ 1891–1940թթ.* [Documents on the History of the Armenian Church. Book 4. Sahak II. Khapahyan, Catholicos of the Great House of Cilicia, 1891–1940]. Yerevan, Voskan Erevanci hratarakchutyun. 590 p. (In Armenian)

Boudjikianian, A. (2009). *Armenians of Lebanon: From Past Princesses and Refugees to Present-Day Community*. Beirut, Haigazian Univ. Press. 543 p.

Chahin, M. (2013). *The Kingdom of Armenia*. L., Routledge. 350 p.

Chormisyan, L. (1965). *Կուսակցությունները* [The Political Parties]. Beirut, Mshak tparan. 308 p. (In Armenian)

Cowe, P. (2008). *Church and Diaspora: The Case of the Armenians. The Cambridge History of Eastern Christianity*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 722 p.

Dadoyan, S. (2015). *The Armenian Catholicosate of Cilicia: History, Treasures, Mission*. Beirut, Catholicosate Publ. 400 p.

Hale, W. (2013). *Turkish Foreign Policy Since 1774*. N. Y., Routledge Taylor, Francis Group. 360 p.

Hovhannisian, R. (1987). *The Armenian Genocide in Perspective*. N. Jersey, Transaction Books. 215 p.

Hovhannisyann, E. (2014). Մարտնչող անաստվածների միության գործունեությունը Խորհրդային Հայաստանում 1920–1930-ական թթ. [The Activity of the Union of Militant Atheists in Soviet Armenia in the 1920s–1930s]. Im *Էջմիածին, «Էջմիածին» կրօնագիտական եւ հայագիտական ամսագիր*. January, pp. 100–107. (In Armenian)

Hovhannisyann, E. (2021). *Կիպրոսի հայոց թեմի վերակազմությունը (1920–1940). Պետրոս արքեպիսկոպոս Սարսնյան* [The Reconstruction of the Armenian Diocese of Cyprus and the Armenians of Cyprus (1920–1940): Archbishop Petros Sarajyan]. Yerevan, Lusakn hratarakchutyun. 152 p. (In Armenian)

Kevorkian, R. (2011). *The Armenian Genocide*. L., A Complete History. 1029 p.

Kouymjian, D. (2008). Cilicia and Its Catholicosate from the Fall of the Armenian Kingdom in 1375 to 1915. In Hovhannisian, R. G., Payaslian, S. (Eds.). *Armenian Cilicia, UCLA Armenian History and Culture Series, Historic Armenian Cities and Provinces*. Costa Mesa, Mazda, pp. 297–307.

Messerlian, Z. (2014). *Armenian Participation in the Lebanese Legislative Elections 1934–2009*. Beirut, Haigazian Univ. Press. 542 p.

Migliorino, N. (2008). *(Re)constructing Armenia in Lebanon and Syria*. N. Y., Oxford, Berghahan Books. 256 p.

Myuronorhneq. (1936). *մարտ 29. Պաշտօնական յարտարարություն: Անթիլիաս, Հայաստանի ազգային գրադարան, գրանցահամար 21-ԱՎ* [Blessing of the Holy Chrism, 29 March, 1936, Official Statement, (January 1, 1936); National Library of Armenia, Registration No. 21-AH]. Antilas, 1 January. 1 p. (In Armenian)

Ormanian, M. (1912). *The Church of Armenia: Her History, Doctrine, Rule, Discipline, Liturgy, Literature, and Existing Condition*. L., A. R. Nowbray & Co. 316 p.

Payashian, S. (2006). The Destruction of the Armenian Church during the Genocide. *Genocide Studies and Prevention*. In *International J.* Vol. 1. Sept., pp. 149–172.

Shahinyan, G. (1999). *Թղթակցություն Սահակ Բ. և Բաբգեն Ա. Կաթողիկոսներու* [Correspondence of Sahak II and Babgen I Catholicoses]. Kilikioy kat'oghikosut'ean arkhivner. tiw 1. Antilas, Tparan Kat'oghikosut'ean Hayots Metsi Tann Kilikioy. 350 p. (In Armenian)

Shahinyan, G. (2002). *Թղթակցություն Մեծի Տանն Կիլիկիոյ երեք կաթողիկոսներու և Ամենայն Հայոց կաթողիկոս Խորեն Ա. Մուրադբեկյանի* [Correspondence of the Three Catholicoses of the Great House of Cilicia and the Catholicos of All Armenians Khoren I Muradbekyan]. Kilikioy kat'oghikosut'ean arkhivner, tiw 3. Antilas, Tparan Kat'oghikosut'ean Hayots Metsi Tann Kilikioy. 364 p. (In Armenian)

Tachjian, V. (2009). The Expulsion of Non-Turkish Ethnic and Religious Groups from Turkey to Syria during the 1920s and Early 1930s. In *Mass Violence & Résistance*. In *SciencesPo* [website]. 5 March. URL: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/expulsion-non-turkish-ethnic-and-religious-groups-turkey-syria-during-1920s-and-early-1930s.html> (accessed: 05.02.2022).

Tatoyan, R. (2021). *Կիլիկիահայության թիվը հայոց ցեղասպանության նախօրյակին* [The Number of Cilicia Armenians on the Eve of the Armenian Genocide]. Yereva, HCTI hratarakchutyun. 240 p. (In Armenian)

Tehilingirian, H. (2004). The Catholicos and the Hierarchical Sees of the Armenian Church. In O'Mahony, A. (Ed.). *Eastern Christianity. Studies in Modern History, Religion and Politics*. L., Melisende, pp. 140–159.

Tehilingirian, H. (2008). *The Armenian Church. Brief Introduction*. Burbank, Western Diocese Press of the Armenian Church. 32 p.

The Catholicosate of Cilicia: Her Place and Status in the Armenian Church. (1962). Antelias, Printing House of the Armenian Catholicosate of Cilicia. 42 p.

Tololyan, Kh. (1988). The Role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora. In *Armenian Rev.* Vol. 41. Spring, pp. 55–68.

Varjabedian, S. (1981). *Հայերը Լիբանանի մեջ* [The Armenians in Lebanon]. Hator 2. Beirut, Sevan hratarakchutyun, 1981. 298 p. (In Armenian)

Yeghiayan, B. (1975). *Ժամանակակից պատմություն Կաթողիկոսության Հայոց Կիլիկիոյ 1914–1972* [The Modern History of the Armenian Catholicosate of Cilicia 1914–1972]. Antilas, Tparan Kat'oghikosut'ean Hayots Metsi Tann Kilikioy. 948 p. (In Armenian)

Zayas, A. de. (2010). *The Genocide Against the Armenians 1915–1923 and The Relevance of the 1948 Genocide Convention*. Beirut, Haigazian Univ. 112 p.

Հայաստանի ազգային արխիվ (ՀԱԱ) [National Archive of Armenia (NAA)]. Stock 398. List 1. Dos. 10; Stock 430. List 1. Dos. 1416; Stock 409. List 1. Dos. 4483. (In Armenian)

Հասկ [Hask]. (1932). January, February; (1936). January-February, March-April, June-August; (1937). May; (1939). May; (1940). March; (1941). May-June; (1944). May-July, August-September. (In Armenian)

Սիլիկիոյ երուսաղէմապատկան թեմերուն Կիլիկիոյ կաթողիկոսության փոխանցումը [The Transfer of Dioceses of Jerusalem Patriarchate to the Catholicosate of Cilicia in Syria]. (1930). Erusaghem, Tparan Srbov Hakobac. 57 p. (In Armenian)

A Comparison between Russia-Qing Trade and Anglo-Chinese Trade in 1802–1860* **

Ji-bae Park

Hankuk University of Foreign Studies,
Seoul, Republic of Korea

During the first half of the nineteenth century, tea became an essential commodity in the Kyakhta trade, accounting for over 90 % of total imports. Russia increased tea imports to address its growing demand for tea. The country handled the increasing tea imports by simultaneously increasing the exports of fur, wool, and cotton. British trade with China in Guangzhou was for smuggled opium in exchange for tea. When the Qing dynasty attempted to eradicate opium trade, the UK waged two wars and legalised the opium trade. The UK's illegal opium trade and military provocations had a significant impact on China's politics, economy, and society, as well as a decisive impact on the decline of the Kyakhta trade. Opium, which was banned, became a monopoly product for the British, and Russia's export products — except for silver — could not compete with opium. The UK's illegal sale of opium increased China's opium consumption. Consequently, this reduced the purchasing power of the Chinese, worsening the sales conditions of Russian export products. In the end, the opium trade led to a shortage of silver and an increase in the value of silver coins in China. Chinese merchants preferred silver or silver coins to other products when trading with Russia. As a result, the Russian government approved the exchange of silver, effectively ending barter trade throughout Kyakhta.

Keywords: economic contact zone, Russia, China, UK, nineteenth century, Kyakhta trade, Guangzhou trade, tea, opium, barter, currency

В первой половине XIX в. чай стал важнейшим товаром в кяхтинской торговле, составляя более 90 % от общего объема импорта. Россия увеличила импорт чая, чтобы удовлетворить растущий спрос. Одновременно страна увеличила экспорт меха, шерсти и хлопка. Британская торговля с Китаем

---

* This work was supported by the Hankuk University of Foreign Studies Research Fund (of 2022) and the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2017S1A6A3A03079318).

** *Citation:* Park, J. B. (2022). A Comparison between Russia-Qing Trade and Anglo-Chinese Trade in 1802–1860. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1288–1303. DOI 10.15826/qr.2022.4.729.

Цитирование: Park J. B. A Comparison between Russia-Qing Trade and Anglo-Chinese Trade in 1802–1860 // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1288–1303. DOI 10.15826/qr.2022.4.729.

в Гуанчжоу велась путем обмена чая на контрабандный опиум. Когда династия Цин попыталась искоренить торговлю опиумом, Великобритания развязала две войны и узаконила его торговлю. В статье показано, что незаконная торговля опиумом и военные провокации Великобритании оказали значительное влияние на политику, экономику и общество Китая, а также предопределили упадок кяхтинской торговли. Запрещенный опиум стал монопольным товаром для англичан, а экспортные товары России – за исключением серебра – не могли с ним конкурировать. Незаконная продажа опиума Великобританией увеличила его потребление в Китае. Это снизило покупательную способность китайцев, ухудшив условия сбыта российской экспортной продукции. В итоге именно торговля опиумом привела к дефициту серебра и повышению стоимости серебряных монет в Китае. Китайские купцы предпочитали серебро или серебряные монеты другим товарам при торговле с Россией. В результате российское правительство одобрило обмен серебра, фактически положив конец бартерной торговле через Кяхту.

Ключевые слова: зона экономических контактов, Россия, Китай, Великобритания, XIX в., кяхтинская торговля, торговля в Гуанчжоу, чай, опиум, бартер, валюта

The official diplomatic relationship between Russia and the Qing dynasty was formed under the Treaty of Nerchinsk in 1689 and developed into a close trade relationship through Kyakhta — a city built under the Treaty of Kyakhta in 1727. Joseph Fletcher, a renowned American history professor, underestimated the importance of trade in Kyakhta, stating, ‘it seems that trade between China and Russia was nothing more than barter’ [Fletcher, p. 565]. Most Russian researchers think that the Kyakhta trade was conducted on the basis of mutual benefits and equality among the participants, allowing the two countries to develop their politics, economy, and culture [Покровский, с. 13; Хохлов, с. 143; Темников, с. 212, 247, 249; Единархова, с. 10, 131]. Meanwhile, they generally agree that trade in Kyakhta began to decline during the mid-nineteenth century, but have provided various explanations for this decline. V. I. Pokrovskii noted that reduced transport costs across the seas between China and Europe adversely affected inland trade in Kyakhta, wherein transport costs were relatively higher [Покровский, с. 13]. A. N. Khokhlov mentioned that since the Treaty of Kuldja between Russia and the Qing dynasty in 1851, inflows of tea through Xinjiang and increased tea smuggling on the western borders of Russia led to a decline in the Kyakhta trade [Хохлов, с. 141–143]. According to Temnikov, the varied stages of the Kyakhta trade, as well as the high cost of land transport, significantly increased the price of Kyakhta tea in the centre of Russia. He claimed that this led to the increase in the smuggling of tea from Poland in the early 1850s, which led to the decline of the Kyakhta trade [Темников, с. 216–219]. N. E. Edinarkhova attributed the decline of the Kyakhta trade to increased competition with the UK in trade with China,

and argued that Russia was late in transitioning to free trade [Единархова, с. 112–113, 115, 135]. Zh. Z. Tagarov noted that a crisis occurred in the barter system of the Kyakhta. Russian merchants profited by bringing tea obtained through barter and selling it on the Russian domestic market, but the profit rate declined significantly from the 1840s because East Asia was incorporated into the global market in the mid-nineteenth century [Тараров, с. 191–194]. I. R. Khamjin emphasised internal factors: a decline in fur exports led to textiles replacing fur, and unprofitable Russian textiles fiercely competed with British goods on the Chinese market. Russian merchants fell behind in the competition, resulting in the smuggling of Guangzhou tea across the western border [Хамзин, с. 67–77, 217].

The stance of previous researchers can be summarised as follows. The decline in the Kyakhta trade in the mid-nineteenth century was caused by the weakened competitiveness of the Kyakhta merchants and the smuggling of cheap tea across Russia's western border as a result of structural changes in exports, high land transport costs, and intensified competition with the UK. In my view, although the aforementioned studies contain valid points, some uncovered areas need to be examined. First, there is a lack of essential reliable statistical data in trade history research. Next, most studies limit the role of the UK to the opening of trade with China or competition with the UK when it came to identifying the cause of the decline of the Kyakhta trade.

The purpose of this paper is as follows. First, it aims to obtain a systematic time series data for Russo-Chinese trade and Anglo-Chinese trade, and to identify the characteristics of the traded products and contact method (method of exchange) in the Kyakhta trade and in the Guangzhou trade. Second, it aims to examine how the UK's change in trade methods following the sale of opium affected China's economy and the Kyakhta trade. By allowing us to view the Kyakhta trade as an alternative to the ways of trading in Western Europe in the huge world system — rather than just minor trading made on a borderland — this study will help us understand the multilateral trade relations and geopolitical changes in East Asia today and in the future.

* * *

Although the *Foreign Trade Yearbook* [ГБТ] is crucial for understanding foreign trade in Russia, its method of counting did not remain consistent over time and should thus be referred to with caution. As the statistics in the *Foreign Trade Yearbook* are expressed in assignation roubles in 1802–1839 and silver roubles after 1840, [ГБТ за 1840 г., с. III]. Moreover, the Kyakhta trade was based on barter; thus, accurately calculating trade amounts is considerably complex.

The Russian government published *Year 1800 Rules*, which compiled the rules on trade in Kyakhta and stipulated that the exchange price should be set every year for Kyakhta's trade with China, and regulated Chinese

products should be bartered only at such prices [ПСЗ-1, т. 26, № 19328]. Hence, the volume of trade in Kyakhta during 1802–1840 in the *Foreign Trade Yearbook* was calculated at exchange prices based on assignation roubles in 1801. Assignation roubles were abolished in 1839 [ПСЗ-2, т. 13, № 12497], and the volume of trade in Kyakhta was documented at declared prices from 1841 [Неболсин, с. 341]. Accordingly, the numbers from 1841 were presented in silver roubles for the actual trade amounts; however, the numbers in 1802–1840 were recorded from the trade amounts calculated in assignation roubles in 1800.

To align statistics for trade in Kyakhta in the *Foreign Trade Yearbook* into a time series, this paper multiplies statistical numbers derived from 1802–1840 by 0.655 — the assignat exchange rate in 1800 for silver roubles [РГИА. Ф. 994. Оп. 1. Д. 313. Л. 1–31]. Statistics from 1840 are excluded because they were documented during the transition from assignation to silver roubles and severely deviate from the time series. Based on such calculations, statistics for the two periods of 1802–1839 and 1841–1860 are arranged into a relatively stable time series (table 1).

Table 1

Exports and imports in Kyakhta in 1802–1860 (1,000 silver roubles)

Years	Export						Import	
	Total		Russian product		Transit		Chinese product	
	Silver roubles	Index	Silver roubles	Index	Silver roubles	Index	Silver roubles	Index
1802–1807	3,056	100	1,316	100	1,739	100	3,081	100
1812–1820	3,850	126	2,584	196	1,273	73	3,411	111
1821–1830	4,816	158	3,265	248	1,563	90	4,401	143
1831–1839	5,083	166	4,242	322	842	48	5,083	165
1841–1850	6,312	207	5,978	454	335	19	6,312	205
1851–1860	5,956	195	5,956	453	0	0	6,578	214

Source: ГБТ за 1802–1807, 1812–1860 rr.

Total exports and imports in Kyakhta continued to increase from the early nineteenth century and nearly doubled in the 1850s. Total Russian exports are divided into the exports of Russian products and transit exports of foreign products. Russian product exports increased 4.5 times between the two periods, 1802–1807 and 1851–1860, whereas transit exports of foreign products decreased to less than a fifth. Official statistics show that the trade between Qing China and Russia developed stably with some level of balance through Kyakhta trade in 1802–1850, but Russia suffered a trade deficit in the 1850s (table 2).

Table 2

Imports and exports by product in Kyakhta in 1802–1860 (1,000 silver roubles)

Years	Import						Export					
	Total		Tea		Cotton		Total		Fur & Leather		Textile	
	sil. rub	index	sil. rub	index	sil. rub	index						
1802–1807	3081	100	1418	100	1515	100	1316	100	1187	100	27	100
1812–1820	3411	111	2514	177	770	51	2584	196	2088	176	268	992
1821–1830	4401	143	3900	275	330	22	3265	248	2638	222	251	930
1831–1840	5083	165	4842	341	64	4	4242	322	2276	192	1117	4139
1841–1850	6312	205	6066	428	21	1	5978	454	1760	148	4021	14893
1851–1860	6578	214	6226	439	27	2	5956	453	1366	115	3558	13179

Source: ГБТ за 1802–1807, 1812–1860 гг.

Table 2 presents statistics of Russian products excluding transit products in Russia's total exports through Kyakhta. In 1802–1807, tea accounted for 46 % of total imports in Kyakhta, whereas cotton was slightly higher at 49 %. The percentage of tea gradually increased, whereas that of cotton products gradually decreased. Cotton products accounted for only 0.4 % of Kyakhta's total import in 1851–1860, whereas tea was dominant and accounted for 95 % of total imports. Overall, it would not be an exaggeration to state that Russia's trade with China since the 1810s was to import tea.

In 1802–1807, fur and leather accounted for 90 % of total exports in Kyakhta, whereas textiles, such as wool, cotton, and linen fabrics, accounted for only 2 %. However, the percentages of fur and leather decreased from 1812–1820 to 23 % of total exports in 1851–1860. In contrast, the export of textiles began to rise, and their share of total exports increased to 67 % in the 1840s and 60 % in the 1850s.

Economic contact between Russia and the Qing dynasty through Kyakhta was sustainable because of the ability of both countries to supply drinks and clothing, such as tea, fur, wool, and cotton textiles, to ensure people were warm and to address each other's needs. These products were useful due to the extreme living conditions in the continent, and were consumer products that were scalable from the upper class to the public, thereby allowing continuous exchange without the mediation of currency. These characteristics of the economic contact between Russia and China through Kyakhta were the primary difference when compared with the UK's trade with China through Guangzhou in the first half of the 19th century.

* * *

Trade between the UK and China also utilised a type of barter [Greenberg, p. 7]. According to H. B. Morse, the exchange ratio between products for the next year was prepared based on the principles of barter at the end of the trade season between China and the UK [Morse, 1926, vol. 2, p. 298; Morse, 1926, vol. 4, p. 123]. However, the UK, unlike Russia, did not have products to offer in exchange for tea in its trade war over Chinese tea. Eventually, the UK had to bring considerable amounts of silver to China to pay for tea. As a result, in the eighteenth century, Guangzhou's trade balance was heavily tilted toward China, and 90 % of the British East India Company's ships heading to China contained precious metals, with only 10 % amounting to other products [Hsü, p. 168] (table 3).

Table 3

**The UK's export and import trade with China by commodity in 1827–1858
(1,000-pound sterling)**

Years	Export*						Import**					
	Total		Cotton		Woollen		Total		Tea		Raw silk	
	1000 £	index	1000 £	%	1000 £	%	1000 £	index	1000 £	%	1000 £	%
1827–1830	647	100	74	11.4	511	79.0	3510	100	3372	96.1	44	1.3
1831–1840	823	127	340	41.3	433	52.6	3838	109	3533	92.0	218	5.7
1841–1850	1584	245	1071	67.6	387	24.4	5412	154	4700	86.8	454	8.4
1854–1858	1964	304	1378	70.2	247	12.6	9157	261	4994	54.5	3974	43.4

* Declared value for 1827–1858, ** Official value for 1827–1853, computed real value for 1854–1858.

Source: [British Parliament Papers, 315, 319].

In the first half of the nineteenth century, the UK's major export products were wool and cotton, while the import products were tea and raw silk. Tea was by far the biggest import, accounting for over 90 % of all imports in the 1820s–1830s, but the proportion dropped considerably to 55 % in the 1850s. Instead, the share of raw silk, which was not prominent in the 1820s–1840s, increased significantly in the 1850s, accounting for 43 % of total imports.

In the 1820s, wool accounted for 79 % of total exports, but its export continued to decline, accounting for only 13 % of total exports in the 1850s. However, cotton accounted for only 11 % of total exports in the 1820s, but its export grew gradually in size, accounting for 70 % in the 1850s. Overall, British exports to China increased 3 times between 1827 and 1858, while imports increased 2.6 times, resulting in a greater increase in exports, but the UK still had a huge deficit. This deficit was offset by trade with India, with the key product being Indian opium (table 4).

Table 4

China's opium imports in 1801–1860

Years	Box	Index	Total value	Unit price
			1,000 \$	\$
1801–1810	3,894	100	–	–
1811–1820	4,567	117	4701	1.03
1821–1830	10,233	263	9590	0.94
1831–1839	26,713	686	14762	0.55
1841–1850	40,484	1,040	–	–
1851–1860	68,707	1,764	–	–

Source: [Morse, 1910, p. 556; Greenberg, p. 220–221].

Opium sales by the UK increased approximately 18 times from the early nineteenth century to the 1850s. Opium exports began to increase around 1819, and approximately 1,820 tonnes of opium were imported into China annually by 1836, thus making opium the highest traded product worldwide in the nineteenth century [Greenberg, p. 104].

The illegal smuggling of opium exacerbated the trade balance in China. In the late 1820s, trade deficits occurred for the first time in Chinese history. The net inflow of silver into China from 1801 to 1826 was 1.9 million kg, whereas the net outflow of silver reached 3.3 million kg from 1827 to 1849 [Eastman, p. 129]. From then onwards, silver outflow was higher than the inflow until the 1850s [Von Glahn, p. 367]. This led to a silver shortage in China, and bad money drove out good money; quality silver thus exited the market [Eastman, p. 130]. The silver shortage resulted in increased silver value for goods, and the silver-denominated price index in the first half of the nineteenth century reduced sharply to 85 in 1820 and 55 in 1850, based on 1801–1815 as 100 [Hao, p. 122].

The Qing dynasty could not tolerate the illegal inflow of opium that gnawed away at China's economy and society and placed strict measures to prohibit opium smuggling. In response, the UK waged the First Opium War in 1839–1842 and attempted to force their way of trade onto the Qing. Although the opium trade had yet to be legalised, British merchants were allowed to sell opium more aggressively to China. Above all, this situation decisively changed the exchange method of China. British merchants were not legally allowed to barter opium in public, and thus received silver from brokers and sold opium to them [Wakeman, p. 172]. They used the received silver to pay for tea and shipped it to Western Europe by sea [Spence, p. 130]. The opium trade thus operated completely outside the Guangzhou trade system, and China-UK trade, which was initially close to the barter system, transformed into currency-based trade. This laid the foundation for unequal exchange.

Trade based on Western silver coins expanded with the opium trade. Merchants from other countries, such as the US, brought Western silver coins

into China, which circulated on the Chinese market and then exited through British merchants. For example, Americans brought in 60 million dollars of silver and British people shipped out 50 million dollars of silver in 1818–1834 [Hsü, p. 172]. Therefore, the currency system in the Qing dynasty was very confusing because its silver and copper coins were mixed with various other Western silver coins, such as Spanish and Mexican silver coins, which flowed in through trade with the West, and even opium was used as currency [Hao, p. 34–46]. Under these circumstances, the exchange value of silver tael for copper coins increased in the first half of the nineteenth century. It increased from the 1810s when the opium trade expanded, jumped up especially in the 1840s after the First Opium War, and increased 3.1 times in the 1850s, when the Taiping Rebellion occurred [Allen et al., p. 35]. This shows that the Qing dynasty lost control of money distribution. The amount of silver held by the Qing decreased significantly in the first half of the nineteenth century, and reached its lowest level since 1686 in 1842 [Glahn, p. 362].

There was a hierarchy between Western silver coins and sycee (horseshoe silver). In particular, Espana Carlos silver coins enjoyed an 8 % premium for sycee with purity 7–8 % higher. Hence, if someone bought sycee from Guangzhou and sold it to Kolkata, they could profit by 15 %–16 %. In particular, the premium increased during wars or currency shortages, and Carlos silver coins were circulated in Shanghai at 44–86 % higher prices compared with their intrinsic value when the Qing were in chaos in 1853–1857 due to the Taiping Rebellion [Hao, p. 35–40]. This situation led to an increase in unequal exchange and inevitably affected the Kyakhta trade.

* * *

Table 5 calculates the percentage of Russian export products for tea imported in Kyakhta for 20 years after the First Opium War and provides the contributions of each product to purchasing tea.

Table 5

**Percentage of Russian export products for imported tea in Kyakhta
in 1841–1860 (1,000 silver roubles, 1,000 puds)**

Years	Tea		Sum of 1 and 2		1. Fur + leader		2. Textile		3. Gold and silver products	
	sil. rub	pud	sil. rub	%	sil. rub	%	sil. rub	%	sil. rub	%
1841–1845	6,190	260	5,781	93	1,790	29	3,991	64	–	–
1846–1850	5,943	328	5,779	97	1,729	29	4,050	68	–	–
1851–1855	5,847	269	5,087	87	1,320	23	3,767	64	1,029	18
1856–1860	6,604	421	4,761	72	1,411	21	3,350	51	1,004	15

Source: ГБТ за 1802–1807, 1812–1860 rr.

Although the proportions of fur, leather, and textile trades changed slightly after the First Opium War in the 1840s, Russian merchants could pay for tea with these products in official trades. In particular, Russian wool had a significant market in China when British wool sales to China stagnated after the Opium War [Копсак, с. 227]. In southern ports, which were open to Western European countries, Russian wool fabrics were successfully competing with British and German ones [Журнал мануфактур и торговли, с. 217].

In the first half of the 1850s, tea imports decreased slightly from before when calculated by weight, but increased significantly again in the late 1850s, and reached an all-time high due to the reducing unit price of tea. The exports of fur and leather could not keep up with tea imports, and the exports of textiles decreased further, thus making it difficult to fulfil the growing demand for tea only with traditional products.

As the value of silver for copper coins and products increased further after 1840s, Chinese merchants preferred currency to goods and discounted tea prices considerably when paid in silver metals or coins; Russian merchants were tempted to pay for tea in currency, and such trade took place secretly. A. Korsak stated that although the outflow of precious metals through Kyakhta was prohibited at the time, smuggling was increasingly used to bring precious metals outside [Копсак, с. 180]. According to N. E. Edinarkhova, some Russian entrepreneur merchants made silverware in the Chinese style in Moscow, brought it to Kyakhta, and used it to purchase a huge amount of tea [Единархова, с. 41–42]. Amid this situation, the Russian government had no choice but to allow the exchange of gold and silver products with tea in 1854 [ПСЗ-2, т. 29-1, № 28461].

Trade in Kyakhta thus entered a new chapter of its history. Russia's exports of gold and silver products were in effect paying for tea. Although gold and silver products were called crafted works, Chinese merchants considered them just metals and were not interested in craftsmanship [Покровский, с. 10]. Hence, the Kyakhta trade was no longer based on barter but on exchange mediated by international currency as a result of the official change in the contact method, which started in the 1850s; the balance of trade that had been maintained through barter was not possible any more. The exports of precious metal products increased and accounted for 17 % of total exports in the 1850s. In fact, in 1856, they accounted for 37 % with 2,267,000 silver roubles. Finally, the Russian government scrapped all restrictions in 1861 and allowed the inflow and outflow of precious metals, thus putting an end to the era of barter [Хохлов, с. 142–143].

Many researchers point out that Russian products had already been sold at exceptionally low prices in China since the 1840s amid competition with British products [Ковалевский, с. 142; Гагемейстер, с. 631; Хохлов, с. 144; Единархова, с. 106–107, 110–113]. However, while A. B. Semenov noted that Russian goods were sold cheaply in China, he added that this could be due to fluctuations in China's monetary system [Семенов, с. 212] (table 6).

Table 6

Exchange unit price index of tea and wool bartered in Kyakhta in 1812–1860

Years	Tea				Wool			
	1,000 puds	1,000 silver roubles	unit price	Index	1,000 puds	1,000 silver roubles	unit price	index
1812–1820	98	2,514	25.6	100	163	242	1.49	100
1821–1830	142	3,900	27.4	107	145	174	1.2	81
1831–1840	185	4,842	26.2	102	693	1,208	1.74	117
1841–1850	294	6,066	20.6	80	1,336	2,712	2.03	136
1851–1860	345	6,152	17.8	70	958	2,157	2.25	151

Source: ГБТ за 1802–1807, 1812–1860 гг.

As shown in Table 6, the unit price of Russian wool increased consistently from the 1820s, reaching 1.5 times in the 1850s compared to the 1810s. In contrast, the unit price of tea declined continuously from the 1820s, falling to a level of 70% compared to the benchmark price. Therefore, one should not think that Russian merchants suddenly sold Russian wool at low prices at a loss from 1840s. Above all, it should be remembered that the Kyakhta trade was a barter trade. Unlike asymmetrical exchanges through currencies, barter trade has a symmetrical characteristic to a certain extent. Therefore, there is no problem if Russian-manufactured goods are exchanged with tea, after which tea is brought into the domestic market and sold at a good price [Тараров, с. 186, 191]. The UK also did not profit much from the export of manufactured goods, sometimes suffering great losses, but it earned an income by selling Chinese products in Europe [Sargent, p. 50–51].

Of course, the inflow of cheap tea through the western border of Russia from the mid-nineteenth century made it difficult to sell Kyakhta tea on the Russian domestic market, hurting Kyakhta trade [Хохлов, с. 141; Темников, с. 216; Тараров, с. 192]. However, one should not forget the fact that the key reason why the Western powers, including the UK, were able to acquire an enormous amount of tea at low costs from China and bring it in by sea was the sale of opium, which was officially a banned product until 1858. The UK could not find any alternative other than opium for a long time, and it would have been difficult to purchase tea if it were not for opium. Despite all British commercial and military efforts in the 1840s and 60s, Britain's trade balance with China suffered a deficit until the mid-1880s [Sargent, p. 198–200]. Before 1890, opium was the only British product that had a solid market in China [Eastman, p. 160].

Consequently, the number of opium addicts in China increased day-by-day. Smoking opium was expensive and required time and a place. Accordingly, there were many wealthy government officials or soldiers among opium smokers [Wakeman, p. 178]. They had some purchasing power in Chinese society at that time, and their increased opium consumption inevitably led to decreased consumption of other products [Hsü, p. 172]. According to a survey by Lin Zexu, the annual cost of living per person in 1839 was 18 silver tael, but opium addicts consumed 36 silver tael of opium every year [Zhuang, p. 199]. Around 1839, merchants of Nankow and Hankow, commercial centres, told Lin Zexu that the Qing market for goods had fallen by half compared to 30 years ago, half due to the opium imports [Greenberg, p. 143]. In 1847, a British special committee report mentioned that the Chinese could not import British manufactured goods because they had used up all available silver for opium payments [Sargent, p. 130].

* * *

When comparing British and Russian trade with China, it should be understood that the positions of the two governments were different. It was important for the British government to protect the interests of foreign traders and factory entrepreneurs who had an influence over Parliament. In the case of the Russian government, the standpoint of Kyakhta merchants and Moscow entrepreneurs also had to be considered, but protecting national interests in its relations with China was important, as it was a bordering country.

The UK incorporated China into the UK-led world economy through illegal opium sales and military expeditions. This was primarily because it became increasingly important to secure cheap tea stably due to the increasing demand in the UK. In the nineteenth-century UK, black tea had gradually become an inexpensive beverage that urban workers drank with bread, and it lowered the cost of food in urban workers' households during the Industrial Revolution [Clark, Huberman, Lindert, p. 228, 233]. As it eased the pressure of wage increase by lowering the burden of the cost of living of workers, British industrialists wanted a stable import of tea as much as the import of grain [Park]. Furthermore, as the Industrial Revolution gradually spread to other European regions, such as the Netherlands and France, in the nineteenth century, the competition for the sale of products intensified, and British entrepreneurs became interested in the Chinese market [Sargent, p. 50–51]. Henry Pottinger, a British negotiator at the time of the Treaty of Nanjing, told British industrialists that he had opened up a whole new world to their trade, so vast that 'all the mills in Lancashire could not make stocking stuff sufficient for one of its provinces' [Pelcovits, p. 16].

The Russian government watched the Anglo-Chinese war closely and sought to maintain a stable diplomatic stance and trade relations with the Qing. Of course, it is hard to say that there was no smuggling of opium by Russians along the lengthy Russia-Qing border. However, it seems clear

that there was a willingness at government level to ban the opium trade. In 1841, Nicholas I issued a decree to strictly forbid the flow of opium through the Kyakhta border [ПСЗ-2, т. 16, № 14450]. Decrees were issued again later in 1844 and 1845 to ban the opium trade, and another was issued in 1862 for strict monitoring to disallow the transport of opium and liquor through the Chinese border [Там же, т. 19, № 17547; Там же, т. 20, № 19284; Там же, т. 37, № 38123].

Meanwhile, land transport could not keep up with maritime transport in terms of transportation costs. According to Edinarkhova, it took seven-to-eight months by sea from Kronstadt to Shanghai in the 1850s, and the transportation cost was 3.2 roubles. However, it took six months by land from Moscow to Kyakhta, and the transportation cost was 7.14 roubles, which was almost twice as expensive as maritime transport [Единархова, с. 118]. Most studies agree that land transport was much more expensive than maritime transport [Покровский, с. 12–13; Хохлов, с. 137; Темников, с. 218]. If Russia's goal had been merely to acquire tea, it would have been economically beneficial to activate the tea trade by sea.

From the standpoint of the Russian government, it was important in many ways for the Kyakhta trade to remain stable. The continuous flow of logistics from Moscow to Kyakhta through the Kyakhta trade played an important role in Siberian development [Единархова, с. 74–82]. However, the benefits of maritime transport crossing the vast ocean and those of land transport passing through the country's territory cannot be simply evaluated by the cost of transport alone. Kyakhta trade was an important means of tying European Russia and Siberia into one economy. The Kyakhta trade animated a long travel route from Moscow to the Chinese border by transporting products from the centre of Russia to Kyakhta and vice versa [Хохлов, с. 140; Единархова, с. 79–80]. In particular, a study by Mironov shows that based on the chain of fairs markets in Siberia from Irbit (February to March), Tobolsk (May), Tomsk (June to July), Yeniseysk (August), Irkutsk (October), and Kyakhta (December to February) in the late eighteenth century, Kyakhta's continuous trade with China played a vital role in incorporating Siberia into one nation-wide market [Миронов, с. 218–219].

* * *

Important reasons for the decline of the Kyakhta trade in the mid-nineteenth century include the burden of transport costs, China's opening of trade ports, increased competition with the UK, and the import of inexpensive tea through the western border. However, at the heart of those things was the collapse of the trade system with the Qing due to the UK's illegal opium sales, which resulted in the increase in inequality exchange in trade. Under this circumstance, Kyakhta exports suffered in three aspects.

First, Indian opium, which was brought in illegally by the UK, dominated the Chinese market, aggravating the conditions of buying tea for Russian

merchants. In this structure, the competitiveness of the British was not in the sale of British textiles but in obtaining silver through the sale of Indian opium. The Chinese were fascinated by Russian fur in the eighteenth century and were addicted to Indian opium in the nineteenth century. Next, illegal opium sales by the UK increased China's opium consumption significantly, which reduced the purchasing power of the Chinese and worsened the sales conditions of Russian manufactured goods. After the Treaty of Nanjing, British entrepreneurs also expected the demand of 300 to 400 million people, but in the end, it turned out to be in vain.

Lastly, the decisive blow that the opium trade inflicted on the Kyakhta trade was the collapse of the traditional Chinese currency and trade system. The UK broke down the traditional Qing currency system in a series of processes of illegally exchanging opium with silver or silver coins and then using the silver to buy tea. As a result, in the nineteenth century, there were various currencies in China, among which Western silver coins enjoyed a premium. Chinese merchants wanted silver, a safe asset — especially Western silver coins — rather than Russian products. As the way of exchange changed, barter could no longer be maintained. From now on, Russian merchants had to pay precious metals for tea, but Britain could still buy tea with opium.

Список литературы

Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири : [в 3 ч.]. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1854. Ч. 2. 697 с.

ГВТ – Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1802–1807, 1812–1860 гг. СПб. : Гос. Коммерц-коллегия, 1803–1808, 1813–1861.

Единархова Н. Е. Кяхта и кяхтинская торговля : (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск : Оттиск, 2015. 153 с.

Журнал мануфактур и торговли. 1849. № 2. С. 131–244.

Ковалевский Е. Путешествие в Китай : [в 2 ч.]. СПб. : Тип. Королева и К°, 1853. Ч. 2. 213 с.

Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань : Изд. книготорговца Ивана Дубровина, 1857. 445 с.

Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л. : Наука, 1981, 252 с.

Неболсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли России : [в 2 ч.]. СПб. : Тип. Департамента внешней торговли, 1850. 409 с.

Покровский В. И. Статистические сведения о торговле России с Китаем. СПб. : Типолит. М. П. Фроловой, 1909. [2], 25, 42 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 26.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 13, 16, 19, 20, 29-1, 37.

РГИА. Ф. 994. Оп. 1. Д. 313.

Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г. : [в 3 ч.]. СПб. : Тип. И. И. Глазунова, 1859. Ч. 3. 536 с.

Тагаров Ж. З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура) : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2015. Кн. 5. С. 183–199.

Темников Е. Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Казань : [Б. и.], 2021. 275 с.

Хамзин И. П. Морская торговля России и Китая во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2021. 263 с.

Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // *Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений.* М. : Мысль, 1982. С. 99–147.

Allen R. C., Bassino J.-P., Ma Debin, Moll-Murata C., van Zanden J. L. Wages, Prices, and Living Standards in China, 1738–1925: In Comparison with Europe, Japan, and India // *Economic History Rev.* 2011. Vol. 64. № S1. P. 8–38.

British Parliament Papers. 1859. Session 2. Vol. 23. Account and Papers. East India.

Clark G., Huberman M., Lindert P. H. A British Food Puzzle, 1770–1850 // *Economic History Rev.* 1995. Vol. 48, № 2. P. 215–237.

Eastman L. E. Family, Fields, and Ancestors: Constancy and Change in China's Social and Economic History, 1550–1949. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1988. 267 p.

Fletcher J. Sino-Russian Relations, 1800–62 // *Cambridge History of China* : [15 vols.]. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1978. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1. P. 318–350.

Greenberg M. British Trade and the Opening of China 1800–42. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1951. 238 p.

Hao Yen-P'ing. The Commercial Revolution Nineteenth-Century China: The Rise of Sine Western Capitalism. Berkeley : Univ. of California Press, 1986. 394 p.

Hsü I. C. Y. The Rise of Modern China. 6th Ed. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2000. 1052 p.

Morse H. B. The International Relations of the Chinese Empire : 3 vols. L. : Longmans, Green, and Co., 1910–1918. Vol. 1. The Period of Conflict, 1834–1860. XXXVII, 727 p.

Morse H. B. The Chronicles of the East India Company Trading to China 1635–1834 : 4 vols. Oxford : Clarendon Press, 1926. Vol. 2. 320 p. Vol. 4. 427 p.

Park J. B. The Significance of British Tea Trade with China within the Modern World-System in the Eighteenth and First Half of Nineteenth Centuries // *Yoksa Harbo.* 2014. Vol. 224. P. 337–369.

Pelcovits N. A. Old China Hands and the Foreign Office. N. Y. : King's Crown Press, 1948. 349 p.

Sargent A. J. Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy (Mainly in the Nineteenth Century). Oxford : Clarendon Press, 1907. 332 p.

Spence J. D. The Search for Modern China. N. Y. ; L. : W. W. Norton & Co., 2001. 876 p.

Von Glahn R. The Economic History of China. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. 461 p.

Wakeman F. The Canton Trade and the Opium War // *The Cambridge History of China* : [15 vols.]. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2008. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1. P. 163–212.

Zhuang Guotu. Tea, Silver, Opium and War: The International Tea Trade and Western Commercial Expansion into China in 1740–1840. Xiamen : Xiamen Univ. Press, 1993. 224 p.

References

Allen, R. C., Bassino, J.-P., Ma Debin, Moll-Murata, C., van Zanden, J. L. (2011). Wages, Prices, and Living Standards in China, 1738–1925: In Comparison with Europe, Japan, and India. In *Economic History Rev.* Vol. 64. No. S1, pp. 8–38.

British Parliament Papers (1859). Session 2. Vol. 23. Account and Papers. East India.

Clark, G., Huberman, M., Lindert, P. H. (1995). A British Food Puzzle, 1770–1850. In *Economic History Rev.* Vol. 48. No. 2, pp. 215–237.

Eastman, L. E. (1988). *Family, Fields, and Ancestors: Constancy and Change in China's Social and Economic History, 1550–1949.* N. Y., Oxford Univ. Press. 267 p.

Edinarkhova, N. E. (2015). *Kyakhta i kyakhtinskaya torgovlya. (40-60-ye gg. XIX v.)*. [Kyakhta and the Kyakhta Trade. 1840s–1860s]. Irkutsk, Ottisk, 153 p.

Fletcher, J. (1978). Sino-Russian Relations, 1800–62. In *Cambridge History of China. 15 vols.* Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1, pp. 318–350.

Gagemeister, Yu. A. (1854). *Statisticheskoe obozrenie Sibiri v 3 ch.* [Statistical Review of Siberia. 3 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Part 2. 697 p.

Greenberg, M. (1951). *British Trade and the Opening of China 1800–42.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 238 p.

GVT – Gosudarstvennaya vneshnyaya torgovlya v raznykh ee vidakh za 1802–1807, 1812–1860 gg. [State Foreign Trade in Its Various Forms for 1802–1807, 1812–1860]. (1803–1808, 1813–1861). St Petersburg, Gosudarstvennaya Kommerts-kollegiya.

Hao, Yen-P'ing. (1986). *The Commercial Revolution in Nineteenth-Century China: The Rise of Sine Western Capitalism.* Berkeley, Univ. of California Press. 394 p.

Hsü, I. C. Y. (2000). *The Rise of Modern China.* 6th Ed. N. Y., Oxford Univ. Press. 1052 p.

Khamzin, I. R. (2021). *Morskaya torgovlya Rossii i Kitaya vo vtoroi polovine XIX v.* [Maritime Trade Between Russia and China in the Second Half of the 19th Century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 263 p.

Khokhlov, A. N. (1982). *Kyakhtinskaya torgovlya i ee mesto v politike Rossii i Kitaya (20-e gody XVIII v. – 50-e gody XIX v.)* [The Kyakhta Trade and Its Place in the Politics of Russia and China (1720s–1850s)]. In *Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii.* Moscow, Mysl', pp. 99–147.

Korsak, A. (1857). *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snoshenii Rossii s Kitaem* [Historical and Statistical Review of Trade Relations between Russia and China]. Kazan, Izdaniy knigotorgovtsa Ivana Dubrovina. 445 p.

Kovalevskii, E. (1853). *Puteshestvie v Kitai v 2 ch.* [Travel to China. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Koroleva i Co. Part 2. 213 p.

Mironov, B. N. (1981). *Vnutrennii rynek Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v.* [The Domestic Market of Russia in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Leningrad, Nauka. 252 p.

Morse, H. B. (1910–1918). *The International Relations of the Chinese Empire. 3 vols.* L., Longmans, Green, and Co. Vol. 1. The Period of Conflict, 1834–1860. XXXVII, 727 p.

Morse, H. B. (1926). *The Chronicles of the East India Company Trading to China 1635–1834. 4 vols.* Oxford, Clarendon Press. Vol. 2. 320 p. Vol. 4. 427 p.

Nebolsin, G. P. (1850). *Statisticheskoe obozrenie vneshnei torgovli Rossii v 2 ch.* [Statistical Review of Russia's Foreign Trade. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta vneshnei torgovli. 409 p.

Park, J. B. (2014). *The Significance of British Tea Trade with China within the Modern World-System in the Eighteenth and First Half of Nineteenth Centuries.* In *Yoksa Harbo.* Vol. 224, pp. 337–369.

Pelcovits, N. A. (1948). *Old China Hands and the Foreign Office.* N. Y., King's Crown Press. 349 p.

Pokrovskii, V. I. (1909). *Statisticheskie svedeniya o torgovle Rossii s Kitaem* [Statistical Information on Russia's Trade with China]. St Petersburg, Tipolitografiya M. P. Frolovoi. [2], 25, 42 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 26.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 13, 16, 19, 20, 29-1, 37.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 994. List 1. Dos. 313.

Sargent, A. J. (1907). *Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy (Mainly in the Nineteenth Century).* Oxford, Clarendon Press. 332 p.

Semenov, A. V. (1859). *Izucheniye istoricheskikh svedenii o rossiiskoi vneshnei torgovle i promyshlennosti s poloviny XVII-go stoletiya po 1858 g. v 3 ch.* [The Study of Historical Information about Russian Foreign Trade and Industry from the Middle of the 17th Century to 1858]. St Petersburg, Tipografiya I. I. Glazunova. Part 3. 536 p.

Spence, J. D. (2001). *The Search for Modern China.* N. Y., L., W. W. Norton & Co. 876 p.

Tagarov, Zh. Z. (2015). *Mongol'skii tranzit i rusko-kitaiskaya kyakhtinskaya torgovlya v kontse XVII – nachale XX veka* [Mongolian Transit and Russian-Chinese Kyakhta Trade in the Late 17th – Early 20th Centuries]. In *Rossiya i Mongoliya: novyi vzglyad*

na istoriyu: (diplomatiya, ekonomika, kul'tura). Sbornik nauchnykh trudov. Irkutsk, Ulan-Bator, Izdatel'stvo Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. Book 5, pp. 183–199.

Temnikov, E. G. (2021). *Mezhgosudarstvennye otnosheniya Rossii i Kitaya vo vtoroi polovine XIX v.* [International Relations between Russia and China in the Second Half of the 19th Century]. Dis. ... kand. ist. nauk. Kazan, S. n. 275 p.

Von Glahn, R. (2016). *The Economic History of China.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. 461 p.

Wakeman, F. (2008). The Canton Trade and the Opium War. In *The Cambridge History of China. 15 vols.* Cambridge, N. Y., Cambridge Univ. Press. Vol. 10. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1, pp. 163–212.

Zhuang Guotu. (1993). *Tea, Silver, Opium and War: The International Tea Trade and Western Commercial Expansion into China in 1740–1840.* Xiamen, Xiamen Univ. Press. 224 p.

Zhurnal manufaktur i trgovli [Zhurnal Manufaktur i Torgovli]. (1849). No. 2, pp. 131–244.

The article was submitted on 08.11.2021

International Film Festivals as a Field for Agonistics and Resonance: Contact Zones with Russian/Soviet Films* **

Woo-hyung Chon

Chung-Ang University,
Seoul, Republic of Korea

The international film festival, which seems to have landed in South Korea by accident in the mid-1990s, is a historical product. Technically, film festivals in South Korea were a hybrid and indigenous cultural movement that appeared at the crossroads of the Korean democratic movement in the 1980s and the global situation in the post-cold war era in the 1990s. From the 1980s film movement to the establishment of the art house cinema in the 1990s and the Busan International Film Festival in 1996, these developments did not emerge as parallel events, but rather as a culmination of epic tensions. The main purpose of this article is to expand on previous discussions that have never shown much interest in how the international film festival combines global and local aspects. The film movement created by Korean films and the international film festivals of the 1980s and 1990s symbolised the journey to social resonance aimed at communicating with the audience about new Korean films by highlighting 'agonistics' and 'resonance' between Korean and 'other' films.

Keywords: Korean International Film Festival, agonistics, resonance, contact zones, film movement, Busan International Film Festival (BIFF)

Международные кинофестивали, которые с середины 1990-х гг. проводятся в Южной Корее, имеют историческое значение. Формально кинофестивали в Южной Корее были гибридным культурным феноменом, возникшим на пересечении корейского демократического движения 1980-х гг. и глобализации в эпоху после холодной войны в 1990-е гг. От кинодвижения 1980-х гг. до становления артхаусного кино в 1990-х и Пусанского международного кинофестиваля в 1996 г. эти события развивались не как па-

---

* This work was supported by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2017S1A6A3A03079318).

This article develops the manuscript "Beyond the International Film Festival" in the forthcoming book, and rewrites the Korean International Film Festival with a focus on 'resonance' and the cultural contact zones between Korea and Russia/the Soviet Union.

** *Citation:* Chon, W. (2022). International Film Festivals as a Field for Agonistics and Resonance: Contact Zones with Russian/Soviet Films. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1304–1317. DOI 10.15826/qr.2022.4.730.

Цитирование: Chon W. International Film Festivals as a Field for Agonistics and Resonance: Contact Zones with Russian/Soviet Films // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1304–1317. DOI 10.15826/qr.2022.4.730.

раллельные, а скорее как кульминация эпического напряжения. Основная цель статьи – расширить проблематику предыдущих дискуссий, участники которых никогда не проявляли большого интереса к тому, как международный кинофестиваль сочетает в себе глобальные и локальные аспекты. Кинодвижение, созданное корейским кинематографом, и международные кинофестивали 1980-х и 1990-х гг. символизировали путь к социальному резонансу, направленному на то, чтобы донести до зрителей информацию о новых корейских фильмах, подчеркивая агонистику и резонанс между ними и работами из других стран.

Ключевые слова: Корейский международный кинофестиваль, агонистика, резонанс, контактные зоны, кинодвижение, Пусанский международный кинофестиваль (BIFF)

Cultural Movements for Hybridity

This article seeks to trace the journey of ‘others’, *agonistics*, and ‘resonance’ in Korean films to identify the origin of the new Korean films of the 1980s and 1990s. Recently, research on the origins and transformations in Korean literature and culture mainly explored the same through ‘relationships with others’. This confirmed that Korean literature and culture were formed and transformed in the process of *agonistics* and resonating with the universality or epochal characteristics of ‘literature’ and ‘culture’ rather than the uniqueness of ‘Korea’. Accordingly, this article attempts to capture where and how the new Korean films came into contact with the audiences in the 1980s and 1990s and who the people behind it were, and the moments of agonistics and resonance that occurred in those contact zones. Particularly, through the mass movement of independent film groups in the 1980s and international film festivals in the 1990s, this article aims to investigate the way in which Soviet and Russian socialist films, art films, and documentary films intervened in the origins of new Korean films during the process of encountering films other than Hollywood films, commercial films, and play films. These incidents in the history of Korean films during the 1980s and 1990s ultimately symbolise social resonance to talk about new Korean films with the audience through ‘*agonistics*’ and ‘resonance’ between Korean and ‘other’ films.

The hope is that the views of the international film festival described in this article will help overcome discussions that have led to the perception that film festivals in Korea emerged by chance in the 1990s. With Hollywood films long dominating the Korean film market, the process through which Koreans are introduced to films from other countries also has a long history, and the role of international film festivals has been crucial in this process. It might even have been possible for the domestic international film festival to reach the level of mapping post-Cold War world cinema had the 1980s film movement created a border within socialism between socialist ideology and socialist movements, thus allowing for an encounter with

films, aesthetics, and film movements of the Soviet Union and Eastern Europe¹. What is interesting about these events is that they contribute to the reclamation of a world alienated by Hollywood films and the building of a film history that takes place in the context of a post-Cold War system and neoliberalism. Moreover, because this situation reshapes or recontextualizes nationalism, it is not impossible that the film festival, which emerged out of this, was conceived as a community which embraced the *agonistics* [Mouffe] of different points of view and affirmed the new solidarity resulting from it. The Korean public's view of international film festivals held abroad is distinctly different from that of domestic international film festivals following the establishment of the Busan International Film Festival in 1996. One of the differences includes interest in awards or a lack thereof. However, the contrast cannot be explained solely by prestigious international film festivals or lack of interest. It may be a coincidence, but since the 2000s, when the Korean film festival expanded rapidly, it has become more of a hub for agonistics and solidarity. International film festivals are rarely discussed in great depth domestically, as the focus has been on individual festivals or current assessments. Therefore, not much importance is given to the history, role, or social effects of international film festivals, which is becoming more apparent in Korea. While certain discussions have dealt with the origins of domestic film festivals, they often failed to address different viewpoints, as they concentrated only on the initial scenario. Thus, the discussion has been limited to evaluating film festivals only in relation to film venues or local festival products.

Now, questions about international film festivals need to be raised in a way that goes beyond the realm of movies. Understanding international film festivals requires an understanding of the nearly 100-year period since films were first accepted. It is imperative to distance film festivals from the public's acceptance or profits of films. International film festivals serve as the platform for new films to battle for recognition and 'cultural justification' [De Valck, p. 37], as well as channels for communicating these mechanisms to society. Hence, questions concerning international film festivals beginning in Korea should be analysed through this lens. The significance of this article lies in contextualizing what the unique language of a film festival is, rather than the original language embedded in films themselves, and why it took 100 years ever since film first appeared for that language to evolve in Korea.

The terms 'agonistics' and 'resonance' used in this article entail the following meanings. 'Agonistics' refers to a different view that intervenes in the ideal of 'pursuing consensus without exclusion' and a 'perfectly reconciled and harmonious society'. Applying this to the Korean film industry in the 1980s and 1990s means calling out those excluded from the hegemony built

---

¹ In analyzing the discourse on art films, Kim Han-sang noted the role of the international film festival, which has been active since 1996, as an auxiliary market for art films and non-Hollywood films [Kim Han-sang, p. 57].

by Hollywood films and building an expanded film world for all. In this respect, the mass movement of films in the 1980s and international film festivals in the 1990s, which proposed the right to oppose contemporary Korean films through Soviet and Russian and Eastern European films, Asian and Third World films, and non-commercial art films and documentary films, became the sites of agonistics. 'Resonance' refers to the dynamics in which an original form takes shape or is transformed through physical contact and repetition, and it is related to creating a new site between the new film and the audience as well as the film and the audience.

Accordingly, this article provides an overview of the development of international film festivals organized in Korea, from their origins up to forming the contact zone with films, film culture, and contemporary society. Doing so confirms that Korean international film festivals have been important opportunities for historical changes in Korea both before and after their emergence, not isolated or anomalous instances in Korean film history. Additionally, this methodology promotes an understanding of the domestic international film festival in relation to the social role and influence of films, which started increasing in Korean society after the 1990s, explaining how the domestic international film festival strengthened its position. Though the domestic international film festival has been the subject of many critical discussions, its emergence in the 1990s is significant. This article begins by revealing that from a film history perspective, the 1990s were a time of transition following the 1980s film movement, and the desire for international film festivals followed naturally from this process. Likewise, from the perspective of film culture that grew alongside the New Social Movement, which emerged as an alternative to democracy in the 1980s, it would be unwise to overlook the existence of an international film festival as a contact point for society. In the end, any analysis of the domestic international film festival has to acknowledge the possibility that it may have been a blend between indigenous cultural capital, the local reality, a post-Cold War world situation, and the neoliberal economy. After all, the main objective of this article is to establish that domestic international film festivals, as a '*glocal*' cultural phenomenon, are connected to the expansion of film culture as a public forum for agonistics and solidarity, along with mapping a post-Cold War global cinema.

Contact Zones for Post-Cold War Film History

Korea's international film festival originated from the 1996 Busan International Film Festival. Earlier studies of the festival's origin considered the temporal particularity of 1996 and the geographical particularity of Busan in relation to the local government system which began in 1995. However, when it comes to the temporality, it is necessary to extend the reflection beyond 1995, when local government first came into being, all the way back to the time when the foundation was laid to allow local government to form, i. e. June 1987, also known for the June Democracy

Movement, that marked the beginning of the domestic international film festival. Coincidentally, the June Democracy Movement is not explained simply as a political democratization process, which clearly suggests a significant implication for the advent of the international film festival in that it offered an opportunity for popular movements of civil society to emerge, including the New Korean Cinema Movement.

In this regard, 'Film Space 1895' played a key role during the 1980s film movement that paved the way for the launch of the Busan International Film Festival in 1996. 'Film Space 1895' emerged out of a private cinematheque, which established a network with local cinematheques. 'Film Space 1895' focused on quenching the thirst for new films in its relationship with the film movement aimed at promoting ethnographic films at the time. According to its staff, 'Film Space 1895' is dedicated to the distribution of non-Hollywood films, such as subtitling 200 of the 1,500 videos it owns. [Söng] Soon after, 'Film Space 1895' established 'Book Publishing 1895' and published the quarterly magazine *Film Language* at the suggestion of Jeon Yang-joon, and was relocated to Busan when Lee Yong-gwan, a professor at Kyungsung University at the time, became its chief editor. As a result, Lee Hyo-in and Lee Eon-kyung, who led the film movement in Seoul, and Kim Ji-seok and Oh Seok-geun, who led the Busan Film Movement at the time, eventually met in Busan and joined the Busan International Film Festival committee. In addition, it is interesting that Busan also began to witness the participation of film movement groups focusing on new movies such as the Busan Cine Club, led by Kim Ji-seok and Oh Seok-geun, and Cinematheque 1/24, opened by Kim Hee-jin, Lee Ju-ho, and Ko Young-soo. In this case alone, a wide range of media including movies, screen-prints, theatres, and all the social mechanisms that the 1980s film movement mobilized to restore world cinema through the acceptance of films other than Hollywood films and low-quality Korean films were gradually gathered into one place.

Unfortunately, the film movement was again scattered or regressed into small groups along with the political situation, which plummeted following the June Democratic Uprising. Anti-Communist and anti-labour regimes became even stronger, leading again to the alienation of socialist films, aesthetics, and theories which had been briefly introduced to the public. Their reputation barely survived within the independent film industry, which followed them up with a filmmaking academy, university lectures, and self-governing student organizations². Also, due to the impact of open importation of Communist films before and after the 1988 Seoul Olympics, Soviet film adaptations of Tolstoy's novels such as *Война и мир* (*War and Peace*, 1965) and *Анна Каренина* (*Anna Karenina*, 1967) were shown³, and the Chinese film *紅高粱* (*Red Sorghum*, 1987), Czech film *Love of the First Snow*,

² During the Seoul Olympics in September 1988, the Sogang University Communication Centre held regular movie sessions and screened films of Eisenstein and Tarkovsky [Seogang University Regular Film Screening].

³ See Shin Hye-cho's thesis on films screened in Korea before and after the 1988 Seoul Olympics through open imports of films from communist countries [Shin Hye-cho, p. 250–253].

Bulgarian film *Time of Violence* (1988), and the East German film *The Lover and the Traveller* were considered for screening [Invitation Expanded to the Communist Bloc]. However, a full-scale recall was attempted on November 11, 1995, with the advent of establishment of Dongsoong Cinema Tec, a joint venture between Dongsoong Art Centre and Baekdu-Daegan Film Company under the name of 'Plaza' [The Birth of the 'Plaza' Dedicated to Art Films]⁴. Dongsoong Cinema Tec was clearly aiming at bridging the gap between world film history and Korean cinema. Dongsoong Art Centre had been screening art films distributed by Baekdu-Daegan Film Company, and this partnership became centralised at Dongsoong Cinema Tec, creating a cinematic platform that disassociated itself from Hollywood films and profits. Interestingly, Dongsoong Cinema Tec, which had relatively stable screening conditions and accessibility, was exclusively used for various film festivals [Hwang]. The time at the Dongsoong Art Center, the hosting of film festivals at embassies and foreign cultural centres of Great Britain, Germany, France, and Hungary, followed by the New German Film Festival and the *Nouvelle Vague Film Festival*, and the 'Unknown Best Directors Exhibition' of May – October 1996 [There's a Movie like This, a Director like This] – all of these indicate that a theatre for cinematic art-house films and screening of non-mainstream films are closely related to the emergence of international film festivals in South Korea.

However, the planning of films' diversity based on exclusive theatres made these efforts structurally vulnerable to the imminent crisis. Following the import liberalization of films from the US, Hollywood movies became even more powerful in the domestic market, making single art film theatres considerably less competitive in terms of size. Dongsoong Cinema Tec started recruiting audiences through a membership system and newsletters. As outlined in the 'White Paper' commemorating Dongsoong Cinema Tec's first anniversary, the number of general and academy members exceeded 1,000 after the membership system was introduced in October 1995 [Dongsoong Cinema Tec]. However, the total number of members was 2,892 as of the first anniversary date, just before the publication of the White Paper. While this number of nearly 3,000 members is by no means small, it is lower than the number of viewers visiting a movie theatre showing Hollywood movies in one day. Commercial cinemas had already begun operating multiple screens simultaneously [Park, Han, p. 44–45], and these were soon followed by multiplex cinemas that combined shopping and leisure, further jeopardizing the existence of non-Hollywood films in theatres. It is possible that theatres for non-Hollywood films, especially films from Eastern European countries such as the Soviet Union, Asian countries

---

⁴ 'The Square' opened on November 11, introducing American independent film director Jim Jarmusch's *Stranger Than Paradise*, and *Coffee and Cigarettes* (Jim Jarmusch), *Boy Meets Girl* (Leos Carax), *Nostalghia* (Andrei Tarkovsky), *Tempo di Viaggio* (Andrei Tarkovsky), *Strategia Del Ragno / The Spider's Stratagem* (Bernardo Bertolucci), *Még kér a nép / Red Psalm* (Miklós Jancsó), and *Τοπίο στην ομίχλη / Landscape in the Mist* (Theo Angelopoulos), for six months.

such as China, and independent films, referred to the multiplex as a kind of 'co-evolution'. Notably, Dongsoong Cinema Tec held the Seoul International Independent Film Festival as soon as it was declared an exclusively art film theatre in 1995 [December 2–8: the first Seoul International Independence Film Festival]. The screening of Iranian director Abbas Kiarostami's *Where Is the Friend's Home?* (1987) at the film festival was successful enough to create a popular boom of Iranian films in Korea. The domestic international film festival may have come about because of a pure desire of the world film industry, which had recently celebrated its centennial, or because of the implementation of local autonomy, but it is hard to deny that it might have been envisioned as a multiplex for non-mainstream cinema from around the world (Fig. 1).

The Busan International Film Festival is a significant event in Korea because it created an environment where films from around the world from the past to present could share the same space. Indeed, one of the highlights of the first Busan International Film Festival in 1996 was that Russian, Eastern European, Chinese, and other Asian films were invited. Through different sections of the programme such as 'Wide Angle' and 'World Cinema', the first Busan International Film Festival presented 171 films from 32 countries, including the Russian films *Прибытие поезда / Arrival of the Train* (1995) (А. Железняков / Andrei Zhelezniakov), *Кавказский пленник / Prisoner of the Mountains* (1996) (С. Бодров / Sergei Bodrov), and *Утомленные солнцем / Burnt by the Sun* (1994) (Н. Михалков / Nikita Mikhalkov). At that time, in the view of the Korean film industry, world cinema was centred on Western European films, with the United States dominating. Even though non-Hollywood films made their debut in Korea in the 1980s following the film movement, their place on the market has been narrowed as a consequence of anti-communist, anti-labour government policies and moviegoers' preference for Hollywood-style films. The energy of the post-Cold War world with the fall of communism in the late 1980s was utterly minimal in the Korean film market. It was under these circumstances that the Busan International Film Festival was born from a quest to rewrite the history of world cinema. It is noteworthy that there were about 20 non-Hollywood films released at the 1st Busan International Film Festival that received a larger audience than expected [Lee Hye-young]. As the Busan International Film Festival attempted to reconstruct a post-Cold War world cinema at the end of the Cold War, it was an event that sought to reconcile world history with regional specificity, and in this regard, domestic international film festivals are in line with non-Hollywood film screening campaigns. This is evidenced by the invitation and screening of films that are not imported but are recorded in the history of world cinema, are controversial, have received international film festival awards, and are independent. Furthermore, festivalizing the rebellious nature of film cultures, which used video and a small screening space, suggests that this international film festival carried on the spirit of the 1980s film movement.

Agonistics Between Korean Film and ‘Others’ and the Field for Resonance

As of pandemic-stricken 2020, there are 18 film festivals registered with the Korean Film Council. This represents a significant difference from the 186 film festivals that have been held so far in South Korea because only actual or scheduled film festivals are registered [Kim Ji-hoo, p. 7–39]. The small-scale Busan International Film Festival started in 1996 in Nampo-dong, followed by Bucheon International Fantastic Film Festival in 1997 and Jeonju International Film Festival in 2000, which set out to localize film platforms on an international scale. In part, the growing number of domestic international film festivals could be attributed to the fact that more Korean films have been invited and awarded at overseas film festivals as popular media, and not only as movies. Accordingly, the exponential rise of the film festival in Korea may seem like an illusion caused by Bong Joon-ho and *Parasite* receiving major awards at the 2019 Cannes Film Festival and the Academy Awards. At least many international film festivals held in Korea have referred to overseas film festivals as mirrors for creating images of Korean films entering a new era of full-blown production beyond the age of sentiment, and Bong Joon-ho and *Parasite* could be seen as narcissistic illusions of the blurred line between domestic and foreign film festivals. The question remains whether the only interpretation is to evaluate the international film festival in Korea in comparison to the leading foreign film festivals (Fig. 2).

The international film festival, which seems to have landed in Korea by accident in the mid-1990s, is more of a historical product from below, as discussed in the above chapter of my essay. Technically, it is a mixed and indigenous cultural movement that grew out of the nexus between the democratic movement in Korea of the 1980s and the post-Cold War world of the 1990s. The 1980s film movement, the establishment of an art cinema in the 1990s, and the appearance of the 1996 International Film Festival – these were not parallel developments, but rather they were part of building narrative tension. Therefore, domestic international film festivals were not destined to exhaust themselves with the mapping of post-Cold War world cinema. Due to the success of several film festivals, such as the Busan International Film Festival, the Jeonju International Film Festival, and the Bucheon International Fantastic Film Festival, the international film festivals were declared public forums for agonistics and solidarity with a goal of discovering various contact zones between film and society since the 2000s. With this opportunity, domestic international film festivals challenged themselves to transform qualitatively, rather than merely copying or quantitatively proliferating, in which respect DMZ Docs is at the centre of problems that arose within domestic international film festivals of the 2000s. One of the most notable features of the transition of the international film festivals in the 2000s is that their movement took on a political character. In parallel with the Busan International Film Festival

reorganizing every year to focus on a different theme or project, other international film festivals emerged with social agendas at their forefront. This change shows the evolution of international film festivals from cultural movements to cultural politics.

Thus, domestic international film festivals are a *glocal* cultural phenomenon, creating a contact zone between global and local. The value of the contact zone lies in the history and culture that have cracked the dichotomy of centre and periphery, dominance, and subordination, as well as of culture from above or a concept of pure-blood purism. Given that the contact zone that links these two sides of the boundary is a political space that plans and imagines the coexistence of everything beyond boundaries of division and discrimination, the film festival should be a noisy stage for polyphony. Unfortunately, domestic international film festivals have been tamed into silence for too long. The 'Diving Bell' incident at the 2014 Busan International Film Festival was a signal of such underlying silence.

Among the various studies of the Busan International Film Festival, the interesting keyword 'multi-scale mediator' appears [Hwang, Lee, p. 298–339]. This term refers to the diversity of subjects involved in the organization and operation of the BIFF. The multi-scale mediator identified in research as a driving force behind the birth and growth of BIFF had disappeared by 2014. Following the dissolution of the organization and the reduction in its budget, the organizing committee members of the BIFF should have discussed possible steps for creating a new assembly separate from it, in conjunction with government agencies, municipalities, and private companies⁵. This would be likely to prompt the contact zone to transform into a methodology that rebuilds relationships by intervening in agonistics and solidarity planning.

In this regard, there is a need to reconfirm the moment of agonistics and resonance that occurred in the new contact zones of Korean films in the 1980s and 1990s. What one should remember about the mass movement of independent film groups in the 1980s is the publication of film magazines and books. As Seoul Film Group, a representative independent film group of the time, published 'For a New Film' (Hakminsa, 1983) and 'Film Movement Theory' (Hwada, 1985), it attempted to facilitate dialogue between Korean films unilaterally oriented towards Hollywood films and 'other' films as well as to argue about the social function of films. Along with the literary coterie magazine 'Open Film' (1984), published by the university film club that participated in the 'Small Film Festival' led by 'Film Madang Woori' (1984), volumes 1 and 2 (1989, 1990) of the National Film Research Institute (1988), formed by a minority group in the process of reorganising the magazine 'Ready Go' (1986) and the Seoul Film Group into the Seoul Visual Collective, made Korean films agonistic with 'other' films, imagining a new origin of Korean films that would resonate with

---

⁵ The assembly referred to Antonio Negri and Michael Hart's theory. Assemblies are leaderless social movements, aiming for politics from below, distinct from constructed power or constitutional power [Negri, Hardt].

the result. While designing new contact zones for Korean cinema in the 1980s, these magazines and books recognised the socialist film discourse and movement in colonial Joseon as the origin of Korean film history, and at the same time, secured a niche for aesthetic independence or ideological radicality into Korean films as a device that resonated with Soviet and Eastern European art films, Third World films, and North Korean films.

However, it was the international film festivals of the 1990s that directly manifested the internal contact zones of the resources mobilised for Korean films and agonistics through the mass movement of independent film groups in the 1980s. Among them, Soviet and Russian films had the widest receptivity and expandability. One of the reasons was the nostalgia for directors, such as Sergei Eisenstein and various production and critical theories at the time of the advent of the film era. In recent interviews with activists who led the film movement in the 1980s, they confessed that no one had actually seen the film *The Battleship Potemkin* (*Броненосец Потёмкин*, 1925) by Eisenstein (С. Эйзенштейн), who talked enthusiastically every time at a seminar held mainly by the university film club, and the 'Odessa Stairs' scene, which contained all five types of montage he put forward in theory. [한, p. 614–616]. There is a clear possibility that the desire for ending the long taboo must have been channelised through the international film festival. Further, the transition of the Soviet Union to Russia was a historic event for the world in the 1990s. This transition paved the way for access to Russian films and art that had been obscured by the Soviets. More particularly, the fact that the view on contemporary films and art beyond the limit of focusing on the classics was secured enabled making these films a resource for 'agonistics' in relation to existing films and establishing 'resonance' for the new world of films.

As discussed in the previous chapter, imports of Soviet films emerged in the course of friendship and globalisation and with the hosting of the 1988 Seoul Olympics. Soviet films were quite popular among the films of communist countries that did not have diplomatic relations with Korea. This was because of works that were made into films based on Russian classics, such as those by Tolstoy (Л. Толстой). Moreover, with the opening of the Dongsung Cinematheque, a theatre dedicated to art films in the 1990s was established, and special screening of films by Andrei Tarkovsky (А. Тарковский), including *The Sacrifice* (*Жертвоприношение*, 1986) and *Nostalgia* (*Ностальгия*, 1983) were held. However, it was in the Busan International Film Festival in 1996 that Russian past and present films began to be introduced in Korea. Since the opening of the Busan International Film Festival, a total of 85 films were submitted by Russian directors, and 6,136 films were already screened, as of 2018. That is, the proportion of Russian works is less than 1.5 %. Given this fact, it cannot be said that Russia's participation rate is very high. However, it is undeniable that the Busan International Film Festival played a major role in the influx and embrace of Russian films in Korea given the fact that the masters of modern films, including Rogozhkin (А. Рогожкин), Zvyagintsev (А. Звя-

гинцев), Shakhnazarov (К. Шахназаров), and Sokurov (А. Сокуров) showed the flow and trend of modern Russian cinema and its artistry through participation [Shin, p. 260–261].

Russian and Soviet films invited to the Busan International Film Festival have two connotations. One is the Busan International Film Festival's desire for world-class international film festivals, such as the Cannes, Venice, and Berlin International Film Festivals [Lee Hee-won], where Russian and Soviet films are actively invited and awarded. Second is the origin of films, which has long disappeared from the country and the diversity of illumination, agonistics, and resonance. If the former was the desire for recognition of the international film festival that started late, the latter, as mentioned in the previous chapter, draws a map of world cinema in the post-Cold War era. At the same time, it also embodies agonistics with Korean films, which is the vulgarity of American Hollywood films, and resonance with other worlds, such as genres, aesthetics, and ideas. At this point, the resonance deepens even more. As several film researchers and critics point out, the new wave of Korean films in the 1990s is closely related to the contact zones with Russian/Soviet films. New films and film directors that appeared during this period are connected in various ways with Russian and Eastern European films that are closely related to Russian films. Chang Yoon-hyun, who directed the movie *The Contact*, a representative work of the Korean New Wave at the time, was active in the film movement through independent film production and then studied abroad at the Hungarian National Film School, which is very symbolic. Although it is a commercial film addressing the romance between a man and a woman, the narrative where the two meet at the end of the film declares a break from the existing Korean commercial films. Additionally, the director presents a new location to the audience. He introduces a film that the audience watches from a distance, instead of being immersed, like the art films of Russia and Eastern Europe.

* * *

The International Film Festival in South Korea first took place in an atmosphere that fostered autonomy, openness, and diversity within the local community. As a result, existing discussions have emphasized the locality of the international film festival in assessing its positive or negative aspects but neglect the dynamics of the movement that cracks institutions and cultures from the top down as the driving force behind local autonomy and cultural diversity. Hence, this article traces the origins of domestic international film festivals back more than a decade, concluding that the film movement in the 1980s had a significant impact on the festivalisation of instability in order to establish a post-Cold War world cinema. At the very least, the Busan International Film Festival of 1996 was an experimental event that united film cultures, including those of the 1980s film movement that sought and fought for different types of films outside of Hollywood to screen, as well as the theatres and media they created. The notion of

approaching international film festivals as movements ultimately provides a useful methodology for defining the nature of the domestic international film festivals and determining their direction. International film festivals, as a movement from below, have proposed a new post-movement agenda and are preparing statements for expansion beyond the film festival.

Oscar successes like Bong Joon-ho's *Parasite* and Isaac Chung's *Minari* might still be misinterpreted as ethnonationalism, but film festivals have long been a primitive institution for the so-called 'public for film festival'. There is no need to consider this the result of the familiarity with international film festivals that have taken place in Korea, but it is hard to deny that domestic film festivals have long been seen as a local festival rather than as awards ceremonies. Also undeniable is the fact that the origins and growth of domestic international film festivals can be linked to the active role of local governments, which, since their implementation in 1995, started film festivals as a regional characterization strategy and have been actively engaged in planning and provoking attraction, which is why the international film festival in Korea serves as a regional event for major cities. This makes the international film festival itself a 'glocal' cultural phenomenon. The *glocal* aspect of the international film festival, which derives from the relationship with local governments, needs to be extended to include the meeting and mixing of disparate elements. This article aimed to go beyond existing discussions in South Korea that have never been particularly curious about the unique way in which an international film festival combines global and local elements.

Through the mass movement of independent film groups in the 1980s and international film festivals in the 1990s, Soviet and Russian socialist films, art films, and documentary films intervened in the origin of new Korean films during the process of coming into contact with films other than Hollywood films, commercial films, and play films. These two events of Korean films in the 1980s and 1990s were ultimately a journey of social resonance aimed at talking about new Korean films with the audience through 'agonistics' and 'resonance' between Korean and 'other' films.

Список литературы

De Valck M. Film Festivals: From European Geopolitics to Global Cinophilia. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2007. 280 p.

December 2–8: The First Seoul International Independence Film Festival // Yonhap News. 1995. Oct. 17. P. 1. (In Korean)

Dongsoong Cinema Tec. Dongsung Cinema Tech, a Dedicated Art Film Theater: 1st Anniversary // White Paper. 1996. P. 15. (In Korean)

Han Sang-eon. The Forefront of the Film Movement. Seoul : Han Sang-eon Film Lab., 2022. 676 p. (In Korean)

Hwang Eun-jung, Lee Yong-sook. Determinants of the Successful Busan International Film Festival: Focusing on the Role of the Multi-scalar Mediators // Space & Environment. 2017. Vol. 27, № 2. P. 298–339. DOI 10.19097/kaser.2017.27.2.298. (In Korean)

Hwang Ha-yob. The Historical Formation and Cultural Characteristics of Korean Art Film Theater: Focused on Seoul Area : Master's dis. Yonsei Univ., 2017. 111 p. (In Korean)

- Invitation Expanded to the Communist Bloc: The ‘Excellent Foreign Currency Exhibition’ // *Hankyoreh*. 1988. July 2. P. 5. (In Korean)
- Kim Han-sang. The ‘Art Cinema’ Discourse in Korea and the Formation of the Market and Spectators : Master’s dis. Seoul : Seoul National Univ., 2007. 106 p. (In Korean)
- Kim Ji-hoo. Identity Analysis of Korea International Film Festival for the Purpose of Holding: Focusing on Busan, Bucheon, Jeonju International Film Festival // *The Journal of Image and Cultural Contents*. 2019. Vol. 17. P. 7–39. DOI 10.24174/jicc.2019.06.17.7. (In Korean)
- Lee Hee-won. International Film Festivals and Discovery of Russian/Soviet Cinema // *East European & Balkan Studies*. 2021. Vol. 45, № 1. P. 53–84. (In Korean)
- Lee Hye-young. A Study on Cultural and Industrial Tendency of International Film Festival: Centering on Pusan International Film Festival : Master’s dis. Kyungsoong : Kyungsoong Univ. Press, 2001. 90 p. (In Korean)
- Mouffe Ch. Agonistics: Thinking the World Politically / transl. by Suh Jeong-yeon. Seoul : Nanjang Publ., 2020. 240 p. (In Korean)
- Negri A., Hardt M. Assembly / transl. by Lee Seung-jun, Jeong Yu-jin. Seoul : Aleph Publ., 2020. 584 p. (In Korean)
- Park So-yeon, Han Sang-eon. A Study on CGV Multiplex Theater and Its Effect on Movie-Watching Culture // *Humanities Research*. 2019. Vol. 57. P. 43–67. DOI 10.52743/HR.57.2. (In Korean)
- Seogang University Regular Film Screening : “Potemkin” and Other Eastern European Films // *Hankyoreh*. 1988. Sept. 10. P. 5. (In Korean)
- Shin Hye-cho. Exchange of Movies between Korea and Russia: History of Acceptance of Russian Movies in Korea and Its Tasks // *Korean Journal of Siberian Studies*. 2019. Vol. 23, № 1. P. 245–286. DOI 10.22892/KSC.2019.23.1.08. (In Korean)
- Söng Hahun. Korean Film Movement 40 Years 18: Arrested after Protesting against Film Theft without Warrant... Cinematheques Method // *Cheer up, Clear Water* : [website]. 2020. Oct. 16. URL: <https://blog.naver.com/acec808/222116487341> (accessed: 13.05.2021). (In Korean)
- The Birth of the ‘Plaza’ Dedicated to Art Films // *Yonhap News*. 1995. Oct. 5. P. 1. (In Korean)
- There’s a Movie like This, a Director like This // *Hankyoreh*. 1996. May 18. P. 5.

References

- De Valck, M. (2007). *Film Festivals: From European Geopolitics to Global Cinephilia*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 280 p.
- Dongsoong Cinema Tec. Dongsung Cinema Tech, a Dedicated Art Film Theatre: 1st Anniversary. (1996). In *White Paper*, p. 15. (In Korean)
- Han, Sang-eon. (2022). *The Forefront of the Film Movement*. Seoul, Han Sang-eon Film Lab. 676 p. (In Korean)
- Hwang, Eun-jung, Lee, Yong-sook. (2017). Determinants of the Successful Busan International Film Festival: Focusing on the Role of the Multi-scalar Mediators. In *Space & Environment*. Vol. 27. No. 2, pp. 298–339. DOI 10.19097/kaser.2017.27.2.298. (In Korean)
- Hwang, Ha-yob. (2017). *The Historical Formation and Cultural Characteristics of Korean Art Film Theatre: Focused on Seoul Area*. Master’s dis. Yonsei Univ. 111 p. (In Korean)
- Invitation Expanded to the Communist Bloc: The ‘Excellent Foreign Currency Exhibition’. (1988). In *Hankyoreh*. July 2, p. 5. (In Korean)
- Kim, Han-sang. (2007). *The ‘Art Cinema’ Discourse in Korea and the Formation of the Market and Spectators*. Master’s dis. Seoul, Seoul National Univ. 106 p. (In Korean)
- Kim, Ji-hoo. (2019). Identity Analysis of Korea International Film Festival for the Purpose of Holding: Focusing on Busan, Bucheon, Jeonju International Film Festival. In *The Journal of Image and Cultural Contents*. Vol. 17, pp. 7–39. DOI 10.24174/jicc.2019.06.17.7. (In Korean)

Lee, Hee-won. (2021). International Film Festivals and Discovery of Russian/Soviet Cinema. In *East European & Balkan Studies*. Vol. 45. No. 1, pp. 53–84. (In Korean)

Lee, Hye-young. (2001). *A Study on Cultural and Industrial Tendency of International Film Festival: Centering on Pusan International Film Festival*. Master's dis. Kyungsoong, Kyungsoong Univ. Press. 90 p. (In Korean)

Mouffe, Ch. (2020). *Agonistics: Thinking the World Politically* / transl. by Suh Jeong-yeon. Seoul, Nanjang Publ. 240 p. (In Korean)

Negri, A., Hardt, M. (2020). *Assembly* / transl. by Lee Seung-jun, Jeong Yu-jin. Seoul, Aleph Publ. 584 p. (In Korean)

Park, So-yeon, Han, Sang-eon. (2019). A Study on CGV Multiplex Theatre and Its Effect on Movie-Watching Culture. In *Humanities Research*. Vol. 57, pp. 43–67. DOI 10.52743/HR.57.2. (In Korean)

Seogang University Regular Film Screening : “Potemkin” and other Eastern European Films. (1988). In *Hankyoreh*. Sept. 10, p. 5. (In Korean)

Shin, Hye-cho. (2019). Exchange of Movies between Korea and Russia: History of Acceptance of Russian Movies in Korea and Its Tasks. In *Korean Journal of Siberian Studies*. Vol. 23. No. 1, pp. 245–286. DOI 10.22892/KSC.2019.23.1.08. (In Korean)

Söng, Hahun. (2020). Korean Film Movement 40 Years_18: Arrested after Protesting against Film Theft without Warrant... Cinematheques Method. In *Cheer up, Clear Water* [website]. Oct. 16. URL: <https://blog.naver.com/acec808/222116487341> (accessed: 13.05.2021). (In Korean)

The Birth of the ‘Plaza’ Dedicated to Art Films. (1995). In *Yonhap News*. Oct. 5, p. 1. (In Korean)

There’s a Movie like This, a Director like This. (1996). In *Hankyoreh*. May 18, p. 5.

December 2–8: The First Seoul International Independence Film Festival. (1995). In *Yonhap News*. Oct. 17, p. 1. (In Korean)

The article was submitted on 05.11.2021

The Cultural Heritage of the White Russian Emigration in Istanbul* **

Turkan Olcay

Istanbul University,
Istanbul, Turkey

The civil war in Russia caused one and a half million people to leave their homeland. The most massive exodus from Russia was across the Black Sea. Istanbul (at that time Constantinople) became almost the only possible port of destination for dozens of overloaded ships. From 1919 to 1921, the city sheltered about 200,000 civil and military refugees. Consequently, it became a very special, iconic place of memory in the history of the first wave of Russian emigration. Some White Russians immigrated to other countries immediately, others left as soon as they got their visas, and the rest – years later. In this respect, Istanbul forever acquired the status of the first vital point of the “dispersal” of Russian white emigrants to all corners of the world. This paper provides a comprehensive overview of the social and cultural life of the Russian civilians who took refuge in Istanbul from 1919 to 1930. Emphasis is placed on their self-organization and diligence in the arrangement of their new life according to their cultural traditions. Attention is paid to the changes they brought to the city’s life, such as the opening of many offices, trade, and entertainment establishments. The transformation of Istanbul into a motley center of Russian culture is discussed. A series of artistic events, such as Russian ballet, operetta, and concerts, were often attended by residents of Istanbul, who admired the musical and artistic talent of the Russians. The reader is informed about the activities of film actors, artists, and writers, who, by the whims of fate, found themselves here. The life and work of creative individuals who chose Turkey as their second homeland is emphasized. Revealing the contribution of Russian refugees to the cultural enrichment of Istanbul, it is concluded that as a result of their stay in the 1920s, Istanbul became irreversibly connected with the West. Publications of that period, state and private archives (such as press archives and archives

---

* This work was funded by the Scientific Research Projects Coordination Unit of Istanbul University. Project 39154.

** *Citation:* Olcay, T. (2022). The Cultural Heritage of the White Russian Emigration in Istanbul. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1318–1333. DOI 10.15826/qr.2022.4.731.

Цитирование: Olcay T. The Cultural Heritage of the White Russian Emigration in Istanbul// *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1318–1333. DOI 10.15826/qr.2022.4.731.

of the Russian associations operating in Istanbul), and the memoirs of dozens of White Russians served as the main sources of the research.

Keywords: Russia abroad, “White” Russians in Turkey, culture of Russian emigration, cross-cultural interactions

Гражданская война в России привела к тому, что полтора миллиона человек оказались за пределами своей Родины. Наиболее массовым был исход из России по Черному морю. Стамбул (в то время Константинополь) стал чуть ли не единственно возможным портом назначения для десятков сверхперегруженных кораблей. С 1919 по 1921 г. этот город приютил около 200 тыс. гражданских и военных беженцев, вследствие чего стал совершенно особым, знаковым местом памяти в истории русского зарубежья первой волны. Некоторые из русских белоэмигрантов эмигрировали в другие страны немедленно, другие – сразу после получения визы, остальные – спустя несколько лет. С этой точки зрения Стамбул навсегда обрел статус первого жизненно важного пункта рассеяния русских белоэмигрантов по всем уголкам мира. В статье представлен комплексный обзор социальной и культурной жизни русских гражданских беженцев, нашедших убежище в Стамбуле с 1919 по 1930 г. Делается акцент на их способности к самоорганизации и основательности при новом устройстве своего быта в соответствии со своими культурными традициями. Уделено внимание принесенным ими переменам в жизни города (открытие множества контор, торговых и увеселительных учреждений). Рассказано о превращении Стамбула в пестрый очаг русской культуры. Русский балет, оперетта и русские концерты были вереницей художественных вечеров, на которые часто сходились жители Стамбула, восхищавшиеся музыкальным и артистическим талантом россиян. Даются сведения о деятельности артистов кино, художников и литераторов, волею судьбы оказавшихся здесь. Делается акцент на жизни и деятельности творческих личностей, выбравших Турцию своей второй родиной. Выявляя вклад русских беженцев в культурное обогащение Стамбула, автор делает вывод о том, что в результате пребывания белоэмигрантов в 20-х гг. XX столетия этот город со всеми новаторскими социокультурными элементами, добавленными к его космополитической структуре белоэмигрантами, стал необратимо связан с Западом. Основным источником исследования послужили издания того периода, государственные и частные архивы, такие как пресс-архивы и архивы действующих в Стамбуле российских ассоциаций, а также мемуары десятков белоэмигрантов, проливающие свет на исследуемую тему.

Ключевые слова: русское зарубежье, белоэмигранты в Турции, культура русской эмиграции, межкультурные взаимодействия

“Russia has come!” was exclaimed in the capital of the Ottoman Empire in November 1920, when 126 ships overloaded with refugees anchored one after another in the Sea of Marmara and the bay of the

Golden Horn. This was the last and largest wave that rushed to the Turkish coast after the Red Army took Crimea. The streets of Istanbul were flooded with thousands of refugees¹ from various strata of Russian society (from peasants and Cossacks to members of the royal family) and representatives of numerous nations and different political views and professions.

Occupied by Allied troops, Istanbul was going through a difficult period – high prices, poverty, and hunger reached terrifying rates [Criss]. As a result of the national liberation war under the leadership of Mustafa Kemal, which was gaining momentum, Istanbul turned into an arena of massive new flows of settlers from eastern Anatolia, Thrace, and the Black Sea region. With refugees and foreigners, the population of the city increased by 30 % and reached 2,250,000 [Solano, p. 661].

Despite the chaos that reigned, the Russians showed an enviable ability to self-organise and engage in vigorous creative activities. Their ability to become quickly involved in business life became the subject of the local media:

Russian refugees... do not run away from any work, they even work as farmers, laborers, and porters to earn their living. <...> They have to act like this in their struggle for life to settle the matter of their throats. Regarding the sheltering of Russians in Istanbul, we consider them to be resourceful. <...> Russian refugees in Istanbul immediately organized themselves into a congregation. They support, protect, and look after each other in every field. There is a fundamental solidarity between them. One sees himself as dutiful to protect another if there is an opportunity... [Ruslar ve Türkler, s. 1].

Russian expansion, so to speak, went in two directions – domestic and cultural; they intertwined, making it sometimes difficult to separate one from the other.

The Social Life of White Russians

With the arrival of Russian refugees in Istanbul, not only was social life diversified, but traditional culture was also threatened by serious convulsions [Русская «белая эмиграция» в Турции век спустя]. Everything from daily routines to eating and drinking habits, from entertainment to fashion, and even general tastes and preferences underwent a complete transformation.

---

¹ At a dinner party in honor of General P. N. Wrangel at the University Club of Constantinople on 4 January 1922, the Head of the Political Chancellery, S. N. Ilyin, informed that 135,000 people had arrived in November 1920: including the first two waves of White emigration, this meant that the total number of refugees in Istanbul had reached 167,000 people [General Wrangel at the University Club]. 69,000 army members were sent to military camps in Gallipoli, the Chataldja region, and the island of Lemnos [Ibid.]. 32,000 refugees were sent to Serbia, Bulgaria, Romania, and Greece, while 30 warships of the Russian navy, with personnel of up to 6,000 people, went to Bizerte. By 24 March 1922, about 35,000 White emigrants remained in Istanbul and its environs. In September of the same year, there were 18,000. On 6 April 1926, their number was about 5,000 people [Bakar, s. 52–94].

White Russians settled mainly in the European part of Istanbul, on the western coast of the Bosphorus in the Beyoglu region and the neighboring Galata and Karakoy. On the main street of Beyoglu, Cadde-i Kebir (known as Grande Rue de Péra), there was the embassy of the Russian Empire, the Russian consulate, the Russian Red Cross administration, and the propaganda department of the volunteer army Osvag. In neighboring side streets, the offices of the All-Russian Zemstvo Union, the Union of Cities, the Russian post office, and the editorial office of the *Presse du soir* could be found. In Karakoy, there was a branch of the Athos monastery with house churches². All these institutions attracted refugees. They were used to make inquiries, search for a friend, and find or offer a job:

Despite the cosmopolitan character of Istanbul, the Russians, who are flocking to the city, have started to attract everyone's attention. After Turkish, Russian is becoming as common as Greek. Russians are present in every hotel, restaurant, and shop, in short, everywhere open to the public [A Russian Exodus, p. 1].

Street signs for Russian doctors, lawyers, pharmacies, and various commercial and industrial enterprises (such as shops, laundries, bakeries, vodka factories, and others) soon began to appear. Russian restaurants, cabarets, and pastry shops sprang up one after another.

In 1921, Russians owned 30 restaurants, 3 cafes, 3 pubs, and 8 crystal wholesalers in Istanbul [Deaver, s. 226]. The most popular venues of the period were the Garden Bar, the Maxim, the Big Moscow Circle, the Georgy Karpych, the Splendid, the Regence, the hotel-restaurants Novotny and Kievsky, and the cafe-confectionery Petrograd. The names were reminiscent of life in Russia. Shop windows were filled with Russian writing; it looked like a Russian city. All aspects of life in Russia were also reflected in the interiors of these businesses:

The places, with their small insignificant details, such as oil candlesticks burning in front of silver icons, murals and watercolors depicting gilded church domes, Byzantine crosses, eagles and crowns, large cans of caviar, vodka bottles, an orchestra playing in a dark corner, had a warm atmosphere reminiscent of faraway Holy Russia. The customer could suppose being in another country, in his middle-class home, miles away from the military canteens and cosmopolitan tables (cited in: [Sperco, s. 43]).

In entertainment places, everything was done in the Russian way and according to Russian traditions. Sparkling white tablecloths, silverware, crystals, and ladies in evening dresses changed the look of the entire Beyoglu, giving it a peculiar aesthetic.

---

² The Russian monasteries on Athos, St Panteleimon, St Andreas, and St Ilia, were located on the upper floors of ordinary residential buildings near the pier.

Russian outerwear and fur salons, fashion houses, and shoe workshops became a fashionable novelty in Istanbul. The blue-eyed and fair-haired Russian women were called *karasho*, and their fashionable clothes made a stunning impression. A short bell hairstyle was called a *Russian head* by Turkish women. It was also Russians who spread the fashion for mouches in Istanbul and invented putting perfume on embroidered silk handkerchiefs [İlbeyi, s. 68–69]. These novelties became a topic of discussion in fashion magazines of the time (Fig. 1 on a color sticker).

White Russians also brought beach fashion to Istanbul by opening their first beach business on Prince Island and Florya, a bay on the Marmara coast. Thanks to the Russians, the beaches were transformed – gender-segregated beaches were replaced by mixed-gender beaches. Beach cabins and catering in Florya were run by a few former officers from Wrangel's army and a Russian woman [Sperco, s. 79–80]. In the following years, many beaches would be operated by White Russians in Istanbul. For example, the beach in Buyukada (Prinkipo) was established and operated by Prokofiy Slita³, and the beach Kuchuksu on the Anatolian side of the Bosphorus by Alexander Nasonov.

Initially, the Russians' mixed-gender swimming and sunbathing on the beach came as a shock:

White Russians came, and things changed. People began to swim in the sea with men and women. Oh my God. A doomsday omen. It was the only topic discussed at home in those days. <...> Men and women were swimming in the sea in so-called swimsuits, a kind of sea garment that fell slightly below the knee (cited in: [Evren, s. 91–92]).

In a short period of time, the people of Istanbul, who observed the beach habits of the Russians with surprise, started to visit these beaches [İstanbul'da Deniz Sefası].

The Russians enriched Istanbul with their national cuisine and all kinds of vodka. Borsch, Kyiv meatballs, beef stroganoff, hodge-podge, cabbage pies, and pancakes became the most popular dishes. Famous were the confectionery products of the Petrograd Café, such as chocolate, pastries, pies, Easter cake, and cheese Easter cake, made in the same way as in Russia; breakfasts with rye bread, soft-boiled eggs, butter, Swiss cheese, and tea in thin glasses with cup holders were also noted [Бурнакин; Es]. There were other attractions for visitors to the Petrograd Café. It became a meeting point, a favorite place to eat, relax, and have good time, and not only for Russians but also for the intellectual elite of Istanbul. Moreover, Russians introduced the residents of Istanbul to lottery clubs. Over 400 of these clubs appeared. On average, up to 12,000 people gambled there a day.

If one was to take into consideration the variety of innovations introduced by Russian emigrants and their impact on life in Istanbul,

---

³ Prokofiy Evstafievich Slita stayed in Turkey, changing his name to Osman Nuri Silita and working as a building contractor.

the most profound one was made on the city's culture. As Reshad Kochu noted in the *Encyclopedia of Istanbul*:

White Russians have an important place in the cultural history of Istanbul. Most of them came from the highest and most educated circles of tsarist Russia. <...> The Turks saw noble genuine art in the restaurants, nightclubs, and cabaret theaters they opened [Koçu, s. 2625].

Beauty settled into the passive and grey life of the city – symphonic, chamber, and opera music was played, ballets were performed, and exhibitions were opened.

A Chronicle of the Cultural Life of White Russians

Classical music played an important role in the life of emigrants in Istanbul. It should be noted that there were more musicians among Russian emigrants than representatives of other types of art. We have managed to reveal 198 surnames with an indication of their profession. Among them, 79 names belong to composers, conductors, pianists, violinists, cellists, flutists, and opera singers, along with graduates of the Moscow, St Petersburg, Kyiv, and Tbilisi conservatoires.

Butnikov's orchestra, for instance, consisted of 50 people; unfortunately, it is impossible to name them. Russian musicians and entire orchestras performed in almost all major hotels, restaurants, cabarets, and theaters in Istanbul: however, their names remain unknown. Detailed information about the activities of musicians and other intelligentsia artists is available in the rare almanacs *The Farewell* and *Russians on the Bosphorus* published in Istanbul [На прощание; Бурнакин]. Furthermore, the memoirs of White Russians who stayed in Istanbul, such as Baroness Valentine Klodt von Jürgensburg⁴ (nee Verzhenskaya), Leonid Senkopopovsky, and Natalya Deleon (nee Khomyakova), contain valuable information on the subject [Deleon].

It is no exaggeration to say that the entire musical life of Istanbul in the first year of evacuation was led by the Slatin brothers: Ilya Ilyich (pianist and conductor), Vladimir Ilyich (violinist), and Alexander Ilyich (cellist). A classical concert conducted by I. I. Slatin took place in Istanbul, where Mozart's requiem was performed for the first time [На прощание, с. XLIX].

Istanbul cultural circles were also familiar with the names of the talented violin conductors Pavel Zamoulenko, Ivan Polyansky, and Christian Lashensky. With a solid musical background, Zamoulenko became famous in Istanbul as the conductor of the salon orchestra of the largest fashionable hotel, Pera Palace. The orchestra included V. Porzhitsky, A. de Matei, I. Tcharkovsky, A. Ivanov, and V. Becker. In the same hotel with the same musicians, Zamoulenko created a famous jazz band.

---

⁴ Baroness Valentine Clodt von Jürgensburg (1902, Grozny – 1992, Istanbul) is known in Turkey by the name of her second husband, Alexander Taskin. From 1921, she worked as a pianist in the Magic cinema: between 1923 and 1934, she served the national radio of Turkey as its first pianist.

Before his evacuation, the maestro Ivan Polyansky conducted the orchestras of major cinemas in Rostov. He devoted himself to the same activity in Istanbul and conducted, with a mastery of musical interpretation, at the Cine-Magic cinema. On the stage of the Petits-Champs Theater in Istanbul, where most cultural events of the White emigrants would be held, concertmaster Christian Lashensky led the orchestra for six years.

The salon orchestra of the second largest luxurious hotel in the city, the Tokatlian, was represented by talented musicians who had passed through solid orchestral schools in Russia. Ivan Onchik, the violinist of the orchestra, had been awarded the Romanian gold cross, first class. Alexander Sulin, the orchestra's cellist, was also highly professional. In Russia, he played in the Krylov, Amirago, and Potopchina operetta groups. He also had his own orchestra in Yerevan [Бурнакин]. Onchik, Sulin, and the orchestra's pianist Yakov Kordun created a successful trio with an extensive repertoire. The violinists Mikhail Golesko and Evgeniy Shvede are worthy of attention as well. Performing at concerts as the first violin, they worked at the Petits-Champs and the Maxim.

Russian musicians also exposed the Istanbul audience to classical piano music. One such pianist was Pavel Lunich. Lunich chose Turkey as his second homeland⁵ and continued to give brilliant concerts, playing up to a hundred pieces by classical and contemporary authors.

Composer Vladimir Drozdov, who was a professor at the Petrograd Conservatory from 1914–1917, gave brilliant independent piano concerts. He was also the composer of piano works, including three sonatas [Ibid.]. Other names to mention are Sergei Pisanko-Romanovsky, the Moscow Conservatory's professor of piano and a member of the Imperial Musical Society in Russia, and the professor of classical music Alexander Selivanov. They did not perform on the Istanbul stage but were engaged in teaching. The concerts of their pupils were among the most prestigious performances in the city.

Natalya Zhilo, a graduate of the Moscow Conservatory, also became famous for her teaching activities. She gave lectures on the art of expressive singing and gave lessons in solfeggio. At the same time, she was known as a chamber concert actress with a rich repertoire of Russian songs and romances, which she performed in a beautiful sarafan embroidered with *kokoshnik* pearls [Deleon, s. 63].

The list of Russian musicians can be continued with names of the pianist and novice composer Konstantin Nikolsky, the pianists Maria Obolenskaya, Anna Vysotskaya, and Mrs Voskoboinikova, the pianist and conductor Nikolai Vasiliev, the conductor Konstantin Stengach, the music theorists and professors Ovtcharenko and Hartmann, the violin maestro I. Volpin, V. Porzhitsky, S. Boritser, N. Korsak, V. Ovcharenko, S. Petrov, V. Podgaetsky, N. Cherepnin, F. Gilody, I. Frigman, V. Zarzhitsky, A. Petrovsky, Uglitsky, Serbulov, Herder, the Blinder family, and many others [На прощание, с. XLVIII–LII; Бурнакин].

Furthermore, Russian opera artists arrived in Istanbul in large numbers, mainly in 1920. Immediately upon arrival, an opera troupe was organized

---

⁵ Pavel Lunich died on 15 August 1954, at the age of 87. His grave is located in the Greek cemetery in Shishli district.

under the Italian Opera Society. The troupe's first performance took place on 4 December 1920. This was marked as the opening of the winter season of Russian opera. Anna Volina, Natalya Polyanskaya, and Alexander Sokolov often performed on the Istanbul stage. At that time, Maria Markovich, an actress of the Imperial Mariinsky Opera who performed mainly in large charity concerts, happened to be in Istanbul. However, despite the great efforts of opera singers, Russian opera did not take root. The cosmopolitan audience preferred operetta and romances, the repertoire of which was very extensive; the performances were exotic, colourful, and entertaining.

Taking this into account, the entrepreneur and soloist of the Mariinsky Theater Vladimir Smirnov opened the Parisiana cabaret theater. This is how Istanbul became a progenitor of the art of Russian émigré cabaret. Alexander Vertinsky, a big star, performed in the popular Black Rose cabaret, where Yuri Morfessi and Elena Nikitina performed as well. Chansonettes were sang in the Petits-Champs. Russian musicians played and Russian ballerinas danced in Stella, owned by Frederick Thomas, an Afro-American jazz player from Moscow. In other cabarets, Anna Tarakanova and Anastasia Polyakova sang gypsy romances and Russian songs.

Having closed the Parisiana, V. Smirnov, together with Valentina Piontkovskaya, the prima donna of the Mariinsky Theater and lyric soprano, organized a musical theater buff. Here, under the direction of A. Lyubin, they staged Offenbach's operetta *Beautiful Elena*, in which Yuri Morfessi and Alexander Polonsky also took part. Other popular operetta artists in Istanbul were Vera Burago-Tsekhanovskaya, Alexander Balaban, Nikolai Seversky, Alexander Polonsky, and G. Klarin. The latter were the members of the Davetskaya and Ardatova operetta troupe, which attracted a wide audience thanks to its rich repertoire.

Among the refugees who ended up in Istanbul, there were many artists from the Russian ballet schools and classical dancers. Becoming acquainted with classical ballet for the first time, the Turkish public was deeply impressed by the high skill of Russian ballerinas. The first meeting of the Turkish audience with classical ballet was *Scheherazade*, a one-act ballet to the music of Rimsky-Korsakov based on the collection of tales *One Thousand and One Nights*. It was staged by Nadezhdin during the 1920–1921 season at the Petits-Champs Theater with the participation of Elizaveta Gluck and Viktor Zimin [The Russian Ballet at the Petits Champs]. Zimin also prepared the choreography. The decoration was done by Nikolai Vasiliev, while the costume designer was Pavel Chelishchev. With the same line-up, *Scheherazade* was successfully staged in the two following seasons.

Throughout the winter, Istanbul nights were enlivened by Tchaikovsky. Especially the beauty of the so-called *Dance of the Gladiators* was on everyone's lips. The ballet *Salome* was dotted with oriental sounds. As if ancient Egyptian frescoes came to life to appear in Istanbul. It is not easy for us to express our feelings on paper. Words cannot describe the grace of Russian ballet. White Russians, forced to leave their homeland forever, presented ballet to Pera's nights (cited in: [Cemil, s. 72]).

The majority of the productions of the 1924–1925 season belonged to Vasily Karnetzsky, a former dancer of the Diaghilev ballet who was touring Istanbul at the time. In Istanbul, he created an independent ballet theater and formed a youth troupe, with which he performed on the Turkish stage. In most productions, Karnetzsky's partner was his talented student Marta Kruger.

Performances by a group of Russian dancers under the direction of Evgenia Vorobeva, the famous ballet master of the St Petersburg Mariinsky Theater, were also popular in Istanbul. During the period, ballet actors and dancers such as the duet of Olga Smirnova and Nikolai Tripolitov, the trio of Viktor Krukovsky and his sisters Gemma and Nadezhda, the troupe of the Cossack officer Mikhail Turpaev (dancer Kazbek)⁶, Bianka Foska, Boris Kniazev, Elena Polyakova, Tamara Obolenskaya, Olga Mechkovskaya, Mrs Strelskaya, Lantrevich, Egrikh, Horvat, German, Larionova, Lorep, Trapolly, Mr Dax, Zavarikhin, Drozdov, Gerolovich, and others drew Istanbul audiences' attention [На прощание, с. XXXIX, XLV].

By the end of 1920, most of the dancers had left for Europe and America. Among those who remained, the graduate of the St Petersburg Choreographic School Lydia Arzumanova (1897–1988), known in Turkey as Leyla Arzuman, and her student Evgenia Nanasova from Tbilisi (1915–1992) gained popularity (Fig. 1). Arzumanova was the founder of the first ballet studio in Turkey in the late 1920s. 10 years later, while continuing

1. Leila Arzuman (Lydia Crassa Arzumanova) with her students. Istanbul, 1940s

⁶ Having won fame as an unsurpassed performer of the mountain dance with daggers, Mikhail Turpaev lived in Istanbul until he was 98, dying in 1978.

work at the studio, she began to give lessons at the municipal conservatory and later created a dance school at the cultural and educational People's House. With the production of the ballet *The Forest Tale* (*Orman Masali*) composed by famous composer Adnan Saygun in Ankara in 1944, she became the first choreographer to stage a ballet composed by a Turkish composer. Over her long years of service to Turkish ballet, she brought up generations of dance performers, who learned to understand classical music and express it in the language of dance.

Moreover, some of the pioneers of Russian cinema and theater came to Istanbul. On 10 February 1920, about 20 actors and workers of Josif Ermoliev's studio were evacuated to Istanbul, among whom was Ermoliev himself. The studio artists gave several impromptu performances. Ivan Mozzhukhin in particular was inimitable in these semi-concert performances.

Earlier films by Yermoliev's studio were shown in the Russian American Cinema, which opened in March 1920. Alexander Khanzhonkov, another pioneer of Russian cinema, also opened an office. In November 1920, with the participation of actors from the Moscow Art Theater, he created the Kinofilm production company and announced costume dramas based on Turkish history to be exhibited in his cinema. In November, Grigory Libkin, in collaboration with Vera Charova, Vladimir Strizhevsky, Georgy Azagarov, and others, founded the third Russian film distribution company in Istanbul. Along with distributing earlier foreign and Russian films, filming was carried [Янгиоров, с. 48].

Drama artists had the hardest time due to the language barrier. They performed only in front of Russian-speaking audiences and were forced to look for ways to tour cities like Sofia, Belgrade, Prague, Berlin, and Paris, where White emigrants settled. Thus, the touring theater troupes began to come through Istanbul. The most striking performance was the first stage play of the Moscow Art Theater troupe, with the participation of O. Knipper, V. Strakhova, P. Sharov, N. Massalitinov, and V. Kachalov, on 11 October at the Petits-Champs Theatre. This was followed by several more performances. Dramatizations of Chekhov's stories *Forgot* and *Surgery*, along with Maupassant's *Harbor*, were presented to the public with great success [На прощание, с. L].

Among the refugees, the creative activity of artists and decorators was quite dynamic. Along with a series of colourful expositions, stage decorations, and wall paintings for entertainment establishments, they also carried out many projects on the restoration of churches and the painting of the interiors and arcades being built at that time in Beyoglu; they also restored state buildings, passages, cinemas, and the mansions of elite families in the neighboring quarters.

An important event in the cultural life of the city was the opening of an exhibition on 9 October 1921 in the gallery of the Lighthouse (Mayak) charity club. This was the first professional exhibition in Istanbul. Soon the artists united and created the Union of Russian Artists, consisting of about thirty members, among whom were Evgeny Agafonov, Tatyana

Aleksinskaya, Georgy Artemov, Konstantin Astori (real name Astafiev), Nikolai Becker, Vladimir Bobritsky, Nikolai Vasiliev, Alexander Grekov, Alexey Grishchenko (Alexis Gritchenko), Mikhail Dubinsky, Nikolai Zaretsky, Vladimir Zender, Alexander Ivanov, Vasily Ivanov, Vladimir Ivanov, Dmitry Izmailovich, Nikolai Kalmykov, Petr Kareev, Nikolai Kravchenko, Leon Muradov, Nikolai Perov, Vladimir Petrov, Nikolai Sarafanov, Rakhman Safiev, Leonid Sologub, Nikolai Uzunov, Pavel Chelishchev, Boris (Baruch) Egiz, and others [На прощание, с. XLVI; Бурнакин; Искусство и архитектура русского зарубежья].

Before its closure in October 1922, seven more expositions had been arranged in the gallery of the Lighthouse club on 40 Bursa Street. In the second half of 1922, through the efforts of Foster Stearns, the manager of the American embassy, and his wife, an art workshop was opened; another art gallery began operating in the McMahon barracks in Taksim. Here and in the halls of the Young Men's Christian Association (YMCA), three exhibitions were held in total, on 18 June 1922, 10 December 1922, and 24 June 1923. All of these, like those that took place in the Lighthouse club, attracted a lot of attention from the press (Fig. 2).

2. Participants of the exhibition of the Union of Russian Artists in Istanbul. June 18, 1922, McMahon barracks on Taksim [На прощание, с. XLVI]

The creativity of White émigré artists during their Istanbul period gravitated towards everyday life; often, this reflected the life of the emigrants themselves. For the most part, watercolours and oil paintings with views of the city and exotic scenes of the life of townspeople prevailed, along with interiors, still lifes, and portraits. Watercolors and oil paintings with views of the Bosphorus and the Golden Horn, as well as the historical sights of the city, melting in soft and magenta tones, were especially in demand. This was the market demand [Толстой]. Such artists as N. Becker, B. Egiz,

N. Zaretsky, and D. Izmaylovich held personal exhibitions with great success. Watercolours by A. Grishchenko were also very impressive. Here he became friends with Ibrahim Calli (1882–1860). This friendship would greatly affect the work of the Turkish artist.

By 1924, with the departure of most of the artists, the activities of the Union ceased. Those who remained in the city, such as M. Bezugly, A. Grekov, V. Ivanov, D. Izmailovich, N. Kalmykov, F. Makurin, N. Perov, V. Petrov, I. Safiev, B. Ediz, and N. Jacobson, being deprived of unity, were doomed to isolation and fulfilling occasional, often commercial, orders. Due to the lack of exhibitions, the interest of society and the press gradually faded away, which forced the rest of the group to leave in 1927. Nikolai Kluge, Nikolai Perov, Nikolai Kalmykov, Ibrahim Safiev, and Nikolai Yakobson settled in the city for good.

Nikolai Kluge (1869–1947) was a prominent figure at the Russian Archaeological Institute in Istanbul, where he served as an artist for 16 years and participated in almost all of its major events. In 1930, he became a staff member of the Istanbul branch of the Byzantine Institute of America. In the same year, he received Turkish citizenship. From 1932 until the end of his life, he restored and reinforced mosaics in the Hagia Sophia.

Nikolai Perov (1886–1963) carried out restoration work in Greek and Uniate churches. He was also responsible for the restoration of the murals of the St Stephen church in 1927. In the same year, at the suggestion of the Turkish director Mukhsin Ertugrul, Perov became a decorator of the Istanbul City Theater, where he worked for 35 years until the end of his life. At the same time, he was a member of the Turkish Artists' Society and exhibited his paintings at exhibitions. Perov was active not only in art but in social activities as well. He played an important role in the church life of the Russian colony. For many years, he was the choir master at the St Panteleimon Church; after its closure, he became the elder of the St Andrei church. In 1950, he was one of the founders (and from 1957 until he died in 1963, the chairman) of a Russian charity circle for helping refugees in Istanbul at the St Andrei compound.

To earn his living, Nikolai Kalmykov (1896–1950) designed many interiors in Istanbul and Ankara and restored frescoes of the Catholic Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary in Buyukdere. He first exhibited his works in 1930 at a mixed exhibition at the Galatasaray lyceum. Receiving Turkish citizenship 6 years later, the artist took the name of Nadzhi Kalmukoglu and began to sign his works with this sobriquet. In the following years until his death, he was engaged exclusively in painting, combining academic writing and the techniques of impressionism. Portraits of gypsy girls and nude models brought him great success (Fig. 3).

Ibrahim (Rakhman) Safiev (1898–1983) ended up in Istanbul at the end of the Civil War. In 1923, he graduated from the Art School in Istanbul, where he studied with the famous Turkish painter Namyk Ismail. Together they designed the interiors of several Istanbul elite buildings. Receiving Turkish citizenship in 1942, he began to sign his paintings under the name

3. Naji Kalmukoglu (Nikolay Kalmykov) and Ibrahim Safi (Rakhman Safiyev) (in a hat). Photograph by Antikalar.com

Ibrahim Safi. In 1946, he exhibited his works in a free impressionist manner, which brought him success and popularity. Between 1955 and 1966, Safi studied painting in western Europe and simultaneously held exhibitions in Geneva, Zurich, Munich, Cologne, Frankfurt, Bonn, Vienna, Rome, Paris, Marseille, and Athens. Some of them were held with the assistance of the government of the Turkish Republic. His creative activity largely contributed to the recognition of Turkish painting in the West.

About Nikolay Jacobson (1895–1964) we learn that:

The reputation of a good artist and a talented restorer of paintings and, later, ancient icons made a name for him far beyond the borders of Turkey. Antiquaries and collectors of antique icons came to him in Istanbul from large European centers with their ancient treasures. And then he did absolute miracles of art and technology (cited in [H. Б⁷, c. 5]).

Despite incredible financial and moral difficulties, Russian refugees organized literary activities [Олджай]. These activities became the most effective means of uniting and maintaining the spirit of a person in exile. Literature came to be the main source of preservation of national identity and language as the basis of Russian culture. Istanbul became the first pen test center of the literary White emigration. Here, the first literary associations of emigrants arose: the Tsargrad Workshop of Poets, the Union of Russian Writers and Journalists, and the Chekhov Literary and Art Society. All works were published in Russian publishing houses,

⁷ Nadir Bek is the pseudonym of Nikolai Khlebnikov, a former Gallipolitan and a correspondent for the newspapers *Russkaya mysl* (*Russian Thought*) and *Chasovoi* (*The Guard*) in Turkey.

such as L. Baboks and Sons, the Press, Sphinx Abroad, Russian Thought, and others. In the publishing house Russian Thought (Tunnel Square in house number 2), there was a bookstore and a library where readers were offered a wide choice of literature. The bookstores Culture, Natsevo, Zabelo, Marshak, and Chernov operated. All of them ordered works by Russian authors published abroad, as well as world classics in Russian translation, and served as libraries (Fig. 2 on a color sticker).

By 1924, the White Russians of Istanbul, having experienced a short period of prosperity, began to gradually disperse. Prague willingly received engineers, doctors, and students; Bulgaria and Serbia sheltered some Gallipolians; France, which lost a huge number of men in World War I, accepted almost anyone, but preferably those who agreed to work for the Renault factories; those who wanted to settle on land were offered to go to Argentina, with a large number of Cossacks rushing there; and bank employees and furriers went to Germany.

Before leaving the city, a group of Russian writers published the almanac *The Farewell*. Consisting of three parts in Russian, French, and English, the almanac was an attempt “to express a sense of gratitude to all those who extended a helping hand to the Russian emigrants who found themselves on the shores of the Bosphorus”:

To say Turkey was hospitable is not enough. It fraternally warmed those who had lost their fatherland. So much life-giving juice has been given to us by Turkey and its meek and heroic people, who for the first time called us *kardash* (brothers). The word *kardash* will remain in our memory forever. Accept, Turkey, our fraternal thanks and fraternal farewell! (cited in: [На прощание, с. I]).

Four years later, before his departure, Anatoly Burnakin would compile and publish the almanac *Russians on the Bosphorus*, the last major Russian publication in Istanbul.

With the expiration of temporary residence permits on 6 September 1927, Russians began to be expelled from the country. In October 1927, only 3,519 people remained in Turkey: 1,900 men, 945 women, and 664 children [Иванович, с. 41]. By 1930, only 1,400 Russians remained in Istanbul [Ibid.]. Russian Istanbul became desolated, failing to become a permanent center of White emigration.

Despite the temporary and transitory nature of the Russian stay and their material and moral difficulties, the emigres managed to create a bright center of Russian spiritual culture in Istanbul, introducing all nationalities and all segments of the population to it. It was artistic and cultural life that became the most effective means for uniting and maintaining the spirit of Russians in Istanbul. Russian Istanbul became the prototype for Russians in Berlin, Prague, and Paris.

In conclusion, I would like to emphasize the objective need for further study of Russian heritage in Turkey, as well as the socio-cultural influence of Russian White emigration on Turkish society. Such a culturological study is

extremely important in bringing Turkish and Russian societies closer, since its results will allow us not only to understand each other better, but also, by discovering common features, to acquire in the past a foundation for further progress.

Список литературы

- Бурнакин А. А.* Русские на Босфоре. Стамбул : Бабок и сыновья, 1928. [Б. н.].
Искусство и архитектура русского зарубежья // Фонд им. Д. С. Лихачева : [сайт]. URL: <https://arttz.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах : 1920–1940 / пер. с серб. А. Ю. Тимофеева. М. : Рус. зарубежье : Рус. путь, 2005. 488 с.
- Н. Б. Памяти Н. Н. Якобсона // Русская мысль.* 1964. 23 мая. № 2155. С. 5.
На прощание = Nos Adieux. The Farewell. 1920–1923 : Издание группы русских литераторов / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти и Б. Ратимова. Константинополь : Бабок и сыновья, 1923. LIII, XLI, LX с.
- Олджай Т.* Литературная деятельность белоэмигрантов в Стамбуле // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9-1. С. 93–97.
Русская «белая эмиграция» в Турции век спустя (1919–2019) : сб. ст. / под ред. Т. Олджай (сост. и отв. ред.), А. В. Москвина, В. И. Петроченко, М. Ю. Сорокина. М. : [Б. и.], 2019. 394 с.
- Толстой А. В.* Русская художественная эмиграция в Европе, первая половина XX в. : автореф. дис. ... докт. искусствоведения. М. : [Б. и.], 2002. 53 с.
- Янгиров Р. М.* «Рабы Немого» : Очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М. : Рус. путь, 2007. 496 с.
- A Russian Exodus // The Times.* 1920. 19 Apr. P. 1.
- Bakar B.* Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar. İstanbul : Tarihçi, 2012. 488 s.
- Cemil M.* Bale Tarihi // Radyo. 1949. № 86. S. 70–83.
- Criss B.* İşgal Altında İstanbul, 1918–1923. İstanbul : İletişim Yay, 2000. 259 s.
- Deaver G. G.* Eğlence // İstanbul 1920 / İng. çev. S. Taner. ed. C. R. Johnson. İstanbul : Tarih Vakfı, 1995. S. 223–245.
- Deleon J.* Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar. 2. Bsm. İstanbul : Remzi, 2003. 239 s.
- Es H. F.* Beyaz Ruslar İstanbul'da // Yıllar Boyu Tarih Dergisi. 1978. № 8. S. 44–49.
- Evren B.* İstanbul'un Deniz Hamamları ve Plajları. İstanbul : İnkılap, 2000. 247 s.
- General Wrangel at the University Club // The Orient. 1922. Vol. 9/1. P. 1–2.
- İlbeyi Ö.* Osmanlı'dan Cumhuriyete Yaşam ve Moda. İstanbul : Truva, 2006. 496 s.
- İstanbul'da Deniz Sefası: Deniz Hamamından Plaja Nostalji : Sergi Kataloğu / ed. Z. Toprak. İstanbul : Pera Müzesi, 2018. 429 s.
- Koçu R. E.* Beyaz Ruslar // İstanbul Ansiklopedisi : 11 cilt. İstanbul : Koçu Yay., 1961. C. 5. S. 2523–2526.
- Ruslar ve Türkler // İleri. 1922. 24 Tem. S. 1.
- Solano S.* Constantinople Today // The National Geographic Magazine. 1922. Vol. 41, № 6 (June). P. 647–655.
- Sperco W.* Yüzyılın Başında İstanbul / fr. çev. R. Köymen. İstanbul : İstanbul Kütüphanesi, 1989. 119 s.
- The Russian Ballet at the Petits Champs // The Orient News. 1922. 10 Feb. P. 3.

References

- A Russian Exodus. (1920). In *The Times*. 19 Apr., p. 1.
- Bakar, B. (2012). *Esir Şehrin Misafirleri: Beyaz Ruslar*. Istanbul, Tarihçi. 488 p.
- Burnakin, A. A. (1928). *Russkie na Bosfore* [Russians on the Bosphorus]. Istanbul, Babok i synov'ya. N. p.
- Burnakin, A., Valeri, D., Minti, K., Ratimov, B. (Eds.). (1923). *Na proshchanie = Nos Adieux. The Farewell 1920–1923. Izdanie gruppy russkikh literatorov* [Farewell =

- Nos Adieux. The Farewell. 1920–1923. Published by a Group of Russian Writers]. Constantinople, Babok i synov'ya. LIII, XLI, LX p.
- Cemil, M. (1949). Bale Tarihi. In *Radyo*. No. 86, pp. 70–83.
- Criss, B. (2000). *Ishgal Altynda Istanbul, 1918–1923*. Istanbul, İletişim Yay. 259 p.
- Deaver, G. G. (1995). Eğlence. In Johnson, C. R. (Ed.). *İstanbul 1920* / transl. by S. Taner. İstanbul, Tarih Vakfı, pp. 223–245.
- Deleon, J. (2003). *Beyoğlu'nda Beyaz Ruslar*. 2nd Ed. İstanbul, Remzi. 239 p.
- Es, H. F. (1978). Beyaz Ruslar İstanbul'da. In *Yıllar Boyu Tarih Dergisi*. No. 8, pp. 44–49.
- Evren, B. (2000). *İstanbul'un Deniz Hamamları ve Plajları*. İstanbul, İnkılap. 247 p.
- General Wrangel at the University Club. (1922). In *The Orient*. Vol. 9/1, pp. 1–2.
- Iovanovich, M. (2005). *Russkaya emigratsiya na Balkanakh: 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940] / transl. by A. Yu. Timofeev. Moscow, Russkoe Zarubezh'e, Russkii put'. 488 p.
- Iskusstvo i arkhitektura russkogo zarubezh'ya [The Art and Architecture of the Russian Abroad]. (N. d.). In *Fond imeni D. S. Likhacheva* [website]. URL: <https://artz.ru/> (accessed: 10.03.2021).
- İlbeyi, Ö. (2006). *Osmanlı'dan Cumhuriyete Yaşam ve Moda*. İstanbul, Truva. 496 p.
- Koçu, R. E. (1961). Beyaz Ruslar. In *İstanbul Ansiklopedisi. 11 vols*. İstanbul, Koçu Yay. Vol. 5, pp. 2523–2526.
- N. B. (1964). Pamyati N. N. Yakobsona [Memories of N. N. Yakobson]. In *Russkaya mysl'*. 23 May. No. 2155, p. 5.
- Oldzhai, T. (2016). Literaturnaya deyatel'nost' beloemigrantov v Stambule [Literary Activity of White Russians in Istanbul]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. No. 9-1, pp. 93–97.
- Oldzhai, T., Moskvın, A. V., Sorokin, M. Yu. (Eds.). (2019). *Russkaya "belaya emigratsiya" v Turtsii vek spustya (1919–2019). Sbornik statei* [Russian "White Emigration" in Turkey a Century Later (1919–2019). Collection of Articles]. Moscow, S. n. 394 p.
- Ruslar ve Türkler. (1922). In *İleri*. July 24, p. 1.
- Solano, S. (1922). Constantinople Today. In *The National Geographic Magazine*. Vol. 41. No. 6 (June), pp. 647–655.
- Sperco, W. (1989). *Yüzyılın Başında İstanbul* / transl. by R. Köymen. İstanbul, İstanbul Kütüphanesi. 119 p.
- The Russian Ballet at the Petits Champs. (1922). In *The Orient News*. 10 Feb., p. 3.
- Tolstoi, A. V. (2002). *Russkaya khudozhestvennaya emigratsiya v Evrope, pervaya polovina XX v.* [Russian Artistic Emigration in Europe in the First Half of the 20th Century]. Avtoref. dis. ... dokt. iskusstvovedeniya. Moscow, S. n. 53 p.
- Toprak, Z. (Ed.). (2018). *İstanbul'da Deniz Sefası: Deniz Hamamından Plaja Nostalji. Sergi Kataloğu*. İstanbul, Pera Müzesi. 429 p.
- Yangirov, R. M. (2007). *"Raby Nemogo". Ocherki istoricheskogo byta russkikh kinematografistov za rubezhom. 1920–1930-e gody* ["Slaves of the Silent Movie". Essays on the Daily Life of Russian Cinematographers Abroad]. Moscow, Russkii put'. 496 p.

The article was submitted on 10.09.2021

**Толстовская традиция в персидской литературе:
семья и женская измена***

Марзие Яхьяпур
Джанолах Карими-Мотаххар
Форуг Сотудехмехр
Тегеранский университет,
Тегеран, Иран

**The Tolstoy Tradition in Persian Literature:
Family and Female Infidelity**

Marzieh Yahyapour
Janolah Karimi-Motahhar
Forough Sotoudehmehr
University of Tehran,
Tehran, Iran

This article is a comparative study of *Anna Karenina* by Leo Tolstoy and *Love and Tears* (1952) by Javad Fazel focusing on the theme of “family and woman” in the two works. The comparison of these works relies on their thematic similarity and the importance that both authors attach to the role of women in the family and society. In interpreting Tolstoy’s novel, the researchers rely on the ideas of Iranian society, which is more closely associated with traditional patriarchal views. The axiology of society says that a woman is the basis of the family, and family happiness depends on her behaviour, character, and awareness of her duties. When the issue of women’s emancipation in Russia and Iran started emerging, changes in the family structure caused many problems. The key issue in both novels is the infidelity of a married woman and the negative consequences of this act for the family and society. These personal problems threatened the institution of the family and in most cases led to the disintegration of the family. The questions of this study

---

* *Citation:* Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, J., Sotoudehmehr, F. (2022). The Tolstoy Tradition in Persian Literature: Family and Female Infidelity. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1334–1347. DOI 10.15826/qr.2022.4.732.

Цитирование: Yahyapour M., Karimi-Motahhar J., Sotoudehmehr F. The Tolstoy Tradition in Persian Literature: Family and Female Infidelity // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1334–1347. DOI 10.15826/qr.2022.4.732 / Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Сотудехмехр Ф. Толстовская традиция в персидской литературе: семья и женская измена // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1334–1347. DOI 10.15826/qr.2022.4.732.

follow the problems of Tolstoy's novel: what the woman's role in maintaining the institution of the family is, what determines happiness in the family, and why some families fail. The authors conclude that in Tolstoy's and Fazel's points of view, their heroines' feelings (Anna and Makhin) are not true love but passion. Both authors believe that family happiness depends on the woman's observance of moral norms, but the norms themselves undergo dynamic changes. And a genuine feeling cannot simply be replaced by the rules of marital cohabitation.

Keywords: Leo Tolstoy, *Anna Karenina*, Javad Fazel, *Love and Tears*, family happiness, female infidelity

Представлен сопоставительный анализ романов «Анна Каренина» Льва Толстого и «Любовь и слеза» Джавада Фазела (1952), в которых поднимается тема «семья и женщина». Сравнение этих произведений обусловлено сходством выбора проблемы повествования и значением, которое оба автора придавали роли женщины в семье и обществе. Исследователи в трактовке толстовского романа опираются на представления иранского общества, более тесно связанного с традиционными патриархальными взглядами. Аксиология социума гласит, что женщина – это основа семьи, и от ее поведения, характера, осознания ею своего долга зависит семейное счастье. В период актуализации проблемы эмансипации женщин в России и Иране произошедшие изменения в структуре семьи вызвали множество проблем. Ключевой вопрос в обоих романах – неверность замужней женщины и негативные последствия этого поступка для семьи и общества. Эти личные проблемы ставили под угрозу институт семьи и в большинстве случаев приводили к распаду семейного очага. Вопросы настоящего исследования следуют проблематике толстовского романа: какова роль женщин в поддержании института семьи, от чего зависит счастье в семье, почему некоторые семьи терпят крах. Авторы статьи приходят к выводу, что чувства героинь романов (Анны и Махин) – это не настоящая любовь с точки зрения Толстого и Фазела, а страсть. Оба автора полагают, что семейное счастье зависит от соблюдения женщиной моральных норм, но сами нормы при этом подвергаются динамическим изменениям. И подлинное чувство не может быть просто заменено правилами брачного сожительства.

Ключевые слова: Лев Толстой, «Анна Каренина», Джавад Фазел, «Любовь и слеза», семейное счастье, женская измена

Результатом сравнительного метода изучения литературы является осознание своеобразия разных культур в контексте поиска путей их взаимодействия. Поскольку, как отмечает Торкамани Барандузи, «литература каждой нации является зеркалом всех идеалов и стремлений и отражением внутренних желаний и стремлений нации» [ترکمانی، ۲ باراندوزی، ص. ۱]¹, знакомство с творчеством зарубежных писателей дает

¹ Здесь и далее перевод с персидского языка Марзие Яхьяпур.

продуктивное продолжение в национальной традиции и способно обогатить язык и литературу любого народа, открыть иные аспекты в жизненном течении, обрисовать новый горизонт видения мира.

Независимо от культурных и языковых различий человечество в равной степени волнуют вопросы любви, свободы чувств и брака, семейного счастья. Обращение иранской литературы к темам и проблемам, обрисованным в русской классике, особенно к творчеству Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, заметно «в художественных приемах, стиле, идеях, усвоенных иранскими писателями и использованных ими для решения собственных задач» [Яхьяпур, Карими-Мотаххар, с. 185].

Русский писатель Лев Толстой уделял особое внимание теме семьи и женщины. Тема дома, как считала Т. Д. Проскурина, «была в центре внимания писателя с самого начала его творчества» [Проскурина, с. 33]. В творчестве Л. Толстого речь идет не только о семье, в которой человек рождается и растет, но, что еще более важно, о семье, которую он строит. «Тема семьи находит свое отражение уже в раннем творчестве писателя. Создавая автобиографическую трилогию “Детство” (1852), “Отрочество” (1854), “Юность” (1857), Толстой довольно рано предпринимает попытки вникнуть в суть семейных взаимоотношений. Постепенно семейная тематика становится одной из основных в его творчестве, трансформируясь в настоящую семейную философию. Этот процесс вырисовывается в таких произведениях писателя, как “Война и мир” (1863–1869), “Анна Каренина” (1873–1877), “Крейцерова соната” (1887–1889), “Воскресение” (1889–1899)» [Сергеева, с. 206].

По словам Софьи Андреевны Толстой, сам писатель считал «мысль семейную» центральной в романе [Толстая, с. 497]. Проблемы любви, семьи и брака и связанные с ними проблемы эмансипации женщин в пореформенную эпоху вызывали бурные споры в обществе. Требования Толстого к браку и семье достаточно суровы, и счастья в браке достигают далеко не все в силу различных причин, как личных, так и социальных [Яхьяпур, с. 15, 16].

По словам Э. Бабаева, «пореформенная эпоха, в частности эпоха 70-х годов, когда русская жизнь преображалась на глазах, сказалась и в работе над романом, и в самом романе» [Бабаев, с. 7] Переоценка ценностей, захватившая все русское общество в 1870-е гг., стала источником «духовного кризиса Толстого и привела к перелому в его миросозерцании» [Там же]. В 1879 г. в книге «Исповедь» Л. Толстой, говоря об этом переломе, сам признавался: «Со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, ученых – не только опротивела мне, но и потеряла всякий смысл» [Толстой, т. 16, с. 138].

Тема «женщина и семья» – одна из основных как в русской литературе, так и в персидской, что осознавалось и иранскими исследователями [Карими-Мотаххар, Ашрафи, с. 61]. В персидской литературе,

как древней, так и современной, тема семьи всегда была одной из популярных. В древнеиранской литературе можно найти яркие произведения на эту тему, такие как «Шахнаме» Фирдоуси – эпическое произведение, в котором не только показаны отношения отца и сына (Ростам и Сохраб), но и роль женщин в судьбе детей.

Тема семейных отношений и судьбы женщины, глубоко раскрытая в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», оказалась в зоне внимания современного иранского писателя Джавада Фазела (Мохаммада Джавада Фазела Лариджани, 1916–1961), откликнувшегося на сочинение русского писателя своим романом «Любовь и слеза». Основаниями выбора этих двух произведений для сравнительного исследования стали сходство темы (крах семейных отношений), развитие сюжета и образной системы.

Необходимо отметить, что во время создания романа Толстого «Анна Каренина» в России (1873–1877) и романа «Любовь и слеза» Джавада Фазела в Иране (1940-е гг.) в обеих странах началось движение за женскую эмансипацию. Борьба за права женщин привела к значительным изменениям в самом, казалось бы, устойчивом социальном институте – в семье, что нашло свое отражение в творчестве Л. Н. Толстого, а спустя 60 лет и в романе Дж. Фазела. Романы, в которых звучит социальная проблематика, выходят на первый план в литературе Ирана начиная с 1921 г. Темой многих из них была борьба с социальным неравенством. Среди них и произведение Мортезы Мошфека-Каземи (1887–1978) – «первый персидский социальный роман, повествующий о прискорбном и унижительном положении иранских женщин в те годы» [ارین‌پور، جلد ۱ ص. ۳۱۰ و جلد ۲ ص. ۲۶۱].

Несмотря на многочисленные исследовательские работы, посвященные различным аспектам романа Л. Н. Толстого, изучение его влияния на зарубежную литературу и, в частности, на роман Дж. Фазела проводится впервые. Современное состояние семейных отношений, явно выраженный кризис традиционного института привлекают внимание как писателей, так и исследователей из разных сфер (филологов, социологов, психологов), что объясняет задачу сопоставления близких по теме, но далеких по культурологическому своеобразию трактовок проблемы в указанных источниках.

В Иране со времен Конституционной революции² новая форма прозаической литературы – роман – становится популярной. Многие иранские писатели часто обращались к теме семейных отношений, следуя миссии реалистических романов – воплощать социальные конфликты и обрисовать состояние социальных институтов времени. Поскольку семейный очаг является одним из основных и наиболее важных институтов общества, он занял достойное место в романах многих писателей (Фазела, Ахмада Махмуда, Аль-Ахмада, Симина Данешвара, Исмаила Фассиха, Мохаммада-Бакера Хосрави, Мушфека

² Конституционная революция происходила в Иране в 1905–1911 гг.

Каземи, Аббаса Халили, Мохаммада Хиджази и др.). Авторы обращались к драматическому состоянию семейных связей и атмосфере развала семейного очага. Роман Фазела, по мнению Мир-Абедини, стоит у начала процесса создания нового типа иранского романа, в для этого периода в иранской прозе были более характерны приключенческие и авантурные романы и захватывающие любовные или сентиментальные рассказы, а «простых психологических и социальных романов еще не написано» [میرعابدینی، ص. ۱۳۳].

Анализ семейных отношений в романах Толстого и Фазела позволяет с достаточной полнотой рассмотреть этические и религиозные взгляды писателей. В связи с этим особое внимание уделено важной роли женщины как ключевого члена семьи, влиянию ее решений на счастье или несчастье семьи. Образ женщины и семьи как в русских, так и в персидских произведениях менялся с течением времени в соответствии с социальными и культурными условиями, приобретая новые формы. Авторы романов «Анна Каренина» и «Любовь и слеза» также столкнулись с социальными факторами, влияющими на поступки и чувства женщин, принятие ими решений.

Проблемы, которые поднимают авторы указанных романов, во многом являются результатом кардинального изменения роли женщины в семейных отношениях в процессе перехода от традиционной семьи к современной. Оба писателя подтверждают первостепенное влияние женщины на состояние семьи, ее счастье или несчастье. Не менее важными оказываются религиозная атмосфера (православие, мусульманство) и ее влияние на образ жизни и мышления персонажей. Художественная организация романов дает пищу для размышлений о том, как писатели, разделенные пространством и временем, подходят к вопросам семьи и женщины.

Дж. Фазел, начавший сотрудничать с прессой в 1940–1941 гг., написал множество произведений религиозной направленности («Дочери пророка», «Дочери Абу-Талиба» и др.), что не мешало его приключенческим рассказам и романам быть популярными в среде молодежи³.

В 1940-х и 1950-х гг. в Иране были очень популярны социальные романы. Дж. Фазел поднимает проблемы освобождения женщин и изменения образа жизни семей в социально-политической атмосфере того времени. В этот период женщины больше не считали себя обязанными соблюдать патриархально-религиозные моральные принципы. В обществе, особенно в слое аристократов, романтические отношения между юношами и девушками стали обычным явлением. Размах этих отношений был настолько широк, что в них вступали даже замужние женщины. «Семьи развивающихся обществ называют “семьями переходного периода”. Но и в этот период семьи не могли отказаться от своих традиций и адаптироваться к новым ус-

³ Это романы «Дочь соседа», «Дитя любви», «Любовь и слеза», «Девушка-сирота», «О, мое желание», «Лунная ночь» и др.

ловиям. В это время семьи находятся на рубеже традиций и современности» [۱۱۹. عاملی رضایی، ص.]. О внимании к этой проблеме свидетельствует факт появления отрывков из перевода «Анны Карениной» в иранской газете «Туфан» («Буря») в 1926 г., что подтолкнуло в дальнейшем Фазела написать роман по примеру русского писателя [Шифман⁴, с. 349, 355]. Этому также способствовали изменение политического режима в Иране и обострение социальных конфликтов⁵.

Длительная публикация книги с 1941 по 1943 г., как считает Мир-Абедини, была вызвана последствиями войны и беспорядков, а также высокой стоимостью жизни и трудностями заработка [۱۲۹-۱۳۰. میرعابدینی، صص.]. Информации о первом издании романа Джавада Фазела «Любовь и слеза» не существует, но дата третьего издания этого произведения, согласно собственному свидетельству автора во введении к книге, указана как июнь 1952 г., в том же году роман вышел в издательстве «Канун марафат» («Центр знаний»). На основании этой даты и времени вступления Джавада Фазела в сферу литературной деятельности (1940) следует признать, что роман относится к периоду, когда иранские писатели находились под сильным влиянием русской литературы. В это время иранские интеллектуалы столкнулись с натиском мировых литератур, школ и движений, включая социалистическую идеологию Советского Союза. «Советский миф, обилие журналов, газет, возможности печататься также привлекали многих интеллигентов... Особая ситуация этого периода побуждала писателей участвовать в общественной жизни и создавать поэтические произведения», – пишет Мир-Абедини [همان].

В романе «Любовь и слеза» Джавад Фазел осуждает новый образ жизни и современные светские семьи. Еще одно сходство между Толстым и Фазелом – это скрытое неприятие образа жизни аристократии.

Махин – главная героиня романа «Любовь и слеза» Джавада Фазела, дочь министра, получившая высшее образование благодаря принадлежности ее семьи к высшим аристократическим кругам. Махин образованна и умна, она общительная девушка. Но при этом она еще недостаточно зрелая для того, чтобы выйти замуж за капитана Л. Ее муж, капитан Л. – молодой офицер, человек развратный и гордый. В начале своей супружеской жизни Махин не жаловалась на это. Но, встретив другого интересного молодого человека по имени Джахангир на балу на роскошной вечеринке, она забыла, что она замужняя женщина и мать маленькой девочки. Конечно, сначала Махин пытается избавиться от соблазна этих незаконных отноше-

⁴ Слово «слеза» в названии повести в оригинале написано в единственном числе, а у А. И. Шифмана дан его перевод во множественном числе.

⁵ В сентябре 1941 г. в результате событий Второй мировой войны режим Реза-шаха был свергнут, и политические заключенные были освобождены из тюрьмы. В стране появилась свобода слова и печати, возникли политические и профсоюзные организации. 1941–1943 гг. полны конфликтов и динамизма. Культурная ситуация также меняется из-за социальных волнений. См.: [۱۲۹-۱۳۰. میرعابدینی، صص.].

ний, но очень скоро она терпит поражение в этой борьбе и поддается. Махин находилась в отношениях с Джахангиром в течение некоторого времени в тайне от мужа и семьи, они переписывались. Однажды муж случайно увидел письмо Джахангира и напрямую спросил об этом жену. Но Махин совершенно не теряется и говорит мужу, что Джахангир – всего лишь ее учитель английского языка, а сама продолжает свои отношения с ним.

Капитан Л. сначала идет к семье Махин по предложению своего брата и обсуждает с ее родственниками неверность жены. Но мать Махин, осознавая ошибку дочери, все равно защищает ее. Капитан Л. становится обезумевшим от ярости, и однажды ночью, когда Махин и дочь спят, он решает их убить. Махин пережила нападение, но их маленькой девочке не так повезло.

Махин, очнувшись в больнице, отправляет письмо Джахангиру через одного из своих слуг, а вскоре, когда ее муж уже находится под стражей, сбегает с Джахангиром в город Мешхед. Они живут в Мешхеде, пока у них есть деньги. Но Джахангир не может позволить себе оплачивать все расходы. Махин втайне решает работать в больнице, чтобы не смущать мужа. Отсутствие Махин постепенно делает Джахангира подозрительным, и однажды, следуя за ней, он видит ее издали с мужчиной, который на самом деле является ее коллегой. Охваченный ревностью, он совершает самоубийство, ничего не сказав Махин. Махин возвращается в Тегеран с разбитым сердцем. В Тегеране она поселяется в гостинице и в отчаянии звонит своей двоюродной сестре Шоку в надежде на прощение. Но из-за небольшого недоразумения, как будто это была воля Бога, Махин теряет надежду на взаимопонимание со своей двоюродной сестрой. Она борется со своими материнскими чувствами в последние моменты своей жизни, ей кажется, что маленькая девочка зовет ее. Эта ситуация приводит ее к самоубийству.

Ставя в центре романов женские образы, Толстой и Фазел используют художественный прием антитезы. Джавад Фазел, как и Толстой, сравнивает красоту внешнюю и душевную:

...Я увидел ее на мгновение и подумал о ней. Мне вспомнились девственность и обаяние Махин, когда она была студенткой. Она тоже училась, у нее тоже были мечты и надежды, но я не мог сравнивать этих двух прекрасных девушек друг с другом. Шоку – это девушка, обладающая скромностью, отличием и превосходством. Шоку уважает и бережет свою честь и личность больше всего на свете. Шоку – это небесный свет, она выше всех. Для женщины нет ничего более ценного, чем самопознание и самоуважение. Женщина никогда не оступится, если она привержена своему личному статусу и семейному положению. Женщины нам следует выучить урок чести, терпимости и высокомерия [فاضل، ص. ۱۲۲].

Анализируя содержание романов, мы пришли к выводу, что писатели поднимают целый комплекс взаимосвязанных проблем, концентрируя их вокруг главной идеи – противоречия между разрушительной силой чувства и высшими религиозными ценностями. Для писателей было важно показать разрушение семейного, а также социального уклада богатых людей и дворянства, который, с их точки зрения, является признаком глубокого кризиса всего общества. Отсюда можно сделать вывод, что главный акцент в воплощении замысла был сделан авторами именно на женских образах в романах, так как назначение женщины с древнейших времен – быть хранительницей семейного очага. Толстой и Фазел показывают, как в современном им обществе женщина относится к своему изначальному, природой заложенному предназначению. Поэтому когда главная героиня выступает в роли разрушительницы семьи, это символизирует глубокий разрыв с ее природой и дисгармонию в обществе. Такая дисгармония, несмотря на прогрессивное значение женской эмансипации, неизбежно ведет общество к его нравственной гибели.

В романе Толстого иранский писатель выразил напряженную религиозную мысль о смысле человеческих взаимоотношений в семье. Все проблемы в конечном итоге сводятся к одному вопросу: есть ли у человека Бог в душе? И истинно ли его понимание того, как надо служить Богу и людям? Не случайно библейская фраза «Мне отмщение, и Аз воздам» стала эпиграфом к роману.

Две эти основные идеи диктуют описание поведения женщин в «Анне Карениной». Возможно, Толстой хочет сказать, что если мужчины необузданны и нерелигиозны (Стива Облонский), а их жены целомудренны и терпеливы (Долли), то все же можно надеяться на сохранение семьи. Но надежды на сохранение семьи нет, если и муж, и жена нарушают нравственные законы: преданность и честность Каренина, не испытывающего подлинного чувства любви, и неверие Анны разрушают семью.

В образах Дарьи Александровны (Долли) и ее сестры Кити отражается женственность наряду с сохранением порядочности и нравственности. Эти два персонажа представляют собой идеал целомудренной женщины, и, как показано в ходе повествования, они наслаждаются духовным и психологическим счастьем в тени этого целомудрия.

Противоположные жизненные позиции женщин показывает Джавад Фазел в романе «Любовь и слеза», создавая образы главной героини Махин и ее двоюродной сестры Шоку. Это открыто формулируется в речи Шоку:

...Дорогая Махин, это правда, что я на пять лет моложе тебя, но я не так далека от законов жизни, как тебе кажется. Вы, дамы и нежные девушки с вашими лицемерными, развратными и ленивыми молодыми людьми, думаете, что главное в жизни – страсть, и не соблюдаете никаких законов, а считаете, что глаза и сердце должны быть свободны, и это обычное явление. Но нельзя разрушать чужой дом и семью... [فاضل، ص. ۲۷].

В романе «Анна Каренина» Толстой противопоставляет истинные материнские чувства Долли, никогда не подвергавшиеся сомнению, чувствам Анны к своим детям. Чувство материнской гордости за своих детей, присущее Долли, совсем отсутствует в Анне [Яхияпур, с. 38].

И действительно, если планы, обязанности и убеждения женщины оказываются в тени ее желаний и настроений, какова будет судьба ее детей? В романе «Любовь и слеза» ни в чем не повинная дочь Махин убита, но, возможно, если бы она выжила, то ее не ждала бы хорошая судьба. В «Анне Карениной» такая женщина, как Анна, полностью погрузившаяся в роль матери до встречи с Вронским, внезапно теряет чувство ответственности, так что даже оставляет сына, чтобы сопроводить Вронского. Анна в роли матери настолько слаба, что взяла себе малосимпатичную гувернантку и совсем не знает потребности детей. Толстой передает это через восприятие Долли:

Только тем, что в такую неправильную семью, как Анина, не пошла бы хорошая, Дарья Александровна и объяснила себе то, что Анна с своим знанием людей могла взять к своей девочке такую несимпатичную, нереспектабельную англичанку. Кроме того, тотчас же по нескольким словам Дарья Александровна поняла, что Анна, кормилица, нянька и ребенок не жили вместе и что посещение матерью было дело необычное. Анна хотела достать девочке ее игрушку и не могла найти ее.

Удивительнее же всего было то, что на вопрос о том, сколько у ней зубов, Анна ошиблась и совсем не знала про два последние зуба [Толстой, т. 9, с. 217].

Толстой был категорически против женской эмансипации в обществе «лжецивилизации». Женщины, как правило, миролюбивые существа и всегда больше заботятся о душевном покое в жизни, чем о чем-либо другом. Но иногда бывают моменты, когда внешняя сторона жизни оказывается обманчивой. Даже для такой женщины, как Дарья Александровна, женщины, кажущейся идеальным персонажем автора. Эта женщина – многодетная мать, дела ее жизни полностью сводятся к вниманию к детям, их воспитанию, а также делам супружеской жизни. Например, когда Дарья Александровна едет в имение Вронского на встречу с Анной, роскошная жизнь пары и видимость их романтических отношений сначала трогают ее сердце. Но, проведя с ними всего один день и вплотную разобравшись с проблемами, которые создает этот образ жизни, она сразу же понимает, что счастья здесь нет.

Оставшись одна, Долли помолилась Богу и легла в постель. Ей всю душой было жалко Анну в то время, как она говорила с ней; но теперь она не могла себя заставить думать о ней. Воспоминания о доме и детях с особенною, новою для нее прелестью, в каком-то новом сиянии возникли в ее воображении. Этот ее мир показался ей теперь так дорог и мил, что она ни за что не хотела вне его провести лишний день и решила, что завтра непременно уедет [Там же, с. 243–244].

Дарья Александровна – женщина, которая, несмотря на измены мужа, посвятила свою жизнь детям и никогда не выходила за рамки нравственных принципов. Анна и Махин пренебрегают своим семейным долгом. В романе Фазела мать Махин великолепно говорит об этом промахе: «Приличные не падают. Махин не умеет танцевать, и хорошо, что она навсегда уходит от танцев» [فاضل، ص. ٢٢].

В этой связи мы видим еще одно сходство между этими двумя героинями. Махин впервые «поскользнулась» на балу, сделав первый шаг к супружескому предательству. Роман Анны и Вронского начинается также в бальном зале, во время танца обнаруживается их магическое притяжение к друг другу.

Но что могло быть причиной того, что женщина совершила ошибку? Разве не тайные страсти сбили двух женщин с пути? М. С. Громека описывает Анну так: «Анна – просто страстная женщина, жившая для одной лишь любви и ей принесшая в жертву семью, общественное положение и, наконец, самую жизнь. Она была последовательна и цельна; в своем основном стремлении она шла до конца, и в этом была ее главная сила. Но страстность природы была в то же время и ее слабостью... И она погибла жертвой собственной страсти, бессознательно нарушившей непреложные законы человеческого общежития и нравственности» [Громека, с. 7].

Далее исследователь подчеркивает, что даже если Анна не была счастлива и не была удовлетворена своей супружеской жизнью, это не было веской причиной ее неверности, и она не имела права делать все, что заблагорассудится. В заключение же исследователь обращается к главной идее романа: «Художник доказал нам, что в этой области нет безусловной свободы, а есть законы... и от воли человека зависит согласоваться с ними и быть счастливым или преступить их и быть несчастным... Позднее увлечение страстью как естественное последствие старой лжи, разрушив ее, не исправит тем ничего и приведет лишь к окончательной гибели, потому что „Мне отмщение, и Аз воздам“... Нельзя разрушить семью, не создав ей несчастья, и на этом старом несчастье нельзя построить нового счастья» [Там же, с. 8].

Писатели показывают, что законы добра действуют одинаково как у христиан, так и у мусульман, ибо они восходят к одному источнику. Та же самая библейская мысль, которая звучит в эпиграфе к роману Л. Толстого, неоднократно повторяется и в Коране. Грех же прелюбодеяния в авраамических религиях рассматривается как один из тяжчайших грехов, за который следует строгое наказание.

На самом деле аристократизм и роскошь – важнейшие факторы, которые, с точки зрения обоих писателей, играют большую роль в проблемах общества, включая семейные проблемы и формирование нездоровых отношений. По мнению Джавада Фазела, боль общества, как он сам заявил во введении к роману «Любовь и слеза», заключается в следующем: «Слабость культуры, истощение экономического режима, давление классовых организаций, коррупция

общественной морали и сотни других болезней...» [فاضل، ص. ٢]. Он также пишет об аристократической жизни: «Хотя в жизни аристократии не так много стыда и позора...» [همان، ص. ٢]. Фазел, как и Толстой, был против радикальных изменений в обществе и видел решение его проблем в самосовершенствовании, его постоянным девизом было жить для другого, и он считал, что изменения должны происходить в самом человеке, а не в обществе. Несмотря на то, что он не одобрял социальные правила своего времени, он решительно выступал против нарушения этих правил и традиций. «Выживание общества зависит от социальных правил, и общество стремится поддерживать эти правила, чтобы продолжать жить и выживать. Общество восстанет с великим гневом и насилием против “индивидуума”, который восстает против его выживания и жизни, и будет защищать свое выживание и жизнь, и безжалостно сокрушит своего врага, даже если этот враг – Махин. Я не хочу здесь защищать наши социальные правила. Я не утверждаю категорически, что эти правила обязательны и жизненно важны и мы должны бороться за их исполнение, но правда в том, что общество любит свои порядки и правила и считает свою борьбу за них священной борьбой» [همان].

И Толстой, и Фазел согласны с приобщением женщин к знаниям, прогрессу и интеллектуальному росту. Но способствует ли это улучшению семейного положения, или, наоборот, это фактор, создающий беспорядок и провоцирующий распад семьи? Как мы видим в обоих романах, героини талантливы, образованны и красивы. Они принадлежат к аристократическому обществу. И Махин, и Анна никогда не чувствуют себя побежденными и не раскаиваются в своей незаконной любви перед супругами. Обе смело говорят окружающим, что не жалеют о своих чувствах к любовникам.

Обе героини романов до конца настаивают на своей правоте. Лишь Анна в последнюю минуту жизни обращается к Богу с покаянием: «Господи, прости мне всё!» У обеих героинь есть дети, но это их не останавливает в следовании своей страсти. Махин продолжает свои отношения с Джахангиром даже ценой гибели дочери от руки мужа. Очнувшись в больнице, она отправит записку любовнику. То же самое случилось с Анной. После тяжелой болезни и родов, хотя муж (Каренин) прощает ее, она, получив письмо Вронского через княгиню Бетси, забывает все и, подчинившись страсти, словно одержимая злым духом, не думает о возвращении в семью. Анна неоднократно оправдывала свои чувства к Вронскому тем, испытывает истинную любовь:

«Наша жизнь должна идти как прежде», – вспомнила она другую фразу письма. «Эта жизнь была мучительна еще прежде, она была ужасна в последнее время. Что же это будет теперь? И он знает все это, знает, что я не могу раскаиваться в том, что я дышу, что я люблю; знает, что, кроме

лжи и обмана, из этого ничего не будет; но ему нужно продолжать мучать меня. Я знаю его! Я знаю, что он, как рыба в воде, плавает и наслаждается во лжи. Но нет, я не доставлю ему этого наслаждения, я разорву эту его паутину лжи, в которой он меня хочет опутать; пусть будет, что будет. Все лучше лжи и обмана!»

«Но как? Боже мой! Боже мой! Была ли когда-нибудь женщина так несчастна, как я?...» [Толстой, т. 8, с. 344–345].

Смелость – общая черта Анны и Махин, с той разницей, что в характере Махин, помимо этой смелости, есть еще и некое высокомерие. Это высокомерие и дерзость усиливаются, когда на чувствует поддержку семьи, особенно матери. «Эта выдающаяся, образованная и культурная дама считает, что ее дочь чиста, как Божья Матерь, и такая личность никогда не бывает легкомысленной и негодяйкой...» [فاضل، ص. ٤٠].

Здесь Фазел критикует поведение матери Махин с точки зрения Азар, подруги и одноклассницы Махин, а и в некотором смысле даже прослеживает корни одной из проблем воспитания героини и пишет:

Я говорю, что многие матери жестоко роют могилы для своих дочерей собственными руками. Они позорят собственных дочерей. Я говорю о Махин. Я говорю: почему барыня не остановлила свою дочь с первого дня и почему она позволила Махин на балу оступиться?..

<...>

Долг этой доброй женщины – больше заботится о своей дочери, чем о приеме, знать, где она, и следить за нею.

...Она вместо того, чтобы критиковать поведение замужней дочери, жаловалась на ее «прием»... Махин также просила Бога, чтобы прием прошел успешно. И она этим положила крест на своей жизни [همان، ص. ٤١].

Такую «поддержку» греховой связи Анны мы видим в позиции Степана Аркадьевича Облонского. Он занимает ее сторону на всем продолжении этого безнадежного пути, который в конечном итоге приводит Анну на грань смерти. Сам Степан Аркадьевич не раз изменял жене, поэтому он так легкомысленно относится к разводу сестры с Карениным и даже лично убеждает мужа Анны подписать документы о разводе: «”Это несчастье роковое, и надо признать его. Я признаю это несчастье совершившимся фактом и стараюсь помочь тебе и ей”, – сказал Степан Аркадьич» [Толстой, т. 8, с. 506].

В романах «Анна Каренина» Льва Толстого и «Любовь и слеза» Джавада Фазела авторы показали через анализ отдельных семей, нравственных норм, поведения и сознания людей современное им состояние общества России и Ирана. Только на религиозно-нравственной основе, в стремлении делать добро для других можно обрести счастье – таков вывод писателей.

Любовь, светлое и благородное чувство, есть благо только в сочетании с верой, только с соблюдением законов добра, но как только эти законы добра нарушаются, любовь превращается в страшную разрушительную силу, становится «поединком роковым», калечит человека и делает его несчастным.

Итак, одна из главных причин трагедий Анны и Махин – это нарушение нравственных норм, традиций, общечеловеческих законов, это эгоизм страсти. В романах прослеживается взаимосвязь частного и общего, личного и социального, случайного и закономерного. Частную жизнь героинь нельзя отделить от общего течения жизни, судьбы отдельных героев нельзя вырвать из контекста общих законов жизни, в особенности законов религии и нравственности. Именно соблюдение этих законов, внимание к ним является основой жизни отдельного человека и общества в целом.

Список литературы

- Бабаев Э. Г.* «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М. : Худож. лит., 1978. 160 с.
- Громека М. С.* Последнее произведение графа Л. Н. Толстого. М. : Нобель Пресс, 1884. 239 с.
- Карими-Мотаххар Д., Аишафи Ф.* Изучение темы женщины в творчестве А. П. Чехова и М. Джамаль-Заде // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*. 2008. № 44. С. 61–73.
- Проскурина Т. Д.* Русские писатели XIX века о семье. Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2012. 260 с.
- Сергеева И. А.* Вокруг романа Л. Н. Толстого «Семейное счастье» // Актуальные проблемы филологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 28 апреля 2017 г. Екатеринбург : [Б. и.], 2017. Вып. 15. С. 205–213.
- Толстая С. А.* Дневники : в 2 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1. 606 с.
- Толстой Л. Н.* Собрание сочинений : в 20 т. М. : Худож. лит., 1960–1965.
- Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. М. : Наука, 1971. 408 с.
- Яхьянур М., Карими-Мотаххар Дж.* «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Слепая сова» С. Хедаята // Русская литература. 2006. № 3. С. 185–189.
- Яхьянур (Яхьянур) М.* Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (в аспекте религиозно-нравственных воззрений писателя) : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 1997. 212 с.
- Ameli Rezaee M.* Analysis of Historical Movement of Family Relationship in the Persian Novel from the Beginning until the 50s // *Women Studies*. 2012. Vol. 3 (1). P. 117–142. (In Persian)
- عاملی رضایی مریم، «بررسی و تحلیل سیر تاریخی سیمای خانواده در ادبیات فارسی از ابتدا تا دهه ۵۰»*، پژوهش‌نامه زنان، ۱۳۹۱، سال سوم، شماره اول، ۱۴۲–۱۱۷.
- Aryanpour Y.* From Saba to Nima (The History of 150 Years Persian Modern Literature) : 2 vols. Tehran : Zuwar, 1971. Vol. 1. 433 p. Vol. 2. 584 p. (In Persian)
- آرین‌پور یحیی، از صبا تا نیما (تاریخ ۱۵۰ سال ادب فارسی)*، جلد اول و دوم، تهران: زوار. ۱۳۵۰، ج. ۱، ۴۳۳ ص و ج. ۲، ۵۸۴ ص.
- Fazel J.* Love and Tears. Tehran : Kanoon Marafat, 1952. (In Persian)
- فاضل جواد. عشق و اشک، ۱۳۳۱، تهران: کانون معرفت.*
- MirAbedini H.* One Hundred Years of Fiction in Iran : 2 vols. Tehran : Cheshmeh, 2004. (In Persian)
- میرعابدینی حسن. صدسال داستان نویسی ایران، جلد اول، ۱۳۸۰، تهران: نشر چشمه.*

Turkmani Barandozi V. The Image of "Family" in the Story of A. Mahmoud's // The Scorched Earth. Baharestan Sokhan. Winter, 2017. № 14 (38). P. 211–226. (In Persian)

ترکمانی باراندوزی وجیهه. سیمای «خانواده» در داستان «زمین سوخته» احمد محمود، زمستان، ۱۳۹۶، فصلنامه بهارستان سخن؛ جلد چهاردهم، شماره ۳۸، ۲۱۱–۲۲۶.

References

Ameli Rezaee, M. (2012). Analysis of Historical Movement of Family Relationship in the Persian Novel from the Beginning until the 1950s. In *Women Studies*. Vol. 3 (1), pp. 117–142. (In Persian)

Aryanpour, Y. (1971). *From Saba to Nima (The History of 150 Years Persian Modern Literature)*. 2 vols. Tehran, Zuwar. Vol. 1. 433 p. Vol. 2. 584 p. (In Persian)

Babaev, E. G. (1978). "Anna Karenina" L. N. Tolstogo [Anna Karenina by L. N. Tolstoy]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 160 p.

Fazel, J. (1952). *Love and Tears*. Tehran, Kanoon Marafat. (In Persian)

Gromeka, M. S. (1884). *Poslednee proizvedenie grafa L. N. Tolstogo* [The Last Work of Count L. N. Tolstoy]. Moscow, Nobel' Press. 239 p.

Karimi-Motahhar, J., Ashrafi, F. (2008). Izuchenie temy zhenshiny v tvorchestve A. P. Chehova i M. Dzhamal'-Zade [The Study of the Theme of Women in Works by A. P. Chekhov and M. Jamal-Zade]. In *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*. No. 44, pp. 61–73.

MirAbedini, H. (2004). *One Hundred Years of Fiction in Iran*. 2 vols. Tehran, Cheshmeh. (In Persian)

Proskurina, T. D. (2012). *Russkie pisateli XIX veka o sem'e* [Russian Writers of the 19th Century about the Family]. Belgorod, Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks Belgorodskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. 260 p.

Sergeeva, I. A. (2017). Vokrug romana L. N. Tolstogo "Semeinoe schast'e" [Around the *Family Happiness* Novel by L. N. Tolstoy]. In *Aktual'nye problemy filologii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg, 28 aprelya 2017 g.* Yekaterinburg, S. n. Iss. 15, pp. 205–213.

Shifman, A. I. (1971). *Lev Tolstoi i Vostok* [Leo Tolstoy and the East]. Moscow, Nauka. 408 p.

Tolstaya, S. A. (1978). *Dnevniki v 2 t.* [Diaries. 2 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 606 p.

Tolstoy, L. N. (1960–1965). *Sobranie sochinenii v 20 t.* [Collected Works. 20 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Turkmani Barandozi, V. (2017). The Image of "Family" in the Story of A. Mahmoud. In *The Scorched Earth. Baharestan Sokhan*. Winter. No. 14 (38), pp. 211–226. (In Persian)

Yahyapour, M. (1997). *Poetika romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina" (v aspekte religiozno-nravstvennykh vozzrenii pisatelya)* [Poetics of L. N. Tolstoy's *Anna Karenina* (in the Aspect of the Religious and Moral Views of the Writer)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 212 p.

Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, J. (2006). "Dvoinik" F. M. Dostoevskogo i "Slepaya sova" S. Khedayata [The Double by F. M. Dostoevsky and *The Blind Owl* by S. Hedayat]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 185–189.

The article was submitted on 13.02.2022

Коллекционирование искусства Востока на Урале: региональный феномен в общеевропейском контексте*

Сергей Винокуров

¹Екатеринбургский музей изобразительных искусств,

²Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Виктория Деменова

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Collecting Asian Art in the Urals: A Regional Phenomenon in the European Context

Sergey Vinokurov

¹Yekaterinburg Museum of Fine Arts

²Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

Victoria Demenova

Ural Federal University,

Yekaterinburg, Russia

This article summarises the experience of over ten years behind the study and presentation of Asian collections from the Urals between the nineteenth and early twenty-first centuries. The material presented reveals the regional peculiarities of this process and focuses on the facts and features characteristic of the European tradition of collecting materials from this historical period. The relevance of this material is due to the lack of knowledge of eastern collections in different regions of Russia, mainly kept not in museums of art but in local history museums of various formats, as well as the need to analyse and determine the place of

---

* *Citation:* Vinokurov, S., Demenova, V. (2022). Collecting Asian Art in the Urals: A Regional Phenomenon in the European Context. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1348–1361. DOI 10.15826/qr.2022.4.733.

Цитирование: Vinokurov S., Demenova V. Collecting Asian Art in the Urals: A Regional Phenomenon in the European Context // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1348–1361. DOI 10.15826/qr.2022.4.733 / Винокуров С., Деменова В. Коллекционирование искусства Востока на Урале: региональный феномен в общеевропейском контексте // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1348–1361. DOI 10.15826/qr.2022.4.733.

Russian regional collections in the pan-European process of collecting Asian art objects. During this period, in the Urals, which did not have close territorial ties with the countries of the East or large art markets, there was a continuous process of accumulation of extensive collections representing a comprehensive picture of the development of art in several Asian countries (Japan, China, Tibet, Mongolia as well as Buryatia, a Buddhist region of Russia closely associated with it). The article notes objective and arbitrary reasons and events leading to the arrival of individual artworks and entire collections in the Urals, gives examples of such processes in Europe and reveals the specifics and differences between the Ural collections and those in the capital. In addition, the material is supplemented by information about the composition and quantitative indicators of private and museum collections that have formed in the Urals over two centuries. Also, the authors outline research lacunae in the study of individual collections. Following this, the article is divided into three time-blocks, on the one hand, coinciding with historical periods, and, on the other, reflecting changes in the socio-political and cultural life of the country, affecting the nature of the formation of Asian collections in the Urals from the mid-nineteenth century to the present.

Keywords: Asian arts, Urals, Buddhist art, museum collections, private collections, history of collecting

В статье обобщен более чем десятилетний опыт изучения и экспонирования восточных коллекций, сформировавшихся на Урале в XIX – начале XXI в. На представленном материале раскрывается региональная специфика этого процесса и одновременно акцентируется внимание на тех фактах и особенностях, которые были характерны для общеевропейской традиции коллекционирования данного времени. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью в регионах России восточных собраний, хранящихся в основном в краеведческих музеях различного ранга, а также необходимостью анализа и определения места региональных российских коллекций в общеевропейском процессе коллекционирования азиатских артефактов. В указанный период на Урале, территориально не имевшем тесных связей со странами Востока или крупными художественными рынками, непрерывно шел процесс накопления обширных коллекций, представляющих широкую картину развития искусства ряда азиатских стран (Японии, Китая, Тибета, Монголии и связанного с ними буддийского региона России – Бурятии). В статье отмечаются объективные и случайные причины, поводы и события, приведшие к включению отдельных произведений и целых коллекций на Урале, приводятся примеры подобных процессов в Европе, выявляются специфика и отличия уральских коллекций от столичных. Материал дополнен фактическими сведениями о составе и количественных показателях частных и музейных собраний, сформировавшихся в Уральском регионе, намечаются исследовательские лакуны в изучении коллекций. Содержание статьи разделено на три временных блока, совпадающих с историческими периодами и отражающих изменения в социально-

политической и культурной жизни страны, повлиявшие на характер формирования восточных коллекций на Урале.

Ключевые слова: искусство Востока, Урал, буддийское искусство, музейные собрания, частные коллекции, история коллекционирования

Урал занимает уникальное место в истории региональных музейных собраний предметов искусства стран Востока. В регионе, исторически не связанном ни с одной из национальных восточных культур, на протяжении XIX – начала XXI в. сформировались интересные по составу музейные и частные собрания произведений мастеров Китая, Японии, Тибета и Монголии.

В последнее десятилетие история формирования уральских собраний искусства стран Востока привлекла внимание исследователей. Этому во многом способствовали реализация исследовательских проектов и организация масштабных тематических выставок, позволивших раскрыть основы собирательской деятельности на Урале. Раскрытие этой истории и анализ состава частных и музейных коллекций позволяют говорить как о специфических особенностях создания восточных коллекций в регионе, расположенном на границе Европы и Азии, так и о включенности региона в общемировые процессы формирования собраний произведений искусства стран Востока.

Восточные коллекции на Урале XIX – начала XX в.

В XIX – начале XX в. можно выделить сразу несколько путей формирования восточных коллекций на Урале, которые иллюстрируют многовековую традицию контактов европейских государств со странами Востока [Collectors]. Изначально основная масса произведений попадала на западный художественный рынок благодаря торговым отношениям. На рубеже XVIII–XIX столетий коллекционированию способствовали путешествия на Восток, заметно активизировавшиеся вследствие активной колониальной политики европейских государств. В рамках этого нового типа «гранд-тура» многочисленные европейские путешественники, ученые, дипломаты и художники активно посещали страны Ближнего и Дальнего Востока.

В XIX в. возникают новые возможности для формирования экзотических коллекций, среди которых отдельно можно выделить всемирные выставки, позволявшие с самого первого лондонского смотра 1851 г. широким массам знакомиться с малоизвестным искусством малодоступных государств. В свою очередь, это вызвало новые волны развития экзотических стилей в архитектуре, изобразительном и декоративно-прикладном искусстве европейских стран [Винокуров, Будрина, с. 41–57].

Серьезное значение имело научно-исследовательское, а впоследствии и коллекционерское внимание со стороны европейских и российских исследователей к азиатским регионам, входящим в так назы-

ваемую зону «большой игры» – территориям Средней Азии и Тибета. В России этот процесс пробудил особый интерес к собственным регионам, носящим выраженный восточный характер культуры. Результатами этих исследований стали выдающиеся и нередко уникальные по своему составу восточные собрания крупнейших музеев мира – Эрмитажа в Санкт-Петербурге, Музея Гимэ в Париже, Британского музея в Лондоне, меньшее по масштабу, но носящее исследовательский характер собрание Национального музея восточного искусства имени Джузеппе Туччи в Риме и др. Одновременно с этим формировались музеи, в основе которых лежали крупнейшие в Европе частные коллекции произведений искусства Востока. К таковым можно отнести Музей Чернуччи в Париже, Музей восточного искусства Кьоссо в Генуе, Музей Напрстек в Праге, восточную коллекцию Королевского музея искусства и истории в Брюсселе, Музей имени Варвары и Богдана Ханенко в Киеве и др. Похожие процессы происходили и в регионах России.

Случаи частного коллекционирования на Урале в рассматриваемый период единичны и уникальны. Так, базовыми для формирования региональных российских и европейских коллекций были торговые отношения со странами Востока. В качестве яркого примера можно привести «чайный путь» из Китая в Россию, одной из опорных точек которого на Урале стали города Туринск и Ирбит (расположенные, соответственно, в 252 и 204 км к северо-востоку от Екатеринбурга). С этими городами связана одна из самых ранних задокументированных частных коллекций – собрание туринского купца первой гильдии Семена Андреевича Чиркова (1847–1906).

С. А. Чирков – совладелец московского механического завода «В. Грачев и компания», владелец недвижимого имущества как в Туринске, так и в Харбине и Ханькоу – популярных у чаоторговцев китайских городах [Давыдов]. Точное время формирования коллекции неизвестно, однако уже в начале XX в. она, по одной из версий, поступила в собрание Туринского уездного музея, откуда в 1928 г. была передана в Ирбитский историко-этнографический музей [Деменова, Гунба].

Этот пример в Урало-Сибирском регионе отражает характерную для XIX – начала XX в. историю формирования в частных коллекциях предметов Востока, воздействие на процесс торгового чайного пути и последующее распределение этих собраний в музейные фонды в революционные годы и первые советские десятилетия. По составу коллекции можно выявить не только вкусы образованного купечества конца XIX в., но и интересы состоятельных людей России и Европы. В коллекции были представлены предметы преимущественно китайского и японского происхождения, среди них большие китайские интерьерные фарфоровые вазы XIX в., китайский фарфор XVII–XIX вв., японский фарфор из Сацумы (и изделия, имитирующие этот стиль), японские перегородчатые эмали, ряд китайских и японских предметов в технике резной кости и вышитые картины [Гусева, Деменова, с. 780–781].

Еще один характерный для XIX в. путь формирования уральских восточных коллекций, соответствующий европейской собирательской традиции, представляет собрание Станислава Альфонсовича Поклевского-Козелл (1868–1937), сына известного золотопромышленника и мецената Альфонса Фомича Поклевского-Козелл (1809–1890). Будучи дипломатом, он принял участие в нескольких зарубежных дипломатических миссиях, среди которых отметим токийскую 1897–1901 гг. Косвенным свидетельством возможного источника пополнения коллекции предметами буддийской скульптуры может являться упомянутое в инвентарной книге Екатеринбургского музея изобразительных искусств (ЕМИИ) путешествие С. А. Поклевского-Козелл по Монголии [Деменова, 2015]. Сведения об этом повторяются и в документах фонда Свердловского антирелигиозного музея – правопреемника музея Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) [Деменова, 2017].

Точный состав коллекции С. А. Поклевского-Козелл на сегодняшний день установить затруднительно, однако, судя по документам, в нее входили произведения «буддийской бронзы» – культовой металлической пластики, представленной в собраниях Свердловского областного краеведческого музея (СОКМ) и, как предполагается, в ЕМИИ.

Схожий принцип формирования экзотических для региона коллекций посредством посещения стран Востока демонстрируют и другие участники УОЛЕ, созданного в Екатеринбурге в 1870 г. и игравшего до момента роспуска в 1929 г. важную роль в научной и культурной жизни Урала.

Важнейшим направлением деятельности общества, включавшего представителей различных профессий, являлось инициирование научных, научно-технических и культурно-образовательных проектов. Одним из наиболее ярких мероприятий стала организация Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки – своеобразного аналога обретших большую популярность в странах Европы национальных, международных и всемирных смотров. В ходе этой выставки на июльском собрании УОЛЕ 1887 г. было запротоколировано решение о необходимости создания в Екатеринбурге художественно-промышленной школы и музея:

2) Для пособия в школе к изучению изящных форм и развитию эстетического вкуса необходимо учредить художественно-промышленный музей с отделением кустарной промышленности и картинною галереею, доступной для публики [Сибирско-уральская, с. 143].

Это решение отражает столичную и, шире, общеевропейскую тенденцию сопровождения художественно-образовательных учебных заведений созданием музейных институций, неизменно включавших восточный раздел (например, музей Центрального училища технического рисования им. А. Л. Штиглица в Санкт-Петербурге) [Винокуров, Будрина, с. 63–64].

Среди членов УОЛЕ было немало коллекционеров произведений искусства и быта стран Востока. Таковым был Георгий Игнатьевич Левитский (1849–1908), выпускник Пермской духовной семинарии (1870) и Санкт-Петербургской духовной академии (1876), возвратившийся в середине 1880-х гг. в Екатеринбург в качестве священника и преподавателя. В 1894–1895 гг. Г. И. Левитский принял участие в морском путешествии из Кронштадта через Порт-Саид (Египет) до Китая и Японии.

Результатом путешествия стала собранная им обширная коллекция предметов быта и произведений искусства. Уже в 1896 г. она была представлена на первой в Екатеринбурге выставке, посвященной жизни и творчеству народов стран Востока. Согласно каталогу, собрание Г. И. Левитского включало более 200 произведений преимущественно традиционных видов прикладного искусства Китая, а также музыкальные инструменты, предметы обихода (костюмы, посуду, макеты изделий и технических инструментов). Отдельную часть коллекции составляла фототека (более 150 снимков), иллюстрирующая жизнь, быт и отдельные ремесла Персии, Египта, Сингапура, острова Цейлон, Китая и Японии [Каталог]. Качество и направленность коллекции свидетельствуют о специфике восприятия как непосредственно самих стран Востока, так и привозившихся предметов – экзотических диковинок, нередко рассматривавшихся более в этнографическом ракурсе, нежели в художественном.

Спустя несколько лет после этой первой на Урале «восточной» выставки Г. И. Левитский передал большую часть своей коллекции в фонды музея УОЛЕ, оставшиеся предметы по завещанию поступили в музейное собрание уже после его смерти.

Восточные коллекции на Урале в советский период

Важнейшую страницу в истории формирования восточных коллекций Урала представляет советский период, ознаменованный в первые десятилетия национализацией частных коллекций и процессом перераспределения произведений и целых коллекций между создававшимися новыми музейными институциями. Так, выше уже упоминалось о передаче большей части восточной коллекции С. А. Чиркова из Туринского музея в собрание Ирбитского историко-этнографического музея, а собрание буддийской бронзы из музея УОЛЕ, в состав которого входили произведения из коллекции С. А. Поклевского-Козелл, попало в Свердловский антирелигиозный музей, откуда в 1946 г. было передано в СОКМ (51 предмет).

Яркий эпизод распределения уральских коллекций связан с созданием в 1936 г. Свердловской картинной галереи (далее – СКГ, сегодня – ЕМИИ). Новый музей создавался на базе художественной коллекции СОКМ, включавшей произведения как искусства русского и западноевропейского происхождения, так и искусства стран Востока. В собрание галереи из СОКМ были переданы несколько десятков

произведений китайского и японского фарфора из коллекций УОЛЕ или поступивших в 1930-е гг. из музейных фондов, включая столичные [Гусева, Деменова, с. 782; Будрина, с. 31].

В период до Великой Отечественной войны на уральские заводы вторчермета пришло несколько эшелонов предметов из цветных металлов для переплавки, включавших бытовые медные изделия и культовые православные и буддийские артефакты предположительно из Бурятии и Калмыкии [Деменова, 2015, с. 167]. Долгое время оставшиеся бесхозными, эти предметы постепенно попадали в частные руки, иногда в мастерские художников, целый ряд произведений буддийской бронзы до 2000 г. хранился в литейной лаборатории Уральского политехнического института (сегодня – УрФУ) в качестве учебных образцов [Хазов].

Этот эпизод повлиял на формирование восточных музейных коллекций во второй половине 1940-х – 1950-е гг. и после войны, согласно музейным инвентарным книгам, мы наблюдаем немногочисленные передачи или продажи предметов буддийской металлической скульптуры в собрание СОКМ, Свердловской и Челябинской картинных галерей [Деменова, 2015]. Молчаливыми свидетелями этого процесса являются и единичные экземпляры буддийской скульптуры в Пермском краеведческом музее, Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал», Камышловском краеведческом музее, Центре современной культурной среды городского округа Богданович, Верхнесинячихинском музейном объединении и др.

Иную историю имеет буддийская бронза из собрания Пермской государственной художественной галереи. 16 скульптур были переданы в 1956 г. (по акту поступлений № 5 от 20.03.1956 г.) из Государственного музея восточных культур (сегодня – Государственный музей Востока (ГМВ), Москва). В основном это скульптура XVIII–XIX вв. из Китая и Долоннора (Внутренней Монголии). Историю их попадания в ГМВ до 1956 г. еще предстоит изучить, однако, судя по составу коллекции, не исключена возможность, что эти предметы могли быть изъяты из буддийских монастырей.

Помимо произведений буддийской бронзы, до 1950-х гг. нередко были передачи или продажи музеям произведений от частных лиц. Отдельный эпизод в истории формирования уральских коллекций связан с отношениями СССР и созданной в конце 1940-х г. Китайской Народной Республики (КНР). Этот период характеризуется возросшей ролью выставочных обменов между двумя державами и организацией многочисленных двусторонних командировок («изобригад»), активными участниками которых становились и уральские художники, в том числе крупнейший уральский график В. М. Волович [Филинкова, с. 80]. Уникальная ситуация тесного сотрудничества двух держав в области культуры и искусства нашла свое отражение в репертуаре уральских коллекций китайского искусства в 1950-е гг. Среди них произведения перегородчатой эмали, кантонские акварели,

живопись на шелке, единичные произведения буддийской бронзы и фарфора, текстиль и вышивка [Кириллов, Каёта, с. 192].

Резко возрастает в этот период количество выставочных проектов, проводившихся на всей территории СССР и посвященных искусству Китая [Винокуров, 2019а]. Отдельного внимания заслуживают многочисленные передвижные выставки. Одним из первых такую выставку организовал ГМВ в связи с глобальной передачей правительством КНР крупнейшим музеям СССР огромной коллекции современного изобразительного и прикладного искусства [Кузьменко, с. 10].

В 1957 г. Государственный Эрмитаж проводит масштабную передвижную выставку произведений современного китайского прикладного искусства в регионах страны. В октябре этого года она открылась в СКГ. Можно предположить, что организация этой выставки и послужила причиной для приказа Министерства культуры СССР о передаче в постоянное пользование музеям-участникам целого ряда предметов¹. Согласно приложению № 6 к этому приказу, в собрание СКГ в 1959 г. из Государственного Эрмитажа были переданы более 30 предметов современного китайского прикладного искусства, ювелирного, текстильного и фарфорового производств [Винокуров, 2015]. Это поступление спустя два месяца было дополнено очередной передачей в собрание СКГ предметов из коллекции СОКМ, среди которых были шесть произведений китайской народной картины, две агальматолитовых статуэтки, а также пять произведений буддийской бронзы, привлечшие в наше время внимание исследователей [Деменова, 2015].

В качестве последнего эпизода необходимо отметить собрание ленинградского коллекционера К. К. Басевич (1898–1973), происходящей из семьи ссыльных польских дворян Романовских, отправленной после подавления польского восстания 1863–1864 гг. в Иркутск, а затем переехавшей в Харбин. Помимо названных городов, в биографии К. К. Басевич упоминаются годы жизни во Владикавказе, Ташкенте и, наконец, Ленинграде [ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 3298. Л. 6–254]. В 1940–1950-е гг. К. К. Басевич удалось сформировать уникальное собрание русской живописи и графики, а также отечественного, европейского и дальневосточного декоративно-прикладного искусства конца XIX – первой половины XX в.²

После смерти К. К. Басевич оставшаяся часть собрания была перевезена ее племянницей Г. И. Лотаревой из ленинградской квартиры в Свердловск, где хранилась до недавнего времени (за исключением передачи 1973 г.). В 2017 г. внучатая племянница К. К. Басевич Рэна Михайловна Лотарева завершила процесс постепенной передачи

---

¹ Сведения о передаче почерпнуты из хранительской документации ЕМИИ за 1957 г. (приказ № 506 от 7 августа 1957 г. по Министерству культуры СССР «О передаче экспонатов выставки прикладного искусства Китайской Народной Республики»).

² Из этой коллекции в 1961 г. в собрание Государственной Третьяковской галереи поступила знаменитая работа К. С. Петрова-Водкина «Купание красного коня» [Владелица Красного коня].

предметов из коллекции и подарила оставшиеся в собрании произведения Государственной Третьяковской галереи и ЕМИИ.

В результате в собрание крупнейшего художественного музея Урала поступили произведения декоративно-прикладного искусства Китая и Японии. Среди них выделяется двусторонняя ширма периода Мэйдзи (1868–1911), сочетающая в себе сразу несколько традиционных японских техник – это резьба по дереву, лаковая роспись и инкрустация костью и перламутром [Винокуров, 2019b]. Кроме того, в фонды музея попало внушительное количество произведений позднего японского и китайского фарфора второй половины XIX – первой половины XX в., иллюстрирующего тяготение дальневосточных мастеров к сохранению традиций росписи и одновременно попытку учесть экспортный рынок этого времени [Владелица Красного коня, с. 139–163].

Уральские коллекционеры искусства Востока на рубеже XX–XXI вв.

Рубеж XX–XXI вв. и первые десятилетия нового тысячелетия внесли существенные корректировки в устоявшийся за несколько десятилетий принцип пополнения музейных и частных собраний. Открывшиеся границы вкупе с изменившимся отношением к частной собственности активизировали процессы частного коллекционирования, предоставляя российским собирателям новые источники пополнения коллекций и форматы работы с художественным рынком. В это время существенно трансформируется подход самих участников к коллекционированию, изменяются причины, подталкивающие к формированию собраний, зачастую обоснованные личными предпочтениями и глубоким интересом к конкретному виду искусства или духовной практике. Это более всего относится к коллекционированию предметов искусства Востока сакрального характера.

Интерес к коллекционированию буддийской бронзы в России начинается с отставанием не более чем на 10–15 лет и подогревается общеевропейским интересом к буддийской культуре, и особенно к Тибету.

В последние два десятилетия в городах Урала состоялось несколько крупных выставочных проектов, позволяющих говорить об интересе к коллекционированию произведений искусства Востока. На сегодняшний день на Урале есть несколько крупных коллекционеров, чьи восточные собрания активно участвуют в художественной жизни региона. Однако необходимо признать нарастающую проблему закрытости большей части частных коллекций, недоступных не только широкому зрителю, но и профессионалам.

Наиболее известным в регионе коллекционером искусства Востока является Олег Петрович Малахов (Челябинск). За несколько десятков лет его собрание, имеющее сегодня всероссийскую известность, не только выросло в одну из крупнейших частных художественных коллекций, но и стало заметно выделяться даже среди целого ряда музейных фондов. В 2000 г. на базе своего собрания Малахов создал

в Челябинске Музей личных коллекций, где экспонируются произведения, проводятся их систематизация и атрибуция.

Первоначальный собирательский интерес Малахова был связан с древнерусским и церковным искусством, что вполне отвечало тенденциям 1970–1980-х гг., овеянным романтизацией почти подпольного коллекционирования ритуальных предметов, в то время как нередко в государственных музеях эти разделы включались в научно-вспомогательный фонд. В собрание вошли произведения бронзолитой пластики XII–XX столетий, иконописи и старопечатной книги XVII–XX вв. Затем Малахов стал собирать живопись и графику отечественных и европейских мастеров XIX – начала XX в.

Несмотря на вышеперечисленный круг интересов, Олег Петрович с начала 1980-х гг. проявлял особое внимание к культуре и философии Востока, что способствовало формированию его восточной коллекции. Основу собрания составляют китайский и японский фарфор XIX – первой половины XX в., произведения перегородчатой эмали XVIII–XX вв., гравюра укиё-э XVIII–XX вв. В настоящее время самым «молодым» в Музее личных коллекций является раздел искусства стран Африки (скульптура, ритуальные маски), начало которому было положено во второй половине 2000-х гг.

Особо выделяется «буддийская» часть собрания, в которой широко представлена культовая живопись (тхангка), а также металлическая скульптура и ритуальные предметы Тибета, Непала, Китая, Монголии и Бурятии XVIII – начала XX в. Наиболее интересные образцы из этого раздела были представлены на выставке «Свой Восток. Буддийское искусство XIV–XX веков из музейных и частных собраний» (ЕМИИ, 2018) [Елихина, Деменова, Винокуров]. Посещение музея, знакомство с экспозицией, интервью с О. П. Малаховым позволяют говорить о личном отношении коллекционера к этой части собрания, что отмечается в его внимании как к художественным основам, так и к аспектам буддийского учения.

Иной подход отличает екатеринбургского коллекционера Алексея Владимировича Глазырина, лишь недавно обнародовавшего свое собрание китайского искусства на организованной ЕМИИ выставке «Стекло и керамика Китая» (2018) [Винокуров, 2018].

Коллекция, формировавшаяся на протяжении последних трех десятилетий, представляет собой широкую картину развития декоративно-прикладного искусства Китая (художественное стекло и бронза, фарфор и керамика, эмаль и резной лак, резная кость), а также отдельных школ буддийской металлической скульптуры XIV–XIX вв.

Глубокий живой интерес А. В. Глазырина к искусству Китая не случаен – 30 лет (с 1917 по 1947 г.) предки коллекционера были вынуждены прожить в эмиграции в Шанхае. После возвращения на родину семья привезла много предметов. Сам Алексей Владимирович пишет:

Я никогда не воспринимал их как музейные предметы, это были вполне бытовые вещи – в китайском шкафу хранились мои книги, из фарфорового кувшина с замысловатым сюжетом на стенках мы пили воду, а когда приходили гости – доставали чайный сервиз с драконами... Картины на стенах изображали узнаваемый китайский пейзаж или сцены из жизни буддийских монахов. Для меня это родной мир, в котором я вырос и на культуре которого был воспитан [цит. по: Винокуров, 2018, с. 5].

Преобладание в собрании предметов прикладного искусства Китая объясняется личной историей семьи коллекционера. Однако наличие в коллекции нескольких десятков произведений буддийской бронзовой скульптуры, репрезентативность стилистических направлений и периодов позволяют отметить и иные мотивы к собиранию этого сложнейшего художественного материала. По признанию самого коллекционера, к теме буддийского искусства он подходит с позиций не столько философского содержания, сколько истории искусства и эстетических принципов. Это выражается в широком временном диапазоне происхождения предметов (XIV–XIX вв.), в интересе к тонкостям иконографии, а также в подборе произведений по принципу широты репрезентации буддийского пантеона, что придает такому относительно небольшому разделу определенную целостность.

Представленные примеры современного частного коллекционирования на Урале произведений искусства восточных стран не являются исчерпывающими из-за закрытости большей части коллекционеров Урала, не всегда готовых к публичной презентации, но представляют основные подходы к формированию собраний, разительно отличающиеся от предшествующих периодов увлечения экзотическими образами и формами. Уральские коллекционеры (как и столичные) нередко обращаются к крупным европейским аукционным домам с целью пополнения собраний, пользуются экспертными услугами ведущих искусствоведов в каждой конкретной области восточного искусства.

Изменение парадигмы собирательства, характерной для настоящего времени, наиболее отчетливо прослеживается в более глубоком интересе к философским и эстетическим основам художественных традиций стран Востока. В этом отношении деятельность уральских коллекционеров вписывается в современную мировую практику коллекционирования, опирающуюся на опыт и накопленные материалы музейных и крупнейших частных собраний Европы и США.

Список литературы

Будрина Л. А. Источники поступлений в фонды Уральского областного государственного музея. К вопросу о провенансе фарфора из коллекции ЕМИИ // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий. Екатеринбург : [Б. и.], 2017. С. 31–32.

Винокуров С. Е. В русле выставочного бума 1950-х: экспозиция китайского искусства Свердловской картинной галереи // *Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф.* Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2015. С. 401–406.

Винокуров С. Е. Стекло и керамика Китая из коллекции А. В. Глазырина : науч. кат. выставки. Екатеринбург : ЕМИИ, 2018. 88 с.

Винокуров С. Е. Экспозиция «Искусство Китая» Свердловской картинной галереи 1959 года: к вопросу о художественных связях «СССР – КНР» в 1950-е годы // *Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф.* Казань : Фэн, 2019а. С. 122–127.

Винокуров С. Е. Японская экспортная ширма: о прозрачности культурных границ во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2019b. Т. 21, № 1 (184). С. 227–238. DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.016.

Винокуров С. Е., Будрина Л. А. Дальневосточная мечта европейских мастеров. СПб. : Нестор-История, 2021. 208 с.

Владелица Красного коня. Дар Казимиры Басевич музеям России. Издание к выставке : каталог. Екатеринбург : [Б. и.], 2018. 176 с.

Гусева А. В., Деменова В. В. История коллекционирования искусства Востока: выявление собраний часторговцев в коллекциях региональных музеев России // *Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 9.* СПб. : НП-Принт, 2019. С. 778–788.

Давыдов В. И. Духовное завешание купца 1-й гильдии С. А. Чиркова : Заметки к родословной мещан Чирковых // *Прикосновение к векам. Туринская старина : Родоведческий сборник. Вып. 3.* Туринск : [Б. и.], 2012. С. 79–86.

Деменова В. В. Буддийская бронза в коллекции Екатеринбургского музея изобразительных искусств: проблемы атрибуции // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2015. № 2 (139). С. 15–23.

Деменова В. В. Истоки формирования коллекций буддийского искусства на Урале (Ирбит, Екатеринбург, Челябинск) // *Индия – Тибет: текст и интертекст в культуре : Рериховские чтения 2012–2015 в Институте востоковедения РАН. М. : Языки славян. культуры, 2017. С. 91–96.*

Деменова В. В., Гунба С. Т. Судьба восточной коллекции туринского купца С. А. Чиркова в революционные и послереволюционные годы // *Человек в мире культуры.* 2017. № 2–3. С. 56–60.

Елхина Ю. И., Деменова В. В., Винокуров С. Е. Свой Восток : Буддийское искусство XIV–XX веков из музейных и частных собраний : науч. кат. выставки в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Екатеринбург : [Б. и.], 2018. 112 с.

Каталог коллекций Г. И. Левитского, привезенных им из путешествий на Дальний Восток 1894–1896 гг. // *Записки Уральского общества любителей естествознания.* 1896. Вып. 1. С. 1–12.

Кириллов А., Каёта Г. Китай – Урал: из прошлого в будущее. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2016. 280 с.

Кузьменко Л. И. Искусство Китая : путеводитель по постоянной экспозиции. М. : Гос. музей Востока, 2013. 138 с.

ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 3298.

Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. в г. Екатеринбурге // *Екатеринбургская неделя. 1887. № 31. Прил.].* С. 143.

Филинкова А. Н. Черно-белое золото Виталия Воловича // *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2008. № 55, вып. 15. С. 79–89.

Хазов А. А. Бронза буддийских реликвий и уральский металл победы // *Буддизм Ваджраяны в России. М. : Алмазный путь, 2013. С. 460–465.*

Collectors, Collections & Collecting the Arts of China: Histories & Challenges / ed. by J. Steuber, G. Lai. Gainesville : Univ. Press of Florida, 2014. 327 p.

References

- Budrina, L. A. (2017). Istochniki postuplenii v fondy Ural'skogo oblastnogo gosudarstvennogo muzeya. K voprosu o provenanse farfora iz kollektzii EMII [Provenance of the Funds of the Ural Regional State Museum. On the Provenance of Porcelain in the Collection of the Yekaterinburg Museum of Fine Arts]. In *Muzei i revoliutsiya 1917 goda v Rossii: sud'ba liudei, kollektzii, zdanii*. Yekaterinburg, S. n., pp. 31–32.
- Davydov, V. I. (2012). Dukhovnoe zaveshchanie kuptsa 1-i gil'dii S. A. Chirkova. Zametki k rodoslovnoi meshchan Chirkovykh [The Spiritual Testament of the Merchant of the 1st Guild S. A. Chirkov. Notes for the Genealogy of the Bourgeois Chirkovs]. In *Prikosnovenie k vekam. Turinskaya starina. Rodovedcheskii sbornik*. Iss. 3. Turinsk, S. n., pp. 79–86.
- Demenova, V. V. (2015). Buddiiskaya bronza v kollektzii Ekaterinburgskogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv: problemy atributsii [Buddhist Bronze Sculpture in the Collection of the Yekaterinburg Fine Arts Museum: Problems of Attribution]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 2 (139), pp. 15–23.
- Demenova, V. V. (2017). Istoki formirovaniya kollektzii buddiiskogo iskusstva na Urale (Irbit, Ekaterinburg, Chelyabinsk) [Formation History of Buddhist Art Collections in the Urals (Irbit, Yekaterinburg, Chelyabinsk)]. In *Indiya – Tibet: tekst i intertekst v kul'ture. Rerikhovskie chteniya 2012–2015 v Institute vostokovedeniya RAN*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 91–96.
- Demenova, V. V., Gunba, S. T. (2017). Sud'ba vostochnoi kollektzii turinskogo kuptsa S. A. Chirkova v revolyutsionnye i poslerevolyutsionnye gody [The Fate of the Eastern Collection of Merchant S. A. Chirkov from Turin during the Revolution and after It]. In *Chelovek v mire kul'tury*. No. 2–3, pp. 56–60.
- Elikhina, Yu. I., Demenova, V. V., Vinokurov, S. E. (2018). *Svoi Vostok. Buddiiskoe iskusstvo XIV–XX vekov iz muzeinykh i chastnykh sobranii. Nauchnyi katalog vystavki v Ekaterinburgskom muzee izobrazitel'nykh iskusstv* [Our East. Buddhist Art of the 14th–20th Centuries from Museum and Private Collections. Scholarly Catalogue of the Exhibition at the Yekaterinburg Museum of Fine Arts]. Yekaterinburg, S. n. 112 p.
- Filinkova, A. N. (2008). Cherno-beloe zoloto Vitaliya Volovicha [The Black-and-White Gold of Vitaly Volovich]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 55. Iss. 15, pp. 79–89.
- Guseva, A. V., Demenova, V. V. (2019). Istoriya kollektcionirovaniya iskusstva Vostoka: vyyavlenie sobranii chaetorgovtsev v kollektsiyakh regional'nykh muzeev Rossii [Regarding the History of Asian Art Collecting: Tracking Collections of the Tea Traders in Russian Regional Museums]. In *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Sbornik nauchnykh statei*. Iss. 9. St Petersburg, NP-Print, pp. 778–788.
- Katalog kollektzii G. I. Levitskogo, privezennykh im iz puteshestvii na Dal'nii Vostok 1894–1896 godov [Catalogue of the Collections of G. I. Levitsky Brought by Him from His Travels to the Far East in 1894–1896]. (1896). In *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Iss. 1, pp. 1–12.
- Khazov, A. A. (2013). Bronza buddiiskikh relikvii i ural'skii metall pobedy [The Bronze of Buddhist Relics and Ural Metal of Victory]. In *Buddizm Vadzhrayany v Rossii*. Moscow, Almaznyi put', pp. 460–465.
- Kirillov, A., Kaeta, G. (2016). *Kitai – Ural: iz proshlogo v budushchee* [China – Urals: From the Past to the Future]. Yekaterinburg, Ural'skii rabochii. 280 p.
- Kuz'menko, L. I. (2013). *Iskusstvo Kitaya. Putevoditel' po postoyannoi ekspozitsii* [Art of China. Guide to the Permanent Exhibition]. Moscow, Gosudarstvennyi muzei Vostoka. 138 p.
- OR GTG [Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery]. Stock 4. No. 3298.
- Sibirsko-Ural'skaya nauchno-promyshlennaya vystavka 1887 g. v g. Ekaterinburge [Siberian-Ural Scientific and Industrial Exhibition in 1887 in Yekaterinburg]. (1887). In *Ekaterinburgskaya nedelya*. No. 31. Prilozhenie, p. 143.
- Steuber, J., Lai, G. (Eds.). (2014). *Collectors, Collections & Collecting the Arts of China: Histories & Challenges*. Gainesville, Univ. Press of Florida. 327 p.

Vinokurov, S. E. (2015). V rusle vystavochnogo buma 1950-kh: ekspozitsiia kitaiskogo iskusstva Sverdlovskoi kartinnoi galerei [In the Framework of the 1950s Exhibition Boom: The Collection of Chinese Art at Sverdlovsk Art Gallery]. In *Odinnadtsatye Tatishchevskie chteniya. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Yekaterinburg, Uchebno-metodicheskii tsentr Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 401–406.

Vinokurov, S. E. (2018). *Steklo i keramika Kitaya iz kolleksii A. V. Glazyrina. Nauchnyi katalog vystavki* [Glass and Ceramics of China from the Collection of A. V. Glazyrin. Scholarly Exhibition Catalogue]. Yekaterinburg, Ekaterinburgskii muzei izobrazitel'nykh iskusstv. 88 p.

Vinokurov, S. E. (2019b). Yaponskaya eksportnaya shirma: o prozrachnosti kul'turnykh granits vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Japanese Export Screen: On the Transparency of Cultural Borders in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 1 (184), pp. 227–238. DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.016.

Vinokurov, S. E., Budrina, L. A. (2021). *Dal'nevostochnaya mechta evropeiskikh masterov* [Far Eastern Dream of European Craftsmen]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 208 p.

Vinokurov, S. E. (2019a). Ekspozitsiya “Iskusstvo Kitaya” Sverdlovskoi kartinnoi galerei 1959 goda: k voprosu o khudozhestvennykh svyazyakh “SSSR – KNR” v 1950-e gody [“Chinese Art” Exhibition at the Sverdlovsk Art Gallery, 1959: On the Artistic Relations between the USSR and China in the 1950s]. In *Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura. Sbornik statei i докладov uchastnikov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan, Fen, pp. 122–127.

Vladelitsa Krasnogo konya. Dar Kazimiry Basevich muzeyam Rossii. Izdanie k vystavke. Katalog [The Owner of the Red Horse. A Gift of Kazimira Basevich to Russian Museums. An Exhibition Publication. Catalogue]. (2018). Yekaterinburg, Ekaterinburgskii muzei izobrazitel'nykh iskusstv. 176 p.

The article was submitted on 17.01.2022

CONTENDING THE "TENEBOUS WORLD" IN THE MORALISING WORD OF OLD RUS'

DOI 10.15826/qr.2022.4.734

УДК 81–112 + 801.82 + 82'04 + 82.09 + 26–1 + 27–1

Слова Максима Грека на иудеев в авторских кодексах публициста*

Людмила Журова

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Maksim Grek's Writings against the Jews in His Codices

Liudmila Zhurova

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

The handwritten heritage of Maksim Grek contains three epistles contending the Jewish teaching. They do not constitute a series and occupy different positions in the codices of the author's *intra vitam* writings. Based on them, Russian scholars have long developed a concept of the active participation of Maksim Grek in fighting the heresy of the Judaizers, which is disproved by the modern studies of the publicist's works. The study aims to determine the role of the anti-Jewish writings of the Wise Man from the Mount of Athos in forming the author's codices. Two works occupy the position of concluding chapters of the codices. The polemic *Writings Contending Samuel the Jew* have signs of a text closely related to another one. There is neither an introduction nor a conclusion, the statements are brief, and the system of an internal organisation into rubrics is unclear. The text is to be perceived in the context of the source, i. e. *The Epistle of Rabbi Samuel of Morocco*. A similar text architectonics is observed in the *Epistle to a Certain Man* who became interested in Lucidarius. *Words against Samuel Israeli* was written in the late 1540s in Tver Otroch Monastery as a reaction to the request of a certain Georgy to comment on *The Epistle of Rabbi Samuel of Morocco*. The essay was

---

* Citation: Zhurova, L. (2022). Maksim Grek's Writings against the Jews in His Codices. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1362–1376. DOI 10.15826/qr.2022.4.734.

Цитирование: Zhurova L. Maksim Grek's Writings against the Jews in His Codices // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1362–1376. DOI 10.15826/qr.2022.4.734 / Журова Л. Слова Максима Грека на иудеев в авторских кодексах публициста // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1362–1376. DOI 10.15826/qr.2022.4.734.

attached, maybe by one of the scholars, as chapter 73 to the *Khudov Collection*, written in the early 1550s in St Trinity Monastery. *The Advice to the Orthodox Congress on Isak the Jew, a Magician, Sorcerer, and Cheat* proved intriguing. Its title does not match the content, nor is it possible to determine which congress is meant and who Isak the Jew was. We cannot agree with the assumption that Isak Sobaka was the main character. The author emphasises the intertext ties between *The Advice to the Orthodox Congress* and the 1554 message of Ivan IV to Maksim Grek. The main idea of *The Advice to the Orthodox Congress* to execute heretics could not have been authored by Maksim Grek. *The Advice* occupies the place of one of the last chapters (Chapter 45) of the *Joasaphus Collection* and may be inauthentic. *The Word on the Nativity of our Lord and Savior Jesus Christ, also against the Jews* (Chapter 5 of the *Joasaphus Collection*) is an example of a solemn speech by an Orthodox preacher written in the late 1530s – early 1540s and should be regarded as a programmatic work by Maksim Grek contending the Jewish teaching. The main goal of the ecclesiastical publicist is to prove the divine nature of Christ and to accuse the Jews of His death. The dispersion of the three compositions in the systematised codices indicates different times of their creation, varying intentions, and diverse implementations of the author's concepts.

Keywords: Maksim Grek, Samuel of Morocco, Isak Sobaka, 16th-century journalism, Jewish teaching, author's codices, heretics, preaching of Orthodoxy

В рукописном наследии Максима Грека известно три сочинения против иудейского учения. Они не представляют цикла и в составе прижизненных авторских кодексов занимают разные положения. На их основе в отечественной науке давно сложилась концепция об активном участии Максима Грека в борьбе с ересью «жидовствующих», что опровергается современными исследованиями трудов публициста. Цель настоящей статьи – определить роль антииудейских слов Святогорца в формировании авторских кодексов. Два сочинения занимают положение заключительных глав в их составе. Полемические «Словеса против Самуила Евреина» имеют признаки «связанного» текста – отсутствие введения и заключения, тезисность высказываний, нечеткость системы внутренней рубрикации. Текст рассчитан на восприятие в контексте с источником – «Главами Самуила Марокканского». Аналогичную архитектуру имеет «Послание к некоему мужу», заинтересовавшемуся «Луцидариусом». «Словеса против Самуила» были составлены в конце 40-х гг. XVI в. в Тверском Отроче монастыре в связи с просьбой некоего Георгия прокомментировать «Главы Самуила Марокканского». Сочинение присоединено в качестве 73-й главы к Хлудовскому собранию, составленному в начале 50-х гг. XVI в. в Свято-Троицком монастыре. Загадочным текстом оказался «Совет к православному Собору на Исака жидовина, волхва, чародея и обманщика». Заглавие не согласуется с содержанием сочинения, не удастся определить, о каком соборе идет речь и кто такой Исаак жидовин. Согласиться с версией об Исаке Собаке как герое сочинения нельзя. Интерес вызывают межтекстовые связи «Совета к Собору» и послания 1554 г. Ивана IV Максиму Греку.

Основная идея сочинения (совет) – предавать еретиков казни – не может принадлежать Максиму Греку. Сочинение занимает место одной из последних глав (45-й) в составе Иоасафовского собрания и, может быть, имеет подложный характер. «Слово о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же на Иудея» (5-я глава Иоасафовского собрания) – образец торжественной речи проповедника православия, составленной в конце 30-х – начале 40-х гг. XVI в., оно должно быть оценено как программное сочинение Максима Грека против иудейского учения. Основная цель церковного публициста – доказательство божественности Христа и обвинение иудеев в Его гибели. Разбросанность трех сочинений в составе систематизированных кодексов указывает на одновременность их создания, различия в интенции и реализации замыслов писателя.

Ключевые слова: Максим Грек, Самуил Марокканский, Исак Собака, публицистика XVI в., иудейское учение, авторские кодексы, еретики, проповедь православия

Догматико-полемиические сочинения Максима Грека были более всего востребованы в идеологических течениях Московской Руси. Оценивая свой вклад в борьбе с еретическими учениями, публицист XVI в. в ряде сочинений перечисляет полемиические слова против иноверцев, и на первых местах в этом ряду стоят иудеи. Так, в предисловии к Иоасафовскому собранию (конец 40-х гг. XVI в.) он обещает тому, кто желает приобщиться к богословскому учению, что его книга не оставит читателя непричастным к мужественному слову «о неблазненном христианском благочестии противу иудеехъ и еллинех и противу бѣсовскаго измаилтъскаго новоявленаго безвѣрія» [ПМГ, с. 49]. В «Исповедании православной веры» Святогорец продекларировал: «Азь моими списании всякую латыньскую ересь и хулу иудѣйскую и язычьскую обличаю, разоряю и развращаю, якоже и самая моа писаниа свѣдѣтельствууют» [Там же, с. 54].

В науке давно утвердилось мнение, что афонский монах уже в начале своего пребывания в Москве активно включился в борьбу с ересью «жидовствующих» [Макарий, с. 89; Иконников, с. 197], и предложение Максиму Греку выполнить перевод Толковой Псалтири было спровоцировано борьбой с новгородско-московскими еретиками, опиравшимися на Псалтирь, «которая в искаженном виде давала аргументацию сторонникам ереси жидовствующих, была одной из главных опор ее пропагандистского натиска» [Касапи, с. 298]. Нельзя привести достоверные свидетельства об участии Максима Грека в борьбе с «жидовствующими». В отечественной науке обсуждается правомерность именования – «жидовствующие», и в последних исследованиях предложены некоторые его интерпретации [Буланин, 2021, с. 216–218; Манохин, с. 414–416].

С иудейским учением и его критикой Михаил Триволис (Максим Грек) познакомился в Италии, находясь в окружении Джованни Пико

дела Мирандолы (на службе у его племянника Джованни Франческо). На взгляды молодого грека большое влияние оказали личность Савонаролы и его знаменитый трактат «Торжество креста», в котором доминиканцем обличаются ереси иноверцев, в том числе евреев [Синицына, с. 170].

К словам Максима Грека против иудеев относятся три сочинения, вошедшие в прижизненные кодексы писателя: «Слово о Рожествѣ Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в томъ и на Иудѣя» (Иоасафовское собрание, гл. 5, далее – «Слово на Иудея») [ПМГ, с. 66–70], «Съвѣтъ къ Собору православному на Исака жидовина, влхтва, и чародѣя, и прелестника» (Иоасафовское собрание, гл. 45, далее – «Совет к Собору») [ПМГ, с. 338–339], «Словеса супротивна противу глав Самуила Евреина» (Хлудовское собрание, гл. 73, далее – «Словеса против Самуила») [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, с. 55–62]. Краткая историография этих статей дана Н. В. Синицыной [Синицына, с. 171–172]. Историком отвергнута необоснованная датировка сочинений ранним периодом творчества Максима Грека, высказанная составителями казанского издания и В. С. Иконниковым. Признана вероятной аргументация Е. Е. Голубинского в пользу тверского этапа творчества Максима Грека. Но трудно согласиться с мнением Н. В. Синицыной, что три сочинения на иудеев представляют комплекс, возникший во время формирования кодекса в 12 глав в конце 30-х – начале 40-х гг. XVI в. Разбросанность сочинений в прижизненных рукописных сводах, разная стилистика и своеобразие организации публицистической речи не позволяют расценивать их как цикл с точки зрения авторского замысла. Примерами циклизации трудов писателя служат статьи Иоасафовского кодекса, посвященные обличению магометан (гл. 8 и 9), звездочетцев (гл. 13 и 14, 36 и 37). В настоящем исследовании слова Максима Грека об иудейском учении рассмотрены как самостоятельные тексты. Цель – определить их роль в формировании авторских кодексов.

«Словеса против Самуила Евреина», видимо, были составлены Максимом Греком в конце 40-х гг. XVI в. в Тверском Отроче монастыре. Краткий обзор последних научных изысканий трактата раввина Самуила сделан Н. А. Зяблицыной: «В настоящее время общепризнанно, что исторический прототип Самуила – известный ренегат, марокканский философ, математик и врач ас-Самав'ал ал-Магриби, перешедший из иудаизма в ислам» [Зяблицына, с. 54]. Сочинение Самуила Марокканского было переведено на латинский язык в XV в. и выдержало несколько изданий в Европе. Одна из таких инкунабул (Кёльн, 1493 г.) появилась в Геннадиевском кружке и была переведена на церковнославянский язык в Новгороде в 1504 г. под названием «Учителя Самуила слово обличительное».

В науке давно обсуждается вопрос авторства перевода: Николай Булев или Дмитрий Герасимов [Лурье, с. 270]. Создание двух переводов или двух редакций русского перевода предполагали В. С. Иконников

и А. А. Зимин. Переводчиком трактата Самуила А. И. Соболевский и А. Д. Седельников считали Дмитрия Герасимова. Н. А. Зяблицына на основе лингвистического анализа техники перевода считает возможным авторство Дмитрия Герасимова, доверяя при этом указанию на Николая Булева [Зяблицына, с. 57–58].

На самом деле в решение проблемы авторства перевода «Учения Самуила слова обличительного» на церковнославянский язык закралась досадная ошибка. Все исследователи ссылались на казанское издание «Словес против Самуила», выполненное по рукописи [РНБ. Соловецкое собр. № 495/514, 1660 г.]. Сочинение имеет предисловие, в котором названо имя Николая Немчина как переводчика трактата Самуила: «Самуила Евреина главы съ латынскихъ книгъ на русский языкъ перевел Николай Немчин» [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, с. 55]. И все исследователи считали предисловие принадлежащим Максиму Греку. Но изучение истории текста опровергает это утверждение, давно сложившееся в науке.

«Словеса супротивна противу глав Самуила Евреина» – это заключительная 73-я глава Хлудовского кодекса Максима Грека. В прижизненной рукописи конца 40-х – начала 50-х гг. XVI в. [РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 285; Синицына, с. 163, 235], к сожалению, утрачены последние листы, поэтому текст «Словес против Самуила» здесь не сохранился. Но он известен по другим спискам Хлудовского собрания и всем сводам сочинений Максима Грека конца XVI – первой трети XVII в.: Соловецкому, Нижегородско-Парижскому, Троицкому, Полному и др. И в них предисловия с упоминанием Николая Булева нет. Следовательно, оно (предисловие) – результат творчества соловецких книжников XVII в. (Прохора Шошина). Признание Дмитрия Герасимова автором перевода «Учителя Самуила слов обличительных» вполне оправдано. Но надо иметь в виду, что Максиму Греку, конечно, удобнее было пользоваться латинским текстом. Пример сопоставления церковнославянского перевода Дмитрия Герасимова «Учения Самуила» и цитаты, приведенной Максимом Греком в «Словесах против Самуила», позволяет полагать, что афонец самостоятельно обращался к оригиналу. Например, в переводе Дмитрия Герасимова читаем: «о, да быхомъ, господине ми, егда убихомъ, Исаию пророка загладили быхомъ и сие учителство»¹; эта же фраза (цитата) в тексте Максима Грека звучит так: «глаголеши: “о, да быхом загладили от книги Исаины рѣчь сию, егда убихом Его”». Варианты перевода, очевидно, принадлежат разным авторам.

Важные сведения об истории «Словес против Самуила» содержит «Послание Георгию», где Святогорец просит «возлюбленного брата» принять «с любовью малъ поминокъ словесень», тетрадки со словами на «агарянскую прелесть», а также «другие тетрадки 6 да четыре

¹ Цит. по рукописи: [РГБ. Ф. 354. Собр. Вологодской духовной семинарии. № 238. Л. 18].

листвие – рука Григориева: главы Самуила Еврѣина и къ нимъ главы супротивны, мое замышление, всякиа истинны исплънены» [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 2, с. 424]. Это письмо некоему Георгию написано, видимо, уже в последние годы пребывания афонца в Тверском Отроче монастыре (1546–1548), поскольку он упоминает Григория, дьякона Тверского епископа Акакия, и жалуется на свое нездоровье: «множае бо житиа моего въ болѣзньехъ и недузѣхъ различныхъ прохожу». И сам сюжет о подарке совпадает с посланием протосинкеллу Алексею, где Максим Грек сообщает об отправке тетрадок митрополиту Макарию и Ивану IV [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 2, с. 383], видимо, накануне избрания великого князя на царство [Синицына, с. 167].

Тому же Георгию направлено «Послание к нѣкоему мужю поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца», в котором Максим Грек по его просьбе дает толкования отдельных положений «Луцидарисуса». Очевидно, Георгий интересовался немецкими изданиями, и перевод «Глав Самуила» мог быть сделан Максимом Греком в связи с обращением к нему «кирь Георгия». Следовательно, правомерно говорить о двух переводах «Глав Самуила»: Дмитрия Герасимова и Максима Грека. Высокая самооценка автора «Словес против Самуила» – «мое замышление, всякиа истинны исплънены» – могла появиться на этапе расцвета творчества Святогорца в Тверском Отроче монастыре (конец 40-х гг. XVI в.).

«Словеса против Самуила» Максима Грека по форме представляют собой антитезисы к некоторым пунктам учения марокканского философа. 25 главам Самуила противопоставлены восемь глав Святогорца². Сочинение не имеет какого-либо вступления и начинается сразу с обвинения: «Тогда будете люди Божии и спасении будете Им, егда, отступивше всякого вашего зловѣрия, и упрямства, и непокорства, възглаголете съ вѣрою и любовию съ нами...» [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1, с. 56].

В первом «словеси» Максим Грек обличает одно положение учения Самуила, изложенное в первых пяти главах его трактата. В каждой из них марокканский раввин рассуждал о Божием гневѣ, излившемся на иудеев, и заканчивал заклинанием: «мы убо Божии есме въ всякомъ стати нашемъ». Эта фраза стала ключевой в сочинении Самуила, и ее идею опровергал Святогорец. В трактате Самуила она представлена синонимичными вариантами (текст цитируется по рукописи [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 355]): «Елико же убо намъ случится, Божии есме во всякомъ случаи» (гл. 1, л. 244 об.), «Мы убо Божии во всякомъ стати нашемъ» (гл. 2, л. 247 об.), «Божии есме во всякомъ наитии нашемъ» (гл. 3, л. 249), «Обаче Божии есме во всякомъ нашествии, иже намъ наидеть» (гл. 4, л. 250), «Открыють тебе, господине ми, но елико же наи-

² В списках Поморского собрания «Словеса против Самуила» содержат всего семь глав [ГПНТБ. ОРиРК. Собр. М. Н. Тихомирова. № 271. Л. 492–496].

деть намъ, Божии есме» (гл. 5, л. 251). Максим Грек отвечает на это утверждение начальной фразой: «Тогда будете люди Божии...» (приведена выше) – и далее приводит целую серию цитат из Псалтири и Евангелия.

Во второй главке, составленной всего из трех фраз, Максим Грек укоряет иудеев в убийстве Христа: «Вы же, убивше Его, врази уже есте Ему и убилица», – а их «упования» называет суетными и богомерзкими. И в третьей главке, опираясь на цитату из Псалтири, доказывает, что иудеи чужды Христу. Таким образом, первые три главы «Словес» посвящены одному тезису – опровержению учения Самуила, что иудеи – люди Божии.

Второе положение учения Самуила, которое Максим Грек выносит на обсуждение, – непризнание иудеями пришествия Христа. В трактате арабского философа этому событию посвящены гл. 9–11, Максим Грек отвечает на них в гл. 4–6, где доказывает, что Моисей и другие пророки ожидали пришествия мессии и предсказывали его. Ученый монах обвиняет иудеев в хуле, возведенной Самуилом на праведников, безумным называет сожаление Самуила о том, что «не загладили», когда убили пророка, слова Исаяи, предсказывавшие приход Мессии.

Самая пространная глава в «Словесах против Самуила» седьмая. Максим Грек обличает Самуила в незнании Священного Писания. В главе изложены сразу три сюжета: Вознесение Христово, прохождение иудеев через море и вознесение на небо скотов. Он советует раввину не приравнивать Вознесение к переселению Еноха и взятию на небо Илии и не глгать, будто Мафусаил и Моисей тоже были вознесены: «того Святое Писание нигдѣ же являет». Доказывает, что сынам Израиля во время их Исхода «путь бысть сух маниемъ Божиимъ» (Исх. 14 : 29). Заблуждением и младенческой мыслью называет афонский старец утверждение Самуила о том, что «огнь с небесе сошед, ношаше телеса волуа и скотскаа на небеса», и снова укоряет иудея в невежестве.

Но эти разные библейские истории не поделены на главы, что указывает на отсутствие четкой системы в организации повествования. Рубрикация «Словес против Самуила» носит, скорее всего, механический характер и, может быть, автору не принадлежит. Она могла появиться на стадии включения редактором статьи в состав Хлудовского собрания под влиянием предыдущей главы, 72-й, – «Словеса супротивна къ Иоанну Лодовику...».

В последней, восьмой главе «Словес против Самуила» представлено обвинение Максима Грека в непризнании иудеями Христа истинным Богом. Оно подтверждено рядом ветхозаветных цитат, заполнивших основное пространство текста. И закончил церковный публицист тем, с чего начал: «Всуе убо хвалишися и глаголеши частѣ: “Обаче Божии есме и к Нему прибѣгаем”». Таким способом Максим Грек закольцевал повествование, выделив доминанту в своей полемике с учением Самуила: вы, иудеи, «не Божии есте». Из всех положений иудейского учения, обсуждаемых в «Словесах против Самуила»,

Максим Грек вернется к одному – обвинению в убийстве Христа, изложенному в «Совете к Собору» и в «Слове на иудея».

Полемические «Словеса против Самуила Евреина» имеют признаки связанного текста: отсутствие введения и заключения, тезисность высказываний, нечеткость системы внутренней рубрикации. Текст рассчитан на восприятие в контексте с источником – «Главами Самуила Марокканского». Аналогичную архитеконику имеет «Послание к некоему мужу» (Георгию), заинтересовавшемуся «Луцидариусом» [Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 2, с. 226–236].

«Совет к Собору православному на Исака жидовина, волхва, чародея и прелестника» вошел в состав двух прижизненных кодексов писателя: это Иоасафовское собрание, гл. 45, и Хлудовское собрание, гл. 19. Показательно его место в кратком виде Иоасафовского собрания, описанное Н. В. Сеницыной [ПМГ, с. 42]. «Совет к Собору» трудно поддается хронологизации и определению адресата. Н. В. Сеницына в работе 1977 г. писала: «“Совет на Исака” не содержит каких-либо реалий, с помощью которых была бы возможной предположительная датировка» [Сеницына, с. 219]. В издании 2014 г. историк высказала иную версию: «Текст... написан, вероятно, по заказу в связи с собором 1548–1549 г. “на Исака Собаку”, он не подвергался редактированию и правке. Неустойчивое место, которое он занимает в собраниях... указывает на то, что он был составлен, когда работа по формированию собрания была почти завершена» [ПМГ, с. 410].

Попытки отождествить имя Исака жидовина с Исаком Собакой (Биревым) вызывают сомнения. Личность архимандрита московских Симонова и Чудова монастырей (1530–1540-е гг.), известного каллиграфа, участника собора 1531 г., на котором он (помощник Максима Грека) не произнес ни слова, но был обвинен в переписывании «хульных строк» в переводе жития Богородицы Симеона Метафраста [Судные списки, с. 101], не согласуется с представлением о некоем Исаке – «волхве, чародеи и прелестнике». Митрополит Макарий, якобы только в 1548 г. обнаруживший неисполнение соборного решения 1531 г., инициировал в феврале 1549 г. суд над Исаком Собакой, постановлением которого писец был осужден за то, что «дерзнул на священство» и сослан «на Бело озеро в Нилову пустыню на покаяние» [Там же, с. 139]. Из известных Максиму Греку евреев с именем Исаак можно назвать адресата Самуила Марокканского раввина Исаака, магистра [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 355. Л. 244], раввина испанского Исаака, принявшего доминиканский обряд от Савонаролы под именем Климент Абрахам («Биографический словарь итальянцев»³), а также раввина Исаака Кордубского. Но никто из них не может быть соотнесен с ролью «волхва, чародея и прелестника».

---

³ Приношу искреннюю благодарность М. Гардзанити за предоставленную информацию.

Название сочинения не коррелируется с его содержанием, в котором нет имени Исак, не идет речь о каком-то одном герое, тем более определенном как чародей и обманщик. Большая часть сочинения посвящена напоминанию об известных примерах наказания «прелестников»: об убийстве Моисеем всех поклонников идолослужения; о Финеесе, пронзившем мечом израильского князя и мадианитянку за их гнусное преступление, и о посечении за один день 23 тысяч народа иудейского из-за блудного греха; об Илье и Елисее, много сделавших для спасения рода иудейского. Довольно подробно изложен фрагмент из жития архиепископа Льва Катанского о наказании волхва Илиодора. Эти ветхозаветные сюжеты свидетельствуют о борьбе евреев за соблюдение чистоты своей веры, и этим «подвигам ради благочестия» предлагается следовать «православному собору»: «Тѣх же и вы, якоже ихъ сътаинники, и тѣх же имъ таинъство строите, подражающе, тую же имъ ревность и подвигъ восприимите вседушно» [ПМГ, с. 339].

Собственно совет сформулирован в заключительной части сочинения, где звучит наставление о том, что в борьбе с еретиками власти церковной необходимо апеллировать к власти светской: «смутившаго убо паству Спасову предадите внешней власти в казнь». Такое требование перекликается с идеологией Иосифа Волоцкого, тогда как неизвестны подобные высказывания в сочинениях Максима Грека. Н. В. Сеницына, предположив заказной характер «Совета к Собору» и его направленность против Исаака Собаки, высказала еще одну догадку: аргументацию Максим Грек извлек из «Слова на списание Иосифа» Вассиана Патрикеева [Сеницына, с. 18]. Но в нем слова «царем и князем подобает сих [еретиков] в заточение посылати и казем лютым предавати» относятся к сочинению Иосифа, тогда как старец Вассиан считал, что только нераскаившихся «подобает заточити и казнити» [Казакова, с. 276]. Переход Максима Грека на сторону иосифлян, конечно, невозможен. Более того, смертная казнь для еретиков не практиковалась в Византии, и последователь византийской культуры Максим Грек, переживший казни Савонаролы и участников собора 1525 г. (Берсеня-Беклемишева), вряд ли мог выступить с предложением жестокого наказания.

Важна такая деталь: в «Совете к Собору» отмечено, что наказание остановит присоединение паствы Христовой к «смущающим» и их приезд «в землю нашу православную». Это одно из загадочных мест сочинения. О ком («их приезд») идет речь? Е. Е. Голубинский на основании этого чтения предполагал, что в России во времена митрополита Варлаама (1511–1521) появился второй Схария по имени Исак, который «пытался у нас проповедывать жидовство» [Голубинский, с. 649–650], но при этом в качестве источника этих сведений историк церкви назвал только сочинение Максима Грека («Совет к Собору»), что делает версию о «втором Схарии» необоснованной. Под «собором православным» историки церкви понимали собор 1520 г. и связыва-

ли сюжет «Совета к Собору» с ересью «жидовствующих» [Макарий, с. 89; Голубинский, с. 661]. Но на соборе 1520 г. решались вопросы поставления игуменов в ряд русских монастырей⁴, а не борьбы с «жидовствующими». Кроме того, Максим Грек после 1531 г. избегал какого-либо участия во внутренних делах Московской Руси, и polemические сочинения афонского монаха, как правило, были обращены к иноземцам (Николаю Булеву, Магомету, И. Л. Вивесу, Самуилу Марокканскому и др.).

Обращают на себя внимание межтекстовые связи между «Советом к Собору» и посланием 1554 г. московского царя Ивана IV Максиму Греку. Святогорца приглашали на собор 1553–1554 г. против Матвея Башкина. Московский царь, величая ватопедского инока «поборником православия», просит: «Тѣм же убо явись симъ споспѣшникъ и ревнитель по благочестии, и данный ти талантъ отъ Бога умножи, и ко мнѣ писание пришли на нынѣшнее злодѣйство. А онемъ же словѣ слышахомъ, яко оскорбляеши, а чаешь того, что мы тебя съчетаемъ съ Матфеемъ, по тебя послали. Но не буди того, еже вѣрнаго съ невѣрными счиняти» [АИ, № 161, с. 297–298]. Последние слова царя перекликаются с риторическим вопросом Максима Грека в «Совете к Собору»: «Кое бо съобщение вѣрному съ безвѣрником?» [ПМГ, с. 339]. Такое совпадение можно, наверное, считать и общим местом средневековой публицистической речи, восходящим к апостольскому слову (2 Кор. 6 : 15), но все-таки оно создает впечатление диалога двух публицистов.

Иван IV очень выразителен в описании своих переживаний по поводу еретических настроений в «земле нашей»: «Сего ради съдрогнуся душею, и въздохнувъ изъ глубины сердца, и поболѣзновахъ о семъ немало, яко таково злочестие вниде в землю нашу, въ нынѣшнее въ слабое время» [АИ, № 161, с. 297]. В обращении Максима Грека к собору слышим то же «соболезнование» судьбе «земли нашей»: «Съблюдите землю нашу чисту и невредну от таковых бѣшенных псовъ» [ПМГ, с. 339]. Этот призыв звучит слишком патриотично и пафосно для афонского монаха, проведенного в заточении на Русской земле более 20 лет. И образ «бешеных псов» нехарактерен для иносказательной системы Святогорца. Безусловно, в последние годы своей жизни афонец мог назвать Русь «нашей землей». Но, скорее всего, оправдано предположение Е. Е. Голубинского о правке текста русскими книжниками: «“нашу” легко могло быть поставлено вместо “вашу” позднейшими переписчиками» [Голубинский, с. 662, прим.]. В самом деле, в рукописи [ГИМ. Синод. собр. № 491. Л. 235 об.] сохранилось чтение: «не приезжати в землю вашу», «соблюдайте землю вашу». Но неожиданно в другой рукописи того же Нижегородско-Парижского собрания [National Library of Paris. Man. Slave 123], которая оценена Н. В. Синицыной как «контрольная» по отношению к прижизненным

⁴ Выражаю огромную признательность А. С. Усачеву за консультацию.

собраниям сочинений Максима Грека, сохранившая ранние варианты текстов публициста [ПМГ, с. 45], читается «землю нашу» (л. 603 об.), как и во всех остальных сборниках трудов Святогорца. Между тем, доказано, что обе рукописи восходят к одному источнику, что текст Синод. 491 сверялся с Man. Slave 123 (в каталоге С. Белокурова рукопись числится под № 243) на Патриаршем дворе в середине XVII в. [Шашков, с. 10].

Название «Совета к Собору православному на Исака жидовина...», в общем-то, вводит читателя в заблуждение. Может быть, оно приписано случайно на заключительном этапе формирования Иоасафовского свода? Но представленное в прижизненных рукописях Максима Грека [РГБ. Ф. 173/І. Собр. МДА. № 42; Ф. 173/ІІІ. Собр. МДА. № 138], сохранившееся во всех собраниях конца XVI – начала XVII в., оно должно убеждать в своей подлинности. Более того, в рукописи Собр. МДА 138 на л. 233 восстановлен пропуск, как считала Н. В. Сеницына, рукой Максима Грека [Сеницына, с. 226]⁵, что должно доказывать бесспорное авторство текста. Тем не менее, идея сочинения дает основание ставить вопрос о его подлинности.

Главное обвинение иудеям, выдвинутое в «Совете к Собору», – распятие Христа: «Они распяли, Емуже нынѣ мы поклоняемся, въ Негоже вѣровахом и спасаемся» [ПМГ, с. 339]. В следующем трактате это мотив звучит в приглушенной огласовке – «бесчестная смерть» – и сопровождает ведущую тему – доказательство прихода Мессии.

«Слово о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же и на иудея» – программное сочинение Святогорца против иудейского учения (Максим Грек не называет его «зловерием»). Оно вошло в состав первых 12 глав Иоасафовского собрания наряду с другими обличительными словами публициста против иноверцев: «на еллинское зломудрие», «на латинския три большие ереси», «на агарянскую прелесть» (гл. 6–9). Н. В. Сеницына расценивала комплекс из 12 глав как оправдательный, которым Максим Грек доказывал «свою невиновность, ортодоксальность и преданность России» [Сеницына, с. 171], и определяющий начальный этап работы публициста над «избранным» [Сеницына, с. 169–170; ПМГ, с. 25]. Из всех положений иудейского учения (хуление Христа, Богоматери и святых; отрицание догмата о Святой Троице, авторитета семи Вселенских соборов, иконопочитания, таинства евхаристии, необходимости постов и служб; неверие в вознесение Христа, почитание субботы) в слове Максима Грека против иудеев обсуждается одна доминанта – божественность Христа. Монотемностью, следует заметить, отличаются и другие полемические трактаты Святогорца, например, *filioque* в антилатинских сочинениях, защита иконопочитания в «Слове против Лютера»

---

⁵ Д. М. Буланин ставит под сомнение существование автографов Максима Грека [Буланин, 2019, с. 122–124].

и т. д. Как правило, Максим Грек не ставил своей целью рассмотрение всех аспектов того или иного учения, и «в гл. 5 автор опровергает утверждение иудаизма о том, что Христос не был Богом и Мессией» [Синицына, с. 187].

«Слово на иудея» представляет собой образец торжественной речи, один из примеров вершинного творчества Максима Грека. Поэтично его начало, где описана картина рождения Христа: «Се и вертепъ, и ясли, и новорождень Младенець в нихъ...» Высоким слогом провозглашается Его божественная природа: «Въистину предивна вся и явственъ възвѣщающа сему Младенцу быти Богу». Эффектным риторическим приемом – категорическим императивом – клеймится иудейское учение: «Да посрамляется убо непокоривый жидовьскый языкъ, пререкуа дръзостно толь явленъшимъ вещь! Да или яко Бога поеть вкупъ с нами Иисуса». Богослов призывает воспевать Христа, потому что на Нем сбылись все пророчества и Его славил Исайя как крепкого Бога, великого Самодержца, Князя мира, Ангела великому совету (Ис. 9 : 6). Целую систему доказательств божественности Христа приводит Святогорец, отводя сомнения, основанные на непонимании страстей (страданий), которые Он претерпел: «Поклонити убо достоить благодати, акы божественному дару, а не отращати чина исцеления».

Это сочинение отличается от других антииудейских слов Максима Грека небольшим числом библейских цитат, отсутствием ссылок на сюжеты церковных преданий, то есть писатель меньше опирается на чужой текст, повышая коэффициент самостоятельности собственного высказывания, что является приметой отработанности темы, зрелого этапа творчества публициста. Его полемический стиль речи выдержан в диалогической интонации и обогащен разнообразными приемами: апелляциями («непокоривый жидовьскый языкъ», «стропотный и непокоривый родъ»), императивами («да покажут нам...», «да посрамляется...»), риторическими вопросами и восклицаниями, придающими гневно-эмоциональную окраску обличительным высказываниям средневекового публициста.

Обращаясь к иудеям («о, богомерзтии»), он обвиняет их в «бесчестной смерти» Христа, за что гнев Божий преследует этот народ, упрекает за хулу на Сына Божьего, которого они называют льстецом и злодеем. На самом деле, доказывает богослов, Он – «Бог крепкий», «Царь мой» – вместе со своими 12 учениками («мужы безъкнижными») «въ свѣтъ благовѣрія и дѣла правды приведе» всех живущих на земле. Это речь сильного защитника Христа: «елико възможе чловѣчьскый немощный разум, предложилъ есть вамъ на увѣрание истины». Величайшей Божией любви поет Максим Грек свой гимн. Ее символом становится крест, который из «смертного орудия» превратился в предмет «поклоняния и почитания, акы жизни подателно и безчисленных благъ». Воспеванием Христа, Бога и Человека, и пастьерским увещанием к покаянию заканчивается трактат.

Таким образом, три слова Максима Грека против иудейского учения имеют разные векторы авторской интенции. Сочинения занимают разные позиции в составе прижизненных кодексов. Совершенно понятно положение «Слова на иудея» в комплексе 12 глав «избранного», тогда как место заключительных глав в архитектонике сводов – «Совета к Собору» и «Словес против Самуила» – могло быть определено редакторами сборников Святогорца, нуждавшегося в помощниках в последние годы своей жизни. Если авторство «Словес против Самуила» безоговорочно доказано самим Максимом Греком в «Послании Георгию», то атрибуция «Совета к Собору» вызывает сомнения, памятник может оказаться подложным текстом и тем самым представлять своего рода феномен в истории формирования авторских кодексов Максима Грека.

Список литературы

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 1. 614 с. (АИ).
- Буланин Д. М. «Полное собрание сочинений» Максима Грека. Начало работы и план ее завершения // *Studi Slavistici*. 2019. Т. 16, № 2. С. 119–137. DOI 10.13128/Studi_Slavis-7656.
- Буланин Д. М. Над страницами «Переводов жидовствующих» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2021. № 2. С. 216–222. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.017.
- ГИМ. Синод. собр. № 491. Рубеж XVI–XVII вв. 651 л.
- Голубинский Е. Е. История Русской Церкви : в 2 т. М. : Изд. Императорского историко-родословного института при Моск. ун-те, 1911. Т. 2, ч. 1. 616 с.
- ГПНТБ СО РАН. Отдел редких и рукописных книг (ОРИПК). Собр. М. Н. Тихомирова. № 271. Вторая половина XIX в. 651 л.
- Зяблицына Н. А. История изучения церковнославянского перевода трактата «Учителя Самуила обличение» // *Пространство и время*. 2013. № 2 (12). С. 54–61. DOI 10.2226-7271prov_st2-12.2013.22.
- Иконников В. С. Максим Грек и его время : Историческое исследование. Киев : Тип. Императорского университета св. Владимира, 1915. 651 с.
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 363 с.
- Касапи И. Отношение Максима Грека к еретикам // *Россия – Афон: тысячелетие духовного единства : материалы междунар. науч.-богослов. конф. Москва, 1–4 октября 2006 г.* М. : Православный Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, 2008. С. 297–301.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1960. 528 с.
- Макарий, митр. Московский. История Русской Церкви : в 7 кн. М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 4, ч. 1. 590 с.
- Манохин А. А. Собор 1490 г. как основа конструирования «ереси жидовствующих» // *Христианское чтение*. 2021. № 4. С. 412–448. DOI 10.47132/1814-5574.
- Преподобный Максим Грек. Сочинения / отв. ред. Н. В. Синецкая. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014–. Т. 2. 432 с. (ПМГ).
- РГБ. Ф. 37. Собр. Т. Ф. Большакова. № 285. Первая половина 50-х гг. XVI в. 306 л.; Ф. 173/1. Собр. МДА. № 42. Рубеж 40–50-х гг. XVI в. 416 л.; Ф. 173/III. Собр. МДА. № 138. Рубеж 40–50-х гг. XVI в. 236 л.; Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 355. XVII в. 538 л.; Ф. 354. Собр. Вологодской духовной семинарии. № 238. Рубеж XVII–XVIII вв. 118 л.
- Синецкая Н. В. Максим Грек в России. М. : Наука, 1977. 332 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека : [в 2 ч.]. Казань : Тип. губернского правления, 1859–1960. Ч. 1. 553 с. Ч. 2. 460 с.

Судные списки Максима Грека и Исака Собака / подг. Н. Н. Покровский ; под ред. С. О. Шмидта. М. : Тип. Глав. архив. упр. Акад. наук СССР, 1971. 191 с.

Шапков А. Т. Тагильский сборник сочинений Максима Грека (кодициологические заметки) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. Новосибирск : Наука, 1983. С. 4–14.

National Library of Paris. Manuscript Slave 123. Конец XVI в. 715 f.

References

Akty istoricheskie sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu v 5 t. [Historical Acts Collected and Published by the Archaeological Commission. 5 Vols.]. (1841–1842). St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, Vol. 1. 614 p. (AI).

Bulanin, D. M. (2019). “Polnoe sobranie sochinenii” Maksima Greka. Nachalo raboty i plan ee zaversheniya [The Complete Works of Maksim Grek. The Beginning of Work and Plan for Its Completion]. In *Studi Slavistici*. Vol. 16. No. 2, pp. 119–137. DOI 10.13128/Studi_Slavis-7656.

Bulanin, D. M. (2021). Nad stranitsami “Perevodov zhidovstvuyushchikh” [Turning the Pages of the Translations by Judaizers]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. No. 2, pp. 216–222. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.017.

GIM [State Historical Museum]. Sinodal’noe sobranie. No. 491. Turn of the 17th Century. 651 f.

Golubinskii, A. A. (1911). *Istoriya russkoi tserkvi v 2 t.* [The History of the Russian Church. 2 Vols.]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Vol. 2. Part 1. 616 p.

GPNTB SO RAN [State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Otdel redkikh i rukopisnykh knig (ORiRK). Sobranie M. N. Tikhomirova. No. 271. Second Half of the 19th Century. 651 f.

Ikonnikov, V. S. (1915). *Maksim Grek i ego vremena. Istorieskoe issledovanie* [Maksim Grek and His Time. A Historical Study]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo universiteta svyatogo Vladimira. 651 p.

Kasapi, I. (2008). Otnoshenie Maksima Greka k eretikam [The Attitude of Maksim Grek to Heretics]. In *Rossiya – Afon: tysyacheletie dukhovnogo edinstva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii. Moskva, 1–4 oktyabrya 2006 g.* Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, pp. 297–301.

Kazakova, N. A. (1960). *Vassian Patrikeev i ego sochineniya* [Vassian Patrikeev and His Works]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. 363 p.

Lurye, Ya. S. (1960). Ideologicheskaya bor’ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI v. [The Ideological Struggle in the Russian Journalistic Writings of the Late 15th – Early 16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR. 528 p.

Makarii, the Metropolitan of Moscow. (1996). *Istoriya Russkoi Tserkvi v 7 kn.* [The History of the Russian Church. 7 Books]. Moscow, Izdatel’stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya. Book 4. Part 1. 590 p.

Manokhin, A. A. (2021). Sobor 1490 g. kak osnova konstruirovaniya “eresi zhidovstvuyushchikh” [The Council of 1490 as the Basis of the Construction of the Heresy of the Judaizers]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 4, pp. 412–448. DOI 10.47132/1814-5574.

National Library of Paris. Manuscript Slave. 123. Late 16th century. 715 f.

Pokrovskii, N. N., Shmidt, S. O. (Eds.). (1971). *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki* [Sudnye Spiski by Maksim Grek and Isak Sobaka]. Moscow, Tipografiya Glavnogo arkhivnogo upravleniya Akademii nauk SSSR. 191 p.

Reverend Maksim Grek (2014–). *Sochinenia* [Writings] / ed. by N. V. Sinityna. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 2. 432 p. (PMG).

RGB [Russian State Library]. Stock 37. Sobranie T. F. Bol’shakova. No. 285. First half of the 1550s. 306 f.; Stock 173/I. Sobranie MDA. No. 42. The turn of the 1550s. 416 f.; Stock 173/III. Sobranie MDA. No. 138. The turn of the 1550s. 236 f.; Stock 98. Sobranie

E. E. Egorova. No. 355. 17th century. 538 f.; Stock 354. Sobranie Vologodskoi dukhovnoi seminarii. No. 238. The turn of the 18th century. 118 f.

Shashkov, A. T. (1983). Tagil'skii sbornik sochinenii Maksima Greka (kodikologicheskie zametki) [The Tagil Collected Works by Maksim Grek (Codicological Notes)]. In *Rukopisnaya traditsiya XVI–XIX vv. na vostoke Rossii*. Novosibirsk, Nauka, pp. 4–14.

Sinitsyna, N. V. (1977). *Maksim Grek v Rossii* [Maksim Grek in Russia]. Moscow, Nauka. 332 p.

Sochinenia Maxima Greeka [Works of Venerable Maksim Grek]. (1859–1860). Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya. Part 1. 553 p. Part 2. 460 p.

Zyablitsyna, N. A. (2013). Istoriya izucheniya tserkovnoslavyanskogo perevoda traktata “Uchitelya Samuila oblichenie” [The History of Studying of the Church Slavonic Translation of the Treatise *Denunciation of Master Samuel*]. In *Prostranstvo i vremya*. No. 2 (12), pp. 54–61. DOI 2226-7271prov_r_st2-12.2013.22.

The article was submitted on 14.12.2021

Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы*

Ольга Журавель

¹Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques**

Olga Zhuravel

¹Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the genre characteristics of Andrei Denisov's sermon; he was the most prominent leader of the second wave of Russian Old Belief, a writer, and a polemicist. The author refers to previously unknown texts by Andrei Denisov that were published by the author of this article earlier and to rhetorical manuscripts. The author implements the methodology of source studies and textology. The problematic context of this research is determined by Vyg Baroque as an essential part of Moscow Baroque. The hermeneutic approach underlying this study provides the interpretation of the writings of Andrei Denisov in the context of Vyg literary culture with a strong rhetorical accent. The article focuses on the main work created in the Vyg community, i. e. the *Rhetoric Code*, and the rhetorical studies of the Baroque poet and philosopher Andrei Belobotsky, in which Andrei Denisov showed great interest. The rhetorical thought of this

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия».

** Citation: Zhuravel, O. (2022). The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.

Цитирование: Zhuravel O. The Art of Andrei Denisov's Sermons: Rhetorical Strategies and Techniques // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735 / Журавель О. Искусство проповеди Андрея Денисова: риторические стратегии и приемы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1377–1393. DOI 10.15826/qr.2022.4.735.

period dictated the genre model of the sermon, the structure, and the style of the texts. The Baroque interpretation of hermeneutics influenced the semantics of the sermon, which was dominated by semantic duality and “allegorical meaning”. It manifests itself in the structure-forming role of biblical quotations (“themes”) and in the abundance of metaphors, symbols, and allegories. The article reveals metaphors that shaped the central eschatological myth based on the opposition of the hostile outdoor world, desecrated by the Antichrist, and the Vyg Pustyn as a space of spiritual sanctuary. Sermons created by Andrei Denisov reflect the typical Baroque concept of *vanitas vanitatum*. Their author was interested in the ontological nature of time and anthropological problems that became relevant during the Baroque period. The article also examines the communicative model of preaching discourse determined by the prophetic image of the author, who constructed it through biblical quotations. The article explains the rhythmic organisation of sermons designed for listening. Based on the analysis of the rhetorical techniques used by Andrei Denisov, it concludes that the author was eager to create a powerful sermon that would influence the establishment of the foundations of the faith and spiritual formation of Old Believers. The article also sheds light on the reception of the pan-European Baroque style in the literature of the Old Believers of the early eighteenth century. The heart of Vyg Baroque was functional didacticism, which served the main goal of preaching, i. e. asserting the religious and moral values that underlay the Vyg utopian project.

Keywords: Old Believers, Vyg, Andrey Denisov, sermon, rhetoric, Baroque, eschatology

Исследуются жанровые особенности проповедей Андрея Денисова, крупнейшего деятеля второй волны русского старообрядчества, писателя и полемиста. Основным материалом послужили не опубликованные ранее и изданные автором данной статьи тексты сочинений Андрея Денисова, а также рукописи риторик. Работа с источниками велась на основе источниковедческого и текстологического методов. Определяющим проблемным контекстом является выговское барокко как разновидность московского школьного барокко. Герменевтический подход обусловил интерпретацию сочинений в контексте риторической литературной культуры Выга. Центральное внимание уделяется главному труду, созданному на Выге, – Риторике-своду, а также риторическому учению барочного поэта и философа Андрея Белобоцкого, к которому Андрей Денисов проявлял большой интерес. Показано, что риторики диктовали жанровую модель проповеди, определяли структуру и стилистику текстов. Барочная герменевтика оказала влияние на семантику проповеди, в которой господствовала смысловая двуплановость, «сене аллегоричный». Он выражался в структурообразующей роли библейских цитат («фем»), а также в обилии метафор, символов и аллегорий. Выявляются метафорические ряды, которые формируют центральный эсхатологический миф, выражающийся в противопоставлении враждебного внешнего мира, пораженного антихристом, и Выговской пустыни как пространства духовного спасения.

В проповедях Андрея Денисова нашел отражение типичный барочный концепт *vanitas vanitatum*. Старообрядческого проповедника интересовали онтологический аспект проблемы времени и актуальная в эпоху барокко антропологическая проблематика. Рассматривается коммуникативная модель проповеднического дискурса, определяемая особым позиционированием автора. Образ автора уподобляется пророческому, чему способствует использование библейских цитат. Выявляются особенности ритмической организации проповедей, рассчитанных на слуховое восприятие текстов. Система приемов, используемых старообрядческим автором, позволяет говорить о стремлении создать действенную проповедь, влияющую на утверждение основ вероучения и воспитание преданных сторонников движения. Статья позволяет уточнить характер рецепции общеевропейского стиля барокко в литературе старообрядчества начала XVIII в. В основе выговского барокко лежит функциональный дидактизм, обусловленный главной целью проповеднического творчества, которое утверждало религиозно-нравственные ценности, лежащие в основе выговского утопического проекта.

Ключевые слова: старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, проповедь, риторика, барокко, эсхатология

Андрей Денисов (1674–1730) – крупнейший деятель второй волны старообрядчества, первый киновиарх и духовный лидер Выговского центра защитников старого обряда. Выговская пустынь, основанная в 1694 г., на протяжении почти полутора столетий была очагом культурного строительства, основанного на приверженности национальным традициям [Юхименко, 2002]. Создание Выговской общинной утопии [Зеньковский, 1970, с. 453–466; Зеньковский, 2009; Crummeу; Клибанов] стало ответом на вызовы времени, в частности, на трагические события раскола в русской церкви, которые осмыслились в эсхатологических категориях. Выговский центр был задуман как своеобразный остров спасения, «оплот веры в мире антихриста» [Crummeу, p. 134]. Важнейшую роль в реализации замысла играло проповедническое слово.

В начале XVIII в. на Выге была создана литературная школа, в которой сформировался новый «рациональный» тип творчества, основанный на следовании современным риторическим стратегиям [Дружинин; Понырко, 1981; Понырко, 1994; Юхименко, 2002]. Слоvesность Выга представляет собой органичное соединение древнерусских книжных традиций и культурных новшеств, проводниками которых стали новейшие риторика, в основном барочного характера. К ним относятся риторика Софрония Лихуда, Козьмы Афоноиверского, Стефана Яворского, Андрея Белобоцкого, автора барочной рецепции учения средневекового философа и поэта Раймонда Луллия [Понырко, 1981; Журавель, 2012а, с. 21–85]. Старообрядцев не смущало то, что сочинения были созданы их духовными противниками,

в частности, видными деятелями никонианской церкви. Они старались извлечь пользу из этих книг, постигая секреты эффективной действенной проповеди. Редакторской правке подвергались лишь примеры, обличающие «раскольников»¹.

В конце 1720-х – начале 1730-х гг. на Выге шла работа над уникальной Риторикой-сводом [БАН. Собр. Дружинина. № 122], куда вошли части из некоторых названных выше риторик, дополненные примерами из сочинений старообрядческих авторов, в частности, Андрея Денисова.

В литературной культуре Выга риторике играли и кодифицирующую, и моделирующую роль. В каждой заключался не только свод нормативных правил, но и определенная система ценностей, та или иная эстетическая концепция [Аверинцев; Лахманн]. Риторике доносили новую рационалистическую концепцию текста, определяли структуру проповеди, репертуар стилистических средств, а также ориентировали на символично-аллегорическое видение мира. В своих проповедях Андрей Денисов сполна использует секреты словесного мастерства. Он изучает и собственноручно редактирует некоторые сочинения по риторике, проявляя пристальное внимание к учению Андрея Белобоцкого. Так, «Великая наука», главный труд Белобоцкого, обещала дать «ключ ко всем наукам», и в первую очередь к словесным. Единственная известная обработка этой книги, ее краткая (для «удобства преносения») редакция выполнена именно Андреем Денисовым [Журавель, 2012а, с. 43–61].

Творческое наследие Андрея Денисова изучено далеко не полностью, опубликована меньшая часть его трудов. На основе сохранившихся списков ему атрибутировано 161 произведение [Дружинин, с. 88–128; Юхименко, 2008, т. 1, с. 28]. Проповедами являются 17 слов на церковные праздники, вошедших в «Выговские Торжественники» [Юхименко, 2002, т. 1, с. 116–132]. Но Андрей Денисов писал свои проповеди не только в связи с праздниками. В 1764 г. была составлена антология сочинений Андрея Денисова. 26 слов, вошедших в нее, относятся к проповедническому жанру, три из них имеют черты послания, одно – надгробное слово. Почти все эти слова ранее по фрагментам были включены в качестве примеров в Риторику-свод². Черты проповеди присутствуют и в полемических текстах Андрея Денисова. Проповедь в творчестве Андрея Денисова была метажанром, и проповеднический дискурс охватывал самые разнородные по жанровой структуре тексты, поскольку порождался главной целью пропаганды вероучения и воспитания преданных сторонников старого обряда.

Изучение проповедей Андрея Денисова позволяет прояснить некоторые особенности выговского барокко. Н. С. Демкова предлагала рассматривать литературу Выга как «оригинальное ответвление мо-

¹ В таких примерах инвективы виртуозно переносились на никониан. См.: [Журавель, 2012а, с. 79–84].

² Состав антологии см.: [Журавель, 2012а, с. 421–422].

сковского школьного барокко» [Демкова, с. 194]. Разгадку историко-культурного парадокса использования эстетических принципов барокко старообрядческими авторами она видела в «функциональном дидактизме» школьного барокко, усвоенного на Выге [Там же]. В трудах Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко, автора данной статьи приведено немало примеров барочных явлений в литературе Выга, однако цельной картины выговского барокко еще не сложилось, и эта разновидность европейского стиля пока не интегрирована в общерусскую культурную парадигму.

Риторика определяли жанровую структуру барочной проповеди. Андрей Белобоцкий перечислил актуальные на то время формы проповеди. Он выделял шесть основных – три «формы риторические», две «философские» и одну «богословскую», отмечая, что «единою всем поучением положить форму неудобь есть, понеже убо формы емлются от правил разных мудростей... Того ради по разности разумов человеческих и формы разныя умножишася» [РГБ. Собр. Егорова. № 958. Л. 127]. Проповедник мог выбирать форму в зависимости от конкретной ситуации: «по пременению времени, частию по нужде и требованию самех вещей, частию по разности наук свободных, в которых проповеднику слова Божия искусну быти подобает» [Там же. Л. 127 об.]. Советы о гибком отношении к структуре проповеди содержатся также в трудах Иоанникия Галятовского и Софрония Лихуда. Наиболее популярной была 8-частная хрия, по Белобоцкому, «первая форма риторическая». Белобоцкий считал, что она «проповедником Слова Божия доволна» [Там же. Л. 131], однако, на его взгляд, слишком проста. «Вторая форма риторическая» предполагала уже 16 «внутренних мест» инвенции, ими следовало «свою вещь подкрепить и противная уличити» [Там же. Л. 173–173 об.]. Эта «притруднейшая» «совершенная» логическая форма описана в риториках Стефана Яворского, Георгия Даниловского, Софрония Лихуда и присутствует в Риторике-своде, определяя ее композицию. Особенности «философских» форм, основанных на аристотелевских категориях, не отражены в Риторике-своде, но их структуру можно видеть на примере двух сочинений Андрея Денисова, в его «Слове о человеке»³ и в «Слове о времени»⁴.

Изучение состава Риторике-свода позволяет увидеть в ней своеобразную творческую лабораторию барочной проповеди. В этот свод включены примеры («парадигмы») из 22 сочинений Андрея Денисова, причем некоторые из них, разбитые на элементы («места риторические»), представлены в Риторике-своде полностью или за исключением нескольких «мест». Такими являются, например, слова о покаянии, о вере, о молитве, о добродетели, о чистоте, о человеке, о времени и др. [Журавель, 2012а, с. 61–74]. В качестве иллюстрации барочного «Древа на похвалу добродетели» приведено

³ См. исследование и публикацию: [Журавель, 2012б].

⁴ См. исследование и публикацию: [Журавель 2012а, с. 104–110, 400–410].

«Слово о девстве» Андрея Денисова, одно из блестящих его проповеднических сочинений⁵. Та же структура «древа» повторяется в его «Слове о терпении» [Дружинин, с. 109–110, № 109].

Андрей Денисов достаточно свободно относился к предписаниям риторик, комбинируя элементы структуры в зависимости от цели. Он мог, например, писать слово по схеме удвоенной хрии, если надо было показать две стороны явления. Именно так он ведет рассуждение в слове «О последних днях и скорбех»⁶. В предисловии автор ставит две цели: во-первых, доказать, что в «последние времена» все «верные» «не оставлены от Бога, но сохраняемы будут»; во-вторых, убедить в необходимости более жесткого соблюдения заповедей, чтобы оправдать доверие Бога. Соответственно, и первая, и вторая тема развиваются последовательно по схеме хрии, соединяясь логически в заключении.

Обязательным элементом барочной проповеди была фема, «библейский тематический ключ», играющий роль смыслового камертона по отношению ко всему тексту [Пиккио, с. 437]. Это требование содержится во всех риториках начиная с трактата Иоанникия Галатовского: «Кто хошет поучение творити, первьѣ е имать положити от Писания Святаго фему, иже есть основание всего поучения» [Духовная литература, с. 16]. Использование цитаты из Священного Писания в качестве тематического ключа предполагало, как и в средневековой гомилетике, двойной уровень прочтения, возводя суть проповеди к высшим сакральным смыслам. В риториках, принятых на Выге, возрождалось раннехристианское учение о четырех разумах Священного Писания, причем самое большое внимание уделялось «аллегоричному» сенсу, который становится тотальной призмой постижения действительности. Обширный раздел «О четверогубом разуме Священнаго Писания», составленный из фрагментов барочных риторик, присутствует в Риторике-своде [БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 455–483 об.].

С фемы начинается большинство проповедей Андрея Денисова, в его сочинениях она зачастую выполняла и функцию заглавия. Одна из лучших его проповедей, прославляющая «любомудрие», начинается с фемы «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцѣление души» (Притч. 16 : 24)⁷ – восхваление словесного мастерства Андрей Денисов выводит из изречения Соломона. «Слово о вере» начинается словами пророка Аввакума «Праведный от вѣры жив будет»⁸, «Слово о воздержании» – цитатой из послания апостола Павла «Всяк подвижаяся от всего воздержится» (1 Кор. 9 : 25)⁹.

В сочинении Андрея Денисова ключевая цитата могла располагаться и не в маркированной позиции начала текста, что не отменяло

⁵ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 377–387].

⁶ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 351–359].

⁷ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 359–366].

⁸ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 337–351].

⁹ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 372–377].

ее функции «основания всего поучения». Так, в «Послании с Москвы во общербратство» евангельский текст «Блажени чисти сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф 5 : 8) читается в заключительной части сочинения, увлекательно описывающего встречу в Москве персидского слова, подаренного Петру Первому персидским шахом¹⁰. Блестящая словесная живопись, которой мастерски пользуется Андрей Денисов, представляя первое в русской литературе детальное, довольно реалистическое описание экзотического животного¹¹, не была, разумеется, самоцелью. Развернутый сюжет оказывается аллегорией, рациональной по определению. Каждый элемент увлекательного описания сопровождается назидательным поучением, смысл которого сводится к словам Христа из Нагорной проповеди. Так же, как люди спешат лицезреть слона, они должны быть готовы видеть Бога. На этот смысл наталкивает и прием повтора ключевого слова: в тексте десять раз употребляется слово «зрѣти».

В проповедях Андрея Денисова можно выделить ряды излюбленных символов и метафор, образующих мифологемы. Так, при помощи образов, означающих «внешнее» пространство, пораженное антихристом, с одной стороны, и Выг как остров спасения, с другой, выстраивается ключевая оппозиция, лежащая в основе эсхатологической концепции. Специальных эсхатологических сочинений у Андрея Денисова немного [Гурьянова, с. 205–206], но апокалиптическая топика пронизывает все его проповедническое творчество. Внешний мир предстает то как «век» «бурливый и сварливый», то как гибельное место. Это и бурный океан, и пустыня, бесплодная и безводная, дикая и терновитая, каменистая, неутешная, исполненная зверей и всяческих опасностей:

...отсюду змии зияюще, отонюду звери пожирающе, отъинуду разбойницы разбивающе, отсюду наветницы бесчинующе, идеже татие подкопывающе, идеже пленующии пленяюще и невнимающыя в темная адская жилища заносяще [ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8. Л. 170].

В описании внешнего мира время и место сливаются в единый эсхатологический хронотоп, потому что после «премен» древних уставов патриархом Никоном «тма тяжка гонителна покры... Росию»¹².

¹⁰ Опубликовано: [Журавель, 2010].

¹¹ «Нозе... толсты, яко бревно, толстотѣлесен, недалог по высотѣ, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопкляп, ступанием медведоподобен, от верхняя губы имея (нарещи) нос, или губа, или хобот, яко рукав платна, висящъ до земли, имѣ же, аки рукою, брашно и питие приемлет и, согнув, во уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат соуду и соуду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рошки малы, подобны агньчимъ, хвост подобен волуему» [Журавель, 2010, с. 117].

¹² Слово надгробное Петру Прокопьеву опубликовано: [Юхименко, 2008, т. 1, с. 44].

Мифологема Выга как острова спасения основана на контаминации нескольких тем и образов. Во-первых, это место, уподобленное «раю мысленному» или земному раю, и этот аспект сближает его со Святой Землей, местом, приближенным к Небесному Иерусалиму. Обращаясь к выговцам, Андрей Денисов называет их «Вышняго Иерусалима гражданами» [Журавель, 2012а, с. 196–197]. Другая ипостась Выга – истинная Церковь, понятая не как стены и покров, но как вера и житие [Иоанн Златоуст. Л. 519]. Логика мифа соединяет Выг как землю спасения и как Веру. Кроме того, здесь мы встречаемся с одним из любимых Андреем Денисовым образов: Выг – Церковь – Вера предстает как Невеста Небесного Жениха и Жена, облеченная в солнце (Откр. 12 : 1–17). Символы Откровения св. Иоанна Богослова обретают новую жизнь под пером выговского проповедника. Персонифицированный образ Жены-Церкви как единства верующих, мистического Тела Христова, является ключевым в «Слове о вере»¹³. Проповедь содержит рассказ о судьбах церкви в эпоху «новин» и ересей, когда она «с бѣгающими богорадне бѣгает, со странствующими Бога ради странствует, в скровных домѣх страха ради гонителей скрывается, в ненаселенных мѣстѣх пустых поселяема бывает (по объявлению тайнозрителнаго Богослова, видѣвша солнцеоблеченную Жену, бѣжашу в пустыню, и змия, гоняща за нею)» [Журавель, 2012а, с. 344].

В «Слове плачевне о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» представлен антропоморфный образ Церкви-Жены. Андрей Денисов использует древний аллегорический сюжет о встрече некоего путника с женой:

Прѣходя же некое поприще пустынное, узрѣ во отишии дубравне жену некую претружену и дивну, жалостными виды умилену и старостию благородною цвѣтушу, яже многожалостный плач дѣяше, яже многоплачевное рыдание творяше. Паче сказанія языком рыдаше и паче обычая челоуѣча стеньяше, сѣдины своя терзаючи и благородное лице дерущи, главу пепелом посыпаючи и от плача и стенания прѣстати не тѣрпящи [ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8. Л. 170–170 об.].

Этот сюжет известен по летописям и по трактату Максима Грека «Слово о нынешнем окаянном веке». Некая «Василиа» (Премудрость, Истина) из сочинения Святогорца трансформируется под пером старообрядческого писателя в образ украшенной сединами Жены, которая плачет не столько о «внешних» обидчиках, сколько о своих неверных детях.

Разветвленная эсхатологическая метафорика резонировала на фоне барочного мироощущения с его трагизмом и экзистенци-

¹³ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 337–351].

альным переживанием дисгармонии бытия [Черная, с. 73]¹⁴. В творчестве Андрея Денисова нашли отражение и наиболее характерные для барокко мотивы брэнности, эфемерности человеческого бытия. В «Слове надгробном брату Дамиану»¹⁵ он восклицает:

Колико жизнь челоуѣка бѣднаго многобѣдственна, колико жалости и плача исполнена! <...> Младенческий возраст печальный, безумия же и дерзости глупостныя исполненный, в возрастъ же юннаго легкомыслия лѣтание, огня грѣховнаго жжение, волн тмочисленныхъ обуревание. О, на коликое многоволненное море исходит челоуѣк бѣдный, о, на коликия неизвѣстныя бури, сам невѣдый, походит, плачевный! [Журавель, 2012а, с. 387].

Созвучен теме брэнности жизни и образ смерти –

...неумолимаго ратника, неувидимаго хищника, неуласкаемаго навѣтника, безъизвѣстнаго татя, яже без проповѣдания приходит и без пождания похищает, отсюду относит, яже старым неизбытныи разбойник и юнным неизвѣстныи хищник [Журавель, 2012а, с. 388].

Барочный концепт *vanitas vanitatum* представлен разнообразными визуальными образами в «Слове о времени» Андрея Денисова, отдельные фрагменты о времени приведены в качестве примеров в Риторике-своде. Барочные риторики рекомендовали использовать «эмблематы или знаменья, сиречь гербы». Стилистический прием функционально соотносился с жанром эмблемы, чрезвычайно популярным в классическом барокко [Морозов, Софронова; Сазонова, с. 252–311]. Умозрительное понятие обретает наглядность:

Возри прилѣжно на время жития сего и виждь, яко есть коло нѣкое непостоянное, толико непрестанно быстротекущее, толико присно вертящееся, стояти никогда же, опрѣтися никогда же могущее. Како убо постоит, ног не имѣя, како опрется, рук не имѣя, како усмотрит вредная, очес не имѣющыи? Чесо ради не точию краткая, но и слѣпая жизнь, и есть, и нарицатися достойна, яже без рук вся объемлет, без крил быстро лѣтает, кромѣ ног скоро шествует, кроме очес, прелщая, преводит... [Журавель, 2012а, с. 403–404].

Многие барочные темы не были новы, но в барочной проповеди менялась фокусировка, усиливалась экспрессия, чему служили рито-

---

¹⁴ По поводу московского барокко Л. И. Сазонова пишет: «Творцы нового стиля призваны были преодолеть барочные настроения глубокого духовного кризиса, пессимизма, минорности и выразить оптимистический пафос созидания Российской империи» [Сазонова, с. 47]. Очевидно, что эта особенность переживания эпохи отличает выговское барокко от московского.

¹⁵ Опубликовано: [Журавель, 2012а, с. 387–393].

рические приемы, и традиционные средневековые мотивы обретали новое звучание и силу выражения. Мысль о бренности и скоротечности бытия иллюстрируется при помощи традиционной символики колеса, известной, например, по стихотворениям св. Григория Назианзина в переводах Евфимия Чудовского [Сазонова, с. 632]. Загадка («Како убо постоит, ног не имѣя, како опрется, рук не имѣя, како усмотрит вредная, очес не имѣющи?») развивает персонифицированный образ времени, в котором, несмотря на риторическое отрицание, упоминаются руки, ноги, «очеса». Автор использует самые разнообразные источники. Это и цитаты из Псалтыри, Книг Иова и Екклезиаста, и сборники Апофегмат, популярные в России с XVII в., и народные пословицы. Типично барочная тема «жизнь есть сон» иллюстрируется в слове через изложение фабулы о нищем человеке, который заснул на рогожине и увидел во сне прекрасные чертоги. Описание богатых палат резко контрастирует с картиной его убогой жизни – аллюзия на контраст земной и загробной жизни человека. Пример в сочинении Андрея Денисова основан на фацеции, сюжетно связанной с популярной в европейских литературах темой «Калиф на час» [см.: Журавель, 2012а, с. 104–110].

Формирование новой ценностной парадигмы, характерное для эпохи барокко, отражалось в смене временных представлений, в новом понимании места человека в истории [Панченко, с. 37–56]. Историко-философская концепция выговских идеологов, основанная на эсхатологической теории и идее преемственности с древними традициями, позволившая им найти свое место в потоке истории [Гурьянова, Крамми], отвечала духу эпохи, в которой старое и новое переплетались в причудливый синтез. Но Андрея Денисова интересовал и онтологический аспект проблемы времени. Помимо «Слова о времени», об этом свидетельствует его работа над сокращением «Великой науки» Андрея Белобочко. Сохранился черновой автограф сокращенной редакции. В главе «О времени» термин Аристотеля («Время есть мера движению и пребыванию вещей плотных...») сопровождается различными другими определениями. Андрей Денисов делал пометы, вставки – в рукопись вклеены листочки, исписанные его рукой, с записями о разном понимании времени у народов, о том, что в этом вопросе не соглашались между собой «египтяне с халдеями, и с евреями, и з греки и римляны»¹⁶.

«Слово о человеке» Андрея Денисова представляет барочную антропологическую конструкцию. Тема, восходящая к патристике, средневековой философии и к европейскому гуманизму, обретает новое звучание в культуре барокко [Корзо; Киселева; Чумакова], где человек становится «мерилом проповеди» [Матхаузерова, с. 282]. Андрей Денисов воспользовался сложнейшей риторической формой, сочетая «совершенную» и «изобилующую» формы с характерным

¹⁶ Фрагмент рукописи опубликован: [Журавель, 2012а, с. 55].

для богословской формы понятийным аппаратом Аристотеля. Соматический аспект темы, где детально описаны все части тела, органы чувств, вызывает аналогии и со средневековой натурфилософией, и с гуманистическими учениями о человеке, а главное определение – с ренессансной концепцией:

Человѣкъ есть вещь дивная, веля и всекрасная, дивно от предивнаго Бога осуществованная, о себѣ стоящая и в себѣ пребывающая, от души невещественныя и от плоти вещественныя пречюднѣ сложенная. <...> Человѣкъ – вседобрѣйшее долговѣчное животное, разумное, разсудкательное и удивительное, всякаго научения, всякаго художества, всякия хитрости удобопреимательное... Сугубое предивное, видимое и невидимое, мертвенное и безсмертное, временное и вѣчное... [Журавель, 2012b, с. 171].

Концепция человека в этом сочинении реализуется через систему ключевых слов, что в целом характерно для стиля его проповедей. Эти слова будто прошивают текст, создавая своеобразный узор. Стилистике повторов в барочных риториках уделялось много внимания, в частности, это касается полиптотона, корневого повтора [Маркасова, с. 87–88]. В «Слове о человеке» система ключевых слов определяется таблицей из «Великой науки» Белобоцкого, в которой представлены «творящие силы Бога» и, по сути, отражена модель мирового универсума, как она понималась барочным философом. Слова с корнем «естеств» повторяются 29 раз, утверждая онтологический статус человека. Среди ключевых слов оказывается «доброта», слова с этим корнем употреблены 46 раз, «разум» (21 употребление), 18 раз упоминается «сила», по 7 раз – «власть» и «воля». Эмоциональное отношение к объекту проповеди автор выражает тоже через систему ключевых слов. В сочинении 86 употреблений слов с корнем «див». Тема удивления коррелирует с темой чуда: слова с корнем «чюд» встречаются 31 раз. Так через систему ключевых слов и повторов проповедник не просто доносит концепцию о связи человека со всем мировым универсумом, но и эмоционально окрашивает свои мысли.

Проповедь – жанр, в основе которого лежит диалогическое начало. Она призвана воздействовать на слушателя (читателя), и этому служат специальные приемы. «Проповедник не только историческая личность и даже не только творческая личность оратора и художника, но лицо, пастырь, получивший от Духа Святого дар проповедания и власть учить» [Зубов, с. 11]. Безусловный авторитет Андрея Денисова подкрепляется в его текстах особыми приемами позиционирования. Обращаясь к слушателям в начале «Слова о вере», он присоединяется к слову библейского пророка: «с сим пророческим гласом... желаю словодатне приити к вашему церковному сословию...» [Журавель, 2012a, с. 338]. Слово «О содержании староверства и о укоризне расколником» начинается со встроенной в текст цитаты из пророка Иеремии: «Кто даст главе моей воду, – с Божественным пророком Ие-

ремием вопию, – и очима моима источник слез, да плачу день и ночь dospевшее на ны злочастное сие время...» [БАН. Собр. Дружинина. № 74. Л. 69]. Убедительность высказывания может быть усилена и апелляцией к Господу, чьи слова передает пророк:

«Слышите, возлюбленнии мои, – рече Господь, – се пред вами дни скорбни, и от всех избавлю вас. Не бойтесь, не сумняйтесь, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповеди и повеления моя, – рече Господь Бог, – да не отягчают вас грехи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грех своих и отягчатся от беззаконий своих», – у Ездры, пророка Божия, написано въ 3 книгах, в главе 16 [цит. по: Журавель, 2012а, с. 351].

Диалогическая структура проповеди подчеркивается обращениями. Адресация усиливается этикетными формулами и перформативными конструкциями, содержащими призыв к действию.

Воньдем, любобрачителнии послушницы, возрадуемса о дарѣх терпѣния, вразумимса о реченных... омерзим нетерпѣливое малодушие, возлюбим же и приимем великодушное терпѣние, углубим в сердца наша пресладное Христово слово... [БАН. Собр. Дружинина. 340. Л. 29–29 об.].

Проповедник призывает присоединиться к своему голосу: «*Воскликнем в терпѣнии и воспроповѣдаем: «Иго Христово благо, и время его легко!»* [Там же. Л. 30]. Обилие риторических призывов, характерное для завершающей части проповеди, было нацелено на поднятие духа слушателей, не оставляя сомнений в избранном пути.

Проповедь Андрея Денисова – слово, рассчитанное в первую очередь на произнесение. Отсюда повышенное внимание к ритму. Ритмический рисунок достигался разного рода повторами, созвучиями, нередко встречаются и рифмы. Чаще это глагольные рифмы, подкрепляемые ассонансными:

Аще высокоустроеннии дом красновидно усмехается,
но основания крепостию весь утверждается,
так о церковь, аще многими светоблистаеть добродетельми,
но единою веры православныя красотою светлеется...

[Журавель, 2012а, с. 337].

Уже фема настраивала на гармонию ритма: «Сотове медовни, слова добра, сласть же их исцѣление души». Анафоры и параллельные синтаксические конструкции добавляли благозвучия.

Не вся словеса, яже глаголют человекци, добра суть,
не вся премудрости медом помазана,
не вся исцѣление души творящая... [Там же, с. 359].

В сочинениях Андрея Денисова встречаются и виршевые вкрапления, Виршами начинается поучительное «Слово надгробное брату Дамиану»:

В 7-й октоврия брат Домиан преставися,
в 8-й по зачати болѣзни от здѣшних упокоися.
Персть же персти отдаваше,
Въ землю землю спрятаваше.
Мало слово провѣщаваем,
до вашего боголюбия сие досылаем [Журавель, 2012а, с. 387].

В этом фрагменте автор поэтически преобразил метафоры из церковного чина отпевания [Требник. Л. 334]. В слово включен монолог юноши (прием драматизации основан на творческом преобразовании мотива диалога с умершим, известным из стихир на погребение Иоанна Дамаскина). Дамиан, мистически явившийся перед мысленным взором слушателей, «умиленными словесы же и вещми жалостнѣ гласа... вопия вопиеть» виршами:

Здрави будите, здравии, любезнии отци мои и братие,
И за мя, умиленнаго, воставше, помолитесь,
нѣдр ваших отеческих отлучаюся
и не вѣм, куда безпождателно восхищаюся.
Желаю вашу святыню лобызати
и ни до мала дают в своих побывати;
хошу слезнѣ святых ваших молитв и прощения
тяжкимъ моим грѣхом просити
и не попускаюся ни мала часа
на сем свѣте пожити... [Журавель, 2012а, с. 388].

В «Слове надгробном Димитрию и Алексию Нижегородцам»¹⁷, утешая скорбящих, автор сравнивает умерших с поселянами, которых царь призвал «из некоего поселянскаго мѣста», «да учинить я честны и славны, да устроить я прелѣпы своя полатники» [Журавель, 2012а, с. 393]. Так и Господь призвал нижегородских подвижников как избранных своих гостей. И так же, как радуются сподобившиеся царских почестей, так должны ликовать близкие ушедших.

Кто возропчетъ на виноградаря, егда созрѣлый виноградъ обирает,
Кто востужитъ на садоулаты, егда готовыя красныя яблоки збирает,
Кто возкорбитъ на господина нив, егда готовую пшеницу пожинаеть?
[Там же, с. 395].

---

¹⁷ Опубликовано: [Там же, с. 393–397].

Проповеди Андрея Денисова представляют собой образцы словесного искусства, основанные на барочных риторических стратегиях. Им присущ дидактизм как главная функциональная особенность. В первую очередь эти сочинения были призваны укреплять дух приверженцев учения и привлекать новых сторонников защитников старого обряда, поддерживая веру в создание «острова спасения» в океане антихриста. Они содержали программу религиозно-нравственного совершенствования, служили своеобразным литературным дополнением к уставу, принятому на Выге. Успеху грандиозного замысла построить идеальное «государство в государстве» в немалой степени способствовало умение донести основы учения через действенную проповедь. Искусство проповеди, которым в совершенстве владел Андрей Денисов, стало одним из условий расцвета выговского старообрядческого центра, который на протяжении почти полутора столетий сохранял и развивал отечественные духовные традиции в условиях постоянно меняющегося «кромешного» мира.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1996. 448 с.
- БАН. Собр. Дружинина. № 74, 122, 340.
- Гурьянова Н. С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 379 с.
- Гурьянова Н. С., Крамми Р. О.* Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.) : сб. науч. тр. / под ред. Е. М. Юхименко. М. : Археогр. центр, 1994. Вып. 1. С. 120–138.
- Демкова Н. С.* Литературное наследие Выга // Рус. лит. 2003. № 2. С. 192–194.
- Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев : Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб. : Изд. Имп. археогр. комиссии, 1912. 534 с.
- Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 405 с.
- Журавель О. Д.* К изучению поэтического стиля Андрея Денисова : «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. С. 95–118.
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв. : темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012а. 442 с.
- Журавель О. Д.* Старообрядческие сочинения начала XVIII в. о человеке // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012б. С. 134–191.
- Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество : духовные движения семнадцатого века. М. : Церковь, 1970. 528 с.
- Зеньковский С. А.* Идеологический мир братьев Денисовых // Зеньковский С. А. Русское старообрядчество : в 2 т. М. : Ин-т ДИ ДИК : Квадрика, 2009. С. 594–606.
- Зубов В. П.* Русские проповедники : Очерки по истории русской проповеди. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
- Иоанн Златоуст.* Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. М. : Печатный двор, 1641. 843 л.
- ИРЛИ. Древлехранилище. Пинежское собр. № 8.
- Киселева М.* «Ключ живота и смерти» : антропология русского барокко в православной проповеди XVII в. // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по мате-

риалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 249–265.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М. : Наука, 1977. 336 с.

Корзо М. А. Образ человека в проповеди XVII в. М. : Изд-во ИФ РАН, 1999. 189 с.

Лакманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб. : Академ. проект, 2001. 368 с.

Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. 204 с.

Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1976. Т. 31. С. 271–284.

Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М. : Наука, 1979. С. 13–38.

Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 206 с.

Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa* : Литература и язык. М. : Знак, 2003. 704 с.

Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб. : Наука, 1994. С. 104–112.

РГБ. Собр. Егорова. № 958.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 896 с.

Требник. М. : Печатный двор, 1651. 688 л.

Черная Л. Особенности барокко как мироощущения в России XVII – начала XVIII столетия // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по материалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 72–84.

Чумакова Т. Проблема человека в произведениях Феофана Прокоповича // Человек в культуре русского барокко : сб. ст. по материалам междунар. конф. ИФ РАН. Москва, Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М. : ИФ РАН, 2007. С. 417–424.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература : в 2 т. М. : Языки славян. культур, 2002. Т. 1. 544 с. Т. 2. 480 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития : в 2 т. М. : Языки славян. культур, 2008. Т. 1. 686 с. Т. 2. 568 с.

Crummey R. O. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison ; Milwaukee ; L. : Univ. of Wisconsin Press, 1970. XX, 258 p.

References

Averintsev, S. S. (1996). *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [The Rhetoric and Origins of the European Literary Tradition]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". 448 p.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. *Sobranie Druzhinina*. No. 74, 122, 340.

Chernaya, L. (2007). *Osobennosti barokko kak mirooshchushcheniya v Rossii XVII – nachala XVIII stoletiya* [Features of the Baroque as a Worldview in Russia in the 17th – Early 18th Centuries]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii. Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g.* Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 72–84.

Chumakova, T. (2007). *Problema cheloveka v proizvedeniyakh Feofana Prokopovicha* [The Problem of a Human Being in the Works of Feofan Prokopovich]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii*.

Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g. Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 417–424.

Crummey, R. O. (1970). *The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855.* Madison, Milwaukee, L., Univ. of Wisconsin Press. XX, 258 p.

Demkova, N. S. (2003). Literaturnoe nasledie Vyga [The Literary Heritage of Vyg]. In *Russkaya literatura*. No. 2, pp. 192–194.

Druzhinina, V. G. (1912). *Pisaniya russkikh staroobryadtsev. Perechen' spiskov, sostavlennyi po pechatnym opisaniyam rukopisei* [Writings of Russian Old Believers. An Inventory of Handwritten Lists Compiled from Printed Descriptions of Manuscripts]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi arkheograficheskoi komissii. 534 p.

Gur'yanova, N. S. (2007). *Staroobryadtsy i tvorcheskoe nasledie Kievskoi mitropolii* [Old Believers and the Artistic Heritage of the Kyiv Metropolis]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, 379 P.

Gur'yanova, N. S., Crammey, R. O. (1994). Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [The Historical Scheme in the Writings of the Writers of the Vyg Literary School]. In Yukhimenko, E. M. (Ed.). *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.). Sbornik nauchnykh trudov.* Moscow, Arkheograficheskii tsentr. Iss. 1, pp. 120–138.

IRLI [Institute of Russian Literature]. Drevlekhranilishche. Pinezhskoe sobranie. No. 8.

John Chrysostom. (1641). Slovo o ezhe "Predsta Tsaritsa" [The Word about *The Royal Deesis*]. In John Chrysostom. *Margarit*. Moscow, Pechatnyi dvor. 843 p.

Kiseleva, M. (2007). "Klyuch zhivota i smerti": antropologiya russkogo barokko v pravoslavnoi propovedi XVII v. [*The Key to Life and Death: The Anthropology of the Russian Baroque in the Orthodox Sermon of the 17th Century*]. In *Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii. Institut filosofii RAN. Moskva, Istoriko-arkhitekturnyi muzei "Novyi Ierusalim". 28–30 sentyabrya 2006 g.* Moscow, Institut filosofii RAN, pp. 249–265.

Klibanov, A. I. (1977). *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma* [People's Social Utopia in Russia. Period of Feudalism]. Moscow, Nauka. 336 p.

Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedi XVII v.* [The Image of a Human Being in the Sermon of the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta filosofii RAN. 189 p.

Lakhmann, R. (2001). *Demontazh krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo* [Dismantling Eloquence. The Rhetorical Tradition and the Concept of the Poetic]. St Petersburg, Akademicheskii proekt. 368 p.

Markasova, E. V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII – nachala XVIII veka* [Ideas about Figures of Speech in the Russian Rhetoric of the 17th – Early 18th Centuries]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 204 p.

Matkhauzerova, S. (1976). Dve teorii teksta v russkoi literature XVII v. [Two Theories of Text in the Russian Literature of the 17th Century] In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 31, pp. 271–284.

Morozov, A. A., Sofronova, L. A. (1979). Emblematika i ee mesto v iskusstve barokko [Emblematics and Its Place in Baroque Art]. In *Slavyanskoe barokko*. Moscow, Nauka, pp. 13–38.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. Leningrad, Nauka. 206 p.

Picchio, R. (2003). *Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa: Literature and Language]. Moscow, Znak. 704 p.

Pokrovskii, N. N. (Ed.). (2011). *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv.* [The Spiritual Literature of the Old Believers of the East of Russia in the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 405 p.

Ponyrko, N. V. (1981). Uchebniki ritoriki na Vygu [Rhetoric Textbooks on Vyg]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 36, pp. 154–162.

Ponyrko, N. V. (1994). Esteticheskie pozitsii pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [Aesthetic Positions of the Writers of the Vyg Literary School]. In *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. XVII v.* St Petersburg, Nauka, pp. 104–112.

RGB [Russian State Library]. *Sobranie Egorova*. No. 958.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early New Age]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 896 p.

Trebnik [Prayer Book]. (1651). Moscow, Pechatnyi dvor. 688 p.

Yukhimenko, E. M. (2002). *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn'. Dukhovnaya zhizn' i literatura v 2 t.* [Old Believer Hermitage of Vyg. Spiritual Life and Literature. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 544 p. Vol. 2. 480 p.

Yukhimenko, E. M. (2008). *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchegitel'stva v 2 t.* [Literary Heritage of the Old Believer Community of Vyg. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. 686 p. Vol. 2. 568 p.

Zen'kovskii, S. A. (1970). *Russkoe staroobryadchestvo: dukhovnye dvizheniya semnadtsatogo veka* [Russian Old Believers: Spiritual Movements of the 17th Century]. Moscow, Tserkov', 528 p.

Zen'kovskii, S. A. (2009). Ideologicheskii mir brat'ev Denisovykh [The Ideological World of the Denisov Brothers]. In Zen'kovskii, S. A. *Russkoe staroobryadchestvo v 2 t.* Moscow, Institut DI DIK, Kvadraka, pp. 594–606.

Zhuravel', O. D. (2010). K izucheniyu poeticheskogo stilya Andreya Denisova. "Poslanie s Moskvy vo obshchebratstvo" o vstreche v Moskve persidskogo slona [On the Study of the Poetic Style of Andrei Denisov: "Message from Moscow to the Common Brotherhood" about the Meeting of the Persian Elephant in Moscow]. In Romodanovskaya, E. K. (Ed.). *Traditsii otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 95–118.

Zhuravel', O. D. (2012a). *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI vv.: temy, problemy, poetika* [Literary Works of the Old Believers of the 18th – Early 21st Centuries: Themes, Problems, Poetics]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 442 p.

Zhuravel', O. D. (2012b). Staroobryadcheskie sochineniya nachala XVIII v. o cheloveke [Old Believer Writings of the Early 18th Century about a Human Being]. In *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 134–191.

Zubov, V. P. (2001). *Russkie propovedniki. Ocherki po istorii russkoi propovedi* [Russian Preachers: Essays on the History of Russian Preaching]. Moscow, Editorial URSS. 232 p.

The article was submitted on 06.07.2022

**Триумф смерти макабра
и «эсхатологический оптимизм» синодиков***

Ирина Дергачева

Московский государственный
психолого-педагогический университет,
Москва, Россия

***The Triumph of Death of the Danse Macabre
and the “Eschatological Optimism” of the Synodics***

Irina Dergacheva

Moscow State Psychological and Pedagogical University,
Moscow, Russia

Comparison of thanatological ideas in different mediaeval cultures makes it possible to understand their value categories formed through works of literature and visual art. Depictions of Death, the “great absentee” of the Middle Ages, and “the first discovery of man on the threshold of modern times” (Le Goff) occupy a leading place in European frescoes and engravings of the fifteenth century. The personification of death in the form of a disgusting monster, reaping a rich harvest from representatives of all ages and classes with a merciless sickle instilled fear and forced everyone to think about the inevitable end. According to the intention of the Catholic clergy, such fear contributed to the development of virtues and the rejection of a sinful lifestyle. The common character of axiological ideas of the culture of Old Rus’ and the countries of Western Europe, based on Christianity, seems to be able to testify to the unity of eschatological views on the problems of “minor” eschatology. However, there is reason to assert that in Russia, unlike Europe, the path to immortality was more captivating than its images, and the fear of deathly torments gave rise to a desire to atone for sins through repentance, prayer, almsgiving, and kindness. Such attitudes are clearly illustrated by the materials of the Russian *Synodics*, which, unlike the works of Western European

---

* Citation: Dergacheva, I. (2022). The *Triumph of Death of the Danse Macabre* and the “Eschatological Optimism” of the Synodics. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1394–1407. DOI 10.15826/qr.2022.4.736.

Цитирование: Dergacheva I. *The Triumph of Death of the Danse Macabre* and the “Eschatological Optimism” of the Synodics // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1394–1407. DOI 10.15826/qr.2022.4.736 / Дергачева И. *Триумф смерти макабра* и «эсхатологический оптимизм» синодиков // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1394–1407. DOI 10.15826/qr.2022.4.736.

danse macabre, marked the finalistic optimism of Russian culture, showing reliable ways to save the person's soul even during their lifetime, which is why they were called "books of the living". It was through the comprehension of these aspects of otherness that a special culture of mediaeval Russia was formed.

Keywords: Western European *danse macabre*, *Triumph of Death*, *The Meeting of Three Dead and Three Living*, *Ars Moriendi*, *Dances of Death*, *Synodics*, thanatology

Сопоставление танатологических представлений в разных культурах Средневековья позволяет понять их ценностные категории, сформированные через произведения книжности и визуального искусства. Изображения Смерти, «великого отсутствующего», в Средние века и времена «первого открытия человека на пороге Нового времени» (Ле Гофф) занимают в европейском искусстве главенствующее место на фресках и гравюрах XV в. Персонафикация смерти в виде образа отвратительного чудовища, пожирающего беспощадным серпом богатый урожай из представителей всех возрастов и сословий, внушала страх и вынуждала каждого задуматься о неизбежном конце – по интенции католического духовенства, подобный страх способствовал развитию добродетелей и отказу от греховного образа жизни. Кажется, что общность аксиологических представлений культуры Древней Руси и стран Западной Европы, основанных на христианстве, могла бы свидетельствовать и о единстве эсхатологических взглядов на проблемы «малой» эсхатологии. Однако есть основания утверждать, что на Руси, в отличие от Европы, путь к бессмертию увлекал более, чем его образы, и страх посмертных мук порождал стремление к искуплению грехов через раскаяние, молитву, милостыню и добротолубие. Подобные установки наглядно иллюстрируются материалами русских синодиков, которые, в отличие от памятников западноевропейского макабра, знаменовали финалистический оптимизм русской культуры, являя еще при жизни надежные пути к спасению души, поэтому они и именовались «книгами живых». Именно через осмысление этих аспектов инобытия, по мнению автора, формировалась особая культура средневековой Руси.

Ключевые слова: западноевропейский макабр, *Триумф смерти*, *Ars Moriendi*, *Встреча трех мертвых и трех живых*, *Пляски смерти*, синодики, танатология

Сопоставительный анализ коммеморативных источников западноевропейского и русского Средневековья показывает, что танатологические представления в этих культурах, несмотря на единые христианские истоки, имели значительные различия. Если западное Средневековье представлялось хрупким миром *Humana Fraglitas*, где каждого человека подстерегает роковая в своей непредсказуемости смерть, наполняющая страхом его земное существование, то в древнерусских синодиках отражался «эсхатологический оптимизм» средневекового религиозного сознания.

Эсхатологические вопросы, описанные в синоптических евангелиях, в апостольских посланиях и писаниях святых отцов, развили отцы-пустынники, отнеся их к *малой эсхатологии* (смерть – Суд – рай (или ад)) или *большой эсхатологии* (всеобщее воскресение – Страшный суд – рай (или ад)). Именно они призывали еще при жизни задуматься о смерти, чтобы достойно подготовиться к переходу в вечную жизнь, их советы были нерасторжимо связаны с призывами к *contemptus mundi* [Делюмо, с. 67]. Доктрина *презрения к миру* (*contemptus mundi*) была порождена его несовершенством после падения Люцифера и появления зла в мире ноуменальном и материальном.

Отсутствие примеров визуализации образов смерти в раннее Средневековье объяснялось тем, что у людей была сильна вера во всеобщее воскресение, когда проблемы большой эсхатологии преобладали над проблемами малой (индивидуальной посмертной судьбы). Несмотря на то, что люди и в это время неизбежно задумывались о своей посмертной участи, благочестивые трактаты раннего Средневековья апеллировали в вопросах эсхатологии лишь к порвавшим с миром монахам [Хёйзинга, с. 233]. Однако появление в XII в. концепта *Чистилище*, открывшего возможность искупления грехов даже после смерти и положившего конец дуалистической системе христианства, привело к концентрации внимания на моменте исхода души и поисков возможностей для изменения ее участи, если она в этом нуждалась. Усиливали внимание к образу смерти и становившиеся все более популярными проповеди бродячих нищенствующих монашеских орденов, в которых сгущались краски и провозглашались инвективы на грешников. Таким образом, уже в XIII в. интерес к теме *contemptus mundi* выходит за пределы монастырских стен и занимает интересы мирян.

Й. Хёйзинга справедливо искал истоки макабра уже в раннем Средневековье Западной Европы, когда человек, презревший все земное, обратил свой духовный взор на процесс разложения изъеденного червями тленного тела, наглядно описанный в леденящих душу религиозных трактатах [Хёйзинга, с. 152].

Комплекс коммеморативных источников свидетельствует о нараставшем внимании не только к смертному часу и посмертной судьбе усопшего, но и о попытках трансформировать страдания от созерцания смерти в пышные траурные обряды, похоронный этикет, в величественные надгробные памятники, символизирующие преобразование «страдания в нечто прекрасное и возвышенное» [Там же, с. 94]. Чума и религиозные войны усугубляли мрачные размышления о бренности жизни: «Похоже, что на исходе XIV в. в народе всерьез верили, что с начала Великой Схизмы никто уже более не попал в рай» [Там же].

Со временем танатологический дискурс проповедников стал дополняться гравюрами на дереве, которые визуализировали образ смерти, нарисованный ими в проповедях, сводя его к иллюстрации

брности земной жизни. Мрачные ожидания конца света по истечении семи тысяч лет от сотворения мира усиливали драматизацию смерти. Атмосфера страха и отчаяния, в которую погрузились народы Западной Европы, детально описана Жаном Делюмо [Делюмо, с. 750].

Пристальное внимание, направленное в западной танатологии именно на момент смерти и исход души, знаменовало дихотомию брности земной жизни и мира вечного, ноуменального. До второй половины XIII в. именно таинственное путешествие души в сакральный хронотоп иного мира привлекало внимание писателей и живописцев Западной Европы, а с с XIII в. по Новое время их внимание акцентировалось уже на демонстрации брности земной жизни и материальных ценностей.

В западноевропейской культуре этого времени танатологическая тематика становится предметом постоянных размышлений, и образы Смерти приобретают огромную популярность. Они представлены в трех аспектах – тщетность земного (*Колесо фортуны*, *Пляски смерти*, *Встреча живых и мертвых*, *Humana fragilitas*, *Vanitas*), борьба сил добра и зла за душу человека (*Смерть праведника и грешника*, *Ars Moriendi*) и неотвратимость Страшного суда, который уравнивает всех перед смертью (*Апокалипсис*).

Тема брности земной жизни драматизировалась и иллюстрировала популярные в средневековой письменности аскетические литературные источники. Большой популярностью пользовались творения Иоанна Златоуста, в которых человеческое тело описывалось при жизни и после смерти. От трактата *Speculum peccatorum* (*Зерцало грешников*) Псевдо-Августина до *Carmen de contemptu mundi* (*Песни о презрении к миру*) св. Ансельма Кентерберийского, от *De contemptu mundi* (*Презрения к миру*) Иннокентия III до анонимного *Cum aperta sepeltruram* (*С открытым захоронением*) обширный ряд памятников аскетической и покаянной письменности описывал человеческое тело в процессе разложения [Scaramella, p. 25]. Смерть в сюжетах, иллюстрирующих тщетность земного, символизировала неотвратимость своего явления, подтвержденную судьбой множества ушедших из жизни поколений, выполняла функцию горького лекарства, за которым следовал неизбежный переход в иной мир. Судьба попадающих туда душ в западноевропейской культуре отходила на второй план, а первая часть дихотомии *смерть брнного тела и путешествие души в топосы иного мира* выходила на первый план, превалировали рассуждения о хрупкости земной жизни и обреченности всего живого. Постепенно рассуждения о человечестве, погружаемом в вечный сон в ожидании второго пришествия Спасителя, сменяются на ужасающие, полные символического реализма изображения разлагающегося человеческого тела и устрашающей Смерти, увлекающей людей в таинственный переход в вечность. Иконография макабра в конце XVIII – начале XIX в. с развитием светской культуры и вынесением кладбищ с их коммеморативной символикой за черту городов посте-

пенно завершает свое развитие, оставив значительные следы в западноевропейской культуре.

Самые ранние примеры иконографии макабра мы наблюдаем в Южной Италии на фресках, изображающих *Встречу живых и мертвых*. Одна из них находится в церкви Св. Маргариты в окрестностях Мельфи, в Лукании, а вторая фреска с тем же сюжетом – в соборе Атри. Обе фрески написаны в середине XIII в. и ярко отражают культурные установки двора Фридриха II, в частности, его трактата *De arte venandi cum avibus* (*Об искусстве охоты с птицами*), иллюстрированного в то же время [Scaramella, p. 26].

На первой фреске изображены лишенные плоти скелеты с огромными оскаленными черепами, предстоящие семье Фридриха II – самому императору и его жене Изабелле Английской, застывшей с протянутой рукой в попытке защитить сына Коррадо (ил. 1 на цв. вклейке). Эта встреча, исполненная эмоций, призвана задуматься о *Vanitas* – бренности человеческой жизни и физического тела, подверженного посмертному разложению.

Большой утонченностью и более глубоким контрастом между мертвыми и живыми отличается фреска в соборе Атри. Художник искусно изобразил взгляды скелетов, призывно взывающих: один – к зрителям, другой – к изображенным на фреске людям в красных одеяниях, выразительно распахнувших руки в стремлении защитить своего господина (ил. 2 на цв. вклейке). Художник мастерски воссоздает картину ужаса, объявшего не только людей, но и животных, изображенных рядом с деревом. Фрески с этим драматическим сюжетом изображают земную жизнь в реалистической манере, что лишь усиливает резкий контраст извечной дихотомии *земное – ноуменальное*.

Впоследствии сюжет *Встречи живых и мертвых* претерпевал различные модификации. Так, Якобелло Альбереньо, создавший во второй половине XIV в. образ *Христа с Книгой жизни* (ныне эта икона находится в галерее Венецианской академии), под тронем Спасителя поместил Смерть, изображенную в виде скелета, разделяющего грешников, мучающихся в адском пламени, и праведников, причем и те, и другие показаны в виде скелетов, которым Христос объявляет их участь, записанную в *Книге живых и мертвых*.

На фреске нижнего храма Св. Франциска в Ассизи Смерть предстает в виде коронованного скелета, выходящего из гроба в останках сгнившей одежды. Св. Франциск, изображенный рядом, указывает руками в стигматах на образ, который должны навечно запечатлеть люди, желающие спасти свою душу (ил. 3 на цв. вклейке).

Еще более мрачные образы представлены в сюжете *Триумф смерти* (середина XIV в.), который визуализировал литературные трактаты итальянских гуманистов Петрарки и Боккаччо. Если образы Смерти в сюжете *Живые и мертвые* были достаточно абстрактны, так как основным побуждением художника было напоминание о зыбкости и преходящем характере земной жизни, то в это время уже появля-

ется новая задача – персонифицировать дикую в своей неотвратимости роковую силу, сметающую целые поколения с лица земли. Смерть перестает быть слепым орудием в руках Господа, предназначенным пугать грешников неминуемым наказанием в загробном мире, она выходит за рамки религиозной литературы и становится популярным народным образом, внушающим повсеместный страх и ужас. Пьерроберто Скарамелла указывает на протограф данного сюжета – икону Амброджо Лоренцетти *Христианская аллегория человечества* (ок. 1330 г., Сиена, Пинакотекка) [Scaramella, p. 36] (ил. 4 на цв. вклейке). Перед зрителями предстает Смерть в виде темного зловещего существа с крыльями, как у летучей мыши, обрекающая на гибель все живое, включая самого Христа, распятого в центре композиции. На иконе изображены библейские персонажи Адам и Ева, виновные в первородном грехе, а убийство Авеля Каином представлено как следствие этого греха. Однако уже в правой части композиции мы наблюдаем воскресшего Спасителя, спустившегося с небес судить живых и мертвых, «смертию смерть поправ».

В последующих композициях *Триумфа смерти* представлены разные контаминации данного сюжета, когда Смерть убивает людей одна, часто с помощью стрел, выпущенных из лука, или она действует со своими помощниками – скелетами и демонами. Самым известным является изображение *Триумфа смерти* на монументальной фреске Кампосанто (*Святое кладбище*) в Пизе, оно атрибутируется Буонамико Буффальмако и относится к 40-м годам XIV в. Фреска объединяет два танатологических сюжета – *Встречу живых и мертвых* и *Триумф смерти*. Смерть представлена в виде вооруженной серпом старой ведьмы, успевшей пожать богатый урожай – сраженных мертвецов, поверженных у ее ног. Выше представлена эсхатологическая битва ангелов и демонов, сражающихся за души людей. Мы видим стариков, тщетно призывающих смерть, ибо она охотится за теми, кто ее не ждет и пребывает в «саду наслаждений». Среди фигур, безмятежно расположившихся под кронами деревьев, выделяются юноша, играющий на флейте, и дама, развлекающаяся с собачкой, над ними парят ангелочки.

Этот мотив был представлен ранее в произведениях Боккаччо *Филоколо* и *Фьезоланские нимфы*, где описаны молодые девушки и юноши, проводящие время в «грациозном празднике» под музыку и пение, наслаждаясь прекрасными травами и цветами на лугу, на котором их поджидает Смерть, никогда не изображавшаяся писателем в традициях макабра. Даже в *Декамероне* на фоне эсхатологической картины пожиной жизни чумы Смерть представлена с рациональной точки зрения, являя контраст между беззаботной жизнью придворных и своим неотвратимым приближением. На фреске Кампосанто на первом плане изображена пышная процессия охотников, которым отшельники указывают на покойников в гробах. Это зрелище меняет ход их суетных мыслей, как и сама фреска, оно предназначено для того, чтобы

живые задумались о неизбежной смерти, *memento mori*. Над этой сценой изображена лестница, ведущая в обитель чистых духом отшельников. В правой части композиции черти сбрасывают души грешников в адские расщелины, из которых вздымается пламя.

Сюжет *Триумф смерти* претерпевает большие изменения от монументальной фрески на Кампосанто с изображением сложной системы эсхатологических концептов до миниатюры Джованни ди Паоло середины XV в. в рукописи, хранящейся в Коммуниальной библиотеке Инторнати г. Сиены. Смерть на миниатюре представлена в движении, летящей на коне в виде чудовища с крыльями летучей мыши, лапами зверя и косой за поясом и поражающей стрелами склонившегося перед неизбежной кончиной человека, пребывавшего до ее появления в саду наслаждений. Резкий контраст между прекрасной в своей безмятежности природой и чудовищной в неотвратимости смертью заставляет каждого задуматься о бренности бытия.

Однако наибольшее развитие сюжет *Триумф смерти* получил не в миниатюрах, а в грандиозных фресках. Изображенный впервые на стене Кампосанто в Пизе, со второй половины XIV в. он распространился по всей Италии. Яркие примеры мы найдем во Флоренции, в церкви Санта Кроче, в Больцано и других городах полуострова. В Лучиньяно вблизи Ареццо на фреске второй половины XIV в. она представлена в виде старой ведьмы, вооруженной серпом и луком, охотящейся за двумя юношами. Под копытами ее лошади лежит поверженная ею группа мертвецов (ил. 5 на цв. вклейке). В левой части фрески изображена группа нищих, калек и бедняков, призывающих Смерть, отвращающуюся от них. На свитке написано: «Я лишь желаю погасить жизнь, и призывающие меня чаще всего пытаются уклониться, но разделяют участь тех, кого терзает мой грифон». В верхней части изображен Иисус Христос, объясняющий многоплановый сюжет, фактически повторяющий *Христианскую Аллегию человечества* Амброджо Лоренцетти. Госпожа Смерть – владычица мира, сам Христос попал под ее власть: «О, вы, читающие, обратите внимание на удары той, которая поразила меня, своего Господина» [Scaramella, p. 40].

Наибольшего драматического накала макабрическая тема достигает на знаменитой фреске клузонского художника Джакомо Борлоне де Бушиса конца XV в. в Оратории деи дисциплины (*Oratorio dei Disciplini*), представляющей уникальный в Европе синтез танатологических сюжетов конца Средневековья. На фреске соединены макабрические изображения *Плясок смерти*, *Встречи живых и мертвых* и *Триумфа смерти*. Владычица Смерть, которой подвластны все, заняв место Христа, объявляет о конце света. Характерной для сюжета *Встреча живых и мертвых* изображена группа всадников, с ужасом созерцающих пораженных смертью мертвецов. В нижней части фрески изображен парад пар, в котором шествуют скелеты и их живые двойники с испуганными потрясенными лицами: это знаменитая *Пляска смерти*, ставшая популярной в западноевропейской танато-

логии. Смерть изображена в виде скелета в триумфальной позе, она упивается своей властью и уверенностью в том, что ее не избежит ни один человек – ни богатый и могущественный король, ни отважный рыцарь, ни сам папа римский, ибо все находятся в ее власти!

Популярность изображения *Плясок смерти* связана с появлением в конце XIV в. его литературного источника [Делюмо, с. 45]. С изобретением в середине XV в. И. Гуттенбергом книгопечатания иллюстрации текстов начинают усиливать воздействие литературных образов на читателей средствами визуализации. В Западной Европе становятся популярными ксилографические книги, или блокбухи, – *Ars moriendi*, *Totentanz* (*Пляски смерти*), *апокалипсисы*, *антихристы*. С 1496 по 1498 г. А. Дюрер создает 15 гравюр, объединенных под общим названием *Апокалипсис*. Они являют кульминацию борьбы эсхатологических сил добра и зла, достигшей апогея во время конца света. Историческим фоном времени написания гравюр явились поразившие Германию эпидемии чумы и религиозные распри накануне Реформации. Поэтому неудивительно обращение А. Дюрера к теме *Плясок смерти* с размещением в верхней и нижней части листа четверостишия диалога Смерти и ее жертвы. Однако впервые изображение этого сюжета появилось не в книжной иллюстрации, а на фреске на стене кладбища Невинных (1423 или 1424 г.). Название кладбища возникло от расположенной рядом церкви Св. невинных младенцев вифлеемских (*L'Église des Saints-Innocents*). Фреска изображает зловещий танец скелетов, в который они вовлекают людей всех возрастов и сословий.

Первое типографское издание *Плясок смерти* было осуществлено Генрихом Кноблхцером в Гейдельберге (1488–1489) [Нессельштраус, с. 182]. Внушающий ужас сюжет, занимающий 19 листов, дополнен кратким текстом – жалобами приглашенных «к танцу» жертв и обрамлен тремя листами. Иконография макабра *Плясок смерти* легла в основу книжных гравюр, в которых форма книги диктует иную композицию, нежели представленную на фресках, – разбивку по парам. Контурные рисунки танцующих в смертельном танце пар всех сословий, включая папу римского, обрамлены четырехстрочными стихами на немецком языке – текстом диалога между Смертью и человеком.

Особой популярностью среди текстов макабрической тематики в западноевропейской литературе пользовался текст, представленный в стихах *Диалоги смерти с человеком* (*Dialogus Mortis cum Homine*). Эта вариация *Плясок смерти* была издана в 1484 г. Бартоломеусом Готаном, а в 90-е гг. XV в. привезена им в Великий Новгород, где произведение было переведено в кружке епископа Геннадия под названием *Двоесловие живота и смерти* [Сквайрс, 2015, с. 107].

Е. Р. Сквайрс обнаружила в Научной библиотеке МГУ средневековое латинское произведение в стихах, аналогичное по содержанию немецкой листовке Готана [Сквайрс, 2003]. Проведя текстологический анализ нижненемецкого и латинского изданий и их перевода на древнерусский язык, она высказала убедительное предположение

о том, что Готан привез в Новгород не только нижненемецкое Двоесловие 1484 г., но и его более древнее латинское издание, и оба текста послужили источниками перевода этого произведения на русский язык, осуществленного в Новгороде [Сквайрс, 2007, с. 130]. Таким образом, исследователь доказала, что гравюры на макабрическую тематику, как показали немецкий и латинский тексты Готана, были известны новгородцам благодаря их связям с Ганзой.

Макабрические сюжеты приобрели у мирян большую популярность, они внушали непреходящий ужас перед неизбежным финалом, визуализируя неотвратимый конец для каждого из живущих. Однако такое мирское понимание финала жизни не могло удовлетворить латинское духовенство, создавшее свою трактовку перехода в иной мир – *Ars moriendi* (*Искусство умирать*) [O'Connor; Chartier; Бакалова; Делюмо]. Литературным источником этого ставшего популярным сборника считается латинское сочинение первой четверти XV в. *Зерцало искусства благой смерти* (*Speculum artis bene moriendi*) [Beaty]. Автор текста не установлен, а сюжет представляет эсхатологическую битву сил добра и зла за душу умирающего. Известны две редакции сборника, но именно Пространная редакция приобрела особую популярность. До нашего времени дошли 234 экземпляра, из которых 126 – на латыни, 75 – на немецком. «Пространная редакция содержит шесть разделов: рекомендации о том, как умереть хорошо, искушения в часы агонии, вопросы, которые следует задавать умирающему, молитвы, которые он должен читать, поведение окружающих и предписываемые им молитвы» [Делюмо, с. 71]. В отличие от Краткой, Пространная редакция не иллюстрирована.

По объему Краткая редакция составляет около трети Пространной. Ее перевод, снабженный предисловием и научными комментариями, осуществлен И. В. Ковригиной [Ковригина]. Ксилографическое издание *Ars moriendi* состоит из 11 гравюр на дереве, описывающих явление демонов умирающему и утешения светлых ангелов. После краткого предисловия, в котором рассказывается об опасностях, подстерегающих душу на пути в иной мир, и о правилах, которые необходимо соблюдать в смертный час, описано пять испытаний человека дьяволом: попытка поколебать в нем веру (предложение поклониться идолу), надежду (демонстрация списка грехов), терпение (напоминая о страданиях и предательстве близких), а также возбуждение гордыни и честолюбия (соблазнение короной), соблазн мирскими благами (явление картин мирских богатств умирающему). Искушения демонами сопровождаются «воодушевлениями» ангелов (о вере, против уныния, призыв к терпеливости, инвективы против тщеславия и алчности). Искушения и воодушевления чередуются, но каждый раз ангел, Богородица и Христос помогают умирающему их преодолеть. На последней иллюстрации представлено торжество добра: демоны повержены, а светлые ангелы возносят душу на небо.

Ars Moriendi было задумано как руководство для священников, причащающих и утешающих людей в момент их кончины, который драматизировался и становился решающим для определения участи души. Это отличалось от концепции синодичных предисловий, указывающих путь в Царство Небесное на протяжении всей жизни человека и ставивших вопросы воздаяния превыше всего, именно поэтому они именовались «книгами живых, а не мертвых».

Выражающий эсхатологическую доктрину католического духовенства, танатологический сюжет *Ars moriendi* закономерно оказался представлен в книжных изданиях, в которых догматическая часть преобладала над изобразительной. Эти старопечатные издания получили широкое распространение, в то время как известно лишь одно настенное изображение *Ars Moriendi*. Оно находится в г. Штанс (Швейцария, кантон Нидвальден) и датируется 1562–1570 гг.: перед умирающим предстают ангел, распятый Христос на кресте, святые, среди которых св. Михаил сражается с демоном. Оба сюжета – *Ars Moriendi* и *Встреча трех живых и трех мертвых* – знаменуют «своеобразную психомахию, душевную борьбу между искушением и спасением, между бессознательным и сознанием» [Aurigemma, p. 148].

Танатологические тексты Древней Руси изучены в разных аспектах¹. Источником эсхатологических представлений Русской православной церкви и широкого круга мирян стали древнерусские синодики, которые А. Е. Петухов назвал «народными книгами» [Петухов, с. 88]. Протограф синодиков первой редакции был создан выдающимся деятелем русского Средневековья преподобным Иосифом Волоцким [Дергачева, с. 21–25]. Вторая редакция связана с именем патриарха Иова, а третья редакция, непостоянного состава, получила широкое бытование и дожила до начала XX в.

В синодиках, согласно с христианской установкой, смерть представлялась желанным переходом в иной, лучший мир, приближала к Богу и Его Свету. Мы не увидим в них устрашающего образа Смерти, пожирающей тех, кто к ней не готов, ибо их исключительная вера в посмертное воздаяние праведникам и возможность для грешников отмолить грехи и изменить свою загробную участь придает им «эсхатологический оптимизм», неизвестный западному Средневековью. Недаром синодики названы книгами жизни («живота»), описанными в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова: «То суть книги животныя иже есть во святых Божиих церквах синодики заупокойныя» [цит. по: Дергачева, с. 73]. Это определение встречается и в тексте, чрезвычайно распространенном в особом подвиде второй синодичной редакции – «Похвале дающим имения церквам на украшение»: «И вписавъшихся в поминанникъ сиреч в синадик святаго храма сего имярек, впиши их, Господи, в книги животныя. И услышавъ сие, аггелъ Господень радо-

¹ Библиографию работ по теме см.: [Алексеев, 2002, с. 322–347; Алексеев, 2012, с. 510–543].

стенъ на небо отходит, яко некоторые долгъ исправя и тамо написует имена те в вечных обителехъ в немерцающем свете» [Дергачева, с. 73].

Данные иконографии подтверждают выводы об «эсхатологическом оптимизме» русской средневековой культуры, полученные при изучении коммеморативных рукописных источников. Т. Б. Вилинбахова убедительно доказала отсутствие персонификации образа Смерти в древнерусской иконографии. Она указала, что заимствованное в XII–XVII вв. из Византии изображение Страшного суда становится основной темой русского искусства, со второй половины XII в. оно занимает западную стену главных соборов. В одном только XII в. эта композиция появилась в Преображенском соборе в Переяславле Залесском, в церкви Св. Георгия в Старой Ладоге, в церкви Св. Кирилла в Киеве, в соборе Св. Димитрия в Новгороде. Тот же сюжет встречаем на иконах, иллюстрациях Евангелия и Псалтири. На всех этих изображениях Смерть представлена в аду, где грешники, мучимые в геенне огненной, подвергаются страшным пыткам. Эти исключительно выразительные образы наполнены внутренней экспрессией, но Смерть здесь не персонифицирована [Vilinbachova, p. 251].

Впервые образ смерти в древнерусской культуре предстает в композиции *Апокалипсиса*, древнейшая из которых изображена на фреске Успенского собора Московского Кремля. Несмотря на сложность образов, композиция подчинена единой идее – не человеческих страданий и неизбежной смерти, но триумфа Божественной справедливости. Именно поэтому изображение наполнено солнечным светом, цвета в нем живые и четкие, образы прекрасные и гармоничные. Впервые в древнерусском искусстве мы сталкиваемся здесь со смертью, представленной в виде белой фигуры с человеческими очертаниями, сидящей в седле на медленно движущейся лошади с опущенной головой. Всадник на ней кажется скорее призраком, нежели человеком или скелетом, изображение исключительно условно и лишено деталей. Это образ, описанный в Апокалипсисе: «и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”» (Откр. 6 : 8). За ним движется ад, представленный черной фигурой. Перед всадником изображены земные звери, убивающие людей, это три могущественных льва. Несмотря на значимость смерти, она не выделяется среди множества сцен и фигур, представляя собой лишь незначительную часть бесконечной панорамы страданий в трагедиях мировой истории [Vilinbachova, p. 256]. Похожее изображение смерти мы увидим и на иконе «Сыне единородный», где она также представлена в образе малозаметной белой фигуры, скачущей на коне с косою в руке (ил. 6 на цв. вклейке).

Л. Б. Сукина пришла к похожему выводу, заметив, что иконы с макабрическим сюжетом наподобие *Двоесловия живота и смерти* являются «исключением из общего правила. Во фресковой живописи XVII в. также можно найти отдельные примеры изображения смерти, но они включены в традиционные композиции Страшного суда или

Апокалипсиса на западных стенах храмов и не имеют самостоятельного значения» [Сукина, с. 316–317].

На Руси традиционно отождествляли смертный час с возможностью перехода в иной мир, несравненно более совершенный, нежели земной. В русских средневековых синодиках образ смерти на протяжении эпохи Средневековья не персонифицируется, смертный час интересует их составителей как начало воздаяния праведным и грешным в зависимости от прожитой жизни. Антропоморфное и напрямую не связанное с проблемой воздаяния восприятие смерти приходит в отечественную культуру только вместе с влиянием европейской литературы.

Список литературы

Алексеев А. И. Под знаком конца времен : Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб. : Алетей, 2002. 347 с.

Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в. Стригольники и жидовствующие. М. : Индрик, 2012. 560 с.

Бакалова Е. *Ars Moriendi* // Традиция, приемственность, новаторство. В помет на истр Динков. София : КМН, 2001. С. 448–458.

Делюмо Ж. Грех и страх : Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.) / пер. с фр. И. Б. Иткина, Е. Э. Ляминой, Е. И. Лебедевой, А. Г. Пазельской ; под ред. Д. Э. Харитоновича. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 752 с.

Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М. : Кругъ, 2011. 404 с.

Ковригина И. В. Средневековый латинский трактат «*Ars Moriendi*» (краткая редакция) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013 / под ред. А. Н. Маслова, А. А. Кузнецова. Нижний Новгород : М-Принт, 2013. С. 185–214.

Нессельштраус Ц. Г. Немецкая первопечатная книга. СПб. : Аxioma, 2000. 272 с.

Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. I. Судьбы текста чина православия на русской почве до половины XVIII века. II. Литературные элементы Синодика как народной книги в XVII и XVIII веках. СПб. : О-во любителей древней письменности, 1895. VI, 406 с.

Сквайрс Е. Р. Неизвестное издание Бартоломея Готана и древнерусский перевод «двоесловия Живота и Смерти» конца XV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье : XV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г. : материалы конф. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2003. С. 230–235.

Сквайрс Е. Р. Неизвестный Готан из Научной библиотеки Московского университета // Про книги. Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 126–132.

Сквайрс Е. Р. Западноевропейский жанр «Пляски Смерти» в Новгороде XV в.: источники, рецепция, пути распространения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 107–108.

Сукина Л. Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2011. 424 с.

Хёйзинга Х. Осень Средневековья // Хёйзинга Х. Соч. : в 3 т. / пер. с нидерланд., вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой. М. : Прогресс – Культура, 1995. Т. 1. 416 с.

Aurigemma M. G. *Nosce te ipsum: la raffigurazione della morte nei paesi dell'area Germanica e Nederlandse* // Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento.* Clusone : Ferrari Ed., 2000. P. 141–196.

Beaty N. L. *The Craft of Dying: A Study in the Literary Tradition of the Ars Moriendi in England* (Jale Studies in English). N. Haven : Yale Univ. Press, 1970. 299 p.

Chartier R. Les Arts de mourir, 1450–1600 // *Annales Economies, Sociétés, Civilisations*. 1976. Vol. 31. № 1. P. 51–75.

O'Connor M. C. *The Art of Dying Well: The Development of the Ars moriendi*. N. Y. : AMS Press, 1966. 258 p.

Scaramella P. L'Italia dei Trionfi e dei Contrasti // Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento*. Clusone : Ferrari Ed., 2000. P. 25–98.

Vilimbachova T. L'immagine della morte nell'arte della Russia antica // Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento*. Clusone : Ferrari Ed., 2000. P. 251–268.

References

Alekseev, A. I. (2002). *Pod znakom kotsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kotsa XIV – nachala XVI vv.* [Under the Sign of the End of Times: Essays on Russian Religiosity in the Late 14th – Early 16th Centuries]. St Petersburg, Aleteiya. 347 p.

Alekseev, A. I. (2012). *Religioznye dvizheniya na Rusi poslednei treti XIV – nachala XVI v. Strigol'niki i zhidovstvuyushchie* [Religious Movements in Russia in the Last Third of the 14th – Early 16th Centuries. Strigolniks and Judaizers]. Moscow, Indrik. 560 p.

Aurigemma, M. G. (2000). *Nosce te ipsum: la raffigurazione della morte nei paesi dell'area Germanica e Nederlandse*. In Scaramella, P., Tenenti, A., Aurigemma, M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento*. Clusone, Ferrari Ed., pp. 141–196.

Bakalova, E. (2001). *Ars Moriendi [Ars Moriendi]*. In *Traditsiya, priemstvenost, novatorstvo. V pamet na ist "r Dinekov*. Sofiya, KMN, pp. 448–458.

Beaty, N. L. (1970). *The Craft of Dying: A Study in the Literary Tradition of the Ars Moriendi in England (Jale Studies in English)*. N. Haven, Yale Univ. Press. 299 p.

Chartier, R. (1976). Les Arts de mourir, 1450–1600. In *Annales Economies, Sociétés, Civilisations*. Vol. 31. No. 1, pp. 51–75.

Delumeau, J. (2003). *Grekh i strakh. Formirovanie chuvstva viny v tsivilizatsii Zapada (XIII–XVIII vv.)* [Sin and Fear: The Formation of Guilt in Western Civilization (13th–18th Centuries)] / transl. by I. B. Itkin, E. E. Lyamina, E. I. Lebedeva, A. G. Pazel'skaya, ed. by D. E. Kharitonovich. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 752 p.

Dergacheva, I. V. (2011). *Drevnerusskii Sinodik: issledovaniya i teksty* [Old Russian Synodic: Studies and Texts]. Moscow, Krug". 404 p.

Huizinga, J. (1995). *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. In Huizinga, J. *Sochineniya v 3 t.* / transl. and ed. by V. I. Ukolova. Moscow, Progress – Kul'tura. Vol. 1. 416 p.

Kovrigina, I. V. (2013). *Srednevekovyi latinskii traktat "Ars Moriendi" (kratkaya redaktsiya)* [Medieval Latin Treatise *Ars Moriendi* (Concise Edition)]. In Maslov, A. N., Kuznetsov, A. A. (Eds.). *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Iss. 3–4. 2012–2013. Nizhnii Novgorod, M-Print, pp. 185–214.

Nessel'shtaus, Ts. G. (2000). *Nemetskaya pervopechatnaya kniga*. St Petersburg, Axioma. 272 p.

O'Connor, M. C. (1966). *The Art of Dying Well: The Development of the Ars moriendi*. N. Y., AMS Press. 258 p.

Petukhov, E. V. (1895). *Ocherki iz literaturnoi istorii Sinodika. I. Sud'by teksta china pravoslaviya na russkoi pochve do poloviny XVIII veka. II. Literaturnye elementy Sinodika kak narodnoi knigi v XVII i XVIII vekakh* [Essays on the Literary History of the Synodic. I. The Fate of the Text of the Order of Orthodoxy on Russian Soil until the Mid-18th Century. II. Literary Elements of the Synodic as a Folk Book in the 17th and 18th Centuries]. St Petersburg, Obschestvo lyubitelei drevnei pis'mennosti. VI, 406 p.

Scaramella, P. (2000). L'Italia dei Trionfi e dei Contrasti. In Scaramella, P., Tenenti, A., Aurigemma, M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento*. Clusone, Ferrari Ed., pp. 25–98.

Skvairs, E. R. (2003). Neizvestnoe izdanie Bartolomeya Gotana i drevnerusskii perevod “dvoesloviya Zhivota i Smerti” kontsa XV v. [Unknown Edition of Bartholomew Gotan and the Old Russian Translation of the “Double Words of Life and Death” of the Late 15th Century]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. XV Chteniya pamyati V. T. Pashuto. Moskva, 15–17 aprelya 2003 g. Materialy konferentsii*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 230–235.

Skvairs, E. R. (2007). Neizvestnyi Gotan iz Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta [Unknown Gotan from the Scientific Library of Moscow University]. In *Pro knigi. Zhurnal bibliofila*. No. 1, pp. 126–132.

Skvairs, E. R. (2015). Zapadnoevropeiskii zhanr “Plyaski Smerti” v Novgorode XV v.: istochniki, retseptsiya, puti rasprostraneniya [The Western European Genre of Danse Macabre in 15th-Century Novgorod: Sources, Reception, Ways of Distribution]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3 (61), pp. 107–108.

Sukina, L. B. (2011). *Chelovek veruyushchii v russkoi kul'ture XVI–XVII vekov* [A Believer in Russian Culture of the 16th–17th Centuries]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet. 424 p.

Vilinbachova, T. (2000). L'immagine della morte nell'arte della Russia antica. In Scaramella, P., Tenenti, A., Aurigemma, M. G. et al. *Humana fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento*. Clusone, Ferrari Ed., pp. 251–268.

The article was submitted on 03.06.2022

**Осуждение алчности как «бесовского наущения»
в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени***

Людмила Сукина

Институт программных систем им. А. К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия

**The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation”
in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period**

Liudmila Sukina

Programme Systems Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Pereslavl-Zalesky, Russia

This article examines visual methods of condemning avarice, which makes a person who wants a luxurious life for themselves and their family easy prey to the devil. The study refers to a series of illustrations for the parable *About the Spendthrift*, which was part of the literary prefaces to the Russian *Synodics* of the seventeenth and eighteenth centuries whose task was to morally instruct the reader. While there is a noticeable increase in Russian and international researchers' interest in the Old Russian *Synodics*, the issue considered in the article has not been addressed in scholarly publications yet. This article aims to reconstruct the miniaturists' approach to illustrating a short text with a demonological plot, whose content should be interpreted and supplemented by a parallel visual story. The object of the study – book miniatures – predetermines interdisciplinary research and the use of philological and art criticism hermeneutical methods. The research refers to illustrations for the parable *About the Spendthrift* from the Synodics of the Trinity and St Daniel Monastery from 1672 and Solba St Nicholas Pustyn of the eighteenth century. They are vivid examples of two versions of the iconography of the illustrative series: one that gravitates towards the Russian mediaeval manuscript tradition

---

* Citation: Sukina, L. (2022). The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation” in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737.

Цитирование: Sukina L. The Condemnation of Avarice as “Demonic Instigation” in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737 / Сукина Л. Осуждение алчности как «бесовского наущения» в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1408–1419. DOI 10.15826/qr.2022.4.737.

and one that reproduces the figurative structure and style of the engravings of the *Synodic* by Leonty Bunin, respectively. The results of the study are based on a comparison of the key episodes of the literary plot of the parable and the visual narrative of the same events. The author concludes that in the miniatures, the desire to “teach through pictures” is traced, and the expressiveness of methods of the homily is not inferior to the book text but surpasses it. Both versions of the iconography of the miniature series tell the same instructive story about sin and punishment. It differs from many other illuminated parables of *Synodics* as in it, an important infernal person is present, which introduces an unusual nuance into the narrative.

Keywords: Old Russian manuscript, book miniature, demonological plot, homily

Исследуются визуальные приемы осуждения алчности, сделавшей человека, желающего для себя и собственной семьи роскошной жизни, легкой добычей дьявола. Исследование выполнено на материале цикла иллюстраций к притче «О роскошнике», входившей в состав литературных предисловий к русским синодикам XVII–XVIII вв., задачей которых было нравственное наставление читателя. При заметном росте интереса отечественных и зарубежных исследователей к древнерусскому синодику поднятая в статье проблема пока еще не затрагивалась в научных публикациях. Цель работы – реконструкция подхода художников-миниатюристов к иллюстрированию краткого текста с демонологическим сюжетом, содержание которого должно быть истолковано и дополнено параллельным визуальным рассказом. Объект изучения – книжные миниатюры – предопределил междисциплинарность исследования и применение филологических и искусствоведческих герменевтических методов. Основными источниками исследования являются иллюстрации к притче «О роскошнике» из синодиков Троицкого Данилова монастыря 1672 г. и Сольбинской Николаевской пустыни XVIII в. Они представляют собой яркие образцы двух вариантов иконографии иллюстративного цикла, тяготеющего к русской средневековой рукописной традиции и воспроизводящего образный строй и стилистику гравюр синодика Леонтия Бунина. Основные результаты исследования основываются на сопоставлении ключевых эпизодов литературного сюжета притчи и визуального повествования о тех же событиях. Делается вывод, что в миниатюрах ярко прослеживается стремление «учить картинами», а выразительность приемов поучения не уступает книжному тексту, а превосходит его. Оба различающихся варианта иконографии цикла миниатюр рассказывают одну и ту же поучительную историю о грехе и наказании. Она отличается от многих других иллюминированных синодичных притч присутствием важного inferнального персонажа, вносящего в повествование необычный нюанс.

Ключевые слова: древнерусская рукописная книга, книжная миниатюра, демонологический сюжет, поучение

Многофункциональность синодика как специфического явления русской средневековой книжности отмечали все исследователи на протяжении уже довольно длительной истории изучения дошедших до нас сотен рукописных и печатных экземпляров его различных редакций (Ф. И. Буслаев, Е. В. Петухов, И. В. Дергачева, Л. Штайндорф и др.). В последние годы внимание ученых в основном разделилось между помянниками, представляющими интерес для специалистов в области генеалогии, ономастики, культуры памяти, и литературными предисловиями, интересующими филологов, историков культуры и искусствоведов (когда речь идет о лицевых памятниках). При этом благодаря усилиям представителей разных сфер гуманитарного знания была возобновлена прерванная в первые десятилетия XX в. практика издания древнерусских синодиков, сделаны ценные наблюдения и выводы об их содержании и функциях в церковной коммеморации и формировании религиозного мировоззрения и нравственности человека той эпохи. Но до сих пор остается еще немало вопросов, связанных с этими книжными памятниками и нуждающихся в исследовании.

Крупнейший специалист в изучении синодичных предисловий – литературных сборников И. В. Дергачева справедливо отмечает, что продолживший византийскую поминальную традицию синодик в русской средневековой культуре был основным источником, выражающим онтологическую доктрину Русской церкви по вопросам греха и посмертного воздаяния [Дергачева, с. 121]. Выделив редакции предисловий и исследовав их состав, она пришла к общему выводу, что составители синодиков, пользуясь различными источниками для подбора текстов, уделяли внимание нескольким избранным темам, преимущественно загробной участи человека, то есть «малой эсхатологии» [Там же, с. 133].

Литературные произведения или фрагменты приводятся в предисловиях синодиков в сокращенном и часто переработанном виде. Вся лишняя информация, отвлекающая от главных идей, изымается из текстов. Для усиления назидательного эффекта в XVII в. синодичные предисловия все чаще иллюминируются. Миниатюры в богато иллюстрированных рукописях не просто воспроизводят содержание текста, но превращаются в его визуальное толкование, дополняя отсутствующими в нем нюансами и деталями. Это становится особенно характерно для «поздних» рукописей последней трети XVII – XVIII в.

Данное историко-культурное исследование посвящено характерному и в то же время уникальному для синодичного предисловия сюжету притчи «О роскошнике», связанному с бесовским соблазном человека и нашедшему воплощение как в литературной форме, так и в одном из иллюстративных циклов. Объект изучения – миниатюры, сопровождающие текст, – предопределил использование междисциплинарного подхода и применение методов филологического и искусствоведческого анализа, истории книго-

писания для наиболее полной и разносторонней реконструкции приемов назидания, использованных в этом фрагменте литературной прамбулы лицевого синодика.

В качестве первопричин запуска нравственно-учительной схемы «грех – наказание – покаяние – спасение» в сюжетах синодичных предисловий обычно указывались вполне реальные психологические и нравственные изъяны их основных персонажей: жадность, гордыня, зависть, злоба и т. п. Рано или поздно любой грешник оказывался в ином мире и там сталкивался с адскими муками, в текстах синодиков, как правило, подробно не описываемыми. На миниатюрах лицевых рукописей этот этап загробной судьбы грешного человека обозначался чисто символически в виде рисунка темной пещерки, наполненной существами, маркированными традиционными для средневекового искусства признаками их принадлежности к силам зла¹. «Нечистых духов», забирающих тело усопшего грешника, изображали и на миниатюрах, иллюстрирующих назидание о судьбе праведной и грешной души. Но во всех этих случаях дьявол и бесы – не соучастники греха, а лишь исполнители посмертной кары. Фрагмент «О роскошнике» в этом смысле представляет исключение. В нем дьявол («ангел сатанин») выступает активно действующим персонажем, с которым связаны важнейшие эпизоды повествования, рассказывающие о грешных помыслах и поступках, ведущих душу к гибели.

В поздних синодиках литературная программа становится более разнообразной. К фрагментам Священного Писания, Палеи, прологов, отеческих слов, житийных рассказов патериков, апокрифических видений, оригинальной древнерусской «Повести о посаднике Шиле» и переводной «Истории о Варлааме и Иоасафе» добавляются отрывки из ставших популярными сборников «литовского» происхождения – «Великого Зеркала», «Звезды пресветлой», «Неба Нового». Еще Ф. И. Буслаев отмечал, что в состав появившегося в конце XVII в. печатного (точнее сказать, целногравированного. – Л. С.) синодика, состоявшего из листов с изображениями и очень коротких текстов, выполнявших функцию подписей к иллюстрациям, входили пришедшие из восточноевропейских назидательных изданий истории с занимательными сюжетами [Буслаев, с. 244]. Интересующий нас фрагмент «О роскошнике» хотя и включен во многих рукописях именно в этот литературный контекст, не принадлежит к числу таких новых дополнений к предисловиям сначала рукописных, а потом и гравированных синодиков. Его точное происхождение не установлено, но он встречается в синодичных предисловиях с конца XVI в., а также в нравоучительном сборнике XVII в. «Лекарство душевное». С последней трети XVII столетия он часто входит в репертуар лицевых синодиков.

¹ Подробнее об этих маркерах см.: [Антонов, Майзульс].

Для того чтобы перейти к анализу иллюстраций к этому тексту, необходимо разобраться с его жанровой принадлежностью². Ф. И. Буслаев определял синодичные рассказы «О грешной матери», «О роскошнике», «О пленнике в Персиде», «О разбойнике Домицеле» как повести [Буслаев, с. 244]. За ним до сих пор следуют многие исследователи. Однако современная филологическая наука относится к жанровой дифференциации древнерусской литературы более строго и последовательно. Рассматриваемый нами фрагмент синодичного предисловия наиболее близок к древнерусской притче, согласно дефинициям этого малого жанра, предложенным Д. С. Лихачевым [Лихачев, с. 45] и Н. И. Прокофьевым [Прокофьев, с. 6]. Повествование в нем носит обобщенный характер, не локализовано географически и хронологически, образы персонажей обезличены. При этом его форма и содержание соответствуют цели морально-религиозного назидания. Как отмечал Н. И. Прокофьев: «Действие притчи логически и конструктивно направлено на то, чтобы создать концентрированную иллюстративность для выражения нравственной идеи» [Там же].

Для любой нравственно-учительной притчи главное – сюжет, дающий наглядный пример праведного или грешного поступка. Из включенного в притчу морализаторского наставления ясно, что она написана в назидание «человекам, роскошно живущим, а о себе и о душах своих не радеющим». Некий человек, живший неправедной жизнью, скопил за счет грабежа и насилия большие богатства. Не поделившись ими ни с церковью, ни с нищими и бедняками, умирая, он оставил все близкому другу, такому же человеку, каким был и он сам. Друга, который должен был обеспечить за счет наследства поминание души умершего, одолели сомнения, стоит ли расставаться с такими богатствами. Этими нравственными колебаниями воспользовался дьявол, чтобы распалить алчность душеприказчика и убедить его присвоить имение покойного. Став еще богаче, чем прежде, друг умершего, «худоумный человек» (как он назван в притче), проводил время в пирах и прожил в «роскошестве» многие годы, а когда умер, жена и дети поступили так же, как он, отказавшись отдать хотя бы часть наследства на помин души главы семейства. Жена второй раз вышла замуж и вместе с новым супругом в пирах и праздности промотала доставшееся ей богатство. Дети «роскошника» после смерти матери и отчима жили в нищете и занимались тяжелой работой.

Текст синодичной притчи «О роскошнике» небольшой по объему, но насыщен многими разнообразными событиями. В лицевых синодиках он разбит на еще более мелкие фрагменты, которые выступают в виде кратких или развернутых подписей к миниатюрам. Выделяются два иконографических варианта иллюстративного цикла. Один из них часто встречается в богато иллюстрированных синодиках последней

---

² Благодарю коллегу Е. С. Шадрину, которая обратила мое внимание на эту проблему.

трети XVII – XVIII в., выполненных в сложившейся в последнее столетие русского Средневековья традиции иллюминирования рукописей эсхатологического и нравственно-учительного содержания, близкой к иконописи и фресковой росписи того времени. Второй – очень редкий, известный в настоящее время лишь по трем рукописям, отчасти или полностью сориентированным на цельногравированные синодики Леонтия Бунина. Его миниатюры повторяют иконографию разных изданий Синодика Бунина. В целом же в обеих иконографических редакциях проиллюстрированы все важнейшие для сюжета притчи эпизоды (обычно этот цикл состоит из пяти-семи миниатюр).

Особенности художественных приемов, подчеркивающих назидательное содержание изображаемого, мы рассмотрим на примерах двух рукописей синодика, отличающихся высоким качеством миниатюр, которые принадлежат к первой и второй иконографическим редакциям соответственно. Это Синодик переславского Троицкого Данилова монастыря 1672 г. [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4288] и Синодик Сольбинской Николаевской пустыни второй половины XVIII в. [Там же. Инв. 4309]. Первая рукопись является вкладом в монастырь архимандрита Гурия Ярославца и посадского человека, переславца Федота Мартьянова, сына Шамаханского. Ее лицевая часть, вероятно, выполнена на заказ в Ярославле, так как украшающие ее миниатюры и элементы декора страниц стилистически близки к другим произведениям ярославских книгописцев и художников-миниатюристов этого времени. Близким аналогом второй рукописи стилистически является только еще один синодик XVIII в., происходящий из того же Сольбинского монастыря [Там же. Инв. 4310].

Персонажи притчи и миниатюр, ее иллюстрирующих, мужчины и женщины, богатые люди. Источник этого богатства, в числе прочих других, имение умершего друга-«роскошника», добытое неправедным путем. Это обстоятельство, а также отсутствие точных указаний умершего о том, как следует поступить с наследством, и вызывают у душеприказчика опасные размышления: «Да он, другъ мой, сам не разъдаде имѣния при животѣ своемъ, а я не даю того ради: не вѣмъ, откуда что взято, от правды ли от неправды? И азъ о семъ не вѣмъ, како или что кому раздати, не извѣстихся никакоже [Там же. Инв. 4309. Л. 14 об.]. О размере богатства умершего в притче ничего не сказано. Однако миниатюристы, иллюстрировавшие эту сцену, акцентируют внимание на обилии в его составе золотых монет, как бы указывая на дополнительную мотивацию проявления алчности. В обеих иконографических редакциях на миниатюрах друг покойного изображен сидящим за столом, уставленным мешочками с золотом (то, что это именно золото, подчеркнуто цветом). Вокруг него – множество кованных сундуков, набитых такими же мешочками и/или монетами. Душеприказчик прикасается к деньгам на столе, перед ним лежит открытая тетрадь с финансовыми записями, с которыми он сверяет наличие богатств. Но из изображения пока еще нельзя

сделать никаких выводов о греховности происходящего. Мы видим, в общем-то, бытовую сцену, которую легко представить в лавке купца или в доме богатого и рачительного хозяина, который занимается инвентаризацией своих финансов.

Возможно, грех бы и не совершился, если бы в дело не вмешался дьявол в ангельском облики и не распалил алчность душеприказчика: «и в то время припаде к нему аггелъ сатанинъ, еже есть кореньъ сребролюбия, поучая его на сие богомерзкое дѣло...» [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4309. Л. 15 об.]. Он внушил корыстолюбцу уверенность, что наследство – это награда от Бога за добрые дела. Не будет грехом оставить его себе на собственное пропитание и воспитание чад, которые и раздадут это имущество уже после смерти отца. На миниатюрах в этой сцене совмещены планы «видимого» и «невидимого», реальность и иллюзия. Душеприказчик пребывает в своих покоях возле стола с деньгами и сундука с каким-то имуществом. Но за спинкой его кресла стоит существо иного мира. Оно крылато, как ангел, но темный цвет тела, лик, похожий на звериную морду, хохол и рога на голове недвусмысленно маркируют его дьявольскую сущность. Справа изображены жена (в синодике 1672 г.) или жена и дети душеприказчика (в синодике второй половины XVIII в.), хотя в тексте притчи их нет, о них только упоминает «ангел сатанин», то есть это дьявольская иллюзия или «наваждение», важность которого показывают художники, рисуя сцену впадения в грех. Они подчеркивают, что именно этот аргумент (возможность потратить богатство умершего друга не только на себя, но и на семью, в первую очередь на детей) оказал решающее влияние на душеприказчика (ил. 1 на цв. вклейке).

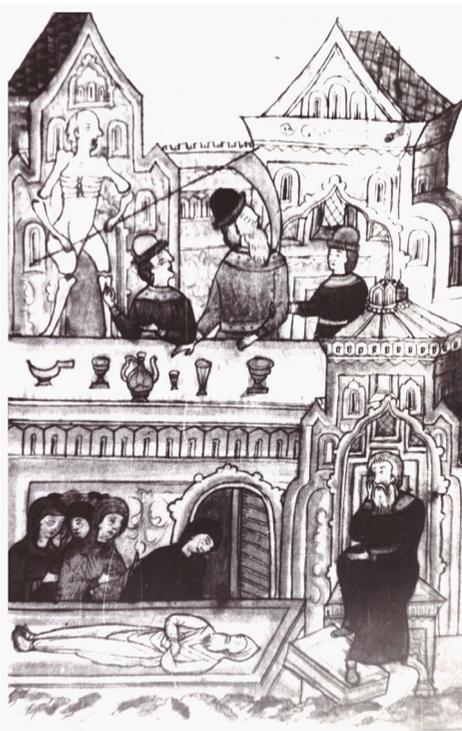
Следующий эпизод представляет собой сцену, концентрирующую в себе визуальные представления о греховной жизни человека, поддавшегося дьявольскому соблазнению: «И он, худоумный человекъ, примѣ в сердце своемъ бѣсовскую прелесть, порадовався оному имѣнию друга своего, и нача владѣти, и со други своими нача в безвременномъ ядении и питии пребывати и веселитися по вся дни с гуслими и свирѣлими...» [Там же. Л. 16 об.]. В изображении этой сцены первый и второй варианты иконографии расходятся довольно серьезно.

На миниатюре синодика 1672 г. она дана лапидарно, но при этом назидательный оттенок повествования усилен за счет объединения в одной композиции двух эпизодов – описанного выше и связанного с морализирующей вставкой-рассуждением о судьбе роскошно живущего человека, не радеющего о судьбе собственной души. Композиция миниатюры разделена на две части. В верхней представлен пир в доме душеприказчика. Он с друзьями пирует за столом, уставленным посудой. Пирующие лишь в последний момент замечают подкравшуюся к хозяину застолья смерть, которая имеет вид скелетоподобного антропоморфного существа с большой косой в руках. В нижней

половине листа изображена сцена прощания группы женщин с умершим человеком. Справа внутри некоего здания на престоле восседает, горестно подперев лицо рукой, мужчина. Кто он – не совсем понятно. То ли это упоминаемый в иллюстрируемом отрывке «немилостивый, неподатливый» богач-грабитель, душеприказчик, оплакивающий усопшего друга, то ли автор морализаторского суждения о необходимости вовремя позаботиться о собственной судьбе, не увлекаясь мирскими соблазнами (ил. 1).

На иллюстрации к синодику XVIII в. внимание сосредоточено на осуждении «безвременного» празднования (изображению прощания с умершим «роскошником» и его погребения отведена другая, отдельная миниатюра). Действие происходит в пиршественных покоех. За большим столом сидят хозяин пирса с мешочками денег в обеих руках и двое мужчин с кубками вина. Слева у стола – мальчик-слуга, разливающий вино из кувшина. Позади него – мужчина со струнным инструментом в руках. Справа из задрапированной ложи за происходящим наблюдает женщина. В верхней части миниатюры изображен балкон с квартетом музыкантов, играющих на духовых инструментах. Музыкальное веселье само по себе считалось делом греховным и не только осуждалось, но и преследовалось в России второй половины XVII в. [Сукина, с. 272–280]. В мирской культуре XVIII столетия отношение к музыкальному сопровождению празднеств изменилось, но в нравственно-учительной книжности, связанной с церковью, все осталось по-прежнему (ил. 2 на цв. вклейке).

После смерти «роскошника» события в притче повторяются, но с другими действующими лицами. Его вдова и дети устраивают между собой «неблаг совет», на котором вновь решают не тратить наследство на церкви и нищих, несмотря на четкое распоряжение умершего на этот счет. Аргументом вновь выступает желание обеспечить

1. Пир в доме роскошника. Похороны. Миниатюра Синодика Троицкого Данилова монастыря. Л. 8 об.

A feast in a spendthrift's house. A Funeral. Miniature of the Synodic of the Trinity and St Daniel Monastery. P. 8 (reverse side)

себе безбедную жизнь, и на миниатюрах художниками использована композиция, очень похожая на первую иллюстрацию цикла. Только теперь над сундуками с золотом и другим имением решают судьбу богатства иные персонажи. «Ангел сатанин» здесь не появляется, но он больше и не нужен, так как наследники несправедливого богача унаследовали от него и «бесовскую прелесть», они уже заражены алчностью и обречены повторить его дела и судьбу.

Следующая миниатюра в обеих редакциях цикла тоже повторяет композицию пира. Но она более скромна, так как все уже показано в предыдущих аналогичных изображениях. В верхней части семья и ее друзья пьют и едят за большим столом. Назидательная тема вторгается в изображение в виде помещенной в нижней его части темной пещерки, символизирующей адскую бездну, с четырьмя бледными обнаженными фигурами матери семейства, ее нового мужа и двоих их сотрапезников, которые «тако нерадиво живущее, вси изомроша безъвременно и во адъ мучимы суть» [Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4309. Л. 19 об.].

Заканчивается цикл в обоих вариантах изображением тяжелой нищенской жизни детей «нерадивой матери», которые еще на этом свете вынуждены расплачиваться за ее грехи и свое в них участие. Дьявольское темное дело на этом завершено. Судьба душ младшего поколения семьи «роскошника» зависит от их раскаяния, желания и способности заслужить прощение. В последней миниатюре цикла мы видим сложную многоплановую композицию, ведь в иллюстрирующем ее коротком тексте много действия. Художникам нужно показать, как дети скитаются по улицам, прося милостыню и тяжело работая, «дрова сѣкуще и камение носяще». Эта композиция вся полна назидания и при этом является самой оптимистичной во всем цикле, так как выступает в роли его «коды», открывая путь к освобождению от дьявольских чар, связанных с неумеренной жадностью богатства, праздной и роскошной жизни.

В тексте притчи слова «роскошество», «роскошно» упоминаются с оттенком осуждения, выступая одним из маркеров греха. Понятие «роскошь», от которого они произошли, согласно наблюдениям болгарского лингвиста П. Филковой (чье исследование отчасти восполняет лакуны известных словарей древнерусского языка), означало богатство, великолепие, изобилие, наслаждение, излишество [Филкова, с. 159]. В притче «О роскошнике» все эти оттенки смысла соответствуют сюжету и передают суть происходящего. Ведь именно желание обеспечить себе «роскошную» жизнь сделало ее героев легкой добычей дьявола, заставило поверить в его наушения и обещания.

На миниатюрах первого иконографического варианта роскошь обозначена почти символически. За создание «роскошного» антуража сюжетных сцен отвечают традиционные для иконописи и книжной миниатюры XVII в. «палатки», условные архитектурные формы которых отсылают к образам русской архитектуры этого времени.

Предметы интерьера и обихода также воспроизводят формы, знакомые по изображениям предыдущих эпох. Роскошь для составителей и читателей притчи в таких синодиках выглядит так, как ее себе представляли еще иллюстраторы Радзивиловской летописи, Лицевого летописного свода и других иллюминированных рукописей прежних времен. Однако на людей допетровского времени, большинство из которых продолжало жить в традиционном, мало меняющемся мире, такая визуализация греховных «роскошеств», очевидно, все еще производила серьезный назидательный эффект.

Другой образ «роскоши» создан в миниатюрах XVIII в., воспроизводивших гравюры Синодика Леонтия Бунина. К сожалению, до сих пор не удается установить образцы самих этих гравюр, но интерес к европейским гравированным изображениям с середины XVII в. вырос неимоверно. В Россию привозили много книг и отдельных листов европейской печати, которые охотно использовались местными художниками и граверами [Хромов, с. 90–92]. Их произведения транслировали иные, иноземные представления о явлениях, знакомых русским читателям по популярным на родине текстам. На миниатюрах синодика Сольбинской пустыни действие происходит в европейских палатах с античными (или скорее ренессансными) колоннами и арками. Посуда, музыкальные инструменты и некоторые другие детали и мелочи тоже попали на них из другого мира, с которым русские «роскошники» еще только познакомились. Мы не можем этого утверждать наверняка, но, возможно, такой прием был призван усилить впечатление греховности, чуждости происходящего, дьявольского искушения.

Стремление «учить картинами» ярко прослеживается в миниатюрах русских лицевых синодиков XVII–XVIII вв., и одним из интереснейших примеров такого учительства, как мы установили, является цикл иллюстраций к притче «О роскошнике», входившей в традиционный репертуар синодичных литературных предисловий. Доходчивость и убедительность языка миниатюр не уступают литературному повествованию, а превосходят его. Изображения на миниатюрах не просто следовали за текстом, а дополняли и комментировали его, используя визуальные риторические приемы разоблачения зла и поясняя пагубность следования ему. Условием для осуществления дьявольского замысла соблазнения человека на греховные поступки выступает осуждаемая художниками-миниатюристами алчность персонажей притчи. В свою очередь, ее причиной выступает желание «роскошной» жизни, признаки которой характеризуются с помощью изображения соответствующего антуража, в том числе архитектурных интерьеров, предметов быта, музыкальных инструментов. Два различающихся варианта иконографии цикла миниатюр к притче «О роскошнике», несмотря на композиционные и изобразительные нюансы, в итоге рассказывают одну и ту же поучительную историю о грехе и наказании. Она отличается от многих других иллюминированных синодичных притч присутствием в литературном и визуаль-

ном сюжете важного inferнального персонажа – «ангела сатанина», вносящего в повествование необычный нюанс.

Список литературы

Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии : Семиотика образа. М. : Индрик, 2011. 376 с.

Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии // Буслаев Ф. И. О литературе : Исследования. Статьи / сост. Э. Л. Афанасьев. М. : Худ. лит., 1990. С. 164–261.

Дергачева И. В. Тематика посмертного спасения и наказания в памятниках древнерусской танатологии // Воропаев В. А., Дергачева И. В., Конявская Е. Л., Мильков В. В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М. : Индрик, 2021. С. 109–162.

Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы как система // Славянские литературы : VI междунар. съезд славистов (Прага, август 1968) : доклады советской делегации / ред. Д. Ф. Марков, А. Н. Робинсон. М. : Наука, 1968. С. 5–48.

Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. 4288, 4309, 4310.

Прокофьев Н. И. Прелесть простоты и вымысла // Древнерусская притча / сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алехина. М. : Сов. Россия, 1991. С. 5–18.

Сукина Л. Б. Поздняя осень русского Средневековья : Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2021. 359 с.

Филкова П. Структурно-семантический тип слов с префиксом роз-/рос- в истории русского литературного языка // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридский». Факультет славянской филологии. София : Университет. изд-во «Св. Климент Охридский», 2006. Т. 91. С. 147–178.

Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. М. : Памятники ист. мысли, 1998. 219 с.

References

Antonov, D. I., Maizul's, M. R. (2011). *Demony i greshniki v drevnerusskoi ikonografii. Semiotika obraza* [Demons and Sinners in Old Russian Iconography. Semiotics of the Image]. Moscow, Indrik. 376 p.

Buslaev, F. I. (1990). *Povest' o Gore i Zlochastii* [A Story of Grief and Misfortune]. In Buslaev F. I. *O literature. Issledovaniya. Stat'i* / ed. by E. L. Afanas'ev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 164–261.

Dergacheva, I. V. (2021). *Tematika posmertnogo spaseniya i nakazaniya v pamyatnikakh drevnerusskoi tanatologii* [The Theme of Posthumous Salvation and Punishment in the Works of Old Russian Thanatology]. In Voropaev, V. A., Dergacheva, I. V., Konyavskaya, E. L., Mil'kov, V. V. *Tanatologicheskaya tema v russkoi slovesnosti XI–XXI vv.* Moscow, Indrik, pp. 109–162.

Filkova, P. (2006). *Strukturno-semanticheskii tip slov s previksom roz-/ros- v istorii russkogo literaturnogo ezika* [Structural and Semantic Type of Words with Prefix roz-/ros- in the History of the Russian Literary Language]. In *Godishnik na Sofiiskiya universitet "Sv. Kliment Okhridskii". Fakul'tet slavyanskoi filologii*. Sofia, Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridskii". Vol. 91, pp. 147–178.

Khromov, O. R. (1998). *Russkaya lubochnaya kniga XVII–XIX vekov* [The Russian Lubok Book of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 219 p.

Likhachev, D. S. (1968). *Drevneslavyanские литературы как система* [Old Slavic Literatures as a System]. In Markov, D. F., Robinson, A. N. (Eds.). *Slavyanskіe literatury. VI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, avgust 1968). Doklady sovetskoi delegatsii*. Moscow, Nauka, pp. 5–48.

Pereslavl'-Zalesskii muzei-zapovednik [Pereslavl'-Zalessky Museum-Reserve]. Inv. 4288, 4309, 4310.

Illustration for the article:
Turkan Olcay. The Cultural Heritage
 of the White Russian Emigration in Istanbul

1. Fashion magazines of the 1920s:
 a – Yeni İnci (1922, No. 7, p. 2); b – Resimli Ay (1924, No. 2, p. 1)

2. Russian publishing houses and bookstores in Istanbul in the 1920s. Collage

Иллюстрации к статье:
*Ирина Дергачева. Триумф смерти макабра
и «эсхатологический оптимизм» синодиков*

Illustration for the article:
*Irina Dergacheva. The Triumph of Death of the Danse Macabre
and the “Eschatological Optimism” of the Synodics*

1. Встреча живых и мертвых. 1258–1266. Мелфи, церковь Святой Маргариты
[Scaramella, p. 26]

Meeting of the Living and the Dead. 1258–1266. Melfi, Church of St Margaret

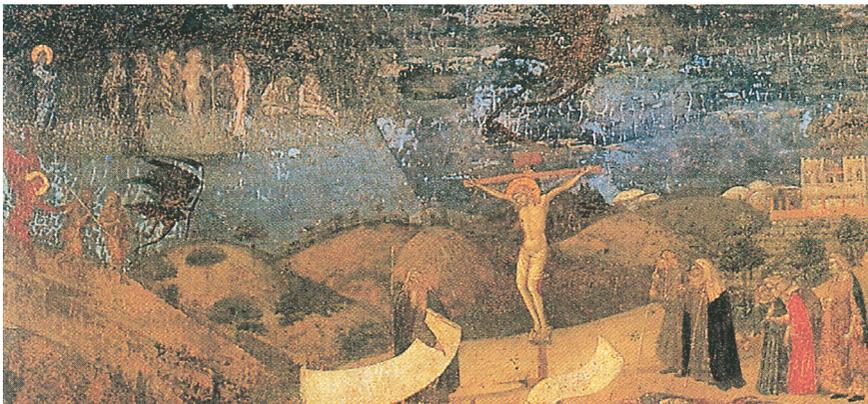

2. Встреча живых и мертвых. 1258–1266. Атри, собор [Scaramella, p. 27]
Meeting of the Living and the Dead. 1258–1266. Atri Cathedral

3. Св. Франциск представляет «sora nostra morte corporale» («сестру нашу, смерть тела»). Середина XIV в. Ассизи, нижняя церковь Св. Франциска [Scaramella, p. 36]

St Francis presents "sora nostra morte corporale" ("our sister death of the body").
Mid-14th century, Assisi, lower church of St Francis

4. Амброджио Лоренцетти. Аллегория искупления человечества. Ок. 1330. Сиена, Пинакотекa. Фрагмент [Scaramella, p. 36]
Ambrogio Lorenzetti. Allegory of the Redemption. C. 1330. Siena, Pinacoteca. Fragment

5. Барто де Фреди. Триумф смерти. Вторая половина XIV в. Лучиньяно (Ареццо), церковь Св. Франциска [Scaramella, p. 41]
Barto de Fredi. Triumph of Death. Second half of the 14th century. Lucignano (Arezzo), Church of St Francis

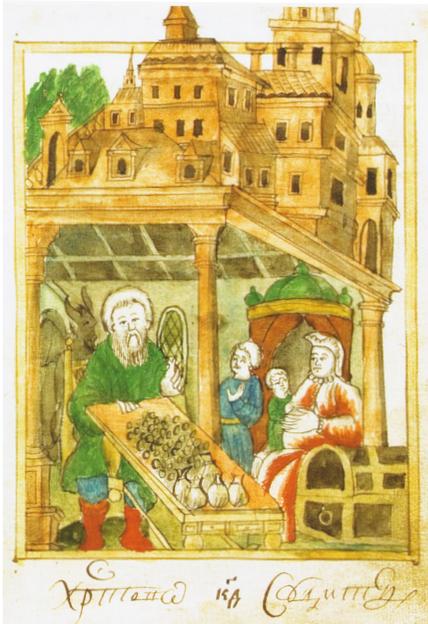

6. Сыне едиnorodный. Четырехчастная икона. 1547 г. Москва, Музей Кремля
[Vilinbachova, p. 257]

The only begotten son. Four-part icon. 1547. Moscow, Kremlin Museum

Иллюстрации к статье:
Людмила Сукина. Осуждение алчности как «бесовского наущения»
в иллюстрациях синодиков раннего Нового времени

Illustration for the article:
Liudmila Sukina. The Condemnation of Avarice as "Demonic Instigation"
in the Illustrations of Synodics of the Early Modern Period

1. Дьявол поучает роскошника.
Миниатюра Синодика Сольбинской
Никольской пустыни. Л. 16
The devil teaches a spendthrift. Miniature
of the Synodic of St Nicholas Monastery
of Solba. P. 16

2. Пир в доме роскошника. Миниатюра
Синодика Сольбинской Никольской
пустыни. Л. 17
A feast in a spendthrift's house. Miniature
of the Synodic of St Nicholas Monastery
of Solba. P. 17

Prokof'ev, N. I. (1991). Prelest' prostoty i vymysla [The Charm of Simplicity and Fantasy]. In Prokof'ev, N. I., Alekhina, L. I. (Ed.). *Drevnerusskaya pritcha*. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 5–18.

Sukina, L. B. (2021). *Pozdnyaya osen' russkogo Srednevekov'ya. Ocherki kul'turnoi istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI–XVII vv.)* [The Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th–17th Centuries)]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 359 p.

The article was submitted on 01.06.2022

Нравоучение в творчестве Димитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца»)*

Марина Федотова

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*)

Marina Fedotova

Institute of Russian literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

The author of this article proposes to consider moralising in Dimitry Rostovsky's work as a separate narrative, which has a certain set of genre characteristics. Many sermons delivered by Metropolitan Dimitry can be analysed not only from the point of view of sermons glorifying a church holiday or an Orthodox saint but also from the standpoint of writings aimed at educating and raising the moral level of both the flock and pastors. The author of the article especially highlights two epistles addressed to priests dedicated to the sacraments of Confession and the Eucharist, in which Dimitry Rostovsky acts as a true spiritual teacher. These instructive literary epistles, as a type of Slavic bookish rhetoric, are similar in style to the metropolitan's sermons, but carry a much more pronounced moralistic load. *Apology for the Soothing of Sorrows of a Man Who Is in Trouble, Persecution, and Bitterness...* (1696) also belongs to the spiritual writings of Dimitry and its apology is close to moralising. Starting with the first works of Dimitry Rostovsky, such as *The Miracle of the Most Holy and Blessed Virgin Mary* (1677) and *The Dewy Fleece* (1683) and ending with *The Cell Chronicle* (1707–1709), moralising becomes a special narrative (sometimes marked, as in *Miracles...* and *The Dewy*

---

* Citation: Fedotova, M. (2022). Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738.

Цитирование: Fedotova M. Moralising in Dimitri Rostovsky's Works (from *The Dewy Fleece* to *The Cell Chronicle*) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738 / Федотова М. Нравоучение в творчестве Димитрия Ростовского (от «Руна орошенного» до «Келейного летописца»). 2022. Т. 10, № 4. С. 1420–1437. DOI 10.15826/qr.2022.4.738.

Fleece). Their content is an explanation of the causes of human sins, a call through repentance for a virtuous life, and the glorification of the blessings of the Lord. The moralising not only has a clear internal structure in the form of small texts that interpret miracles by presenting quotes and images borrowed from the Holy Scripture and the writings of the holy fathers, but they also occupy an important place in the composition of the early books, turning into a kind of an epiphonema of each miracle. *The Cell Chronicle* was created in the same way. Along with the presentation of biblical history and its interpretation, moralising is an integral part of the work. However, the instructions of *The Cell Chronicle* concerned not only general Christian topics, but they were also occasional; reflecting the circumstances of everyday life, they were close to the texts found in the *Statir* collection created in the Urals in the late seventeenth century.

Keywords: Old Russian literary culture, Dimitry Rostovsky, moralising, teaching, genre, narrative, Baroque

В статье предлагается рассмотреть *нравоучение* в творчестве Димитрия Ростовского как отдельный нарратив, имеющий определенный комплекс жанровых характеристик. Многие произнесенные митрополитом Димитрием проповеди могут быть проанализированы не только с точки зрения поучений, прославляющих тот или иной церковный праздник или того или иного православного святого, но и с позиции сочинений, направленных на воспитание и повышение нравственного уровня как паствы, так и пастырей. Особенно выделяются два послания иереям, посвященные таинства исповеди и евхаристии, в которых святитель выступает в качестве истинного духовного учителя. Эти учительные литературные послания как разновидность книжно-славянской риторики близки по своей стилистике к проповедям митрополита, но несут гораздо более выраженную нравоучительную нагрузку. К нравственно-духовным сочинениям Димитрия, как показывает автор статьи, относится «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...» (1696), апологемы которой также близки к нравоучениям. Начиная с первых сочинений Димитрия, таких как «Чуда Пресвятой и Преблагословенной Девы Марии» (1677) и «Руно орошенное» (1683), и заканчивая «Келейным летописцем» (1707–1709), нравоучение в творчестве святителя является особым (иногда маркированным, как в «Чудах» и «Руне») нарративом. Их содержание – это объяснение причин грехов человеческих, призыв через покаяние к добродетельной жизни и прославление благодеяний Господних. Нравоучения не только имеют четкую внутреннюю структуру, представляя собой небольшие по объему тексты, толкующие чудеса нанизыванием цитат и образцов, заимствованных из Священного Писания и сочинений святых отцов, но и занимают важное место в композиции ранних книг Димитрия, превращаясь в своего рода эпифонемы каждого чуда, оттеняющие смысл сказанного. По такому же типу создан и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского: нравоучения наряду с изложением библейской истории и ее толкованием являются неотъемлемой частью памятника. Однако настав-

ления «Келейного летописца» касались не только общехристианских тем, они имели окказиональный характер, отражали обстоятельства, с которыми ростовский митрополит сталкивался в повседневной жизни, сближаясь в этом с текстами, входящими в сборник «Статир», созданный в конце XVII в. в Приуралье.

Ключевые слова: древнерусская книжная культура, Димитрий Ростовский, нравоучение, поучение, жанр, нарратив, барокко

Ораторская проза Димитрия Ростовского (1651–1709), которого называли «российским Златоустом», одна из важнейших составляющих творческого наследия писателя: ему принадлежат более ста проповедей, написанных почти на все праздники подвижной и неподвижной частей церковного календаря. Поучения святителя читаются в основном в многочисленных сборниках [Федотова, 2020] (при этом автографов с проповедями митрополита сохранилось немного) и изданиях¹; имеются также свидетельства современников о произнесении Димитрием поучений², особенно много таких записей в «Диариуше» и «Епистоляре», сочинениях дневникового типа³.

Кроме прославления того или иного православного святого или церковного праздника, главную задачу своих поучений святитель Димитрий видел в просвещении и воспитании прихожан и духовенства. Однако, как он сам выразился в письме Федору Поликарпову-Орлову от 8 ноября 1708 г. при характеристике «Келейного летописца», произнесение проповедей было не единственной формой повышения нравственного уровня паствы и пастырей:

Моему сану (его же нѣсмь достоин) надлежит слово Божие проповѣдати не точию языком, но и пишущею рукою. То мое дѣло, то мое звание, то моя должность. Пишу, убо Господу поспѣшествующу, нравоучения, мѣстами же и толкования Писания Святаго, елико могу, немощный [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 9 об.].

Важной в данном контексте является обязанность писать *нравоучения*, адресованные аудитории, то есть заниматься делом просвещения не только посредством проповеди, но и при помощи письменного слова.

Нравоучение, в отличие, например, от проповеди, в литературоведении не является жанровой категорией. Согласно словарям русского языка, понятие «нравоучение» имеет следующие дефиниции: '1) по-

¹ Первое собрание проповедей Димитрия Ростовского см.: [Димитрий Ростовский, 1786].

² Нужно отметить, что ни сам Димитрий Ростовский, ни писцы его скриптории, ни переписчики рукописей, ни издатели не дифференцировали понятия «проповедь»/«поучение»/«слово» и использовали все три написания, то есть можно говорить о характерном для данного жанра синкретизме.

³ См. публикацию текстов: [Федотова, 2022b, с. 465–533].

учение, внушение нравственных правил, наставление; 2) часть литературного произведения, заключающая мораль' [Толковый словарь]. В задачу нашей статьи входит показать, что нравоучение в творчестве Дмитрия Ростовского соотносится не только с проповедью/поучением, являясь «наставлением, внушением нравственных правил» (в этом значении оно тоже имеет богатый контекст), но также является самостоятельным значимым нарративом в составе письменного текста (литературного произведения).

В самой природе проповеди в той или иной степени заложена дидактическая функция, и почти все произнесенные митрополитом Дмитрием слова отчасти являются наставлениями или имеют фрагменты, в которых содержится нравоучение, например, о праведности и благочестии («Поучение на память святого Симеона Богоприимца»), о пастырях и овцах («Поучение на память святителя Тихона Амафунтского»), о телесном и духовном мученичестве («Поучение на день памяти святых мучеников Адриана и Натальи»), о богатстве и бедности («Поучение в неделю 22 по Пятидесятнице») и т. д.

В этом ряду нужно обратить особое внимание на два учительных послания ростовского митрополита к иереям. Тексты посланий иереям известны в большом количестве списков, неоднократно издавались, в том числе в собраниях сочинений Дмитрия Ростовского, они сохранились также в прижизненной авторизованной рукописи святителя, датируемой 1705 г.: ГИМ. Синод. собр. № 147, л. 329–338 (второе послание), 340–344 (первое послание) [см.: Протасьева, с. 37–38]. Первое послание посвящено рассмотрению таинства исповеди и практике духовничества, второе – таинствам евхаристии, покаяния в церковной жизни.

Данные послания митрополита являются не столько обращением к пастве, сколько увещанием клириков, выражением стремления поднять нравственный уровень именно духовенства, своего рода нравоучением, адресованным священнослужителям Ростовской епархии и репрезентированным через толкование церковных таинств. Эти два типа текста – толкование и нравоучение – как формы раскрытия, разъяснения заданной темы в сочинениях Дмитрия Ростовского тематически, композиционно и стилистически очень близки, и часто они трудно отделимы друг от друга.

В первом послании Дмитрий Ростовский поднимает один из главных вопросов и обличает одно из самых больших нарушений, которое допускали духовники Ростовской епархии, – нарушение тайны исповеди: «Доносится слуху нашему о нѣких между вами попах неискусных и злонравных, иже дѣтей своих духовных исповѣданныя грѣхи изявляют, обличают...» [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 340]. Священник, как показывал Дмитрий Ростовский, это служитель церкви, совершение таинства исповеди – это лишь одно из его служений, и он не должен тщеславиться, а тем более злоупотреблять своей властью над духовными детьми. Именно на это выявленное со сто-

роны клириков-духовников епархии нарушение со всеми не свойственными ему в обычной жизни страстью и темпераментом обрушился Димитрий Ростовский:

О, духовниче неискусный, злый обличителю дѣтей своих духовных, разорителю тайны Божия, соблазнителю мира и виновниче пагубы многих душ челоѳческих! Почто исповѣданные грѣхи и уже прощенные паки на среду приводиши? Почто Богом покровенная и потаенная, открывая, являеши? Почто блато омовенное паки наносиши на омовенных? Почто скверниши очищенных? [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 342].

Ссылаясь на авторитет киево-печерских старцев в первом послании и на ряд положений «Требника» Петра Могилы во втором послании (статьи «О достодождной чести и боголѣпном поклонении подобающом божественным тайнам тѣла кровѣ Господней», «О хранении божественных таин болных ради», «Устав, от еже кака причастити болнаго вѣскѣ»), святитель Димитрий показывает, что во взглядах на таинства исповеди и причастия он следует за киевской могилянскою традицией, именно к ней он стремится приобщить клириков своей епархии. Суммируя изложенное в увещании Димитрия Ростовского (в двух его посланиях иереям), можно сказать, что таинствам покаяния и евхаристии он отводил центральное место в церковной жизни, указывая, что предназначение священника – «быть представителем Церкви Христовой в миру, очищая прихожан от грехов в таинстве покаяния и причащая очищенных за литургией» [Крылов, с. 317]. При этом Димитрий явно был сторонником регулярного, частого, не менее четырех раз в год участия в этих таинствах:

Еще же и вся люди паствы своя да увѣщеваает иерей к частому святых таинств причащению и всячески да тщится привести я к тому, вѣдуци извѣстно, яко всяк, не причащайся Христа, нѣсть христианин, и вся добрая дѣла таковаго ни во что же суть пред Богом, и уже таковый жив погибе... [ГИМ. Синод. собр. № 147. Л. 333].

«Возболѣзновах о том сердцем попремногу», обнаружив, в каком «непочитании» может «храниться тѣло Христово» [Там же. Л. 330] (святитель пересказывает в одном из посланий произошедшую в 1702 г. встречу с нерадивым иереем), и увидев в этом эпизоде мрак невежества, Димитрий Ростовский, вероятно, по горячим следам написал увещание, отправив послания из Ростова в Ярославль вместе с сопроводительным письмом к иеромонаху Иосифу, заместнику Архиерейского дома в Ярославле⁴:

⁴ Послание Димитрия Ростовского иеромонаху Иосифу сохранилось в прижитненном списке [ГИМ. Синод. собр. № 811. Л. 252–255]. Сборник датируется 1704 г., см.: [Протасьева, с. 39–40]. Послание известно нам еще в одном списке [БАН. Собр. Археографической комиссии. № 156. Л. 226 об. –231 (8°, XVIII в.)].

...написахом увѣщание наше архиерейское, обще ко всѣм иереом, и послахом то к тебѣ. Ты же, коко сие писание к тебѣ приидет, призови всѣх попов ярославских на наш архиерейский двор и повели увѣщание наше им прочести во услухание всѣм, и, прочет, прикажи, чтоб всяк иерей съписал себѣ и имѣл у себѣ [ГИМ. Синод. собр. № 811. Л. 252 об.].

Иеромонах Иосиф выполнил наказ архиерея, послания к иереям Димитрия Ростовского разошлись в большом количестве списков и получили огромную популярность.

Эти учительные литературные послания как разновидность книжно-славянской риторики близки по своей стилистике к проповедям митрополита, но несут гораздо более выраженную нравоучительную нагрузку. Они написаны по всем правилам риторической науки, их стиль и язык – яркие, эмоциональные, образные, что является отличительной чертой почти всех сочинений святого Димитрия. Все это, а также огромная эрудиция автора делали его творения самыми популярными и переписываемыми среди современников.

К нравственно-духовным сочинениям Димитрия Ростовского относится и «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении...» (первое издание – Чернигов, 1696), она представляет собой диалог между скорбящим человеком и утешающим его старцем, апологемы которого, состоящие исключительно из цитат Священного Писания, что важно подчеркнуть, близки к нравоучениям. Например:

Что без воли Господней бывает, рцы ми? Без воли Отца небеснаго «ни едина птица падет на земли» (Мф 10 : 29), речено во Евангелии; без воли Его и «влас главы не погибнет» (Лк 21 : 18). Не мни убо, яко от злобы челоуѣческа, но от произволения Господня терпиши. Сице бо Господь творит, якоже отец, егда хошет своего наказати сына, приемлет бич в руцѣ и чадолюбнѣ биет, таже наказав елико восхотѣ, отметае бич, а сына любезнѣ объемяет. <...> Сице убо и ты разумѣй, о любимиче мой! Яко нынѣ восстающии на тя Божиим попущением челоуѣцы суть аки бичь в руку Господню, имже ты наказует до времени: будет же время, егда восхошет Господь явити тебѣ милость Свою, тогда узриши бичь той, испадашь от руку Божию, и отметнут... [Димитрий Ростовский, 1839, т. 1, с. 195–196].

Источником многих сочинений Димитрия Ростовского, воспитанника Киево-Могилянской академии, писателя эпохи барокко, были латиноязычные книги. Свяtitель хорошо знал западную схоластическую литературу, однако источником вдохновения для его нравоучений являлись, за редким исключением, только Священное Писание и святоотеческая литература, из которых он заимствовал цитаты, образы, сюжеты.

В богатом творческом наследии святителя Димитрия нравоучение читается не только в проповеди, но и встречается как самостоятельный нарратив или как отдельная маркированная часть повествования, обладающая определенным набором жанровых характеристик, хотя, безусловно, квалифицировать их как тексты определенного жанра вряд ли возможно. Такие тексты, наставляющие читателя, имеются уже в самых ранних сочинениях Димитрия Ростовского – книге «Чуда пресвятой и преблагословенной Дѣвы Марии, дѣючиися от образа Еи чудотворного в монастыру святого славнаго пророка Илии Чернѣговском» (далее – «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии»), изданной в 1677 г. в Новгороде-Северском, первом из дошедших до нас сочинении Димитрия Ростовского, и в созданной на ее основе книге «Руно орошенное» (первое издание – Чернигов, 1683).

Обе книги посвящены описанию чудес, произошедших от образа Ильинской Божьей Матери (день празднования – 16 (29) апреля). Икона была написана в 1658 г. иконописцем Григорием (Геннадием) Константиновичем, «маляром Дубенским» с Волыни [Адрут, с. 72], для местного ряда иконостаса Ильинской церкви⁵ и стала главной святыней Болдинского во имя святой Троицы и пророка Ильи мужского монастыря, основанного преподобным Антонием Печерским во второй половине XI в. [Болдинский во имя святой Троицы и пророка Божия Ильи мужской монастырь]. Разоренный во время монголо-татарского нашествия монастырь был восстановлен в 1649 г. старанием ктитора Стефана Пободайлы при игумене Зосиме (Тишевиче), при котором и была написана Ильинская икона Божьей Матери и при котором она начала чудотворить⁶.

При всех структурных отличиях обе книги имеют одно сходство – в описании каждого чуда читается нравоучение, которое выделено и обозначено как отдельное повествование.

Композиция книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» кажется еще несовершенной. Так, после описания первого чуда следуют шесть небольших нравоучений, при этом каждое нравоучение начинается со стихотворного двустихия, например: «Чем, сыне, медлиш в пути прездолгое время? // Маги плачет, вернися, здойми плачу бремя» [Димитрий Ростовский, 1677, л. 5 об.]; «Кто о грѣшных восплачет, прогнѣвавших Бога? // Аще не Дѣва, к нимъже Ея милость многа» [Там же, л. 6 об.] и т. д. Все остальные чудеса (всего 22 чуда) сопровождаются одним нравоучением и не имеют синтагматических эпиграфов. С другой стороны, выделение первого чуда и окружение его шестью нравоучениями обусловлены его значимостью. Это главное чудо (относится к 1662 г.), которое произошло от иконы Ильинской Божьей Матери, – мироточение.

Вслед за книгой «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» было написано «Руно орошенное». «Руно орошенное» – это

⁵ Об иконографии см.: [Комашко; Адрут, с. 55–73].

⁶ См. о книгах подробнее: [Федотова, 2022a].

не редакция книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии», как справедливо отметил А. А. Круминг, «его следует считать новой книгой» [Круминг, с. 41]. Наиболее заметные различия между двумя книгами заключаются в следующем: «Чуда...» написаны на простой мове, а «Руно...» – на церковнославянском языке; в «Чудах...» – 22 чуда с нравоучениями, а в «Руне...» – 24⁷; к нравоучениям добавлены беседы и прилоги, которых нет в «Чудах...» [Там же]. При этом большинство нравоучений было переработано или даже написано заново: в «Предисловии к читателю» сказано, что «книжка» вышла с исправлением нравоучений и приложением «кратких бесед духовных».

Безусловно, эти книги, созданные Димитрием в период наивысшего расцвета барочной культуры на территории Украины и посвященные богородичной теме, одной из самых значимых в европейской средневековой культуре, не одиноки и стоят в ряду с сочинениями Илариона (Денисовича)⁸, Иоанникия (Галятовского)⁹, здесь же могут быть упомянуты труды Антония (Радивиловского) [Антоний Радивилловский], Кирилла (Транквиллиона-Ставровецкого) [Кирилл Транквиллион-Ставровецкий] и др. [Максимович]. Сказания о чудесах, происшедших от чудотворных богородичных икон, всегда являлись одним из самых плодотворных жанров западной средневековой литературы, широко и свободно проникая в русскую культуру, а в эпоху барокко на Украине этот жанр, расцветший на благодатной почве, отражал ее интеллектуальный, духовный и литературный уровень.

Однако книги Димитрия Ростовского, особенно это касается «Руна орошенного», существенно отличаются от сочинений своих предшественников и, возможно, от всей традиции сказаний о чудотворных иконах, это книги другого типа: к чудесам, как мы отмечали выше, в них добавлены в «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» нравоучения, а в «Руне орошенном» – беседы, схожие по содержанию и стилистике с толкованиями, нравоучениями и прилогами. Беседы и нравоучения составлены самим автором, а прилоги собраны из разных источников. В «Руне орошенном» Димитрий Ростовский как мастер барокко виртуозно пользуется символично-аллегорической образностью как художественным языком эпохи. Уже в заглавии книги прочитывается образ Девы Марии как одушевленного руна Гедеонова, поясненный в беседе к первому чуду, и все 24 чуда от иконы Ильинской Божьей Матери, «собранные в число

---

⁷ Количество чудес объясняется сравнением с неким болящим клириком, который молился Богородице каждый час в течение суток, за что получил исцеление.

⁸ Сочинение Илариона Денисовича (Denisowicz Hilarion. Parergon cudow świętych obraza przeczystey Bogorodzice w monastyrze Kupiatickim) издано в качестве дополнения к изданию Афанасия (Кальнофойского) [Athanasius Kalnofoyski].

⁹ См.: [Иоанникий Галятовский, 1676]. «Скарбница потребная» является одним из наиболее близких прототипов для книги Димитрия Ростовского «Руно орошенное» [Федотова, 2022а]. Книга Иоанникия (Галятовского) «Небо новое» также содержала чудеса Пресвятой Богородицы [Иоанникий Галятовский, 1665].

двадцати и четырех часов дневнонощных» (по определению автора), становятся, согласно правилам риторики и барочной поэтики, символической аллегорией: образ руна-Богородицы, обильно орошенный Божьей благодатью, сам орошает верующих по названию чудес росой любви, защиты, странников утешения, исцеления, устрашения врагов, озарения смыслов, слез избавления, узорешительства, росой силы, мучащей невидимых мучителей, и т. д.

В этом ряду нужно рассматривать и структуру «Руна орошенного», она отражает культуру барокко, гармонично вписываясь в ее контекст своей тенденцией к накоплению. В период зрелого барокко, как отмечает Л. И. Сазонова, «наблюдается ситуация, несколько отличная от Средневековья: жанровые формы разбухают, назревают, готовятся к перестройке, возникают суперформы – художественные произведения стремятся стать энциклопедическими сводами исторического и морально-поэтического знания» [Сазонова, с. 521]. Наличие нравоучений также показывает, что уже в первых книгах Димитрия Ростовского вырабатывались его неповторимый авторский стиль и метод собирания, соединения в одном сочинении разных источников, сведений в назидание и поучение читателю. «И то не от себе, но что индѣ читал и, аки пчела, от различных зел мед в един сот собра, – пишет Димитрий Ростовский в предисловии “К читателю” уже в издании “Руна орошенного” 1683 г. и продолжает: То уже и тыѣ, внимательный читателю, презри простых сих нравоучительных бесѣд, иже писахуся не во ино нѣкое тщетное намѣрение, но в самую Богу славу, Богородицы похвалу и душ людских преобрѣтению» [Димитрий Ростовский, 1683, л. 2 об. –3].

Можно сказать, что по такому типу создан и «Келейный летописец» Димитрия Ростовского. Безусловно, в его основе лежит западноевропейская экзегетика, но к толкованиям и комментариям библейской истории добавлены нравоучения, что является отличительной от западных образцов чертой памятника.

В ранних книгах святителя Димитрия нравоучения по своей структуре представляют собой небольшие по объему тексты, толкующие чудо посредством и нанизыванием цитат и образов, заимствованных из Священного Писания и сочинений святых отцов. Их содержание – это объяснение причин грехов человеческих, призыв через покаяние к добродетельной жизни и прославление благодетелей Господних.

Приведем начало такого нарратива из «Руна орошенного» к чуду 4, рассказывающему об исцелении от болезни ног:

Вси уклоняющиися от пути правого, не сохраняющии Завета Господня, хромы суть: охромоша от стезь своих, глаголет псаломник. Хромы же двояко: единоножно и обоножно. Единоножно тыи, иже яко храмаяй, ово простѣ станет, ово к землѣ преклонится. Тако оны: ово к добродѣтели обращаются, ово к злобѣ возвращаются, ово встают, ово паки падают, и аки двоими шествуют путми, о сицевых глаголет Сирах: Горе грѣшнику,

ходящу на двѣ стезѣ. Обоножно же хромы суть сии, иже единою падши, не хоцут никогда востати, но, углубше в тимѣния глубины, и отчаявшеся свего спасения, аки без ног, по землѣ суеты суетств ползают, смирися в персть душа их, прилпе землѣ утроба их...¹⁰

Нравоучения не только имеют четкую внутреннюю структуру, но и занимают важное место в композиции обеих книг: в «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» они следуют сразу за описанием чуда, в «Руна орошенном» читаются между беседами и прилогами. Беседы, сравнимые с толкованиями, вводят читателя в «христианский» контекст, а прилоги собраны из разных источников. Среди них и средневековые авторы, писавшие на латинском языке, которые в основном и указаны самим Димитрием. Нравоучения же превращаются в своего рода эпифонемы каждого чуда, самостоятельные аккорды, являются «содержательным суждением, особым образом оттеняющим смысл сказанного», то есть «смысловым камертоном» текста [Тарасов, с. 225, 227].

Важную роль нравоучение играет в «Келейном летописце», работа над которым была начата, вероятно, еще на Украине, продолжена уже в Ростове, но так и не была завершена. Она была прервана необходимостью обратиться к другой теме и написать другое сочинение, отвечающее требованиям времени, а именно «Розыск о раскольнической брынской вере». Несмотря на свою незавершенность, «Келейный летописец» имеет богатую рукописную и издательскую традицию.

«Келейный летописец» – это библейская история, разбитая на столетия от сотворения мира до Иакова-Израиля (изложение 1–32-й глав Книги Бытия), иллюстрируемая толкованиями и сопровождаемая проповедями и нравоучениями, «включенная в повествование так называемая “история внешняя” – изложение истории государств Древнего Востока и античной мифологии, [которая] также снабжена обширными нравоучениями» [Волков, с. 3]. Жанровое своеобразие «Келейного летописца» отмечалось всеми исследователями творчества Димитрия Ростовского: «это одновременно всемирная хроника, учительное Евангелие, толкование Библии, история спасения человеческого рода, теологический трактат, глубоко риторический обличительный памфлет и сочинение проповедническое. Как цельное произведение „Летописец“ является, однако, независимым от всех названных жанров, хотя всем им принадлежит» [Броджи Беркофф, с. 204]. Нравоучения наряду с изложением библейской истории и ее толкованием являются неотъемлемой частью памятника, о чем святитель Димитрий отчетливо пишет в письмах своим друзьям: «А истории, яже в Библиах, токмо вократцѣ вѣмѣсто фемы полагаю, и от тѣх, аки от источников струи, нравоучения произвожду» (письмо Федору

¹⁰ Цит. по изд. «Руна орошенного»: [Димитрий Ростовский, 2009, с. 45]. Публикация осуществлена по изд.: [Димитрий Ростовский, 1697].

Полицарпову-Орлову от 8 ноября 1708 г.) [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 9 об.]; «...docere, hoc meum intentum, tale desiderium, si non propter alios (nam quis sum ego ut docerem doctos?) saltem propter me ipsum»¹¹ (письмо Стефану Яворскому от 4 декабря 1707 г.) [Там же. Л. 3].

В отличие от книг «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное...», Димитрий не выделяет и не маркирует в «Келейном летописце» нравоучения как самостоятельные повествования, но присутствие их в тексте столь очевидно и отчетливо, что писцы рукописей выносили нравоучения в особые оглавления, тем самым подчеркивая их значимость и важность для читателя: нравоучительное содержание памятника часто более всего привлекало читателя, и в этом, на наш взгляд, заключается разгадка его популярности. Причем статьи в этих оглавлениях далеко не всегда совпадали, каждый книжник видел и выписывал свой комплекс нравоучений, рассредоточенных среди ветхозаветных событий [ср.: Кириченко].

Приведем один пример такого оглавления:

О зависти нравоучение; О развращении христианского имени и жития; О краткости жизни сея и вѣчности будущия; О истинном покаянии и о дозволении достойном; О молитвѣ; О лютои казни огненной, хотящей грѣшником быти; О несообщении со злыми; О богоугождении и получении за то временых и вѣчных благ; О неизвѣстном часѣ смерти; О похвалении земледѣлства; Яко велие есть зло грѣх; О томже, яко велие есть зло грѣх; О не боящихся Бога чловѣцех; О изъявлении грѣховных обычаех; Яко страсти наши грѣховныя нам яко идолы; О познании своея немощи, познавается Бог; Яко полезни суть праведнии чловѣцы и о умалении праведных; Яко не видит Бога слѣпотствующий умом блудник; О пьянствѣ; О не боящихся Бога грѣшницѣх; О искушении Божии чловѣка; О любви к Богу; О странствовании жизни сея; Яко велий есть грѣх прелюбодѣяние; О кротости; О памяти смертной; О подаении препитания духовным; О возлагании упования на промысл Божий [РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4384. Л. 291].

Некоторые списки «Келейного летописца» вообще исключали историографическую и хронографическую составляющие текста, оставляя лишь нравоучения на темы Священного Писания и всемирной истории, таков, например, список [РНБ. Собр. П. П. Вяземского. Q.269], в котором читается только нравственно-духовная часть, то есть выписаны только нравоучения «Келейного летописца».

Такая картина наблюдалась и в первом издании памятника, осуществленном в 1784 г. Н. И. Новиковым: идейно-нравственное содержание «Келейного летописца» было крайне важно и вписывалось в программу просветительской деятельности Н. И. Новикова, а пото-

¹¹ «...поучать – вот мое намерение, таково желание; если не для других (ибо кто я, чтобы наставлять мужей ученых), во всяком случае для самого себя» (перевод наш. – М. Ф.).

му в оглавлении темы нравоучений были расписаны отдельно наравне с излагаемыми историческими и библейскими событиями. В издании выделены следующие нравоучения:

О отчаянии Каиновом, нравоучение; О имени христианина словом, или дѣлом, как подобает быти, нравоучение; О жизни человеческой, нравоучение; О покаянии Адамовом и грѣшника, нравоучение; Нравоучение и о ползѣ молитвы; О огнѣ в день страшный грѣшным, нравоучение; Сколько Сиф написал книг богоугодных и душеполезных, и польза их с нравоучением; Нравоучение о разлучении души от тѣла; О грѣхах человеческих, нравоучение; о Хамѣ, и нравоучение; О размѣянии Зароастра при рождении своем, нравоучение о жизни плачевной; Нравоучение о страстях; Нравоучение о слѣпотѣ блудника; Нравоучение о красотѣ души; Нравоучение о соли душевной; О наказании царя, иже отъят Сарру, с нравоучением; Нравоучение о странствии жизни [Дмитрий Ростовский, 1784, оглавление, [б. н.]].

Темы нравоучений «Келейного летописца» близки наставлениям, читаемым в ранних сочинениях Дмитрия Ростовского – «Чудах пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руне орошенном» (о грехах человеческих, страстях, покаянии). Однако в них есть одна важная составляющая: книга писалась в Ростове, в обстоятельствах, как мы отмечали выше, когда просвещение духовенства и паствы было одной из главных задач архиерея, и это не могло не сказаться на содержании его нравственно-духовных текстов. Отсюда и сюжеты нравоучений, вошедших в «Келейный летописец»: о благородстве, о зависти, о зле войны, о воспитании, о пьянстве, о земледелии, о служении священства и пастырях, о сновидениях, о десятине, о блудниках и браке и т. д. Таким образом, наставления касались не только общехристианских тем, они имели окказиональный характер, отражали обстоятельства, с которыми ростовский митрополит сталкивался в повседневной жизни. В этом Дмитрий Ростовский, представитель элиты, барочный литератор, «проводник западноевропейской культуры и латинской образованности» [Сазонова, с. 45], «барочный полонофил», который «не мог понять традиционалистов» [Панченко, с. 218], сближается с теми деятелями культуры, которые занимались просвещением паствы не в столичных, а в провинциальных храмах, например, с автором уникального сборника проповедей «Статир», созданного в конце XVII в. в Приуралье [Соболева, 2011]. Нравоучения «Келейного летописца» соотносятся не с текстами этого сборника, «связанными с христианским календарем, а с текстами “на случай”, обусловленными религиозно-житейскими потребностями» [Соболева, 2020, с. 256].

У обоих авторов много общего, их суждения и цели во многом близки. Святитель Дмитрий Ростовский пишет Стефану Яворскому:

...рѣдко хто от духовного чина вѣдает порядок историй быблийных, что когда дѣялося. Игумен един от тамошних спросил мене: “Когда Илия пророк был, по Рождествѣ ли Христовом или пред Рождеством?” И паки: “Маккавеи жили после апостолов, бо учитель их Елиазар на судици пред мучителем Апостолский и Евангелский цитовал словеса, яко надруковано в Прологу Московском августа 1?” И иньи многии меж духовным чином смѣху годнии слыхивалем дишкурси, якоже се: которим ножем свят. Петр усѣче Малхови ухо, тым послѣжде святой Илия порѣзал жерцов Вааловых, о *insensati Galatae* (неразумные галаты) [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 3].

Автор сборника «Статир»¹² приводит свои наблюдения, созвучные словам ростовского митрополита:

А божественнаго Златоуста бесѣды его и нравоучения на Евангелие, и на Павловы послания, и на Дѣяния святых апостол зѣло неразумително не точию слышащим, но и чтущим, велми бо препросты страны сея жители, в нейже ми обитати, не точию мирян, но и от священник иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху [РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411. Л. 5 об.].

Святитель Димитрий продолжает в том же письме местоблюстителю патриаршего престола:

...и для того хотел бым, аще бы поспѣшил Господь вашими святыми молитвами, въкратцѣ Быблийную историю подати таковым в вѣдение, книжкою не // зѣло великою, мѣрною, чтоб мог всяк недорого купити, и латво («обстоятельно»; перевод наш. – М. Ф.) о всѣх, яже в Быблиах, увѣдати историах, каковым идут порядком [ГИМ. Синод. собр. № 81. Л. 3].

Ему вторит проповедник «Статира»:

И по таковой винѣ аз грубый начах простѣшия бесѣды издавати, ово устно, овоже написанием, и нача тупой мой ум и скверная душа от благодати Божия и от натвержения святых отец писания, нѣкия рѣчения приложати, якоже книга писания моего изъясляет [РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411. Л. 5 об.].

Таким образом, «Келейный летописец» и сборник проповедей «Статир» имели одни те же дидактические цели, их авторы видели темноту и невежество клира и паствы, а их труды были направлены на просвещение прихода, на противостояние и преодоление его ду-

¹² Возможно, им был Потап Прокопиев Игольнишников. Споры об авторе этого сборника не утихают в научной литературе до сих пор, см.: [Мангилев, Соболева; Мудрова].

ховной необразованности («слово Божие проповѣдати не точию языком, но и пишущею рукою»), тем самым оба книжника отражали веяния эпохи накануне Нового времени. При этом святитель Димитрий Ростовский, будучи писателем культуры барокко, представителем латинской учености и схоластической риторики, о чем свидетельствуют в той или иной степени все его сочинения, являлся и одним из самых ярких духовных писателей и проповедников не только петровского времени, он не стал канувшим в Лету схоластом, а его учительная проповедь (устная и письменная) не была лишь назиданием, она имела и просветительский характер, то есть творчество Димитрия Ростовского занимало свою нишу в литературном процессе и имело завидную литературную судьбу.

Список литературы

Адруг А. К. Живопис Чернігова другої половини XVII – початку XVIII століть. 2-е вид. Чернігів : Видавництво Чернігівського ЦНП, 2013. 181 с.

Антоний Радивилевский. Огородок Марии Богородицы. Киев : Тип. Печер. лавры, 1676. 28, 128 л.

БАН. Собр. Археографической комиссии. № 156.

Болдинский во имя святой Троицы и пророка Божия Ильи мужской монастырь // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2002. Т. 5. С. 646–647.

Броджи Беркофф Дж. «История во кратце» неросхимонаха Спиридона: опыт исследования в контексте европейской историографии XVII в. // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время. М. : Индик, 1996. С. 201–215.

Волков А. В. «Келейный летописец» Димитрия Ростовского: источники текста и принципы работы автора : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. : [Б. и.], 2022. 25 с. ГИМ. Синод. собр. № 81, 147, 811.

Димитрий Ростовский. Чуда Пресвятой и Преподобной Девы Марии. Новгород-Северский : Тип. архиепископская, 1677. 3, 48 л.

Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Чернигов : Тип. Ильин. мон., 1683. 7, 88 л.

Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Чернигов : Тип. Ильин. мон., 1697. 7, 106, 2 л.

Димитрий Ростовский, митр. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовскаго, новоявленного чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до Рождества Христова, собранная от Божественнаго Писания из различных хронографов и историографов, греческих, славенских, римских, польских, еврейских и иных, с присовокуплением Келейной летописи сего же святого чудотворца. М. : Вольн. тип. И. Лопухина, 1784. XVI, 519 с.

Димитрий Ростовский, митр. Собрание разных поучительных слов и других сочинений святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенное, с приложением Жития его, Духовной грамоты святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, и Надгробной : [в 6 ч.]. М. : Синод. тип., 1786. 868 с.

Димитрий Ростовский, митр. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовскаго : в 5 т. М. : Синод. тип., 1839. Т. 1. 525 с.

Димитрий Ростовский. Руно орошенное / підгот. тексту, передмова та коментарі О. Тарасенка // Сіверянський літопис. 2009. № 1. С. 30–50. № 2–3. С. 206–227. № 4. С. 151–173.

Иоанникий Галятовский. Небо новое. Львов : Тип. М. Слезки, 1665. 8, 140 л.

Иоанникий Галятовский. Скарбница потребная и пожитечная всему свету. Новгород-Северский : Тип. архиепископская, 1676. 8, 28 с.

Кирилл Транквилион-Ставроецкий. Перло многоцветное. Чернигов : Тип. во владениях монастыря Елецкого, 1646. 180 л.

Кириченко О. В. «Келейный летописец» святителя Димитрия Ростовского // Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского синопсиса архимандрита Иннокентия Гизеля. М. : Паломник, 2000. С. 26–29.

Комашко Н. И. Ильинская Черниговская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2009. Т. 22. С. 360–365.

Круминг А. А. Книга святого Димитрия Ростовского «Руно орошенное» как литературный источник сюжетов в «Русских народных картинках» и иконописи // Филевские чтения : тез. конф. 16–19 мая 1995 года. М. : [Б. и.], 1995. С. 41–44.

Крылов А. О. Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2014. 373 с.

Максимович И. П. Паломник киевский, или Путеводитель по монастырям и церквам киевским. Киев : Тип. Киево-Печер. лавры, 1842. 2, 106 с.

Мангилев П. И., прот., Соболева Л. С. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134–144.

Мудрова Н. А. Несколько замечаний об историческом контексте создания сборника «Статир» и личности его автора: по поводу статьи прот. П. Мангилева и Л. С. Соболевой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 2 (10). С. 159–164.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. М. Русская история и культура. СПб. : Азбука, 2000. С. 13–280.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. Н. Невоструева) : в 2 ч. М. : [Б. и.], 1970. Ч. 1. 211 с.

РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 411.

РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4384; Собр. П. П. Вяземского. Q.269.

Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М. : Языки славян. культур, 2006. 894 с.

Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8. Филология. С. 175–186.

Соболева Л. С. Гимн семейной любви и гармонии в рукописном сборнике проповедей конца XVII века // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.

Тарасов М. И. Теория текста и дискурса. Дискурс рассуждения : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2021. 284 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М. : Сов. энцикл. : ОГИ, 1938. Т. 2. Л – Ояловеть. 1040 стб.

Федотова М. А. Проповеди Димитрия Ростовского: о проекте научного издания // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2020. С. 549–580. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 39).

Федотова М. А. Книги «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского // Археология и источниковедение Сибири. Вып. 40. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2022а. (В печати.)

Федотова М. А. Святитель Димитрий Ростовский. Житие, Служба, чудеса : Исследование и тексты. СПб. : Пушкинский Дом, 2022б. 560 с.

Athanasius Kalnofojyski. Teratourgema lubo cuda, ktore byly tak w samym swięto cudotwornym Monastyru Kiiowskim jako u w obudwu swiętych pieczarach. Київ : Drukarnia Kiiowopiczarska, 1638. 34, 322 л.

References

Adrug, A. K. (2013). *Zhivopis Chernigova drugoi polovini XVII – pochatku XVIII stolit'* [Painting of Chernihiv in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. 2nd Ed. Chernihiv, Vidavnistvo Chernigivs'kogo TsNP. 181 p.

Antonii Radivilovskii. (1676). *Ogorodok Marii Bogoroditsy* [Garden of Mary the Virgin]. Kiev, Tipografiya Pecherskoi lavry. 28, 128 p.

Athanasius Kalnofoyski. (1638). *Teratourgema lubo cuda, ktore byly tak w samym swięto cudotwornym Monastyru Kiiowskim jako y w obudwu swiętykh pieczarach*. Kiiv, Drukarnia Kiiowopieczarskaia. 34, 322 p.

BAN [Library of the Academy of Sciences]. *Sobranie Arkheograficheskoi komissii*. No. 156.

Boldinskii vo imya svyatoi Troitsy i proroka Bozhiya Il'i muzhskoi monastyr' [Holy Trinity and Prophet of God Elijah Boldin Monastery]. (2002). In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 5, pp. 646–647.

Broggi Bercoff, G. (1996). "Istoriya vo kratte" ieroskhimonakha Spiridona: opyt issledovaniya v kontekste evropeiskoi istoriografii XVII v. [*Brief History by Hieroschemamonk Spiridon: Research Experience in the Context of European Historiography of the 17th Century*]. In *Slavyane i ikh sosedi. Iss. 6. Grecheskii i slavyanskii mir v srednie veka i rannee novoe vremya*. Moscow, Indrik, pp. 201–215.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1784). *Letopis' izhe vo svyatykh ottsa nashego Dimitriya, mitropolita Rostovskago, novoyavlennago chudotvortsya, skazyuyushchaya vkratse deyaniya ot nachala mirobytija do Rozhdestva Khristova, sobrannaya ot Bozhestvennago Pisaniya iz razlichnykh khronografov i istoriografov, grecheskikh, slavenskikh, rimskikh, pol'skikh, evreiskikh i inykh, s prisovokupleniem Keleinoi letopisi sego zhe svyatogo chudotvortsya* [The Chronicle of Our Father Dimitry, Metropolitan of Rostov, the Newly-Appeared Miracle Worker, Who Briefly Tells the Deeds from the Beginning of the World to the Nativity of Christ, Collected from the Holy Scripture from Various Chronographs and Historiographers, Greek, Slavic, Roman, Polish, Jewish, and Others, with the Addition of the *Cell Chronicle* This Same Holy Miracle Worker]. Moscow, Vol'naya tipografiya I. Lopukhina, XVI, 519 p.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1786). *Sobranie raznykh pouchitel'nykh slov i drugikh sochinenii svyatogo Dimitriya mitropolita, rostovskago chudotvortsya, na shest' chastei razdelennoe, s prilozheniem Zhitiya ego, Dukhovnoi gramoty svyatogo Dimitriya mitropolita, rostovskago chudotvortsya, i Nadgrobnoi* [A Collection of Various Sermons and Other Writings of St Dimitry Metropolitan, Rostov Miracle Worker, Divided into Six Parts, with the Appendix of His Life, the Spiritual Letter of St Dimitry the Metropolitan, Rostov Miracle Worker, and Tombstone. 6 Parts]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (1839). *Sochineniya svyatogo Dimitriya, mitropolita Rostovskogo v 5 t.* [Works of St Dimitry, Metropolitan of Rostov. 5 Vols.]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 1. 525 p.

Dimitry Rostovsky, metropolitan. (2009). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece] / text preparation, foreword, and comments by O. Tarasenko. In *Siveryans'kii litopis*. No. 1, pp. 30–50. No. 2–3, pp. 206–227; No. 4, pp. 151–173.

Dimitry Rostovsky. (1677). *Chuda Presvyatoi i Preblagoslovennoi Devy Marii* [Miracles of the Most Holy and Blessed Virgin]. Novgorod-Severskii, Tipografiya arkhiepiskopskaya. 3, 48 p.

Dimitry Rostovsky. (1683). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece]. Chernigov, Tipografiya Il'inskogo monastyrya. 7, 88 p.

Dimitry Rostovsky. (1697). *Runo oroshennoe* [The Dewy Fleece]. Chernigov, Tipografiya Il'inskogo monastyrya. 7, 106, 2 p.

Fedotova, M. A. (2020). Propovedi Dimitriya Rostovskogo: o proekte nauchnogo izdaniya [The Sermons of Dimitry of Rostov: About the Scholarly Publication Project]. In *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkhieografii. K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo*. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 549–580. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Iss. 39).

Fedotova, M. A. (2022a). Knigi “Chuda presvyatoi i preblagoslovennoi Devy Marii” i “Runo oroshennoe” Dimitriya Rostovskogo [*The Miracle of the Most Holy and Blessed Virgin Mary and The Dew Fleece* by Dimitry Rostovsky]. In *Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri*. Iss. 40. Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN. (In print.)

Fedotova, M. A. (2022b). *Svyatitel' Dimitrii Rostovskii: Zhitie, Sluzhba, chudes: Issledovanie i teksty* [St Dimitry of Rostov: Life, Service, Miracles: Study and Texts]. St Petersburg, Pushkinskii Dom. 560 p.

GIM [State Historical Museum]. Sinodal'noe sobranie. No. 81, 147, 811.

Ioannikii Galyatovskii. (1665). *Nebo novoe* [New Heaven]. L'vov, Tipografiya M. Slezki. 8, 140 p.

Ioannikii Galyatovskii. (1676). *Skarbnitsa potrebnaya i pozhitechnaya vsemu svetu* [The Necessary Treasury Useful to the Whole World]. Novgorod-Severskii, Tipografiya arkhiepiskopskaya. 8, 28 p.

Kirichenko, O. V. (2000). “Keleinyi letopisets” svyatitelya Dimitriya Rostovskogo [*The Cell Chronicle* of Dimitry Rostovsky]. In *Keleinyi letopisets svyatitelya Dimitriya Rostovskogo s pribavleniem ego zhitiya, chudes, izbrannykh tvorenii i Kievskogo sinopsisa arkhimandrita Innokentiya Gizelya*. Moscow, Palomnik, pp. 26–29.

Kirill Trankvillion-Stavrovetskii. (1646). *Perlo mnogotsvetnoe* [Multicoloured Pearls]. Chernigov, Tipografiya vo vladeniakh monastyrya Eletsckogo. 180 p.

Komashko, N. I. (2009). Il'inskaya Chernigovskaya ikona Bozhiei Materi [Ilyinskaya Chernihiv Icon of Mother of God]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”. Vol. 22, pp. 360–365.

Kruming, A. A. (1995). Kniga svyatogo Dimitriya Rostovskogo “Runo oroshennoe” kak literaturnyi istochnik syuzhetov v “Russkikh narodnykh kartinkakh” i ikonopisi [St Dimitry Rostovsky's *The Dew Fleece* as a Literary Source of Plots in *Russian Folk Pictures* and Icon Painting]. In *Filevskie chteniya. Tezisy konferentsii 16–19 maya 1995 goda*. Moscow, S. n., pp. 41–44.

Krylov, A. O. (2014). *Mitropolit Dimitrii Rostovskii v tserkovnoi i kul'turnoi zhizni Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vv.* [Metropolitan Dimitry of Rostov in the Church and Cultural Life of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 373 p.

Maksimovich, I. P. (1842). *Palomnik kievskii, ili Putevoditel' po monastyryam i tserkvam kievskim* [Kyiv Pilgrim, or Guide to Kyiv Monasteries and Churches]. Kyiv, Tipografiya Kievo-Pecherskoi lavry. 2, 106 p.

Mangilev, P. I., prot., Soboleva, L. S. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost' avtora [The Historical Context of the Creation of the *Statir* Collection of Sermons and the Identity of the Author]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 12 fevralya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, pp. 134–144.

Mudrova, N. A. (2015). Neskol'ko zamechaniy ob istoricheskom kontekste sozdaniya sbornika “Statir” i lichnosti ego avtora: po povodu stat'i prot P. Mangileva i L. S. Sobolevoi [A Few Remarks about the Historical Context of the Creation of the *Statir* Collection and the Identity of Its Author: Regarding the Article by P. Mangilev and L. S. Soboleva]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. Iss. 2 (10), pp. 159–164.

Panchenko, A. M. (2000). Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. In Panchenko, A. M. *Russkaya istoriya i kul'tura*. St Petersburg, Azbuka, pp. 13–280.

Protas'eva, T. N. (1970). *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. N. Nevostrueva) v 2 ch.* [Description of the Manuscripts of the Synodal Collection (not Included in the Description by A. V. Gorsky and K. N. Nevostruev). 2 Parts]. Moscow, S. n. Part 1. 211 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 256. Sobranie N. P. Rumyantseva. No. 411.

RNB [Russian National Library]. Sobranie A. A. Titova. No. 4384; Sobranie P. P. Vyazemskogo. Q.269.

Sazonova, L. I. (2006). *Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya* [Literary Culture of Russia. Early Modern Time]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 894 p.

Soboleva, L. S. (2011). Avtorskii kod rukopisnogo sbornika "Statir" (Orel-gorodok, 1683–1684 gody) [The Author's Code of the Handwritten Collection *Statir* (Orel-Gorodok, 1683–1684)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya*. Vol. 10. Iss. 8: Filologiya, pp. 175–186.

Soboleva, L. S. (2020). Gimn semeinoi lyubvi i garmonii v rukopisnom sbornike propovedei kontsa XVII veka [A Hymn to Family Love and Harmony in a Manuscript Collection of Sermons from the End of the 17th Century]. In *Dialog so vremenem*. No. 73, pp. 254–270. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.014.

Tarasov, M. I. (2021). *Teoriya teksta i diskursa. Diskurs rassuzhdeniya. Uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Theory of Text and Discourse. Discourse of Reasoning. Textbook and Workshop for Universities]. Moscow, Yurait. 284 p.

Volin, B. M., Ushakov, D. N. (Eds.). (1938). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, OGI. Vol. 2. L – Oyalovet'. 1040 columns.

Volkov, A. V. (2022). "Keleinyi letopisets" Dimitriya Rostovskogo: istochniki teksta i printsipy raboty avtora [The Cell Chronicle of Dimitry Rostovsky: Sources of the Text and Principles of the Author's Work]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. St Petersburg, S. n. 25 p.

The article was submitted on 13.06.2022

OLD RUSSIAN BOOKS AND THEIR AUTHORS

DOI 10.15826/qr.2022.4.739

УДК Э372.24–574.8 + 811.161.1'04:81'42 + 811.163.1(47) + 82–97 + 82.09

«Слово на Рождество Христово» в сборнике XVI века: проблема авторства Спиридона, митрополита Киевского*

Антон Коваленко

Государственная публичная научно-техническая
библиотека Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ in a Sixteenth-Century Codex: The Problem of the Authorship of Spyridon, Metropolitan of Kyiv

Anton Kovalenko

State Public Scientific Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

This article considers the previously unstudied *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ* found in the manuscript of the early sixteenth century from the Kornilievo-Komelsky Monastery. Based on a comparison with other works attributed to Spyridon-Sava and considering the typical features of his works, i. e. his teleology and Graecisms, the author puts forward a hypothesis that the Metropolitan of Kyiv and All Russia is the author of the *Homily*. The material used by the author to substantiate his attribution is withdrawn from the title of the *Homily for the Descent of the Holy Spirit* which is stylistically akin to the homily found. The plot comparison of the *Homily for the Nativity* makes it possible to single out a common motif that unambiguously connects this homily with the *Message about the Monomachus' Crown*, whose belonging to Spyridon has been questioned. After summarising all known information about Spyridon, the author

---

* Citation: Kovalenko, A. (2022). *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ in a Sixteenth-Century Codex: The Problem of the Authorship of Spyridon, Metropolitan of Kyiv*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1438–1449. DOI 10.15826/qr.2022.4.739.

Цитирование: Kovalenko A. *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ in a Sixteenth-Century Codex: The Problem of the Authorship of Spyridon, Metropolitan of Kyiv* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1438–1449. DOI 10.15826/qr.2022.4.739 / Коваленко А. «Слово на Рождество Христово» в сборнике XVI века: проблема авторства Спиридона, митрополита Киевского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1438–1449. DOI 10.15826/qr.2022.4.739.

puts forward a concept that determines his participation in political contacts between Muscovite Russia, the Grand Duchy of Lithuania, and the Patriarch of Constantinople. Referring to the chronicle entries, the author suggests revising the relationship between Spyridon and Ivan III, whose patronage can explain the high assessment of Spyridon's activities by Archbishop Gennady, Abbot Dositheus, and Maksim Grek. The author revises Spyridon's message about his "imprisonment" in the Ferapontov Monastery, suggesting that the condemnation of Spyridon and his "curse" in the charters issued may have been caused by a change in the political situation at the end or after the reign of Ivan III.

Keywords: metropolitan Spyridon-Sava, old Russian *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ*, 16th century, contextual links, *Menaion Homiliary*

Высказана гипотеза о митрополите Киевском и всея Руси Спиридоне-Саве как авторе «Слова на Рождество Христово», найденного в сборнике конца XV – начала XVI в. из Корнилиево-Комельского монастыря и ранее не затронутого исследователями. Гипотеза обосновывается сравнением гомилии с другими сочинениями, атрибутируемыми Спиридону, а также выделением характерных черт его творчества – авторской телеологии и грецизмов. Материал для подтверждения атрибуции находится в заглавии «Слова на сошествие Святого Духа», которое стилистически перекликается с найденной гомилией. Сюжетное сопоставление «Слова на Рождество» позволяет выделить общий мотив, однозначно связывающий данную гомилию с «Посланием о Мономаховом венце», принадлежность которого перу Спиридона ставили под сомнение. После обобщения всех известных сведений о Спиридоне предлагается концепция, определяющая его участие в политических контактах между Московской Русью, Великим княжеством Литовским и Константинопольским патриархом. На основании летописных известий предлагается пересмотреть взаимоотношения между Спиридonom и Иваном III, покровительство которого может объяснять высокие оценки деятельности Спиридона архиепископом Геннадием, игуменом Досифеем и Максимом Греком. Пересмотрено сообщение Спиридона о его «заточении» в Ферапонтском монастыре, а также выдвинуто предположение, что осуждение Спиридона и его «проклятие» в ставленых грамотах могут быть вызваны изменением политической ситуации в конце или после правления Ивана III.

Ключевые слова: митрополит Спиридон-Сава, атрибуция текстов, древнерусская гомилия, XVI в., контекстные связи, «Минейный Торжественник»

При исследовании гомилий рождественского цикла в четырех сборниках и заимствований из апокрифического «Сказания Афродитиана Персянина» в «Минейном Торжественнике» начала XVI в. был обнаружен памятник древнерусской словесности, который ранее не попадал в поле зрения исследователей. Заголовок текста под 25 декабря гласит:

Спиридона архиепископа бывша и ексарха Констянтиняполя новаго Рима о иже не подобится тварное к несъзданому, въ иже точию порек-

шему придѣте: «сътворим человека по образу Нашему», и в конецъ: како обрѣтше волсы звѣзды разумъ. Слово на Рождество Господа нашего Исус Христа [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602. Л. 227–238]¹.

Автор этого слова, по нашему убеждению, известный российский писатель Спиридон-Сава², посвященный в сан митрополита Киевского Константинопольским патриархом Рафаилом в 1475 г.

Писательский талант Спиридона высоко оценивался его современниками. Игумен Соловецкого монастыря Досифей обратился к нему с просьбой отредактировать житие Зосимы и Савватия, «бѣ бо онъ тому мудр, добръ умея Вѣтхая и Новая»³. Архиепископ Новгородский Геннадий, одобряя выбор Досифея, оставил отзыв о Спиридоне-Саве: «Сій человек в нынешняя роды бѣяше столпъ церковный, понеже изъмлада извыче Священная Писания и чуден бѣяше старецъ житѣемъ» [РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 233 (659). Л. 309 об.]⁴. Это была высокая оценка, ибо в то самое время, когда Спиридон пребывал в монастыре Мартиниана на Белозерье, при архиепископском дворе в Новгороде велась работа над созданием полного русского собрания текстов Священного Писания, известного в историографии под названием Геннадиевской Библии 1499 г. Максим Грек в предисловии к одной из редакций жития пишет о Спиридоне как о тонком стилисте, понимавшем, на каких читателей он обращает свое «добрословесие»⁵.

Круг произведений, принадлежащих перу Спиридона, не определен окончательно – чаще всего ему приписывают пять сочинений [Алексеев, с. 6]: «Изложение о православной вере» [Заторский, 2021b], «Житие Зосимы и Савватия Соловецких» [Минеева], «Слово на сошествие Святого Духа»⁶, «Послание о Мономаховом венце» [Дмитриева] и «Послание на жидов и на еретиков» [Послание инока Саввы на жидов и на еретики]. В. И. Ульяновский, не считая одним лицом митрополита Спиридона и инока Саву, последние два текста исключает из сочинений митрополита на основании отличия системы воззрений и самопрезентации Спиридона [Ульяновский, с. 233], но ему справедливо возражает А. И. Алексеев, утверждая, что общая тематика, круг цитат, сходство аргументации и стиля и особый повествовательный тон «столпа церковного» позволяют отождествлять Спиридона и Саву [Алексеев, с. 15].

¹ Планируется публикация слова в сборнике материалов международного научного семинара-школы «Источниковедение древнерусской литературы и языка (археология, текстология, поэтика)», состоявшегося в рамках III Международного научного форума «Наследие» (Новосибирск, 2021).

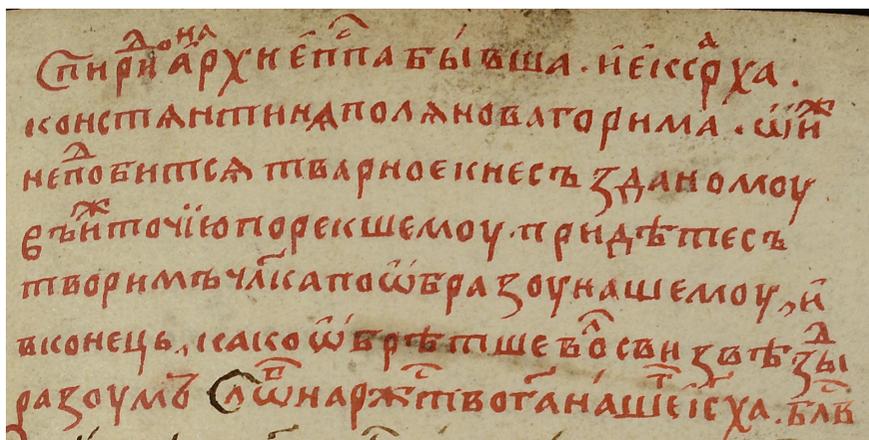
² Написание имени Сава (*др.-евр.* «мудрец») с одной «в» более традиционно для XVI в.

³ Цит. по списку: [РНБ. Ф. 728. Софийское собр. № 1498. Л. 263 об.].

⁴ Сборник составлен по поручению Нифонта Кормилицына.

⁵ «Предисловие к Житию чудотворцов Соловецких Зосимы и Савватия» [Минеева, т. 2, с. 343].

⁶ Найдено и атрибутировано А. А. Туриловым [Турилов].

1. Первый лист Слова на Рождество Христово митрополита Спиридона-Савы. Фрагмент [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602. Л. 227]

The first folio of the *Homily for the Nativity of Our Lord Jesus Christ* by Metropolitan Spiridon-Sava. Fragment

Поиск произведений, принадлежащих Спиридону, в настоящий момент продолжается. Предположение, что Спиридон-Сава может быть причастен к созданию индивидуального варианта краткой редакции «Пролога», найденной в собрании рукописей М. Н. Тихомирова [ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова, № 520. 2°, перв. четв. XVI в. 234 л.], высказали И. А. Шилова и Е. А. Турук. Авторы называют следующие отличительные особенности списка: сильное авторское начало, выразившееся в обработках собственно проложных чтений, внесение в годичный круг рассказов из Киево-Печерского патерика (при сокращении назидательной части патерика), а также наличие памятей литовских святых. Исследователи убеждены, что именно Спиридон-Сава более всего подходит на роль такого редактора, но отмечают, что предположение нуждается в дальнейшем исследовании [Шилова, Турук, с. 40–41].

Возвращаясь к «Слову на Рождество», найденному в «Торжественнике» [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602], обратимся к конкретным деталям из его заглавия. В рассматриваемом слове автор называется *архиепископом бывшим* и при этом экзархом Константинополя – Нового Рима. Для сравнения: в «Слове на сошествие Святого Духа» Спиридон-Сава именуется *мегала эклисея веститором* – веститором Великой Церкви⁷. Данный титул, по предположению А. А. Турилова, Спиридон получает в результате «девальвации патриарших придворных титулов в условиях иноверного владычества» [Турилов, с. 122], что, вероятно, опирается на утверждение Типографской летописи о назначении

⁷ Функции *веститора* в поздневизантийское время были шире, чем исключительно ответственность за ризницу и облачения, а экзархом называли не только управляющего митрополией на особом положении, но и постоянного представителя Великой Церкви, по рангу близкого к хартофилаксу, то есть приближенному секретарю епископа [Барсов].

Спиридона на Киевскую митрополию и получении сана по повелению турецкого царя «по мзде» [ПСРЛ, т. 24, с. 195]. Однако исследователи отмечают, что Спиридон высоко ценил «благодать предстоятеля митрополии всея Руси» и свое поставление от Константинопольского патриарха. Это чувствуется в его произведении [Ульяновский, с. 233].

Коррелирует ли подобное самосознание с покупкой титулов и сана, то есть симонией, запрещаемой канонами христианской церкви, – этот вопрос оставим открытым. Ставленные пошлины, то есть деньги, получаемые в благодарность за рукоположение, являлись традицией, освященной веками, и эта практика широко применялась в Константинополе, особенно в связи с непростым положением Вселенского патриархата под турецкой властью. Тем не менее, мог ли Спиридон, яркий и независимый характер которого признают и современники, и исследователи, бравировать купленными титулами веститора или экзарха? Тем более что в Софийской второй и Львовской летописях сказано, что посол (*пан*) от Спиридона обращался *о митрополии* именно к русскому царю Ивану III в 1482 г. [ПСРЛ, т. 6, вып. 2, стб. 312; Там же, т. 20, ч. 1, с. 348]. Прочитируем этот пассаж полностью:

Того же лета приездил из Литвы о митрополи, иже⁸ zde чернец бывал, его же Сатоною зовут за резвость его, и шед в Царьград, ста в митрополиты на Русь, и приеха в Литву, король же ят его и посади в заточении. И сказа от него князю великому: яко много, рече, «мощей от патриарха везох к тебе, король же все пойма к себе». Князь же велики держа долго пана того и отпусти, рек: «Не подымати рати, ни воеватися с королем про се» [Там же, т. 6, вып. 2, стб. 312].

Последнее говорит о том, что между Иваном Васильевичем и Спиридоном были установлены какие-то отношения, степень и цель которых сегодня очень сложно определить. Очевидно, что Казимир IV не принял Спиридона, потому что сам был сторонником унии и желал видеть на престоле Киевской митрополии своего кандидата Мисаила (Пеструча), который дважды, в 1473 и в 1476 г., обращался к папе римскому Сиксту IV с просьбой благословить его избрание на киевскую кафедру и поддержать униатов, защитив их от притеснений со стороны католиков. В свою очередь, Михаил был неугоден православным христианам Литвы, не желавшим подчинения римской кафедре, и вполне логично предположить, что Иван III также был заинтересован в том, чтобы киевским митрополитом являлся человек, независимый от Казимира Ягеллона.

Ниже в Софийской второй летописи под тем же годом (6990) сообщается о смерти *Мустофы*, турецкого султана, о мятеже в Литве

⁸ Такое деление на слова (в отличие от «митрополии же») может быть синтаксически более точным – оно же подтверждается чтением Львовской летописи *о митрополици, иже zde чернецъ бывал*. Ср. ниже в Софийской летописи: *князь велики, церковь камену* – краткие формы не являются необычными в данном тексте.

(«*восхотеша вотчичи, Олшанской, да Оленкович, да князь Федор Белской по Березыню реку отсести на великого князя*»⁹), о том, как кто-то из литовцев предал его участникам, и только Федору Бельскому удалось бежать к Ивану III [ПСРЛ, т. 6, вып. 2, стб. 312–313]. В первоначальной редакции Жития Зосимы и Савватия Спиридон писал, видимо, намекая на свой побег из Литвы и объясняя свое пребывание *в стране Белаезера, – потечену ми суцу*¹⁰. В последующих редакциях эти слова чаще всего передаются как *поточену ми суцу*¹¹ или (в самых поздних обработках) *заточену ему суцу*¹². Возможно ли, что побег Спиридона связан с Бельским, злключения которого подробно описаны под 6990 г. (в летописи упоминается жалоба последнего на то, что ему пришлось покинуть свою молодую жену¹³), или Бельский был тем самым *паном*, который передал известие от Спиридона о мощах и его заточении в Литве Ивану III?

Отталкиваясь от содержания «Послания Мисаила» 1476 г., Н. Заторский предлагает иную концепцию появления Спиридона на киевской кафедре – он считает, что Спиридон мог быть литовским послом к Константинопольскому патриарху, который должен был получить благословение на поставление Мисаила митрополитом Киевским, но воспользовался ситуацией и, сыграв на политических интересах турецкого султана и разногласиях между Константинополем и Римом, убедил Рафаила поставить его митрополитом всея Руси [Заторский, 2021а, с. 39–44]. Исследователь отвергает всякую возможность существования «тайных благодетелей», которые бы стояли за рукоположением Спиридона, предполагая, что они бы помогали ему и после конфликта с Казимиром. Но разве обращение к Ивану III, зафиксированное в летописных источниках, и широкое признание заслуг Спиридона современниками в Московской Руси не говорят о том, что он не был всего лишь авантюристом, удачно воспользовавшимся историческим моментом?

Только впоследствии в епископской присяге времен митрополита Симона¹⁴ мы видим однозначное осуждение деятельности Спиридона и клятву не общаться ни с ним, ни с кем-либо другим на престоле Киевской митрополии:

⁹ Выделение наше.

¹⁰ В монографии С. В. Минеевой в тексте этой редакции приведено: *поточену* [Минеева, т. 2, с. 45]. Ср.: [РГБ. Ф. 205. Собр. ОИДР. № 192. Л. 288 об.]. Именно по этой рукописи исследователь публикует текст Первоначальной редакции, где на л. 288 об. отчетливо читается *потечену ми суцу в стране Белаезера*.

¹¹ Стилистическая редакция по изданию Археографической комиссией Успенского списка Великих Миней Четых митрополита Макария [Великие Минеи Четые, стб. 551].

¹² Дополненная редакция по списку (не ранее 1528 г.): [РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 659. Л. 309 об.].

¹³ Не случайно родословие Бельских включено в конечную статью «Послания о Мономаховом венце» [Дмитриева, с. 170].

¹⁴ Симон, митрополит Московский и всея Руси (1495–1511), 30 апреля 1511 г. оставил митрополию [Строев, стб. 5]. Именно при нем Геннадий Новгородский в 1504 г. «отрекся по неволе от владычества» [Там же, стб. 35].

...отрицаюжесья и проклинаю Григориева Цамблакова церковнаго раздрана... с ними же и Спиридона, нарицаемаго Сатану, взыскавшаго в Цареграде поставления, в области безбожных турок поганого царя. Также и всех тех отрицаюся, еже по нем когда случится кому приити на Киев от Рима латинскаго или от Царяграда турецкия державы [РИБ, с. 451–452].

Данный факт воспринимается исследователями как знак того, что приезд Спиридона не был желателен для русских епископов и сам он был в заточении в Мартиниановом (или, как его стали называть позднее, Ферাপонтовом) монастыре. Но это дополнение в присяге требует более внимательного рассмотрения, оно говорит скорее об интересах церковной партии, противоположной по воззрениям как Ивану III, так и Геннадию Новгородскому, который пользовался поддержкой царя, одновременно высоко оценивая Спиридона как «столпа церковного». В свете положительных свидетельств о Спиридоне логичнее предположить, что в заточение и немилость он мог попасть после смерти своих главных покровителей, то есть после 1504 г., а не сразу же после возвращения на Русь, как считалось в историографии ранее.

Дистанцирование от Спиридона, подобное приведенному выше, встречается и в повольной грамоте епископа Вассиана Тверского, который был поставлен в 1477 г. [Там же, с. 683–684]. Но поскольку данная грамота нам известна в первую очередь по Успенскому списку Великих Миней Четьих митрополита Макария (август), то следует осторожно принимать это свидетельство, по крайней мере до обнаружения списков, более близких по времени к рукоположению Вассиана. Возможно, ее текст мог быть дополнен и поправлен уже постфактум, во времена митрополита Симона или позднее.

В первоначальной редакции Жития Зосимы и Савватия Спиридон назван *митрополитом Киевским, архиепископом всея Руси*, в то время как русские митрополиты того периода приняли традицию именовать себя *митрополитами всея Руси* [Акты исторические, с. 121, 126] без указания города, которым они правили. Возможно, Спиридон себя видел не прямо противопоставленным Московскому митрополиту, а находящимся в сложной взаимосвязи, в которой Киевская митрополия, таким образом, являлась частью одной Русской церкви, как и московская кафедра, хотя комплекс политических обстоятельств, приведших в итоге к автокефалии Русской церкви, не дал возможности Спиридону реализовать себя в качестве правящего архиерея. Поиск Спиридоном своего положения отражается в разнообразии титулов, которые он выбирает для себя в различных текстах: и митрополит, и бывший архиепископ, экзарх или веститор – это не свидетельство о покупке титулов, как можно предположить, а попытка определить себя в сложных условиях как человека, связанного и с Константинополем, и с Русью, без претензии на главенство в фактически автокефальной Русской церкви.

Как мы уже отметили выше, в качестве одной из ключевых сторон характера Спиридона как автора современные исследователи А. А. Турилов, В. И. Ульяновский и А. А. Алексеев подчеркивают его высокую самооценку, осознаваемое им право на учительство, которое не только дает ему возможность ставить свое имя в заглавие произведения, но и позволяет иначе относиться к источникам своих текстов. Согласно 64-му правилу Трулльского собора, учить народ в церкви следует лишь тем, кто принял «благодать учительского слова». Впоследствии Вальсамон в толковании на это правило отмечал, что «учить народ Господень и истолковывать божественные догматы благодатию Всесвятаго Духа дано одним архиереям и тем, кому они поручают» [Правила, с. 492].

Такая установка вдохновляет Спиридона на особое отношение к тексту, он не связан цитатой, как книжники Древней Руси, его право толковать источники защищено авторитетом Вселенского собора. И мы видим, как в «Слове на Рождество» автор открыто указывает тексты, которые использует («Сказание Афродитиана», «Маргарит», труды Григория Богослова и др.), но не столько компилирует различные материалы, сколько творчески перерабатывает их по «благодати учительства», создавая новое произведение, являющееся образцом высокой риторики. В том числе Спиридон обращается к славянским писателям, включая их топосы в свои произведения. Например, вступление найденного нами «Слова на Рождество» является аллюзией на «Слово Евфимия Тырновского на память Константина и Елены»: «Свѣтлѣ солнца бысть настоащии празник Рожества Христова. Чювьственное бо солнце просвѣщает видимаго мира здание» (Спиридон) – «Солнца свѣтлѣише настоащее трѣжество, всех просвѣщающе мысли и душа веселящи» (Евфимий Тырновский)¹⁵.

Впоследствии этот же топос в соединении с кондаком Кириллу Александрийскому повторяется во вступлении к «Стоглаву» с примечанием *о сем исписа некто мудрый* (Сава?) [Стоглав, с. 21]. Идея Бога – солнца правды, просвещающего мир Своим пришествием, является одной из центральных в богослужении Рождества, и текст Спиридона изящно развивает эту мысль, расширяя его контекст.

Среди прочего в тексте слова мы можем найти отсылки к уже известным нам произведениям Спиридона аналогично тому, как А. И. Алексеев находит параллели между другими его произведениями [Алексеев, с. 12–14]. Вспоминая перепись Августа, книжник пересказывает исторические события, которые привели к его воцарению на престоле: воцарение Марка Антония, убийство Юлия Цезаря, поставление Августа на римский престол его войском и назначение Ирода на царство в Иерусалиме [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602. Л. 229 об. – 230]. Тот же самый мотив, но более подробно пересказывается в «Послании о Мономаховом венце», где весь род русских государей возводится через Пруса к Августу [Дмитриева, с. 160–162]. При этом Спиридон не цитирует свой текст дословно, он иначе расставляет

¹⁵ Цит. по списку: [РГБ. Ф. 304.I. Собр. ТСЛ. № 199 (1640) Л. 310 об.].

акценты, практически не используя в этом отрывке рождественской гомилии прямую речь, которой украшено повествование в послании. В данном случае это не цитата, но повторное обращение автора к той области знания, в которой он сведущ и может поделиться необычными деталями. В. И. Ульяновский исключал «Послание» из текстов Спиридона, считая его автором игумена и старца Троице-Сергиева монастыря Спиридона (1467–1474), о творчестве которого ничего не известно, но, на наш взгляд, параллели в текстах, о которых мы писали выше, являются весомым аргументом, который позволяет уверенно говорить о том, что именно Киевский митрополит Спиридон является автором и «Слова на Рождество», и «Послания о Мономаховом венце».

Значимой особенностью произведений Спиридона-Савы в контексте его самоопределения является использование в тексте непеведенных грецизмов. Неоднократно отмечалось, что малоизвестные грецизмы, которые исследователям приходилось отдельно интерпретировать¹⁶, являются скрытым авторским признаком сочинений Спиридона – по мнению В. И. Ульяновского, «они манифестировали и подкрепляли его царьградскую, греческую ориентацию» [Ульяновский, с. 212]. С последним утверждением можно не соглашаться, если предполагать более сложные отношения Спиридона с Иваном III, чем это описывают традиционно, но очевидно, что «Слово на Рождество» отражает эту особенность. Автор использует следующие кальки с греческого: *ексарх*, *ипат Врутос*, *стратиг*, *иподрумий*. И в заключении мы встречаем необычную лексему – *графосолий* («Сиа от Афродитианова написаніа обретохом, суца граѠосолиа царя прьска» [РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602. Л. 237]). Лексема *графосолий* ни разу не упоминается по отношению к Афродитиану в славянских сборниках, но и для греческого языка подобное наименование может оказаться окказионализмом. Лексема не отмечена в известных нам словарях древне- и новогреческого языков и не встречается в словарях древнерусского языка. Вероятнее всего, слово связано с греческим *γραφεύς* – «писец» – и так же, как *стратиг*, *иподрумий*, используется в качестве скрытого авторского знака в данном памятнике.

Отсутствие достоверных сведений о жизни Спиридона-Савы, Киевского митрополита, до его поставления, а также неочевидность обстоятельств его возвращения на Русь оставляют простор для самых смелых предположений и заставляют критически осмысливать все доступные нам источники и исследования. Значение митрополита Киевского Спиридона-Савы для литературного и исторического процессов XV–XVI вв. еще может быть переоценено в свете открывшихся памятников и при рассмотрении всех доступных нам источников в едином контексте. Отдельно стоит исследовать сборники, в которых

¹⁶ Например, в Житиях Зосимы и Савватия (первоначальная редакция, цит. здесь по списку РГБ, собр. ОИДР 192, с исправлением по РНБ, собр. Соф. 1498, дающему в ряде случаев более точные чтения): «...в лето 7011, Круг Солнцу 11, Луна 19, фемеleos 2, индикт 6, фенгари июнь 12, каланд 4», ср.: [Минеева, т. 2, с. 45].

находятся его произведения, – их состав и принципы отбора произведений также могут нести в себе значимую информацию о Спиридоне и отношении к нему книжников Древней Руси¹⁷.

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Т. 1. 614 с.

Алексеев А. И. «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинениях киевского митрополита Спиридона) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.

Барсов Н. И. Екзарх // Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1894. Т. 11а. С. 589.

Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Апрель. Тетрадь 2, дни 8–21. СПб : Изд. Имп. археогр. комисии, 1912. 176 стб.

Дергачева-Скоп Е. И. Средневековая русская книга и литература (предисловие редактора) // Фокина О. Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги : Текст и контекст. Новосибирск : Тип. Братья Рихтер, 1995. 235 с.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 216 с.

Заторский Н. Висвячення митрополита Спиридона в контексті «Послання Мисаїла» // Український історичний журнал. 2021а. Вип. 4. С. 31–49. DOI 10.15407/uhj2021.04.031.

Заторский Н. Спиридон Сатана та його «Изложение ѿ православней істиннѣ нашеи вѣрѣ» // Наукові записки Українського католицького університету. Сер.: Богослов'я. Вип. 8. 2021б. С. 151–189. DOI 10.47632/2075-4817-2021-151-189.

Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.) : [в 2 т.]. М. : Языки славян. культуры. 2001. Т. 1. 800 с. Т. 2. 504 с.

Послание инока Саввы на жидов и на еретики / предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 1–94.

Правила святых Вселенских соборов с толкованиями : в 3 ч. М. : Изд. Моск. О-ва любителей духовного просвещения, 1877–1878. Ч. 2. Правила соборов 5–7. С. 261–736.

ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М. : Языки рус. культуры, 2001. 248 с.

ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1910. 418 с.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М. : Языки рус. культуры, 2000. 288 с.

РГБ. Ф. 98. Собр. Е. Е. Егорова. № 602. 4°. Конец XV – начала XVI в. 548 л.; Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 233 (659). 4°. Первая треть XVI в. 621 л.; Ф. 205. Собр. ОИДР. № 192. 4°. Первая половина XVI в. 308 л.; Ф. 304. I. Собр. ТСЛ. № 199 (1640). 4°. XVI в. 558 л.

РИБ : в 40 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1880. Т. 6. 1316 стб.

РНБ. Ф. 728. Софийское собр. № 1498. 4°. Первая треть XVI в. 299 л.

Стоглав. Казань : Тип. Губерн. правления, 1862. 438 с.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1877. 1132 стб.

Турилов А. А. Забытое сочинение митрополита Саввы-Спиридона литовского периода его творчества // Славяне и их соседи. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. Вып. 7. С. 121–137.

¹⁷ В данном случае мы следуем концепции «четий сборник как литературный факт», разрабатывавшейся Е. И. Дергачевой-Скоп [Дергачева-Скоп, с. 10].

Ульяновский В. И. Митрополит Киевский Спиридон: явные и скрытые повествования о себе в сочинениях 1475–1503 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 209–233.

Шилова И. А., Турок Е. А. Тихомировский список краткой редакции Пролога первой четверти XVI века (к проблеме редактирования) // Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 12. Филология. С. 29–42.

References

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei v 5 t. [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission. 5 Vols.]. (1841–1842). St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 1. 614 p.

Alekseev, A. I. (2010). “Spiridon rekomyi, Savva glagolemyi” (zametki o sochineniyakh kievskogo mitropolita Spiridona) [Called Spyridon, Nicknamed Savva (Notes on the Works of the Kyiv Metropolitan Spyridon)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 3 (41), pp. 5–16.

Barsov, N. I. (1894). Ekzarkh [Exarch]. In Arsen'ev, K. K., Petrushevskii, F. F. (Eds.). *Entsiklopedicheskii slovar' v 86 t.* St Petersburg, F. A. Brokgauz, I. A. Efron. Vol. 11a, p. 589.

Dergacheva-Skop, E. I. (1995). Srednekovaya russkaya kniga i literatura (predislovie redaktora) [The Old Russian Codex and Literature (Editor's Foreword)]. In Fokina, O. N. *Literaturnaya istoriya “Povesti o brazhnikе” i problemy narodnoi knigi. Tekst i kontekst.* Novosibirsk, Tipografiya Brat'ya Rikhter. 235 p.

Dmitrieva, R. P. (1955). *Skazanie o knyaz'yakh vladimirskikh* [Tale about the Princes of Vladimir]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 216 p.

Mineeva, S. V. (2001). *Rukopisnaya traditsiya Zhitiya prepodobnykh Zosimy i Savvatiya Solovetskikh (XVI–XVIII vv.) v 2 t.* [The Handwritten Tradition of the Life of the Reverend Zosima and Savvatiy Solovetsky (16th–18th Centuries). 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 800 p. Vol. 2. 504 p.

Poslanie inoka Savvy na zhidov i na eretiki [The Message of Monk Savva against the Jews and against the Heretics] / preface by S. A. Belokurov. (1902). In *ChOIDR*. Book 3. Part 2, pp. 1–94.

Pravila svyatykh Vselenskikh soborov s tolkovaniyami v 3 ch. [Rules of the Holy Ecumenical Councils with Interpretations. 3 Parts]. (1877–1878). Moscow, Izdanie Moskovskogo Obshchestva lyubitelei dukhovnogo prosveshcheniya. Part 2. Pravila soborov 5–7, pp. 261–736.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1910). Vol. 20. Pervaya polovina. L'vovskaya letopis'. Part 1. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. 418 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (2000). Vol. 24. Tipografskaya letopis'. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 288 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (2001). Vol. 6. Iss. 2. Sofiiskaya vtoraya letopis'. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 248 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 98. Sobranie E. E. Egorova. No. 602. 4°. Late 15th – Early 16th Centuries. 548 f.; Stock 113. Sobranie Iosifo-Volokolamskogo monastyrya. No. 233 (659). 4°. First third of 16th Century. 621 f.; Stock 205. Sobranie OADR. No. 192. 4°. First half of 16th Century. 308 f.; Stock 304.I. Sobranie TSL. No. 199 (1640). 4°. 16th Century. 558 f.

RIB v 40 t. [Russian Historical Library. 40 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 6. 1316 columns.

RNB [National Library of Russia]. Stock 728. Sofiiskoe sobranie. No. 1498. 4°. First third of 16th century. 299 f.

Shilova, I. A., Turuk, E. A. (2012). Tikhomirovskii spisok kratkoi redaktsii Prologa pervoi chetverti XVI veka (k probleme redaktirovaniya) [Tikhomirov's List of a Short Version of the Prologue of the First Quarter of the 16th Century (on the Problem of Editing)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 11. Iss. 12. Filologiya, pp. 29–42.

Stoglav [Book of One Hundred Chapters]. (1862). Kazan, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 438 p.

Stroev, P. (1877). *Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi* [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. 1132 columns.

Turilov, A. A. (1999). Zabytoe sochinenie mitropolita Savvy-Spyridona litovskogo perioda ego tvorchestva [The Forgotten Work of Metropolitan Savva-Spyridon of the Lithuanian Period of His Work]. In *Slavyane i ikh sosedi*. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN. Iss. 7, pp. 121–137.

Ul'yanovskii, V. I. (2006). Mitropolit Kievskii Spiridon: yavnye i skrytye povestvovaniya o sebe v sochineniyakh 1475–1503 gg. [Metropolitan Spyridon of Kyiv: Explicit and Hidden Narratives about Himself in the Writings of 1475–1503]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 57, pp. 209–233.

Velikie Minei Chet'i, sobrannye vserossiiskim mitropolitom Makariem. April'. Tetrad' 2, dni 8–21 [The Great Menaion Reader Compiled by the All-Russian Metropolitan Makarios. April. Book 2, Days 8–21]. (1912). St Petersburg, Izdatel'stvo Imperatorskoi arkheograficheskoi komissii. 176 columns.

Zatorskii, N. (2021a). Visvyachennyya micropolitan Spiridona v konteksti “Poslannyya Misaïla” [The Consecration of Metropolitan Spyridon in the Context of the Epistle of Misael from 1476]. In *Ukrainsk'kii istorichnii zhurnal*. Iss. 4, pp. 31–49. DOI 10.15407/uhj2021.04.031.

Zatorskii, N. (2021b). Spiridon Satana ta iogo “Izlozhenie o pravoslavnei istin'nb nashei vere” [Spyridon the Satan and his Recount of Our Truly Orthodox Faith]. In *Naukovi zapiski Ukraïns'kogo katolits'kogo universitetu. Seriya: Bogoslov'ya*. Iss. 8, pp. 151–189. DOI 10.47632/2075-4817-2021-151-189.

The article was submitted on 03.03.2022

**Предсмертные княжеские обращения к детям
в Степенной книге: аксиология рода и государства***

Валентина Мельничук

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

**Princes' Deathbed Addresses to Their Children:
The Axiology of Kinship and State
(with Reference to *The Book of Royal Degrees*)**

Valentina Melnichuk

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This article discusses princes' deathbed addresses to their children as part of *The Book of Royal Degrees*. In some cases, they are highlighted by a separate heading; in others, they make part of the text describing the last days of the prince. Most often, they are preceded by the news of the prince's illness and impending death, and in some cases, they are compiled in detail, in others – laconically. The analysis of the text demonstrates that addresses are not an obligatory element of the narration and are absent in many Royal Degrees. The stories, including the addresses of the princes, are named differently: message, instruction, blessing, and teaching. They are thematically diverse and include motifs of blessing, instructions to hold on to the Orthodox faith, observe the Gospel commandments, the motif of the transience of life, a reminder of the importance of harmony between heirs, and concern for the homeland. The testament of Yaroslav Vsevolodovich (degree 7) stands out among others. He appeals to his sons to support their sisters who have lost their mother and will soon be deprived of their father. The deathbed words of the princes (in two cases those of princesses), different in plot, are designed to trace back a genealogical connection and emphasise the important

---

* *Citation*: Melnichuk, V. (2022). Princes' Deathbed Addresses to Their Children: The Axiology of Kinship and State (with Reference to *The Book of Royal Degrees*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740.

Цитирование: Melnichuk V. Princes' Deathbed Addresses to Their Children: The Axiology of Kinship and State (with Reference to *The Book of Royal Degrees*) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740 / Мельничук В. Предсмертные княжеские обращения к детям в Степенной книге: аксиология рода и государства // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740.

spiritual and moral heritage transmitted to descendants of Ivan the Terrible. Of particular interest is the will of Dmitry Donskoy composed on the base of the second prince's testament. As a part of the collection, the genre acquires other features that ensure its embedding in one of the motifs implemented in the narrative. Appeals of princes to princesses in deathbed addresses endowing them with special powers testify to the growing role of family ties in creating an ideal sovereign, from the exaltation of the compiler of *The Book of Royal Degrees*.

Keywords: *The Book of Royal Degrees*, 16th-century Russia, deathbed addresses, princes' testaments, genealogy, moral and spiritual heritage, kin

Рассматриваются предсмертные обращения князей к детям в составе Степенной книги царского родословия, некоторые из них выделены отдельными заголовками, другие вписаны в текст, описывающий последние дни князя. Чаще всего они предваряются краткими или пространными известиями о болезни и приближающейся смерти князя. При этом они не являются обязательными элементами повествования и во многих степенях памятника отсутствуют. Рассказы, включающие обращения князей, названы по-разному: заветами, наказами, благословениями, поучениями. Они отличаются тематическим многообразием, среди мотивов благословения выделены наказания хранить православную веру и соблюдать евангельские заповеди, сожаления о быстротечности жизни, напоминания о важности согласия между наследниками, забота о роде и Отечестве. Выделяется среди других завещание Ярослава Всеволодовича, который обращается с просьбой к сыновьям оказать поддержку сестрам, которые остались без матери и в ближайшее время будут лишены отца. Предсмертные слова князей и княгинь были призваны прочертить генеалогическую связь и подчеркнуть важное духовно-нравственное наследие, передаваемое от потомка к потомку Ивана Грозного. Особый случай представляет собой завещание Дмитрия Донского, составленное с использованием второй духовной грамоты князя. Находясь в составе сборника, этот жанр приобретает новые черты. Обращения князей к княгиням в предсмертных словах, наделение их особыми властными полномочиями свидетельствуют о возрастании роли родственных связей в создании идеального государя, об их возвеличивании составителем Степенной книги.

Ключевые слова: Степенная книга, Россия XVI в., княжеские завещания, генеалогия, духовно-нравственное наследие, род

Степенная книга царского родословия – яркий памятник русской историографии XVI в., в котором представлена история России от крещения до времени правления Ивана Грозного. Эта эпоха ознаменовалась появлением «обобщающих» историко-литературных произведений, среди которых Никоновская и Воскресенская летописи, Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Степенная книга явилась «следующим шагом в истории создания обобщающих

трудов» [Сиренов, с. 3]. Русская история XVI в. – время формирования идеологии Русского царства, новой реалии, определившей исторические судьбы России на несколько столетий. В это время страна входила в новый исторический этап своего развития, который был связан с реализацией достижений периода правления Ивана III – ликвидацией феодальных усадеб и зависимости от Орды. Основные идеи, через призму которых митрополиты Макарий и его единомышленник Афанасий, составитель Степенной книги, излагали прошлое своего Отечества, следующие: история страны – это история богоугодных дел ее правителей, единство державы обеспечивается единством царской семьи и законным переходом власти от богоизбранного государя к его потомку, церковь и государство действуют в согласии [Покровский, с. 94–95]. Отбирая из разных источников известия о прямых предках царя Ивана Грозного, книжник стремился представить этих князей главными героями отечественной истории [Сиренов, с. 6].

В тексте Степенной книги царского родословия важной частью описания последних дней жизни князей являются обращения к детям. Заветы, наказания, благословения, поучения – таковы названия этих сюжетов, в некоторых случаях выделенных отдельным заголовком. Предметом отдельного изучения к настоящему времени они не являлись. В целом жанр духовного завещания (духовной грамоты) привлекал внимание исследователей: он изучался в связи с историей деловой письменности, кроме того, рассматривалась литературная традиция жанра [Демкова; Лилиенфельд; Литвина; Панич; Морковина; Понырско].

Предваряющее повествование Степенной книги Житие равноапостольной княгини Ольги включает отдельные рассказы, среди которых следующие: «Поучение блаженныя Ольги» – в нем княгиня убеждает людей обратиться в христианскую веру («О сынове русьстии, послушайте мене, новопросвѣщенную, да разумно будетъ вамъ... Сего ради молю вы, вѣруите сущему Богу, Его же азъ познахъ, к Сему приступите и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся» [Степенная книга, т. 1, с. 169]¹); «Бесѣдование къ сыну блаженныя Ольги», описывающее переговоры с сыном, противящимся призыву княгини принять православие; «Завѣтъ къ сыну блаженныя Ольги преже преставления ея», содержащий распоряжение о погребении. В древнейших летописях и разных редакциях жития княгини известие, содержащее ее завет, краткое и включает запрет совершать тризну: «...заповѣдала Ольга не творите трызны над собою» [ПСРЛ, т. 1, стб. 68]². По сравнению с источником – древней редакцией севернорусских списков

¹ Далее ссылки на Степенную книгу даются в круглых скобках по этому изданию с указанием тома и страницы. В качестве основного взят Чудовский список (первая половина 1560-х гг.), для различения привлечены Волковский (первая половина 1560-х гг.), Томский (первая половина 1560-х гг.), Думинский (1594), Эрмитажный (1590-е гг.), Пискаревский (начало – первая четверть XVII в.) списки. Описание см. подробнее: [Покровский, Журавель, Сиренов, с. 6–23].

² При воспроизведении текста издания выносные литеры даем обычным шрифтом, не выделяя специально.

пролога (т. 3, с. 19) – в Степенной книге рассказ более подробный, эмоциональный и составлен от первого лица. Он заключает в себе категоричное отрицание языческого погребения в кургане: «Могилы же надо мною да не дерзнетъ никто же сыпати, ни тризны творити» (т. 1, с. 175). Книжник стремился подчеркнуть решимость княгини Ольги в отстаивании христианства.

Призывы к хранению православной веры, исполнению евангельских заповедей, нравственные сентенции пронизывают повествование первой степени, посвященной великому равноапостольному князю Владимиру. В тексте помещено «Поучение» князя, обращенное к детям, названное книжником благословением, наказом, поучением³:

Прежде же всего заповѣда имъ страхъ Божии имѣти и вѣру православную непорочно дръжати, злославныя же дохматы до конца отвращати, болши же всего на всѣхъ Царя и Бога вседушно имѣти надежду, и Тому Единому поклоняться, и Того славити... (т. 1, с. 305).

В этой степени приводятся рассуждения о том, что не только сам креститель Руси, но и его потомки отличаются высокими добродетелями, «обаче святии суть». В этой связи важными становятся наказания, заветы князей своим детям.

В степени 2, посвященной князю Ярославу Мудрому, в главе «Преставление великаго князя Ярослава» сказано о его болезни и распределении им городов между сыновьями. Особенностью наказа князя является наличие в нем, кроме духовных наставлений, мотива заботы об Отечестве: «И наказавъ ихъ в любви пребывати, и Божии страхъ имѣти, и отечество дръжавства в мирѣ и въ благочестии исправляти» (т. 1, с. 384). Этим оно отличается, например, от обращения князя к детям в составе Лаврентьевского свода, где дополнительно прочитывается мотив о солидарности между наследниками: «И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити» [ПСРЛ, т. 1, стб. 161].

Продолжая повествование в третьей степени, посвященной князю Всеволоду Ярославичу, книжник ведет «лествицу» самодержцев не через старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава, а через Всеволода, поскольку именно к нему восходит «род князей росто-судальских, следовательно, и московских» [Покровский, 89]. Акцентированию этой линии способствует мотив отцовского благословения, прослеживаемый в описании последних дней Всеволода Ярославича:

Его же благословляя отецъ его Ярославъ и, пророчествуя, глаголаше: «О, сыну мои възлюбленный! Благо тебѣ, яко стяжалъ еси получитьи отъ Бога даръ смиренумудриа и кротости! Благо же и мнѣ, яко ты еси чадо мое, покои старости моеи, яко же слышу и вижу добрая твоя дѣла, о нихъ же радуяся, ихъ же ради и люблю тя паче братиа твоя. И дасть ти

³ «Благословение дая имъ и любочадное о Христѣ целование, вкупе же наказуя и поучая ихъ».

Господь Богъ наслѣднику быти скипетродрѣжания моего, аще и послѣди брата твоея примешаи начальство дрѣжавы, но обаче кромѣ неправды и враждебнаго насилуванія. Егда же преведеть тя Богъ от житія сего, и да будеть тѣло твое въ гробѣ погребено у моего гроба, да и по смърти неразлучни будевѣ». И все, еже прорече великий князь Ярославъ, и вся тако збышася (т. 1, с. 387).

В повествовании Степенной книги последние слова князя Ярослава Владимировича упоминаются дважды: в посвященной ему степени их содержание передано кратко и является частью описания его последних дней, а в степени, где главным князем является его сын Всеволод, они приводятся в большем объеме. В них содержатся отцовское благословение, похвала сыну, передана любовь и теплые родительские чувства, которые испытывает князь, прощаясь с сыном, выражена надежда, что он будет наследником скипетродержания. Подчеркивание особой отцовской близости к сыну, возможно, также не случайно и направлено на сглаживание противоречий между поколениями и убеждение в возвеличивании родственных связей.

Мотив благословения встречается в нескольких сюжетах. Например, благословение отцом сына упоминается в рассказе о Владимире Мономахе (степень 4):

Внегда бо христоролюбивому отцю его Всеволоду Ярославичю, зѣлно изнемогающу, уже при смърти, и тогда призва к себѣ отъ Чернигова сего блатороднѣишаго си сына Владимира Манамаха и дарова ему благословение, къ Богу отъиде (т. 1, с. 403).

Фрагмент, в составе которого князь Ярослав Всеволодович (степень 7) обращается к детям, имеет заголовок «Благословение чадомъ, б сыновомъ». О милости, мире и благословении от Бога говорит перед смертью Иван Данилович Калита, обращаясь к сыну Ивану через старейшину града именем Протасиа (степень 10): «Оставляю же възлюбленному своему сынови великому князю Иванну милость, миръ, и благословение отъ Бога, и сѣмени его до вѣка» (т. 1, с. 563).

Благословение от Бога чрезвычайно важно, поскольку, согласно воззрениям московского правительства, только государь наследственный, который получает свои полномочия от Бога и по праву рождения, мог быть государем истинно самодержавным [Дьяконов, с. 158].

В повествовании Степенной книги зафиксировано благословение великим князем всея Руси Василием Ивановичем сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного (степень 16). Князь благословил сына, «възлагаа на него крестъ златъ», которым великий чудотворец митрополит Петр благословил «прародителя» великого князя Ивана Даниловича и «всѣхъ иже отъ чреслъ его великихъ князей всея Русии, и до насъ» (т. 2, с. 324); благословил также «Владимировымъ Манамашимъ честнымъ крестомъ отъ самого Животворящаго Древа, на немъ же

нашего ради спасения вольное распятие претерпѣ Христос Богъ нашъ» (т. 2, с. 324). Князь завещал сыну царствовать, «благочестно управляя скипетрокрестоносныя хоругви всего Русьскаго царства, извѣчнаго нашего отечества» (там же, с. 325).

К числу повторяющихся мотивов в завещаниях князей можно отнести также наказ хранить православную веру. Кроме Жития великой равноапостольной княгини Ольги, сюжетов в степенях, посвященных святому равноапостольному князю Владимиру, великому князю Ярославу Мудрому, они прослеживаются в значительном по объему наказе детям княгини Марии Всеволожи, жены Всеволода Большое Гнездо (степень 6), который имеет заголовок «О благодарномъ тѣрпѣнии великиа княгини Марии Всеволожи и о монастыри ея». Рассказ о ней начинается с описания последних лет ее жизни, когда она страдала тяжким недугом. Отмечая терпение, с которым она переносила болезнь, книжник сравнивает ее с многострадальным Иовом. Чувствуя приближение смерти, княгиня обратилась к сыновьям с наказом духовного характера, аналогичным тому, что содержался в «Поучении блаженныа Ольги», обращенном ко всем людям:

И сыны своя призывая к себѣ и, наказуя их, глаголаше: «Възлюбленная моя чяда! Се азъ, яко видите мя велми болѣзнующа, помалѣ же и отъиду свѣта сего маловременнаго къ отцемъ своимъ. И вы убо, дондеже пребудете в суетнѣмъ семъ житии, пръвие же имѣйте вѣру и любовь къ Богу и къ Пречистѣи Его Матери истиннѣи Богородици (т. 1, с. 457).

В данном пассаже, как и в Поучении Ярослава Мудрого, повторяются формулы заботы об Отечестве:

Аще ли же в ненависти и в распряхъ, и в которахъ будете межю собою, то сами погибнете и благословенное наслѣдие дръжаву отечества вашего изгубите, юже праотцы ваши, и отецъ вашъ, и прочее сродство ваше многимъ трудомъ и потомъ приобрѣтоша (там же, с. 457–458).

Прощальные слова княгини, выделяющей среди детей старшего сына Константина («Старѣишаго же вашего брата Коньстантина имѣите яко отца и главу» – т. 1, с. 458), не коррелируются с распоряжениями мужа княгини Всеволода Большое Гнездо, помещенными в этой же степени и отличающимися краткостью по сравнению с прощальными словами жены Марии. Князь доверяет братьев сыну Георгию: «Всеволодъ же Георгию, сыну своему, поручи не токмо дръжаву Владимирьскую, но и прочая чяда своя» (т. 1, с. 459–460). Комментарий книжника прочерчивает иную, важную для Степенной книги линию наследования власти – от отца Всеволода Большое Гнездо к сыну Ярославу: «Божии же Промыслъ паче всѣхъ сихъ благоволи быти четвертому его сыну Ярославу в роды и роды непремѣнну и доброплодну наслѣднику дръжавы Русьския» (т. 1, с. 460).

Генеалогическую линию продолжает князь Ярослав Всеволодович. Ему посвящена степень 7. Описание жизни князя заканчивается завещанием князя, в котором обращение к детям составлено с использованием эпитетов, создающих индивидуальные образы князей: Александр назван «храбрым и мудрым», Андрей – «споспешным», Константин – «удалым», Даниил – «милым», Михаил – «добротным»:

О, возлюбленнии мои сынове, плодъ чрева моего, храбрыи и мудрыи Александре, и споспѣшный Андрею, и Константине удалый, и Ярославе, и милый Данилѣ, и добротный Михаиле! Будите благочестию истиннии поборници и величеству дръжавы Русьския Богомъ утверженнии настольници. Божиа же благодать и милость и благословение на васъ да умножится в роды и роды и въ вѣкы (т. 1, с. 488).

Текст завещания передает отцовские переживания князя, беспокоящегося о судьбе дочерей:

Азь уже к тому не имамъ видѣти васъ, ни в земли Суждальстѣи быти, уже бо сила моя изнеможе, и житиа кончина приближися. Вы же не презрите двоихъ ми дщери Евдокии и Улианы, сестрѣ вашихъ, иже баше имъ настоящее сие время горчаиши желчи и пельни, понеже матере оставше, нынѣ же и мене, отца, лишени суть (там же).

Кроме завещания князя Ярослава Всеволодовича («Благословение чадомъ, 6 сыномъ»), центрального героя степени 7, в этой же степени помещены «Завѣтъ и наказание» его брата великого князя Константина Всеволодовича Ростовского. В нем присутствуют мотивы бренности земного жития, Страшного суда:

Пребысть же въ Владимири мнѣ двою лѣтъ, и видѣвъ себе изнемогающа, и призва сыны своя Василка и Всеволода, и вся велможи и боляре своя, и прочая чиновники, и глагола к нимъ сице: «Внимаите себѣ, о чада и друзи! Се бо вся суетная мира сего мимо текутъ. Всякъ родися з болѣзнию, и възрасте с печалию, и помалѣ сѣдина, та же и старость, наипаче же и смерть, и по смърти Страшный Судъ Христовъ и въздаяние комуждо по дѣломъ его: грѣшникомъ – мука вѣчная, а праведникомъ – раи и жизнь бесконечная. И се убо в настоящемъ семъ суетномъ житии вси челоуѣци отъ юности и до старости, даждь и до самыя смърти, яко трудный путь шествуютъ и яко въ снѣ начинаются и скончаваются» (т. 1, с. 490).

Завещание Ивана III «О завѣте сыномъ и о преставлении великаго князя Ивана» (степень 15) содержит лишь указания о распределении городов между сыновьями:

...великий князь Иванъ Васильевичъ, всея Русии самодержець, благороднымъ си сыномъ завѣтъ написа, имъ же съ благословениемъ грады и власти дръжавы своа дарова наслѣдие государства ихъ, комуждо

по достоянию во свои ему жребии участия. Всѣхъ же сыновъ родишася ему 6. Первый сынъ – великий князь Иванъ, рекомыи Младыи, иже до отча преставления за 16 лѣтъ отъиде къ Богу. Второй же сынъ – богодарованный наслѣдникъ дръжавы царствия его, христоролюбивыи великий князь Василии, государь и самодръжець всея Руси. Третий сынъ – князь Георгии Дмитровьский. Четвертый сынъ – князь Дмитрии Угльчьский. Пятый сынъ – князь Семионъ Колужьский. Шестый сынъ – князь Адрѣи Старицьский. Прочая же вся добръ разряди (т. 2, с. 280–281).

Отдельного внимания заслуживает предсмертное обращение князей к княгиням. В степени 12 помещен «Завѣтъ великаго князя Димитриа великою его княгинѣ, и чадомъ, и боляромъ». Он основан на документе и составлен с использованием отрывка из второй духовной грамоты князя, самого объемного из всех текстов завещаний московских князей XIV в. [Кучкин, с. 123].

Повествование о жизни Дмитрия Ивановича Донского в Степенной книге соответствует плану, сходному с житиями макарьевского времени: повествование о жизни князя, похвала и чудо о свече, возгоревшейся у его гроба [Усачев, с. 388–389].

Обзор списков «Слова о Житии» в составе летописных сводов показал, что текст постоянно менялся под рукой летописца. При этом составители сводов оставляли нетронутым текст, повествующий о последних наставлениях в разделе имений между сыновьями [Салмина, с. 89]. В духовной грамоте обращение князя к княгине имеет лаконичный вид: «А приказываю дѣти свои своеи княгинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а м(а)т(е)ре своее слушайте во всем» [Духовные и договорные грамоты, с. 33]. Распоряжение передается дважды, в одном из заключительных разделов грамоты еще раз повторяется положение начала завещания:

А вы, дѣти мои, слушайте своее м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступаитеся ни в чем. А который с(ы)н мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья [Там же, с. 36].

Великая княгиня наделялась полномочиями, каких не имела, как отмечает исследователь Кучкин, мать Дмитрия Ивановича Донского Александра. Евдокия Дмитриевна во второй духовной грамоте наделена правами гаранта выполнения воли завещателя. В тексте прослеживается явное стремление завещателя оградить материальную и правовую независимость супруги. Она получала права верховного суда в своих владениях, при этом бояре мужа, которые ей служили, не должны были терпеть утеснений со стороны сыновей. Такие распоряжения последнего завещательного акта Дмитрия Ивановича можно назвать исключительными, поскольку они не имели аналогов в духовных грамотах предшественников [Кучкин, с. 125, 180].

В Степенной книге текст обращения князя к княгине распространен за счет уточнения, как именно должны быть воспитаны дети:

Ты же, драгая моя великая княгиня, буди чадомъ своимъ отецъ и мати, наказавши ихъ и укрѣпляючи, и все по заповедемъ Господнимъ послушливымъ и покоривымъ бытии и страхъ Божии дръжати въ сердци своемъ во вся дни живота своего (т. 2, с. 59).

Эмоциональность, авторитетность текста обеспечиваются цитатами из Священного Писания: «Еже чтите родителя своя, да благо вы будет» (Втор. 5 : 16), «Клятва отча дом чадом разрушит, а материно воздыхание до конца искоренит» (Екк. 3 : 9); «Влагайте словеса моя в сердца ваша» (Притч. 3 : 1).

Большую часть духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича, использованной при составлении Степенной книги, составляют указания о распределении земель, тогда как в Степенной книге они заключают главу, содержащую завет князя. При этом в одном из пассажей сделано существенное добавление: фраза «Призвав же первѣе большаго сына своего князя Василиа, и старѣишинства путь поручи ему, и великое княжение предасть в руцѣ его» содержит добавление «еже есть настоящее отца его, и дѣда, и прадѣда» (т. 2, с. 60), подчеркивающее генеалогическую преемственность князей, ведущих к Ивану IV.

В Степенной книге сохранилось обращение перед смертью к сыновьям великого князя Василиа Ивановича, самодержца всея Руси (степень 16). В этой же главе сказано о том, что правление Русским царством поручается княгине совместно с сыном Иваном, будущим царем. В то время ему было три года и три месяца (т. 2, с. 325). Княгиня характеризуется с помощью высоких эпитетов: «Ведяше еа боголюбиву, и милостиву, и правдиву, мудру же и мужествену, и сердце еа всякого царскаго разума исплѣнено» (там же). Излагая сюжет о передаче Василием III опеки над детьми и всей полноты власти княгине Елене, составитель Степенной книги следует за версией московских книжников. Она сохранилась в Воскресенской, Никоновской летописях. В Софийской сказано о том, что князь не смог передать свой наказ из-за плача: «И хотѣ ей наказывати о житьѣ ея, но въ еѣ кричанѣ не успѣ ни единого слова наказати» [ПСРЛ, т. 6, с. 273].

Согласно другим источникам, роль вдовы князя была довольно скромной. Так, анализ косвенных признаков позволяет обосновать гипотезу об особых полномочиях, данных душеприказчикам князя [Кром, с. 31–82].

В архитектонике памятника особое место занимают жизнеописание княгинь. Обращает на себя внимание сам факт привлечения женских биографий в повествовании, призванном прославить московскую монархию. В Житии великой княгини Ольги подчеркивается ее сотериологическая роль, связанная с мотивом ее молитвенного заступничества, сопоставимым с идеей Покрова Богородицы. Называя

княгиню «богонасажденной благорасленной лозой», книжник ставит ей в заслугу рождение и воспитание «великаго князя Свѣтослава, отца равноапостольнаго Владимира, царя Рускаго» (т. 1, с. 193), возвращенное ею «многоплодное древо благочестия – святаго внука... и царя, великаго князя Владимира» (там же, с. 184). С великой равноапостольной княгини Ольги начинается лестница – «черета россиискихъ начялодержецъ и сѣмени их». Ключевой мотив, который прослеживается как в Житии княгини Ольги, так и в жизнеописаниях княгинь, – мотив матери, воспитавшей одного из благочестивых потомков великого равноапостольного князя Владимира [Мельничук, с. 85]. В заветах великого князя Дмитрия Ивановича Донского и Василия III этот мотив нашел свое развитие.

Прощальные предсмертные слова князей (в двух примерах – княгинь), обращенные к детям, включены во многие грани Степенной книги. Они предваряются указаниями на болезнь и приближающуюся смерть. Исключением можно считать наказ детям великого равноапостольного князя Владимира, который помещен во фрагмент, описывающий последние дни его жизни. Княжеские обращения заключают мотивы благословения (это могли быть княжеские благословения либо желаемые благословения Бога); указы хранить православную веру, соблюдать евангельские заповеди; мотив бренности всего земного; напоминание о важности согласия между наследниками и заботы об Отечестве; распоряжения о распределении городов между наследниками. Часть из них повторяются, варьируясь деталями. Лишь упоминается завет князя Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского чудотворца, обращенный к княгине и детям (степень 9): «И призва княгиню свою и дѣти своя и завеща имъ в любви пребывати, и въ единствѣ мирнѣ, и в совокуплении богоугоднѣ» (т. 1, с. 554). Выделяется среди других наказов обращение Ярослава Всеволодовича (степень 7), в котором он просит сыновей не оставлять сестер, оставшихся без матери. Обращения князей к детям содержат библейские образы и цитаты, функция которых – «авторитетное основание» [Гардзанити, с. 7] рассуждений князей, кроме того – панегирические пассажи, призванные подчеркнуть достоинства очередного предка Ивана Грозного. Это сближает их с известиями и рассказами летописных сводов, описывающими последние дни князей [Конявская]⁴.

Завещание великого князя Дмитрия Ивановича Донского показывает, как древнерусский жанр духовного завещания (грамоты) в процессе бытования терял из повествовательной канвы часть фактов, приобретал другие, меняя свою концепцию. Новые черты, обеспечившие его входжение в повествовательное пространство, разнородные части которого объединены авторской концепцией, делали его фактом литературы. Ю. Н. Тынянов писал о том, что «существуют

⁴ Выражаю благодарность профессору Е. Л. Конявской за конструктивные замечания о работе.

явления стиля, которые приводят к *лицу* автора», что они подсказывают «какие–то неуловимые и вместе конкретные черты рассказчика» [Тынянов, с. 268]. Подчеркивание роли княгинь, не является, по видимому, случайным, но указывает на большое значение, которое придает книжник не только преемственности между поколениями, но и в целом родственным связям. По воззрениям московского правительствa, государь своей родословной честью мог повысить честь своего государства [Дьяконов, с. 158].

Роль завещаний в повествовании Степенной книги – установление генеалогической связи, прочтение нравственного наследия, передаваемого от поколения к поколению, прорисовывание перспективы бессмертия рода.

Список литературы

- Гардзанти М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индрик, 2014. 232 с.
- Демкова Н. С.* Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 342–356.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 597 с.
- Дьяконов М.* Власть московских государей : Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 221 с.
- Коняевская Е. Л.* Тема конца жизни в летописях // Воропаев В. А., Дергачева И. В., Коняевская Е. Л., Мильков В. В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М. : Индрик, 2021. С. 163–207.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 872 с.
- Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М. : Индрик, 2001. С. 106–184.
- Лиценфельд Ф. О.* О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1962. Т. 18. С. 80–98.
- Литвина А. Ф.* Жанр автобиографической прамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // Славяноведение. 2004. № 4. С. 2–28.
- Мельничук В. А.* Жизнеописания княгинь в архитектонике Степенной книги // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 84–93. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-84-93.
- Морковина О. В.* Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 2005. 36 с.
- Панич Т. В.* Древнерусские духовные завещания XV–XVII вв. в агнографическом повествовании // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 34–37.
- Покровский Н. Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–IX. С. 89–119.
- Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. С. 6–23.
- Поньрко Н. В.* Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 379–388.

ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет; Вып. 2. Суздальская летопись; Вып. 3. Приложения. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1926–1928.

ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. 364 с.

Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1970. Т. 25. С. 81–105.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 552 с.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культуры, 2007.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 255–270.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. 760 с.

References

Demkova, N. S. (1999). *Dukhovnaya gramota volokolamskogo knizhnika XVI v. Evfimiya Turkova* [Spiritual Testament of the Volokolamsk Writer of the 16th Century Evfimiya Turkov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 51, pp. 342–356.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. [Spiritual Testaments and Agreements of the Great and Regional Princes of the 14th–16th Centuries]. (1950). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 597 p.

D'yakovon, M. (1889). *Vlast' moskovskikh gosudarei. Ocherki iz istorii politicheskikh idei Drevnei Rusi do kontsa XVI veka* [The Power of Moscow Sovereigns. Essays from the History of Political Ideas of Ancient Russia until the Late 16th Century]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 221 p.

Gardzaniti, M. (2014). *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoi knizhnosti* [Biblical Quotation in Church Slavonic Literature]. Moscow, Indrik. 232 p.

Konyavskaya, E. L. (2021). Tema kontsa zhizni v letopisyakh [The Topic of the End of Life in Chronicles]. In Voropaev, V. A., Dergacheva, I. V., Konyavskaya, E. L., Mil'kov, V. V. *Tanatologicheskaya tema v russkoi slovesnosti XI–XXI vv.* Moscow, Indrik, pp. 163–207.

Krom, M. M. (2010). “*Vdovstvuyushchee tsarstvo*”. *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“Dowager Kingdom”. The Political Crisis in Russia in the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 872 p.

Kuchkin, V. A. (2001). *Poslednee zaveshchanie Dmitriya Donskogo* [The Last Testament of Dmitry Donskoy]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, Indrik, pp. 106–184.

Lilienfeld, F. O. (1962). *O literaturnom zhanre nekotorykh sochinenii Nila Sorskogo* [On the Literary Genre of Some of Nil Sorsky's Works]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 18, pp. 80–98.

Litvina, A. F. (2004). Zhanr avtobiograficheskoi preambuly: “Pouchenie” Vladimira Monomakha kak dukhovnaya gramota [Genre of Autobiographical Preamble: Vladimir Monomakh's “Teaching” as a Testament]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 2–28.

Mel'nichuk, V. A. (2021). Zhizneopisaniya knyagin' v arkhitektonike Stepennoi knigi [Biographies of Princesses in *The Book of Royal Degrees*]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 20. No. 2, pp. 84–93. DOI 10.25205/1818–7919–2021–20–2–84–93.

Morkovina, O. V. (2005). *Problema vzaimootnosheniya literatury i delovoi pis'mennosti v traditsii drevnerusskogo zaveshchaniya* [The Problem of the Relationship between Literature and Business Writing in the Tradition of the Ancient Russian Testament]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, S. n. 36 p.

Panich, T. V. (2013). Drevnerusskie dukhovnye zaveshchaniya XV–XVII vv. v agiograficheskom povestvovanii [Old Russian Spiritual Testaments of the 15th–17th Centuries in the Angiographic Narrative]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 34–37.

Pokrovskii, N. N. (2007). Istoricheskie kontseptsii Stepennoi knigi tsarskogo rodosloviya [Historical Concepts of *The Book of Royal Degrees*]. In Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. Zhitie svyatoi knyagini Ol'gi. Stepni I–X, pp. 89–119.

Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). (2007). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* [The Book of Royal Degrees according to Ancient Copies. Texts and Comments. 3 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Pokrovskii, N. N., Zhuravel', O. D., Sirenov, A. V. (2007). Arkheograficheskoe predislovie [Archaeographic Preface]. In Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. Zhitie svyatoi knyagini Ol'gi. Stepni I–X, pp. 6–23.

Ponyrko, N. V. (1985). Zhitie protopopa Avvakuma kak dukhovnoe zaveshchanie [The Life of Archpriest Avvakum as a Spiritual Testament]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 39, pp. 379–388.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1853). Vol. 6. Sofiiskie letopisi. Sofiiskie letopisi. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. 364 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1926–1928). 2nd Ed. Iss. 1. Povest' vremennykh let; Iss. 2. Suzdal'skaya letopis'; Iss. 3. Prilozheniya. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Salmina, M. A. (1970). "Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus'skago" ["A Word about the Life and Death of the Great Prince Dmitry Ivanovich, Tsar of Russia"]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 25, pp. 81–105.

Sirenov, A. V. (2010). *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.* [The Book of Royal Degrees and Russian Historical Ideas of the 16th–18th Centuries]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 552 p.

Tynyanov, Yu. N. (1977). Literaturnyi fakt [Literary Fact]. In Tynyanov, Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 255–270.

Usachev, A. S. (2009). *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and the Old Russian Literature in the Time of Metropolitan Makarii]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 760 p.

The article was submitted on 14.02.2022

**Издательская политика Московского печатного двора:
от «Книги о вере» до «Анфологиона»***

Наталья Савельева

Институт русского языка РАН,
Москва, Россия

**The Publishing Policy of the Moscow Print Yard:
From the *Book on Faith* to *Anthologion*****

Natalya Savelyeva

Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article analyses the work of the Moscow Print Yard in the last years of the patriarchate of Joseph and during the tenure of Patriarch Nikon. The traditional idea that the reform of Patriarch Nikon radically changed the publishing programme of the Print Yard is based primarily on innovations made to liturgical books, but the same changes may also be observed in the repertoire of publications not related to public or private worship. The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of the reader miscellanies printed in the years immediately before the reform and after it in order to show the continuity of the publishing programme of the Print Yard during this decade. The material for this study consists, on the one hand, of the works of the Ruthenian author Hieromonk Gideon, which were being prepared for publication: the *Book on Faith*, printed in 1648, and the *Alpha and Omega* – a work that remained unpublished in the seventeenth century but was subsequently printed by Old Believer publishing houses. On the other hand, the analysis also involves the *Skrizhal* (1655–1656) and the *Anthologion* (1660), a miscellany that, even though printed after Nikon left the patriarchal throne, represents the goals and principles of editing texts followed by the Nikonian scribes. The latter two miscellanies consisted mainly

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-18-00171.

** Citation: Savelyeva, N. (2022). The Publishing Policy of the Moscow Print Yard: From the *Book on Faith* to *Anthologion*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1463–1482. DOI 10.15826/qr.2022.4.741.

Цитирование: Savelyeva N. The Publishing Policy of the Moscow Print Yard: From the *Book on Faith* to *Anthologion* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1463–1482. DOI 10.15826/qr.2022.4.741 / Савельева Н. Издательская политика Московского печатного двора: от «Книги о вере» до «Анфологиона» // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1463–1482. DOI 10.15826/qr.2022.4.741.

of new translations of unknown versions of hagiographical works and Byzantine patristic heritage; these new translations have been usually attributed to Arsenius the Greek. The new materials presented in the article testify to the fact that in the preparation of these books, earlier translations from European modern Greek editions were used, including those that existed in manuscripts that circulated at the Print Yard during its last years before the Nikonian reform. These texts include the treatise of Gabriel of Philadelphia *On the Seven Mysteries of the Church* published in the *Skrizhal*, as well as the gnomology *Chapters... from the Book Named Paradeisos* by Nilus (John Geometres) and *Tetrastichae sententiae* of Gregory the Theologian, whose translation was until recently known only in the form that was printed as part of the *Anthologion*. Based on the analysis of the themes, composition, and sources of these miscellanies, it is concluded that the general aims manifested by the printing programme of the Print Yard in the 1640s – catechesis and the theological and moral education of Muscovite society – were consistently followed in the first years of the post-reform programme, though with a natural reorientation toward new sources. This set of aims of the publishing programme of the sovereign's Print Yard is associated with the work of the circle of zealots of ancient piety, in which the future Patriarch Nikon was an active participant. Work on the publication of books was carried out with the direct participation of the royal confessor Stefan Vonifantiev and with the support of Tsar Alexei. The interest of the representatives of the Muscovite enlightened elite close to the court in the works of the Ruthenian book and manuscript tradition contributed to the appearance in Moscow, already in the pre-reform years, of new sources of Byzantine patristic heritage and examples of European theology.

Keywords: Moscow Print Yard, 17th century, publishing programme, Hieromonk Gideon, translations, Greek sources

Анализируется работа Московского печатного двора в последние годы патриаршества Иосифа и в годы управления московской кафедрой патриархом Никоном. Традиционное представление о том, что реформа патриарха Никона кардинально изменила издательскую программу Печатного двора, основано прежде всего на новшествах, внесенных в богослужебные книги, но такие же перемены признаются и в репертуаре изданий, не имеющих отношения к церковному и частному богослужению. Цель исследования – показать преемственность и неразрывность основной линии издательской программы Печатного двора на основе сопоставительного анализа четких сборников, вышедших в последние годы до реформы и после нее. Материалом для исследования послужили готовившиеся к печати труды западно-русского автора иеромонаха Гедеона – «Книга о вере», вышедшая в 1648 г., и «Альфа и Омега» – издание, не осуществленное в XVII в., но напечатанное впоследствии старообрядческими типографиями. Также к анализу привлекаются «Скрижаль» (1655–1656) и «Анфологион» (1660, сборник, вышедший после ухода Никона с патриаршей кафедры, но представляющий задачи и принципы работы с текстами, которым следовали никоновские справщики). В составе двух последних сборников были напечатаны

новые переводы неизвестных редакций памятников агиографии и византийского святоотеческого наследия, которые, как правило, атрибутируются Арсению Греку. Новые материалы, представленные в статье, свидетельствуют, что при подготовке этих книг были использованы более ранние переводы с европейских новогреческих изданий, в том числе бытовавшие в рукописях, имеющих отношение к Печатному двору последних дореформенных лет. К таким текстам относится трактат Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных», напечатанный в «Скрижали», а также гномологии «Книга, глаголемая Рай» Нила (Иоанна Геометра) и «Четверострочия» Григория Богослова, переводы которых до недавних пор были известны только по публикации в составе «Анфологиона». На основании анализа тематики, состава и источников сборников делается вывод, что линия, направленная на катехизацию и духовно-нравственное воспитание московского общества, которая отчетливо проявляется в издательской программе Печатного двора с конца 40-х гг. XVII в., последовательно продолжается в первые годы пореформенной программы с закономерной переориентацией на новые источники, к которым обращались книгоиздатели этого времени. Это направление в издательской программе государственной типографии связано с деяниями «ревнителей древлего благочестия». Работа по изданию книг осуществлялась при непосредственном участии царского духовника Стефана Внифантьева и поддержке его царем Алексеем Михайловичем. Интерес московской просвещенной элиты к сочинениям юго-западнорусской книжно-рукописной традиции способствовал появлению в Москве в дореформенные годы новых памятников византийского наследия и образцов европейского богословия.

Ключевые слова: Московский печатный двор, Россия XVII в., издательская программа, иеромонах Гедеон, переводы, греческие источники

Представление, что церковная реформа патриарха Никона изменила политику, издательскую программу и книжный репертуар Московского печатного двора, общепризнано. Анализу этих преобразований посвящены многочисленные работы начиная с классических исследований П. Ф. Николаевского [Николаевский], Н. Ф. Каптерева [Каптерев, 1909, с. 227–269], С. А. Зеньковского [Зеньковский, с. 96–181]. Не вдаваясь в разницу оценочных суждений, высказанных о реформе Печатного двора авторами XIX–XXI вв., отметим, что перемены констатируются как в общем экономическом состоянии предприятия и организации его рабочих процессов [см.: Починская, с. 19–20; Поздеева, Дадыкин, Пушкин, с. 60–108, 236–360], так и в характере конечной продукции [см.: Вознесенский, 1999, с. 37, 41; Гусева; Хромов].

Суждение об особом Никоновском периоде основано на изменениях, внесенных в издания литургических текстов и книг для церковного обихода. В 1653 г. патриарх Никон перевел Печатный двор из ведения Дворцового приказа в свое непосредственное подчинение, 11 февраля этого года указал опустить в издании Следованной

Псалтири главы о числе поклонов на молитве Ефрема Сирина и о двуперстном крестном знамении. Это стало точкой отсчета реформенных перемен на Печатном дворе. Всего за период патриаршества Никона (1652–1658) вышло 54 издания, 15 из которых известны только по документам Приказа книгопечатного дела. Большая часть изданий посвящена регламентации церковного и частного богослужения [Гусева, с. 305–306].

В это же время, согласно традиционным представлениям, меняются общее направление издательской программы, репертуар и состав изданий, не имевших исключительно богослужебной функции. Число таких книг было невелико: азбуки и листовое издание «Исповедание православной веры» (известны только по документам Печатного двора [см.: Гусева, с. 305]), Букварь (№ 257)¹, Чиновник (№ 253), небольшие окказиональные издания (разрешительные грамоты, сохранилась только таможенная грамота (№ 255), в том числе публикации 1656 г. сочинений самого патриарха Никона: «Грамота о Крестном монастыре» (№ 267) и «Поучение о моровой язве» (№ 270)). Но основанием для суждений о трансформации основной линии книгоиздательства с началом церковной реформы служат два сборника: «Скрижаль» 1655–1656 гг. (№ 266) и «Анфологион», или Сборник переводов Арсения Грека 1660 г. (№ 287). Последний был издан уже после ухода Никона с патриаршей кафедры, но подготовлен был теми же книжниками, призванными для работы патриархом Никоном, и отражал те же принципы отбора и редактирования текстов. Именно эти издания, как принято считать, декларируют обращение к греческим источникам в решении богослужебных и догматических вопросов и наглядно демонстрируют крайнюю прогреческую позицию патриарха и вновь назначенных справщиков.

Но так ли кардинальны и решительно противоположны были эти перемены деятельности Печатного двора в годы, предшествовавшие нововведениям патриарха Никона? Можно ли провести четкую границу, разделяющую два периода русского книгоиздательства в середине XVII в., если рассматривать основную направленность продукции Печатного двора и ее влияние на общество?

Нововведения патриарха Никона восходят к переменам в работе Печатного двора последних лет патриаршества Иосифа, на что указывали исследователи XIX в., отмечая, что правка богослужебных книг уже тогда велась с учетом сверки текстов по греческим оригиналам. При подготовке текстов учитывались и юго-западнорусские печатные книги, сверенные с новогреческими изданиями, как более исправные. Особенно интенсивно эти новшества, начало которых отмечается еще в справе времен патриарха Иоасафа I, стали применяться в последние годы перед реформой, когда царский духовник Стефан Внифантьев при поддержке царя Алексея Михайловича фактически

¹ Здесь и далее в скобках указываются номера изданий по каталогу: [Зёрнова].

руководил московским книгоиздательством [Николаевский, 1891, № 1–2, с. 173–180; Каптерев, 1887, с. 46–49; Каптерев, 1909, с. 50; Дмитриевский, с. 39–41; см. также: Румянцева, с. 42–52; Андреев]. Являясь главой московской ветви кружка «ревнителей древнего благочестия», он приветствовал введение в московскую культуру трудов украинских и белорусских книжников и типографов и проводил через издания Печатного двора идеи по реформированию русского общества [Савельева, 2021b].

В этих процессах самое непосредственное участие принимал Никон, тогда еще Новгородский митрополит, который особенно сблизился со Стефаном Внифантьевым и кругом московских справщиков в 1649 г. Его поставление на новгородскую кафедру приехавшим в Москву Константинопольским патриархом Паисием выделило Никона из круга московских клириков [Николаевский, 1891, № 1–2, с. 163–165].

О сложности и многосторонности процесса изменений в издательской политике Печатного двора свидетельствует история подготовки Кормчей, работа над которой начиналась в 1649 г. – времени деятельности Стефана Внифантьева, а завершилась выходом книги в 1653 г. при патриархе Никоне [Белякова, Мошкова, Опарина].

Влиянием Стефана Внифантьева и очевидной поддержкой его царем Алексеем Михайловичем следует объяснить и некоторые новшества в направлении издательской программы, в подборе текстов для издания и, главное, в цели, которой призваны были служить новые книги. Эти новшества следует относить уже к 1647 г., когда и начался фактический надзор за процессом книгоиздательства царского духовника и его светских сподвижников из придворного клана (Бориса Морозова, Федора Ртищева) [Румянцева, с. 37–52; Флоря, с. 323–324]. Речь идет о книгах, не имеющих исключительно богослужебной функции. Наряду с публикациями сочинений отцов церкви, предназначавшихся как уставные чтения, еще продолжавшими основную стратегию изданий патриарха Иосифа по изданию полного круга богослужебных книг (поучений Ефрема Сирина (№ 198), Иоанна Лествичника (№ 199) [см.: Вознесенский, 1999, с. 36])², здесь издаются сборники, корректирующие направление основной линии Иосифовского книгопечатания.

Анализ деятельности Печатного двора середины XVII в. не может обойтись без упоминания двух выпадающих из общего ряда изданий: это «Кириллова книга» 1644 г. (№ 169) и «Книга о вере» 1648 г. (№ 209). Эти два издания трактуются как едионаправленные и связанные непосредственно с государственной идеологией и политикой, рассматриваются как полемические в контексте событий, сопутствовавших попытке заключения династического брака царевны Ирины Михайловны и датского принца Вальдемара [см., например: Вознесенский, 1999, с. 37; Вознесенский, 2010, с. 72–73]. Между тем, эти издания от-

² По-видимому, этот ряд можно продолжить сведениями о готовившихся, но не осуществленных изданиях «Богословия» Иоанна Дамаскина и «Алфавитного патерика», см.: [Сапожникова, с. 130–177, 233–249, 258–320].

носятся к разным традициям в своей допечатной истории и свидетельствуют, как представляется, о смене фактического руководства Печатным двором и о переменах в основной линии московской издательской программы.

«Кириллова книга», готовившаяся под присмотром патриарха Иосифа в связи с событиями неудавшейся попытки заключения династического брака царевны Ирины Михайловны с королевичем Вальдемаром, до издания имела богатую рукописную традицию [Опарина, с. 102–140, 212–243] и продолжала полемическую линию, запечатленную и ранее в книгах, напечатанных в Москве, в том числе не имеющих сугубо богослужебной функции («Сборник о почитании икон» 1642 г., № 161). Неудавшиеся прения о вере с датским пастором Мартином Фельгабером убедительно продемонстрировали необходимость богословско-догматического «просвещения» общества³, а падение нравственно-аскетических устоев, которое так волновало ревнителей древлего благочестия, – его духовно-нравственного воспитания. Почти все последующие издания Печатного двора, не имевшие исключительно богослужебного назначения, были направлены более на катехизацию, духовное и дисциплинарное наставление московской паствы. Издания, вышедшие или готовившиеся к печати после 1645 г., отвечают именно этим задачам и явственно опираются на соответствующие издания Киевской митрополии: это «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1648 г. (№ 206), обозначающая ориентацию в справе на нормы греческого языка [Кузьминова, с. 130], а также «Собрание краткия науки об артикулах веры» 1649 г. (№ 215) – московский вариант «Малого катехизиса» Петра Могилы.

Это новое направление в книгопечатании не означало отказа от прежних задач – участия книгоиздания в «насущных государственных интересах», которое сказалось, по мнению А. В. Вознесенского, в публикации военного трактата И. Я. фон Вальхаузена в 1647 г. (№ 201), Уложения 1649 г. (№ 216) и Кормчей в 1653 г. (№ 222, 248) [Вознесенский, 2010, с. 74–75]. Полемическая же линия прослеживается в издании «Соборника» 1647 г. (№ 200) – сборника уставных чтений («Торжественника»). В этой книге статьи, широко бытовавшие

³ Это положение не соответствует «просветительскому» направлению в деятельности Печатного двора, которое с самого начала является, по мнению И. В. Поздеевой, одним из главенствующих в московской книгоиздательской программе и выражается в многочисленных изданиях «учебных книг», к числу которых автор относит не только традиционные «Азбуку» и Псалтирь, но и Часовник, Канонник и другие книги личного служебного обихода [см., например: Поздеева]. Библиографию и полемику по этому вопросу см.: [Вознесенский, 2010, с. 58–65]. С другой стороны, именно о «просвещении» общества, которое обозначало и «педагогическое» направление, и богословское воспитание паствы, заботились, по мнению С. С. Зеньковского, «ревнители благочестия», находившиеся в числе справщиков Печатного двора [Зеньковский, с. 96–102]; такое же значение справщикам придавал П. Ф. Николаевский [Николаевский, 1890, № 9–10, с. 465–467]. Роль участников производственного процесса изданий в формировании программы Печатного двора, конечно, здесь преувеличена, но она верно отражает позицию главы московских ревнителей, царского духовника Стефана Внифантьева, имевшего реальные возможности для руководства этим предприятием.

в рукописях, были сгруппированы и расположены в определенной последовательности, которая позволяла издателям выделить наиболее волнующие общество вопросы, прежде всего касающиеся эсхатологических ожиданий и утверждения торжества православия.

Новую линию в московской издательской программе, связанную с идеями ревнителей благочестия, определенно представляют два дореформенных авторских сборника, привезенных западнорусским книжником игуменом Бизюкова монастыря Гедеоном, удивительно вовремя появившимся в Москве со своими творениями [Савельева, 2011; Савельева, 2020, с. 120–123]. Первый сборник – «Книга о вере» 1648 г. издания (№ 209). Его основу составили полемические сочинения киевских публицистов XVI в., прежде всего труды архимандрита Киево-Печерского монастыря Захарии Копыстенского [Опарина, с. 243–284], включение же этих текстов в сборник, их интерпретация и редакция иеромонахом Гедеоном были подчинены иной цели. Свою авторскую позицию и задачу иеромонах Гедеон объясняет в предисловии, заявляя о стремлении снизить уровень полемического накала заимствованного текста при включении его в книгу иного предназначения: «И от блаженныя памяти Захарии Копыстенского, архимандрита Киевопечерского, ревнителя и поборника по благочестии главизн с десять списах. <...> И в нѣкоих мѣстѣх, яко в начатцѣх, мало облегчих, да не ко враждѣ, ниже к сваром скланяемся, но ко исправлению» [Книга о вере, л. 5].

Критическое отношение к источнику, прежде всего к главам, избранным из киевской «Книги о вере» 1621 г., проявлялось не в традиционной правке текста, а в избирательном подходе к материалу, из которого исключались полемические фрагменты (например, предисловие к главам о Таинстве Тела и Крови Христовой в этом издании, а также полемические разделы «Палинодии»); сохранялись же и редактировались главы «ихже судих полезнѣйших к наказанию яже в правду» [Там же]. Сборник иеромонаха Гедеона создан как апология православия, написан с целью доступно изложить самому неискушенному читателю основы православной догматики, поскольку «нѣции не свѣдят, в чем православнии от отпадших разньствуем» [Там же, л. 4 об.]⁴. Не только его содержание, акцентирующее внимание на основных богословско-догматических вопросах, но и доступность их изложения оказались востребованными. «Книга о вере» абсолютно точно отвечала задачам «догматического просвещения» и обновления общества, тем более что в нее были включены и главы – самостоятельные компиляции автора, направленные на духовно-нравственное наставление этого общества [Савельева, 2021с].

⁴ Такое «катехизическое» предназначение «Книги о вере» отмечал Пьер Паскаль: «В этом большом фолианте, состоящем из 289 листов, явно постарались написать нечто большее, чем апологию православной веры против врагов, которые были несравненно менее опасны в Москве, нежели в Киеве, Остроге или в Вильне; появилась своего рода полная религиозная энциклопедия, содержащая массу полезных и интересных для общества сведений» [Паскаль, с. 200].

«Книга о вере» не только издается в Москве в 1648 г. при участии царского духовника, но и цитируется в памятниках публицистики ревнителей благочестия в статье «О церковном благочинии и единогласии», специально созданной для публикации в качестве предисловия к печатному Октоиху 1649 г. (№ 214), в сочинениях о единогласном пении, а также в послании сподвижнику Стефана Внифантьева по кружку боголюбцев, тогда еще Новгородскому митрополиту Никону, о поклонении на восток [Савельева 2021b, с. 75–77; Савельева, 2022a, с. 164–170]. Из «Книги о вере» будет заимствован рассказ о крещении Руси, введенный в текст «Сказания об учреждении патриаршества», помещенного в предисловии к Кормчей по инициативе патриарха Никона уже после того, как был сделан основной набор и книга была подвергнута соборному рассмотрению [Белякова, Опарина, Мошкова, с. 204, 276–283].

Столь же согласна с идеями ревнителей благочестия была вторая книга иеромонаха Гедеона. Сборник с авторским самоглавием «Изображение истинного христианского жития, паче же иноческого» состоит из 90 глав о христианских добродетелях, об иноческом подвиге, о монастырской жизни и келейном служении; главы расположены в алфавитном порядке. Текст сохранился в двух авторских редакциях, каждая имеет свою допечатную рукописную традицию. В 1645 г. был завершен первоначальный, адресованный западнорусской аудитории вариант сборника, в котором содержатся многочисленные выписки из источников и авторские текстовые связки на «простой мове». Этот вариант по рукописи выговской традиции издан в Вильне под названием «Альфа и Омега» [Альфа и Омега, 1786].

В 1647 г. был создан авторский вариант сборника, адаптированный для московской аудитории. В нем текст изложен на церковнославянском языке, приближенном к нормам великорусской редакции, распространен новыми источниками, дополнен стихами. Включенные в первоначальную редакцию источники на «простой мове» либо заменены их церковнославянскими эквивалентами, либо переведены самим составителем. Иеромонах Гедеон искал способы адаптации юго-западнорусского литературного наследия для его восприятия московским обществом. Вторая редакция предназначалась для публикации сборника в Москве после столь успешного издания «Книги о вере». Работа над сборником на Печатном дворе отражена в двух рукописях, написанных для нужд sprawy одним и тем же копиистом [БАН. Архангельское собр. Д. 430; РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1429]. В одной из них [БАН. Архангельское собр. Д. 430. Л. 1–1 об., 2–3] помещены стихотворное и прозаическое посвящения царю Алексею Михайловичу и приветствие от имени царя; неравносложные вирши, написанные на церковнославянском языке, стали самым ранним образцом книжного посвящения московскому государю [Савельева, 2011, с. 97–100; Савельева, 2020, с. 124]. Московское издание в XVII в. не осуществилось, но этот вариант сбор-

ника по материалам Печатного двора был издан в Супрасле [Альфа и Омега, 1788]⁵.

Состав источников и принципы работы составителя сборника с материалом были понятны и приветствовались книжниками круга царя Алексея Михайловича и его духовника. Как представитель западной культурной модели, воспитанный на печатной традиции Киевской митрополии, иеромонах Гедеон вполне осознанно обращался к реферативному методу работы, редактируя тексты предшественников в соответствии со своими задачами. В то же время он в традициях творческой работы древнерусских книжников создает анфиладные компиляции, подбирая для прославления истинно «росского православия» тексты Священного Писания и святоотеческого наследия. В распоряжении иеромонаха Гедеона были московские издания («Пролог», требники мирской и иноческий, «Кириллова книга» и др.), а также древнерусские рукописи, откуда он черпал необходимые тексты поучений византийских авторов, памятники монашеской аскетической традиции. Помимо маркированных выписок из Писания и святоотеческих сочинений, толковых и канонических текстов, выбранных из рукописей и книг, изданных на территории Киевской митрополии и на Московском печатном дворе, в сборник включено довольно много немаркированных цитат и реминисценций. Среди них обнаруживаются выписки из книг западнорусских и южнорусских авторов («Киновион» Леонтия Карповича (Евье, 1618); «Диоптра» Виталия Дубенского (Евье, 1612); «Зерцало Богословия» Кирилла Транквиллиона (Почаев, 1618)), включая неизданные к тому времени («Алфавит духовный» Исаяи Копинского).

Иеромонах Гедеон использовал в своей работе и доносил до московского читателя элементы новой западнорусской культуры, обращаясь не только к авторитетным творениям отцов церкви, в том числе изданным на латыни, но и к памятникам иноконфессиональной латинской традиции. О том, что подчас такое заимствование было, возможно, неосознанным, свидетельствует использование им в своих компиляциях неизвестного ранее выборочного перевода на церковнославянский язык

---

⁵ Следы бытования неосуществленного издания книги иеромонаха Гедеона в московских придворных кругах обнаруживаются в 70-е гг. XVII в. Сохранилось несколько роскошно иллюминированных рукописей [РГБ. Ф. 833. Костромское собр. № 92; ГИМ. Музейское собр. № 1387; собр. Уварова. № 277], созданных, по-видимому, в одном из московских центров книгописания и иконографии (Посольский приказ, Оружейная палата, Патриарший двор). Текстологически все списки восходят к материалам Печатного двора и отражают варианты правки, внесенной в середине XVII в. В иллюминации всех рукописей наглядно запечатлелись черты времени, культурного влияния утверждающегося пореформенного московского барокко. Наиболее ярко это демонстрирует список Увар. 277. В оформлении «богодуховенной», в высшей степени архаичной по замыслу книги «Альфа и Омега» здесь использован открывающий текст крупный инициал «А» (л. 10) в чернофонной рамке с орнаментикой, воспроизводящей сюжет одной из басен Эзопа, известных в Москве к тому времени по переводам посольских служащих Федора Гозвинского («Орел и лисица», «О куколке, сиречь о зозуле и о лисице») или Андрея Виниуса («О лисице и орле», «О попугае и лисице»). Подробнее см.: [Савельева, 2020, с. 131–132].

трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского. Текст перевода, надписанный именем византийского святого Фомы Малеонского, сохранился только в западнорусском списке [РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 657. Л. 134–153] в окружении копий подготовительных материалов для «Книги о вере», а также во фрагментах, которые читаются под этой псевдоатрибуцией в сборнике «Альфа и Омега» [Савельева, 2018]. Если бы этот сборник был издан, московский читатель уже в середине XVII в., до церковной реформы мог бы познакомиться с выписками из трактата Фомы Кемпийского, отдельными положениями сочинения «О семи тайнах церковных» Гавриила Севира Филадельфийского [Савельева, 2022b] и другими образцами европейской схоластики.

Это был последний сборник, представлявший монастырскую и мирскую аскетическую традицию, следы реальной работы над изданием которого до перемен на Московском печатном дворе сохранились в рукописях. Так же, как и новая для московского обихода «Книга о вере», он сочетал в себе идеи и положения, близкие взглядам Стефана Внифантьева и его сподвижников, с их ясным и доступным изложением. О причинах, по которым это издание не осуществилось, можно только догадываться. Возможно, подготовка к изданию была приостановлена в связи с кончиной в 1652 г. Шестака Мартемьянова, который, судя по всему, начинал работать над книгой [Савельева, 2011, с. 99–101]. Но возможно и другое объяснение: «Альфа и Омега» с ее архаикой, провозглашением нравственных устоев и следования традициям в церковном служении без каких-либо включений на темы межконфессиональной полемики представляла ценность для идей «ревнителей древлего благочестия». Издание книги на Печатном дворе подкрепляло бы позицию боголюбцев в случае продолжения противостояния между царем и патриархом. Но собор 1651 г. и соответствующее издание Служебника (№ 231) фактически означали победу Стефана Внифантьева и его соратников. Смерть патриарха Иосифа и последующие события, главенствующую роль в которых играли уже не столько боголюбцы, сколько восточные патриархи и киевские книжники, изменили, и это важно, не направление издательской политики предшествующего реформе периода с ее нацеленностью на катехизацию и нравственное просвещение общества, а средства и способы выражения этих идей. И в этом, по-видимому, состоят преемственность и неразрывность двух этапов издательской политики Печатного двора, преемственность, связанная с эволюцией и трансформацией самого направления движения ревнителей благочестия, грекофильская позиция которых воплотилась в деятельности патриарха Никона.

Об этой преемственности свидетельствуют материалы подготовки пореформенных сборников «Скрижаль» (1655–1656) и «Анфологион» (1660). Несмотря на разницу в обстоятельствах издания, жанре и предназначении этих двух сборников, их роднит принцип подбора источников большей части напечатанных текстов. Включение в эти сборники сочинений, переведенных преимущественно с новогрече-

ских изданий, знаменует собой новый этап освоения памятников агиографии, византийского святоотеческого наследия и европейской богословской традиции. Новые переводы в основном были выполнены учеными богословами, из которых сформировался к этому времени круг причастных к справе работников Печатного двора; в большинстве своем это были выходцы из Киевской митрополии, появившиеся в Москве еще в дореформенные времена.

История подготовки сборников не сводится к созданию новых переводов, она отражает репертуар неоднородных по происхождению переводных памятников разных хронологических отрезков, которые бытовали в славянской рукописной и печатной книжности XI–XVII вв., в том числе в наследии юго-западнорусской традиции. Обнаруживаются тексты этой традиции в сборниках «Скрижаль» и «Анфологион» и среди переводов, ранее атрибутированных никоновским справщикам, прежде всего Арсению Греку [Турилов, Чумичева, с. 439]. Материалы показывают, что некоторые из напечатанных сочинений основаны на более ранних переводах и что новые сборники имеют параллели с текстами, которыми располагали справщики Печатного двора предшествующих лет, в том числе и со сборником «Альфа и Омега», на уровне источников «новопереведенных» памятников.

Состав «Скрижали» весьма пестрый, и вопрос о типологии сборника, как, впрочем, и выпущенного в 1660 г. «Анфологиона», требует особых разысканий. Конечно, одной из основных целей издания была декларация нововведений церковной реформы, потому в состав сборника были включены материалы церковных соборов 1654–1656 гг. Сборник «Скрижаль» задумывался прежде всего как пособие по изложению новых идей реформы для разъяснения пастве перемен, вводимых в церковной практике. Но эти разъяснения могли быть представлены только в общем своде сведений, отвечающих потребности догматического просвещения общества. Потому в сборник вошли катехизические сочинения, как известные в славянской книжно-рукописной традиции («Вопросо-ответы Псевдо Афанасия») ⁶, так и вновь переведенные произведения нововизантийской традиции – толкование на Божественную литургию Иоанна Нафанаила, которое представляло собой компиляцию, выполненную на основе толкования Николая Кавасилы, с привлечением сочинений других авторов [Желтов, с. 220]. В приложении к тексту напечатано «Послание Константинопольского патриарха Паисия патриарху Никону с ответами на литургические вопросы» ⁷. Толкование Иоанна Нафанаила в какой-то степени подменяло собой хорошо известный в славянской рукописной традиции, преимущественно в составе кормчих, текст «Толковой службы» – символического

⁶ Порядок статей и пагинация вариативны в составе разных экземпляров, местонахождение статей по отдельным экземплярам см.: [Зёрнова, с. 82–83; Мирзоян, с. 327–329].

⁷ Текст впоследствии дважды был напечатан в составе служебников, изданных в 1658 г. (№ 278, 279).

комментария на чинопоследование литургии, составленного из разных источников, в том числе переводных сочинений средневизантийской традиции, а также апокрифов [Афанасьева].

В числе новых переводов, представленных в «Скрижали», называется и трактат титулярного митрополита Филадельфии Ликийской Гавриила Севира «Сочинение о Святых таинствах», впервые изданный в Венеции в 1600 г. В трактате приводятся сущность, происхождение и наименование церковных таинств, указываются связанные с ними обряды. Сочинение, хорошо структурированное и лаконично изложенное, написано в целом в русле латинской схоластики при закономерном акцентированном внимании к основам православной догматики [Ясіновський, 2010, с. 25–30].

Трактат Гавриила Севира известен в двух славянских переводах XVII в. Наиболее раннее переложение текста на «просту мову», как принято считать, было создано в 1603 г. в известном книжном центре – Дерманском Свято-Троицком монастыре на Волыни, возможно, Киприаном Острожским [Ясіновський, 1995; Ясіновський, 2017; Тимошенко]. Оно сохранилось в трех южнорусских списках XVII в. [НБ Украины им. В. И. Вернадского. ОСК и РИ. Кир. 794. Л. 4–55; Львовская НБ им. В. Стефаника НАН Украины. ОР. Колл. А. Петрушевича. № 59. Л. 7–56; РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 372. Л. 20–77]. Переложение фрагментов этого текста на церковнославянский язык великорусского извода могло быть напечатано в начале 50-х гг. XVII в. в составе сборника иеромонаха Гедеона «Альфа и Омега». Несколько немаркированных выписок из южнорусского перевода помещены им в первоначальную редакцию книги, а затем в собственном переложении – в редакцию, предназначенную для московского издания. Выдержки из трактата греческого богослова закономерно вошли в те главы «Альфы и Омеги» («О исповедании», «О крещении», «О начальстве духовных», «О покаянии»), которые совпадают по названию и тематике с главами или разделами сочинения о таинствах [Савельева, 2022b].

Но издание не осуществилось. Трактат появился в «Скрижали» в новом, отличном от юго-западнорусского переводе, созданном, как принято считать, уже при патриархе Никоне Арсением Греком. Сохранилась рукопись [ГИМ. Синод. собр. № III. Л. 341–422; Горский, Невоструев, с. 811], которая правилась на Московском печатном дворе, в том числе Евфимием Чудовским, и которая была положена в основу издания⁸. Но какой текст правился Евфимием Чудовским? Ответ на этот вопрос предоставляет более ранний список трактата в составе рукописи начала 50-х гг. XVII в. [РГБ. Ф. 218. Собр. ОР. № 180. Л. 123–128 об.]. Он находится в сборнике в окружении памятников публицистики «ревнителй древлего благочестия», в том числе

⁸ К сожалению, нам не удалось ознакомиться со списком этого перевода, который хранится в Львовском историческом музее (шифр: Рук. 101, отдельный список сер. XVII в.). Согласно описанию А. Ю. Ясиновского, список соответствует тексту московского издания и, вероятно, переписан с него [Ясіновський, 1995, с. 105–106].

послания «Агафоника» (Стефана Внифантьева) Новгородскому митрополиту Никону⁹.

Текст в этом списке имеет значительные композиционные, стилистические и языковые отличия от изданного в составе «Скрижали» и вместе с тем черты, сближающие его с юго-западнорусским переводом (например, последовательность глав о таинствах, которая разнится с композицией оригинала и его перевода в «Скрижали»). Происхождение этого списка и его место в истории московского издания трактата Гавриила Филадельфийского – предмет отдельного исследования, но одно несомненно: именно в этот более ранний перевод вносил правку Евфимий Чудовский, сверяя текст с новогреческим оригиналом. Редактирование перевода было осуществлено между 1652 и 1654 гг.; в апреле 1654 г. книга пошла в печать, причем замысел публикации в ее составе трактата Гавриила Филадельфийского был изначальным, несмотря на то, что текст находится в конце книги на листах особого счета¹⁰. Темы и тексты сборника «Скрижаль» уходят корнями в более ранний период деятельности Печатного двора.

Еще более очевидную перекличку с неосуществленным изданием «Альфы и Омеги» имеют два сочинения, помещенные в «Анфологионе» 1660 г. Книгу принято называть в научной традиции Сборником переводов Арсения Грека, поскольку в ее самозаглавии и в преамбулах к отдельным текстам ему атрибутированы несколько напечатанных здесь переводов. Это касается ряда житий византийских святых – переведенных с венецианских изданий 1641 и 1644 гг. их новогреческих переложений, выполненных Агапием Ландосом Критянином [Адрианова, с. 107–114]. Но в сборник вошли и иные по происхождению памятники. Некоторые статьи были переведены другими справщиками, в частности, Епифанием Славинецким (например, «Вопросы и ответы» Псевдо-Иустина Философа). В распоряжении Арсения Грека имелись славянские рукописи, правленные статьи из которых он включил в сборник (например, Послание Григория Богослова к Филагрию); наконец, в состав сборника вошли переводные памятники в тех редакциях и вариантах, которые были известны по изданиям Киевской митрополии (например, «Изложения главизн поучительных» Агапита в редакции Петра Могила, подготовленной для киевского издания 1628 г.).

К переводам Арсения Грека принято относить тексты двух стихотворных гномологиев – «Главы преведеня от книги, нарицаемая Рай» (перевод гномология «Παράδεισος» Нила (Иоанна Геометра)) и «Мысли, записанные четверостишиями» Григория Богослова. Славянский перевод обоих текстов до недавних пор был известен только

⁹ Библиографию о сборнике и наиболее полное, хотя и с некоторыми ошибками, описание рукописи см.: [Лавров, Морохин, с. 31–38]; характеристику сборника и обоснование атрибуции его текстов см. также: [Савельева, 2022а, с. 173–176].

¹⁰ См.: «В прошлом во 162-м году (1654) апреля в 25 день на Книжном Печатном дворе начаты печатать книги литургия Иоанна Златоустаго и о Седми таинах церковных в толку, и Афанасия Александрскаго (!) о всяких вещех... и о божестве, и о крестном знамении по заводу 1200 книг...» [Поздеева, Дадыкин, Пушков, с. 309–310].

по этому московскому изданию 1660 г. Однако более ранний перевод этих сочинений был обнаружен в западнорусском сборнике начала XVII в. [РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 50], где эти тексты переписаны вместе с «Духовными беседами» Макария Египетского в переводе Киприана Острожского, выполненном в 1598 г. Сравнение текстов показало, что именно этот перевод гномология «Παράδεισος» Нила (Иоанна Геометра) напечатан в «Анфологионе», а при работе над «Четверострочиями» Григория Богослова Арсений Грек сверял свой труд с этим ранним, по-видимому, острожским переводом¹¹.

Согласно записи, находящейся на первых листах западнорусского сборника, в XVII в. он принадлежал Бизюкову Крестовоздвиженскому монастырю под Дорогобужем, игуменом которого был иеромонах Гедеон. Именно из этой рукописи он вводил в московский вариант сборника «Альфа и Омега» фрагменты поучений Макария Египетского взамен соответствующего текста на «простой мове», выписанного в первоначальном варианте книги из виленского издания «Духовных бесед» Макария Египетского 1627 г. А знакомство московского читателя с поэтическими гномами Григория Богослова и Нила (Иоанна Геометра) отчасти могло состояться на десять лет раньше выхода в свет «Анфологиона», поскольку ряд сентенций из этой рукописи приведен в сборнике иеромонаха Гедеона «Альфа и Омега», в обеих его редакциях [Альфа и Омега, 1786, л. 170 об., 232, 250 об.; Альфа и Омега, 1788, л. 419, 544 об. – 545, 577 об.].

Представленные материалы дают основания скорректировать привычные представления о том, что процесс вливания в московскую культуру новых памятников византийского святоотеческого наследия и произведений средневековых авторов произошел лишь во второй половине XVII в. и был обусловлен деятельностью в Москве «киевских» ученых мужей по осуществлению реформы в московской книгоиздательской программе. Эти тексты бытовали в просвещенных кругах людей, близких к московскому книгоизданию, в предшествующий период работы государевой типографии. Посредниками в освоении московским читателем образцов европейского богословия становятся представители православных кругов Киевской митрополии, прежде всего ее восточных земель, каким и был иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря. Интерес к образцам юго-западнорусской книжной традиции в придворных кругах, близких царю Алексею Михайловичу и его духовному отцу Стефану Внифантиеву, оказывал влияние на отбор для издания новых книг и текстов, созвучных идеям реформирования московской жизни и возвращения паствы к древнейшим христианским традициям. Линия, направленная на катехизацию и духовно-нравственное воспитание московского общества, которая отчетливо проявляется

¹¹ Библиографию по теме, характеристику текстов сборника, анализ и публикацию текстов вновь найденных переводов см.: [Савельева, 2021a].

в деяниях «ревнителей древлего благочестия», в том числе связанных с книгопечатанием, последовательно продолжается в первые годы пореформенной программы Печатного двора с переориентацией на новые источники.

Список литературы

Адрианова В. П. Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности: [дисс.]. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К^о, 1917. VIII, 518 с.

Альфа и Омега / [Гедеон, иером.]. Вильно: Тип. Его Королевского Величества Станислава Августа, 1786. [2], 2, [3], 302 л.

Альфа и Омега / [Гедеон, иером.]. Супрасль: Тип. Благовещен. монастыря, 1788. 685 л.

Андреев А. А. Печатные издания Служебника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 66–115. DOI 10.24412/2224-5391-2021-35-66-115.

Афанасьева Т. И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исследование и тексты. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012. 393 с.

БАН. Архангельское собр. Д. 430.

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017. 496 с.

Вознесенский А. В. Об издательской программе Московского Печатного двора // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. М.: Тип. Патриаршего изд.-полигр. центра, 1999. С. 35–41.

Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 679 с.

ГИМ. Музейское собр. № 1387; Собр. Уварова. № 277; Синод. собр. № III.

Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М.: Синод. тип., 1862. Отд. 2, ч. 3. [2], VIII, 842, [2] с.

Гусева А. А. Издания Московского печатного двора в период патриаршества Никона // Федоровские чтения. 2005 / отв. ред. В. И. Васильев. М.: Наука, 2005. С. 304–315.

Дмитриевский А. А. Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / подг. текста А. Г. Кравецкого. М.: Языки славян. культуры, 2004. 158 с.

Желтов М. С., свящ. Литургика (Православная) // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2016. Т. 41. С. 212–226.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество / сост. Г. М. Прохоров; общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Квадрига, 2009. 688 с.

Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог / под ред. Н. П. Киселева. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М.: Тип. ун-та, 1887. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. 175 с.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1909. Т. 1. [2], VI, 525 с.

Книга о вере / [Гедеон, иером.]. М.: Печатный двор, 1648. [1], 289 л.

Кузьминова Е. А. Книжная справа // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2014. Т. 36. С. 122–134.

Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. 336 с.

Львовская НБ им. В. Стефаника НАН Украины. ОР. Колл. А. Петрушевича. № 59.

Мирзоян А. Г. Литературный состав русских старопечатных сборников XVI–XVII вв. (Краткое описание по алфавиту названий) // Демин А. С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков: (Общественные настроения). М.: Наука, 1985. С. 298–338.

- НБ Украины им. В. И. Вернадского. ОСК и РИ. Кир. 794.
- Николаевский П. Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1890. № 1–2. С. 114–141; № 9–10. С. 334–467; 1891. № 1–2. С. 147–186; № 7–8. С. 151–186.
- Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск : Наука, 1998. 429 с.
- Паскаль П.* Протопоп Аввакум и начало Раскола / пер. с фр. С. С. Толстого ; науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М. : Знак, 2011. 680 с.
- Поздеева И. В.* Издание и распространение учебной литературы в XVII в.: Московский Печатный двор // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. : Педагогика, 1989. С. 171–177.
- Поздеева И. В., Дадькин А. В., Пушков В. П.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 : в 3 кн. М. : Наука, 2007. Кн. 1. 399 с.
- Починская И. В.* Влияние церковной реформы патриарха Никона на развитие Московского печатного двора // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2019. № 1. С. 13–36. DOI 10.31648/pw.4408.
- РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1429; Ф. 833. Костромское собр. № 92; Ф. 247. Собр. Рогожского кладбища. № 50, 657; Ф. 256. Собр. Румянцева. № 372; Ф. 218. Собр. ОР. № 180.
- Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М. : Наука, 1986. 264 с.
- Савельева Н. В.* Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // Книжная старина. СПб. : РНБ, 2011. Вып. 2. С. 82–131.
- Савельева Н. В.* Неизвестный перевод трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского в западнорусском сборнике XVII века // Славяноведение. 2018. № 2. С. 65–82.
- Савельева Н. В.* Крестовоздвиженский Бизюков монастырь в русской истории и литературной культуре : Первый игумен монастыря иеромонах Гедеон и его книги // Авраамиевская седмица : материалы междунар. науч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», г. Смоленск, 11–13 сентября 2019 г. Смоленск : Свиток, 2020. Вып. 4. С. 119–141.
- Савельева Н. В.* К истории текстов московского *Анфологиона* 1660 г.: Главы... от книги *Рай* и *Четверострочия* Григория Богослова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2021а. № 1 (18). С. 147–186. DOI 10.21638/srbu09.2021.109.
- Савельева Н. В.* Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Русская литература. 2021б. № 4. С. 65–77. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-65-77.
- Савельева Н. В.* К вопросу об истории текста и источниках авторских компиляций «Книги о вере» иеромонаха Гедеона // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. / отв. ред. А. Х. Элерт. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2021с. С. 26–49. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 40).
- Савельева Н. В.* О литературном наследии «ревнителей древлего благочестия» // Русская литература. 2022а. № 1. С. 161–176. DOI 10.31860/0131-6095-2022-1-161-176.
- Савельева Н. В.* Трактат Гавриила Севира, митрополита Филадельфийского, «О Святых семи тайнах церковных» в славянских переводах XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022б. № 3. С. 180–192. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.015.
- Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин : Редакторская деятельность. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- Тимошенко Л. В.* Киприан // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2013. Т. 33. С. 699–700.
- Турилов А. А., Чумичева О. В.* Арсений Грек // Православная энциклопедия. М. : Церк.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2001. Т. 3. С. 438–439.
- Флоря Б. Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М. : Индик, 2019. 480 с.

Хромов О. Р. Московский печатный двор при патриархе Никоне: особенности репертуара и художественного оформления изданий // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 110–127. DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.029.

Ясіновський А. Дерманський переклад «Синтагматона» Гавриїла Севера: побутування пам'ятки в Україні // Острозька давнина. Дослідження і матеріали Т. 1 / відпов. ред. І. Мицько. Львів: [Б. и.], 1995. Т. 1. С. 104–106.

Ясіновський А. Митрополит Філадельфійський Гавриїл Севір: Життя і літературна творчість // Наукові записки Українського католицького університету. 2010. Вип. 1, ч. 2. Історія. С. 11–34.

Ясіновський А. Амбівалентність перекладу богословського тексту: (приклад «Синтагматона про сім святих тайн» Гавриїла Севіра, 1603 р.) // Studia Ukrainica Posnaniensia. 2017. № 5. С. 73–80. DOI 10.14746/sup.2017.5.08.

References

Adrianova, V. P. (1917). *Zhitie Aleksiya cheloveka Bozhiya v drevnei russkoi literature i narodnoi slovesnosti* [Life of Alexey, Man of God in Ancient Russian Literature and Folklore]. Diss. Petrograd, Tipografiya Ya. Bashmakov i Co. VIII, 518 p.

Afanaseva, T. I. (2012). *Drevneslavjanskije tolkovaniya na liturgiju v rukopisnoi traditsii XII–XVI vv. Issledovanie i teksty* [Old Slavic Interpretations of the Liturgy in the Manuscript Tradition of the 12th–16th Centuries. Research and Texts]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 393 p.

Andreev, A. A. (2021). Pечатnye izdaniya Sluzhebника i Trebnika v Moskve v pervoi polovine XVII v.: voprosy sostava [Printed Editions of the *Sluzhebnik* and *Trebnik* in Moscow in the First Half of the 17th Century: Issues of Composition]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 35, pp. 66–115. DOI 10.24412/2224-5391-2021-35-66-115.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. Arkhangel'skoe sobranie. Dos. 430.

Belyakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. (2017). *Kormchaya kniga: ot rukopisnoi traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu* [The *Kormchaya Kniga*: From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p.

Dmitrievskii, A. A. (2004). *Ispravlenie knig pri patriarkhe Nikone i nasleduyushchikh patriarkhakh* [Correction of Books under Patriarch Nikon and Subsequent Patriarchs] / prep. by A. G. Kravetskii. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 158 p.

Florya, B. N. (2019). *Rossiya i vostochnoslavjanskije zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi* [Russia and the East Slavic Lands of the Polish-Lithuanian State at the End of the 16th– First Half of the 17th Centuries. Political and Cultural Ties]. Moscow, Indrik. 480 p.

[Gedeon, hieromonk]. (1648). *Kniga o vere* [Book on Faith]. Moscow, Pечатnyi dvor. [1], 289 l.

[Gedeon, hieromonk]. (1786). *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. Vil'no, Tipografiya Ego Korolevskogo Velichestva Stanislava Avgusta. [2], 2, [3], 302 l.

[Gedeon, hieromonk]. (1788). *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega]. Suprasl', Tipografiya Blagoveshchenskogo monastyrya. 685 l.

GIM [State Historical Museum]. Muzeiskoe sobranie No. 1387; Sobranie Uvarova. No. 277; Sinodal'noe sobranie. No. III.

Gorskii, A. V., Nevostruiev, K. I. (1862). *Opisanie slavyanskikh rukopisei moskovskoi Sinodal'noi biblioteki* [Description of Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. Department 2. Part 3. [2], VIII, 842, [2] p.

Guseva, A. A. (2005). Izdaniya Moskovskogo pechatnogo dvora v period patriarshestva Nikona [Editions of the Moscow Print Yard during the Patriarchate of Nikon]. In Vasil'ev, V. I. (Ed.). *Fedorovskie chteniya*. 2005. Moscow, Nauka, pp. 304–315.

Kapterev, N. F. (1887). *Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov* [Patriarch Nikon and His Opponents in Correcting Church Rites]. Moscow, Tipografiya universiteta. Iss. 1. Vremya patriarshestva Iosifa. 175 p.

Kapterev, N. F. (1909). *Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich]. Sergiev-Posad, Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi lavry. Vol. 1. [2], VI, 525 p.

Khromov, O. R. (2021). Moskovskii pechatnyi dvor pri patriarkhe Nikone: osobennosti repertuara i khudozhestvennogo oformleniya izdaniy [Moscow Printing Yard under Patriarch Nikon: Features of the Repertoire and Artistic Design of Publications]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23. No. 2, pp. 110–127. DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.029.

Kuz'minova, E. A. (2014). *Knizhnaya sprava* [Book Editing]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnyaya entsiklopediya". Vol. 36, pp. 122–134.

Lavrov, A. S., Morokhin, A. V. (2021). *Revniteli blagochestiya: ocherki tserkovnoi i literaturnoi deyatel'nosti* [Zealots of Piety: Essays on Church and Literary Activities]. St Petersburg, Nauka. 336 p.

Lvovskaya NB imeni V. Stefanika NAN Ukrainy [V. Stefanik Lviv National Library of the NAS of Ukraine]. Department of Manuscripts. Kolleksiya A. Petrushevicha. No. 59.

Mirzoyan, A. G. (1985). Literaturnyi sostav russkikh staropechatnykh sbornikov XVI–XVII vv. (Kratkoe opisaniye po alfavitu nazvaniy) [Literary Composition of Russian Early Printed Collections of the 16th–17th Centuries (Brief Description Listed Alphabetically)]. In Demin, A. S. *Pisatel' i obshchestvo v Rossii XVI–XVII vekov. (Obshchestvennyye nastroyeniya)*. Moscow, Nauka, pp. 298–338.

NB Ukrainy imeni V. I. Vernadskogo [V. I. Vernadsky National Library of Ukraine]. Department of Early Printed Books and Rare Editions. Sobraniye kirillicheskikh izdaniy. No. 794.

Nikolaevskii, P. F. (1890). Moskovskii pechatnyi dvor pri patriarkhe Nikone [Moscow Printing Yard under Patriarch Nikon]. In *Khristianskoe chtenie*. No. 1–2, pp. 114–141; No. 9–10, pp. 334–467; (1891). No. 1–2, pp. 147–186; No. 7–8, pp. 151–186.

Oparina, T. A. (1998). *Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii* [Ivan Nasedka and the Polemical Theology of the Kyiv Metropolis]. Novosibirsk, Nauka. 429 p.

Pascal, P. (2011). *Protopop Avvakum i nachalo Raskola* [Archpriest Avvakum and the Beginning of the Raskol] / transl. by S. S. Tolstoy, ed. by E. M. Yukhimenko. Moscow, Znack. 680 p.

Pochinskaya, I. V. (2019). Vliyaniye tserkovnoi reformy patriarkha Nikona na razvitiye Moskovskogo pechatnogo dvora [The Influence of the Church Reform of Patriarch Nikon on the Development of the Moscow Print Yard]. In *Przeglad Wschodnioeuropejski*. No. 1, pp. 13–36. DOI 10.31648/pw.4408.

Pozdeeva, I. V. (1989). Izdaniye i rasprostraneniye uchebnoi literatury v XVII v.: Moskovskii Pечатnyi dvor [Publication and Distribution of Educational Literature in the 17th Century: Moscow Print Yard]. In *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR s drevneishikh vremen do kontsa XVII v.* Moscow, Pedagogika, pp. 171–177.

Pozdeeva, I. V., Dadykin, A. V., Pushkov, V. P. (2007). *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury. 1652–1700 v 3 kn.* [The Moscow Print Yard as a Fact and a Factor of Russian Culture. 1652–1700. 3 Books]. Moscow, Nauka. Book 1. 399 p.

RGB [Russian State Library]. Stock 98. Sobranie Egorova. No. 1429; Stock 833. Kostromskoe sobranie. No. 92; Stock 247. Sobranie Rogozhskogo kladbishcha. No. 50, 657; Stock 256. Sobranie Rumyantseva. No. 372; Stock 218. Sobranie Otdela rukopisei. No. 180.

Rumyantseva, V. S. (1986) *Narodnoe antitserkovnoe dvizheniye v Rossii v XVII veke* [Popular Anti-Church Movement in 17th-Century Russia]. Moscow, Nauka. 264 p.

Sapozhnikova, O. S. (2010). *Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'* [The Russian Scribe of the 17th Century. Sergei Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 560 p.

Savelyeva, N. V. (2011). Neizvestnyi zapadnorusskii avtor ieromonakh Gedeon, igumen Bizyukova monastyrya, i moskovskoe knigopechataniye serediny XVII veka [Unknown Western Russian Author Hieromonk Gedeon, Abbot of the Bizyukov Monastery, and Moscow Typography of the Mid-17th Century]. In *Knizhnaya starina*. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. Iss. 2, pp. 82–131.

Savelyeva, N. V. (2018). Neizvestnyi perevod traktata “De imitatione Christi” Fomy Kemptskogo v zapadnoruskom sbornike XVII veka [An Unknown Translation of the Treatise *De imitatione Christi* by Thomas of Kempis in a Western Russian Collection of the 17th Century]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 65–82.

Savelyeva, N. V. (2020). Krestovozdvizhenskii Bizyukov monastyr’ v russkoi istorii i literaturnoi kul’ture. Pervyi igumen monastyrya ieromonakh Gedeon i ego knigi [Exaltation of the Cross Bizyukov Monastery in Russian History and Literary Culture: The First Abbot of the Monastery, Hieromonk Gedeon and His Books]. In *Avraamievskaya sed’mitsa. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii “Chteniya po istorii i kul’ture Drevnei Rusi v Smolenske”, g. Smolensk, 11–13 sentyabrya 2019 g.* Smolensk, Svitok. Iss. 4, pp. 119–141.

Savelyeva, N. V. (2021a). K istorii tekstov moskovskogo *Anfologiona* 1660 g.: *Glavy... ot knigi Rai i Chetverostrochiya* Grigoriya Bogoslova [On the History of the Texts of the Moscow *Anthologion* of 1660: *Chapters... from the Book of Paradeisos* and *Tetrastichae sententiae* by Gregory the Theologian]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Yazyk i literatura*. No. 1 (18), pp. 147–186. DOI 10.21638/spbu09.2021.109.

Savelyeva, N. V. (2021b). Spory o edinoglasnom penii i moskovskoe izdanie Oktoikha 1649 goda [Disputes about Monodial Singing and the Moscow Edition of Oktoikh of 1649]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 65–77. DOI 10.31860/0131-6095-2021-4-65-77.

Savelyeva, N. V. (2021c). K voprosu ob istorii teksta i istochnikakh avtorskikh kompilyatsii “Knigi o vere” ieromonakha Gedeona [On the History of the Text and the Sources of the Author’s Compilation of the *Book on Faith* by Hieromonk Gedeon]. In Elert, A. Kh. (Ed.). *Predstavleniya o proshlom v pamyatnikakh pis’mennosti XVI–XX vv.* Novosibirsk, Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 26–49. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Iss. 40).

Savelyeva, N. V. (2022a). O literaturnom nasledii “revnitelei drevlego blagochestiya” [About the Literary Heritage of the “Zealots of Ancient Piety”]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 161–176. DOI 10.31860/0131-6095-2022-1-161-176.

Savelyeva, N. V. (2022b). Traktat Gavriila Sevira, mitropolita Filadel’fiiskogo, “O Svyatykh sedmi tainakh tserkovnykh” v slavyanskikh perevodakh XVII v. [Treatise of Gabriel Severus, Metropolitan of Philadelphia *On the Holy Seven Mysteries of the Church* in the Slavic Translations of the 17th Century]. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. No. 3, pp. 180–192. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.01.

Timoshenko, L. V. (2013). Kiprian [Kiprian]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”. Vol. 33, pp. 699–700.

Turilov, A. A., Chumicheva, O. V. (2001). Arsenii Grek [Arsenii Grek]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”. Vol. 3, pp. 438–439.

Voznesenskii, A. V. (1999). Ob izdatel’skoi programme Moskovskogo Pечатnogo dvora [About the Publishing Programme of the Moscow Print Yard]. In *Rukopisnye sobraniya tserkovnogo proiskhozhdeniya v bibliotekakh i muzeyakh Rossii*. Moscow, Tipografiya Patriarshego izdatel’sko-poligraficheskogo tsentra, pp. 35–41.

Voznesenskii, A. V. (2010). *K istorii slavyanskoi pechatnoi Psaltiri. Moskovskaya traditsiya XVI–XVII vekov. Prostaya Psaltir’* [On the History of the Slavic Printed Psalter. Moscow Tradition of the 16th–17th Centuries. Simple Psalter]. Moscow, St Petersburg, Al’yans-Arkheo. 679 p.

Yasinovskii, A. (1995). Derman’skii pereklad “Sintarmationa” Gavriila Sevira: pobutuvannya pam’yatki v Ukraini [Derman’s Translation of Gavriil Sever’s *Syntagmation: The Life of the Work in Ukraine*]. In Mic’ko, I. (Ed.). *Ostroz’ka davnina. Doslidzhennya i materialy*. L’viv, S. n. Vol. 1, pp. 104–106.

Yasinovskii, A. (2010). Mitropolit Filadel’fiis’kii Gavriil Sevir: Zhittya i literaturna tvorchist’ [Metropolitan Gabriel Severus of Philadelphia: Life and Literary Works]. In *Naukovi zapiski Ukrain’s’kogo katolits’kogo universitetu*. Iss. 1. Part 2. Istoriya, pp. 11–34.

Yasinovskii, A. (2017). Ambivalentnist’ perekladu bogoslovs’kogo tekstu: (priklad “Sintagmationa po sim svyatykh tain” Gavriila Sevira, 1603 r.) [Ambivalence of the Translation

of the Theological Text: (Example of *Syntagmation of the Seven Holy Mysteries* by Gabriel Severus, 1603)]. In *Studia Ukrainica Posnaniensia*. No. 5, pp. 73–80. DOI 10.14746/sup.2017.5.08.

Zen'kovskii, S. A. (2009). *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers] / ed. by G. M. Prokhorov, V. V. Nekhotin. Moscow, Kvadriga. 688 p.

Zernova, A. S. (1958). *Knigi kirillovskoi pečati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog* [Books of Cyrillic Printing Published in Moscow in the 16th–17th Centuries. Consolidated Catalogue] / ed. by N. P. Kiselev. Moscow, Gosudarstvennaya biblioteka Lenina. 152 p.

Zhel'tov, M. S., priest. (2016). Liturgika (Pravoslavnaya) [Liturgy (Orthodox)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. 41, pp. 212–226.

The article was submitted on 04.04.2022

Origines

no profectum, interpretari. Promdeq; eius hoc officium nobis oratum esse. Multas seni, graueq;
causas habemus, cur hostem hunc bello persequi nos oporteret, neq; nobis arma desunt, quibus
pro ip; quibus ab eo affecti sumus, nullo modo merito iniurijs, penas ab ille ex petere possemus, quam-
uis cum alijs diuersis, isdemq; potentissimis hostibus totius Christianitatis communibus, ut qui in
tot barbararum, & Christiana fidei inimicarum gentium fimbis positi, atq; tanq; in perpetuo
quodam reipub. Christiana præsidiæ collocati simus, continue bellum geramus. Verum, cum Rex
Christianus simus, & id à nobis, & Casarea nras, & sez. vea, ceteriq; Christiani Principes
poscant, vinci nos ab hoc omnium consensu, publicoq; bono patiemur, ut priuatas potius inia-

Bonifratr
Sigmundus Augustus
Rex

1. Фрагмент письма Сигизмунда II Августа с собственноручной подписью
[РНБ. Отдел рукописей. Колл. автографов П. П. Дубровского. Авт. 62, № 61]
Fragment of Sigismund II Augustus' letter with a handwritten signature

Origines

DOI 10.15826/qr.2022.4.742

УДК 94(0)"15" + 327(470:44) + 929Иван(470)*4Грозный + 929Карл(44)
*9Валуа + 929Карл(44)*9Валуа + 929Сигизмунд(438)@2Fduecn + 94(476) +
+ 94(0)"1558/1583"

**Послание Сигизмунда II Августа французскому королю
Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике
при Иване Грозном* ****

Сергей Рябов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**A Letter from Sigismund II Augustus to King Charles IX
of France: Trade Struggle in the Baltic under Ivan the Terrible**

Sergey Ryabov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The message of the Polish king and Lithuanian grand duke Sigismund II Augustus to the French king Charles IX of France from July 28, 1568, highlights the problem of Polish-French trade controversies, which arose due to the policy of Jagiellon against Russian-French commerce in Narva in the 1560s. Believing that French traders were enriching themselves by supplying weapons and ammunition to Russia, the Polish monarch, in the crisis in the Grand Duchy of Lithuania, took measures to cut off trade in Narva and blockade it completely. As a result, French merchant ships sailing to or from Narva were seized by the Polish privateers. It aroused the indignation of Charles IX who, with the help of Charles de Danzay, his ambassador in Denmark, defended the freedom of trade and navigation on the Baltic Sea. The text of the letter appeals to the feelings of the French monarch within the framework of Christian morality, while at the same time trying to show the power and the importance of the Polish king and his state to the *Respublica Christiana*, and the legitimacy of the tough stance he took on the "Narva navigation". All this makes the letter from Sigismund II Augustus to Charles IX a valuable historical

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** *Citation:* Ryabov, S. (2022). A Letter from Sigismund II Augustus to King Charles IX of France: Trade Struggle in the Baltic under Ivan the Terrible. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1485–1498. DOI 10.15826/qr.2022.4.742.

Цитирование: Ryabov S. A Letter from Sigismund II Augustus to King Charles IX of France: Trade Struggle in the Baltic under Ivan the Terrible // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1485–1498. DOI 10.15826/qr.2022.4.742 / Рябов С. Послание Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа: борьба за торговлю на Балтике при Иване Грозном // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1485–1498. DOI 10.15826/qr.2022.4.742.

source whose importance is revealed in through diplomatic correspondence in the Baltic wars of the 1560s. Published for the first time, it comes from the collection of P. P. Dubrovsky (62, № 61), Russian National Library (St Petersburg). The article publishes the text of the letter in Latin as well as a translation into Russian.

Keywords: 16th-century history, Franco-Russian relations, Ivan the Terrible, Charles IX of France, Sigismund II Augustus, Charles de Danzay, Grand Duchy of Lithuania, Livonian War

Послание польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа французскому королю Карлу IX Валуа от 28 июля 1568 г. освещает проблему польско-французских торговых противоречий, возникших в связи с проводившейся последним Ягеллоном политикой противодействия русско-французской коммерции в Нарве в 1560-х гг. Будучи уверенным, что французские негодянты обогащаются на поставках оружия и боеприпасов русской стороне, польский монарх в условиях кризиса в Великом княжестве Литовском предпринял меры для прекращения торговли в Нарве и ее полной блокады. Следствием стал захват французских торговых судов, шедших в Нарву или идущих из нее, польскими каперами. Это вызвало возмущение короля Карла IX, который при помощи посла в Дании Шарля де Данзе отстаивал свободу торговли и плавания в Балтийском море. В тексте публикуемого письма польский король взывает к чувствам французского монарха в рамках христианской морали, в то же время пытаясь показать силу, значимость польского короля и его государства для *Respublica Christiana*, а также легитимность занимаемой им жесткой позиции по вопросу «нарвского плавания». Все это делает послание Сигизмунда II Карлу IX ценным историческим источником, чье значение полностью раскрывается в контексте дипломатической корреспонденции Балтийских войн периода 1560-х гг. Публикуемое впервые, послание дошло до нас в составе коллекции П. П. Дубровского (РНБ, Санкт-Петербург). Представлены текст письма на латыни, а также его перевод на русский язык.

Ключевые слова: история XVI в., русско-французские отношения, Иван IV Грозный, Карл IX Валуа, Сигизмунд II Август, Шарль де Данзе, Великое княжество Литовское, Ливонская война

Послание польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа (1548–1572) французскому королю Карлу IX Валуа (1560–1574), хранящееся в РНБ в составе коллекции П. П. Дубровского, важный источник для освещения польской политики противодействия русско-французской коммерции в Нарве в 1560-х гг. [Шишкин, Шварц, с. 130]. На сегодняшний день послание не опубликовано и не переведено на русский язык, хотя и признано одним из ключевых документов дипломатической переписки, касающейся как французской дипломатии на севере Европы середины XVI в., так и претворения в жизнь Сигизмундом II концепции «*dominium maris Baltici*», заключавшейся в превращении Балтийского моря в «*mare clausum*» [Lepszy].

Польско-французские отношения активно развивались в 1560-е гг. Это было связано с похожими религиозными проблемами, имевшими-ся внутри двух государств: во Франции начались гражданские войны между католиками и гугенотами, а в Польше и Литве протестантская шляхта и умеренно настроенные представители епископата требовали от короля созыва «национального собора» («*concilium nationale*»), чтобы урегулировать отношения между двумя разными конфессиями [Любович, с. 68–69, 81, 110–112]. Политика, проводившаяся во Французском королевстве Екатериной Медичи, регентшей и королевой-матерью, направленная на примирение двух сторон конфликта, активно обсуждалась в польско-литовской среде и многими ставилась в пример. Известно, что сам польский монарх часто обсуждал события, происходившие во Франции в первой половине десятилетия, и был предрасположен к решению созвать «национальный собор». Однако Франция все глубже погружалась в пучину кровавой религиозной борьбы, и Сигизмунд II предпочел встать на сторону приехавшего в Польшу папского нунция Джованни Франческо Коммендони, которому сообщил в мае 1565 г., что считает созыв собора «смертельным лекарством» [цит. по: Флоря]. При этом польский король и его советники не переставали следить за событиями во Франции, в особенности за внешнеполитическими действиями французской короны. Вероятнее всего, последний Ягеллон опасался утраты независимости королевства и Великого княжества по причине претензий на польско-литовский венец со стороны Рюриковичей и Габсбургов. В 1566 г. выдвигается идея передачи польской-литовской короны в руки французского королевского дома после смерти бездетного Сигизмунда II [Serwański]. Французский принц представлялся идеальным кандидатом как для протестантов, так и для католиков: Валуа лавировали между двумя противостоящими лагерями внутри Французского королевства, не давая заполучить одной из партий всю полноту власти в стране [Религиозные войны во Франции XVI в., с. 7].

Этот проект не был реализован: Сигизмунд II потребовал от французского королевского дома поддержки в его споре о церемониальном первенстве с португальским королем Себастьяном I (1557–1578), на что Екатерина Медичи не могла пойти по причине существовавшего на тот момент проекта женитьбы Себастьяна I на ее дочери Маргарите де Валуа [Шишкин, с. 177–197; Chichkine]. Однако идея получения польской-литовской короны французским принцем закрепилась в уме королевы-матери. Французский посол в Дании Шарль де Данзе отныне пристально следил за внутривнутриполитическим состоянием королевства и Великого княжества вплоть до восхождения на польско-литовский трон Генриха Анжуйского в 1573 г. [Форстен, 1889, с. 118–119; Bricka, s. 35–40; Serwański, s. 251–266; Malinowski].

Главным противоречием между двумя державами в 1560-е гг. являлся вопрос «нарвского плаванья», то есть торговли с Русским государством¹. Это десятилетие на Балтике ознаменовалось двумя

¹ Нарва была захвачена русскими войсками в ходе Балтийских войн в 1558 г.

войнами: русско-литовской 1561–1570 гг. и Северной семилетней войной 1563–1570 гг., где альянс Дании, Польши и Любека противостоял Шведскому королевству. Сражения велись не только на суше, но и на море, что привело к усилению флотов всех воюющих сторон, принятию на службу корсаров и каперов. В это время Сигизмунд II начинает претворение в жизнь концепции «*dominium maris Baltici*», согласно которой Балтийское море закрывается для русско-европейской, в том числе русско-французской торговли [Форстен, 1893, с. 374–502; Филюшкин, 2018, с. 170–175].

Такое решение было принято в условиях тяжелого кризиса, в который вступило Великое княжество Литовское: война с Русским государством показала слабую боеспособность литовской армии. В 1563 г. войска Ивана IV Васильевича (1533–1584) взяли Полоцк, а реванш под Улой 1564 г. не принес литовской стороне значимых результатов [Филюшкин, 2014, с. 243–265]. Сигизмунд II подозревал, и не без оснований, западноевропейское купечество в снабжении русской армии контрабандным оружием и боеприпасами через торговлю в Нарве. Блокаду «нарвского плавания», сопровождавшуюся грабежами западноевропейских судов, в том числе и французских, стоит понимать как попытку прекратить эту контрабандную торговлю [Рябов, с. 171].

Если в первой половине десятилетия влияние польского каперства на Балтийском море было довольно слабым, то ко времени весны-лета 1568 г. ситуация изменилась. В письме королю от 12 июня 1568 г. Данзе писал:

В распоряжении короля Польши – более тридцати морских судов, очень хорошо вооруженных, как говорят, не для того, чтобы вредить королю Швеции, но для того, чтобы грабить купцов, которые отправятся в Нарву. По слухам, в последние дни они захватили четыре английских и фламандских корабля и сожгли еще один, который попытался защищаться; так что, по-видимому, никто не сможет добраться до Нарвы, не подвергшись серьезной и очевидной опасности [Виане, с. 337].

Но несмотря на все опасности и просьбы польского короля, французские негодянты продолжили плавать в русскую Нарву вплоть до ее захвата шведами в 1581 г. [Жордания, с. 11].

Помимо Ивана IV и Сигизмунда II, влиятельными игроками на Балтике в 1560-е гг. были датский король Фредерик II (1559–1588) и шведский король Эрик XIV (1560–1568). Между их державами и велись основные боевые действия в ходе Северной семилетней войны, поводом для которой стало то же, что вызвало массу споров между французским и польским королевскими дворами, – свобода «нарвского плавания». Шведская сторона выступала за блокаду Нарвы, датская – за «*mare liberum*» [Филюшкин, 2014, с. 283].

Две одновременно ведшиеся войны создали сложный клубок враждебных и союзнических взаимоотношений. В 1562 г. Датскому

королевству и Русскому государству удалось установить дружеские отношения, уладив противоречия по поводу ливонских земель и заключив договор о развитии торговых связей [Русская историческая библиотека, с. 75–80]. В то же время союзником Дании в Северной семилетней войне выступило Польско-Литовское государство, второй год находившееся в состоянии войны с державой царя Ивана IV. В 1567 г., будучи одним из главных противников «нарвского плаванья», на переговоры с русским царем решился Эрик XIV, попытавшийся договориться об альянсе между двумя державами [Форстен, 1893, с. 496]. Шведский король явно хотел обезопасить свои владения на востоке, чтобы развить успех на западе против Дании. После «катастрофы при Висби» датско-любекский флот был разбит наголову: Швеция властвовала на море, и появилась возможность полностью переключиться на сухопутные боевые действия. Необходимо было развивать наступление и в ливонских землях против Литвы [Филюшкин, 2014, с. 285]. Понятно, что конфронтация с Москвой Стокгольму явно была ни к чему. Франция же видела себя в роли посредника между воюющими сторонами, стремясь к их скорейшему примирению, хотя в вопросе «нарвского плаванья» встала на сторону Дании и Любека, желая продолжить выгодную для своих негоциантов торговлю с Русским государством [Richard, p. 47–67].

В такой конфигурации интересов стороны оказались к лету 1568 г., когда было написано послание Сигизмунда II Карлу IX. Оно содержит несколько сюжетов. Первый касается главной цели миссии французского посла Шарля де Данзе в 1560-е гг., полномочия которого вышли далеко за пределы Дании и распространились на всю Балтику: это урегулирование противоречий, приведших к Северной семилетней войне, и заключение мира между Данией, Польшей, Любеком и Швецией. Второй состоит в объяснении причин, связанных с захватом и разграблением французского торгового судна, шедшего в русскую Нарву, польскими каперами. Наконец, третий сюжет заключается в представлении польских аргументов об опасности торговли с Русским государством в связи с контрабандой туда оружия и боеприпасов, а также решением Сигизмунда II запретить нарвскую навигацию, используя для этого военный флот.

В конце послания польский король дает обещание французскому монарху прислать посольство для разрешения всех возникших противоречий. Однако обещанный Сигизмундом II посол так и не был отправлен во Францию. Это доказывает ряд писем Данзе, адресованных к Карлу IX. В письме от 18 сентября 1568 г. французский дипломат писал:

...король Польши публично отказывается вернуть товары и каким-либо иным путем удовлетворить Ваших подданных и заявляет, что хочет помешать торговле с Нарвой. Все, что он обещает, – отправить к Вашему Величеству посла, чтобы тот провозгласил справедливые причины, заставляющие его так поступать [Виане, с. 337].

В послании от 9 мая 1569 г. Данзе отметил:

Король Польши мне написал много благосклонных писем об уважении к миру и об этой торговле и даже в настоящее время передал письмо со своими послами. Они уверяли меня, что он отправит послов к Вашему Величеству, как обещал в своих последних письмах, и дали мне надежду, что он примет какие-нибудь приемлемые условия, на которых вашим подданным будет позволено торговать с русскими, если они не пожелают продать им то, что можно использовать в войне с христианами [Виане, с. 339].

По прошествии года Данзе продолжал добиваться от Сигизмунда II отправки обещанного посольства, что отмечено в письме от 29 июля 1569 г.:

Я своевременно отправил ему с его послами письмо, посвященное русской торговле. В нем я просил короля выполнить свое обещание и отправить к Вашему Величеству послов, а также решительным образом приказать своим слугам, чтобы они никак не препятствовали и не чинили обид вашим подданным, направляющимся в Нарву, как они это делали на протяжении двух последних лет [Виане, с. 340].

Затем тема отправки польского посольства во Францию пропадает из корреспонденции Данзе. Есть основания полагать, что оно так и не было отправлено: последний Ягеллон, по сути, игнорировал все просьбы французского посла и короля Карла IX по урегулированию «нарвского плавания». Польский король явно не собирался договариваться об условиях, при которых русско-французская торговля в Нарве приобрела бы легитимный характер.

* * *

Оригинальный латинский текст впервые публикуется полностью, сокращения, используемые в тексте источника, раскрыты и помещены в квадратные скобки. За латинским текстом следует перевод послания на русский язык, сопровождаемый краткими комментариями.

Описание рукописи. Бумага: 430 (435) x 310 (314) мм. Гуманистический курсив XVI в. Филигрань не просматривается. Письмо без адреса, находилось в пакете (не сохранился). Просматриваются остатки печати под кустодой. Двойная нумерация свидетельствует о принадлежности к рабочему архиву либо госсекретаря Ф. Роберте, либо К. де Лобеспина, а также о принадлежности к автографам аббатства Сен-Жермен-де-Пре (с середины XVIII в.). На л. 1 запись почерком XVI в.: «28 juillet 1568. Du Roy de Pologne Sigismond Auguste au Roy Charles IX».

**[Сигизмунд II Август, король Польши и великий князь Литовский,
Карлу IX, королю Франции.
28 июля 1568 г. Кньшин²]**

Оригинал

(F. 130) Serenissimo Principi Domino Carolo Dei gratia Francorum Regi Christianissimo amico fratri et consanguineo nostro charissimo Sigismundus Augustus eadem gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiaeque, etc. [D]o[mi]nus et Haeres. Salutem et prosperes rerum omnium successus.

Ser[enissi]me Princeps domine amice, frater et consanguinet noster char[issi]me. Redditae nobis sunt tres simul epistolae Ser[enita]tis v[est]rae, quarum in duabus Ser[enitate] v[est]ra, nobis significat, quanto studio ceneatur, ut hoc bellum, quod a nobis et Ser[enissi]mo Daniae Rege, fratre et confoederato n[ost]ro char[issi]mo, cum Suecorum Rege geritur, dirimi, et pax inter nos et concordia constitui possit. Cuius rei caussa in Daniam sueciamq[ue] a se missum esse Generosu Carolum Danzeum consiliarium suum, Ser[enitas] v[est]ra scribit, postulatq[ue] a nobis, ne alieno a pace animo simus. Quodquidem ad studium et institutum Ser[enitatis] v[est]rae quantum attinet, sciat Ser[enitas] v[est]ra, nos id non ab alio, q[ue] a publicae Christianorum tranquillitatis et utilitatis, atq[ue] n[ost]ri quoq[ue] amante animo profectum interpretari. Proindeq[ue] eius hoc officium nobis gratum esse.

Multas sane, gravesq[ue] caussas habemus, cur hostem hunc belli persequi nos oporteret, neq[ue] nobis arma desunt, quibus pro ijs, quibus ab eo affecti sumus, nullo n[ost]ro merito, iniurijs, poenas ab illo expetere possemus, quamvis cum alijs diversus, ijsdemq[ue] potentissimis hostibus totius Christianitatis comunibus, ut qui in tot barbarorum, et Christianae fidei inimicarum gentium finibus positi atq[ue] tanq[ue] in perpetuo quadam reipub[licae] Christianae praesidio collocati simus, continue bellum geramus. Verum, cum Rex Christianus simus, et id a nobis, et caesarea m[ul]tas, et Ser[enitas] v[est]ra, caeteriq[ue] Christiani principes poscant, vinci nos ab hoc omnium consensu, publicoq[ue] bono patiemur, ut privatas potius miserias deponamus, si modo eas honeste deponere poterimus, q[ue] ijs copijs, quas cum ceteris regni n[ost]ri viribus coniunctas, adversus barbarorum exercitus pro Christianitate excubare conveniret, Christianum sanguinem profundamus. Itaq[ue] Ser[enitas] v[est]ra hoc sibi de nobis polliceri potest quoties aliquid aequi et iusti ab oratore Ser[enitatis] v[est]rae belli istius sopiendi caussa, proponetur, ad id non aspernandum nos, ex comnium Ser[enissi]mi Daniae Regis et reliquorum confoederatorum sententia, quos a pace hac, si honesta esse poterit, pro comnium reipub[licae] Chri[sti]anae commodo suscipienda, non abhorrere scimus, non fore difficiles. Quod idem oratori quoq[ue] Ser[enita]tis v[est]rae significavimus, (F. 130r) atq[ue] ad eas res, quas de consilio

---

² Кньшин – город на северо-востоке Польши в Подляском воеводстве, одно из любимых мест пребывания Сигизмунда II, где 1 июля 1572 г. польский король и великий князь литовский встретил свою смерть.

suo istius rei inchoandae ad nos retulerat, per nobilem Iacobum Gouvrierium, subditum Ser[enita]tis v[est]rae, quem ad nos miserat, et cuius mores et industria, quemadmodum ante cum in Prussia regno[ue] n[ost]ro versaretur, ita etiam hoc tempore, valde nobis probabatur illi respondimus.

Quod vero spectat ad navem, quam in tertijs litteris captam esse a quinq[ue] n[ost]ris navibus, Ser[enitas] v[est]ra queritur, id hac ratione evenit, cum co[m]-mercia navigationem[ue] Moscoviticam non solum nobis, verum etiam omnibus Christianis principibus maxime periculasam esse videremus, non minus vero commode in alijs tam n[ost]ris q[ue] aliorum Emporijs, omnes merces deponi et distrahi, quaeq[ue] ex Moschovia caeteris regnis usui esse possent, alijs in locis coemi et comparari, q[ue] Narvae posse, eam omnino prohibendam et intercludendam esseputavimus. Quod in omnibus portubus publicare iussimus, atq[ue] etiam Ser[enita]ti vestrae, et alijs Regibus ac Principibus, qui Germanicum et Balticum mare accolunt, significavimus. Interim vero isti, cum a nobis navigationem hanc esse prohibitam scirent, et a classe n[ost]ra omnes transitus istius maris custodiri, temere Narvam navigarunt. Unde cum redirent, in eas n[ost]-ras naves inciderunt. Atq[ue] ita demum accidit, ut haec eorum navis caperetur. Quod invitus profecto nobis factum est. Etenim, etsi Praefectis huius classis n[ost]-rae, quam, custodiae istius maris causa habemus, praecepissemus, ut omnes in universum naves caperent, quae in Moschoviam navigarent, tamen volvissemus equidem, ut subdito huic Ser[enita]tis v[est]rae parceretur. Sed ita evenit, ut priusq[ue] de ea re quidq[ue] sciremus, merces illius navis a militibus diriperentur, ita ut nunc, quanvis Ser[enita]tis v[est]rae caussa, maxime cuperemus, subdito huic Ser[enita]tis v[est]rae consulere nullo modo possimus, cum, ad quos merces istae pervenerint, inter tot milites, diffici[l]imum cognitu sit: atq[ue] etiamsi sciretur, tamen earum repetendaru a militibus, qui eas consumpserint, nec, quod omnibus militibus usu venit, solnendo sint, ac quorum multi, hoc tanto temporis post eam navem captam intervallo, dimissi, neq[ue] in regno, nec in potestate n[ost]ra sint, nulla ratio reperiri posset. Quamobrem confidimus Ser[enita]-tem v[est]ram causam huius illius iacturae, nemini, praeterq[ue] ipsiusmet et socioru[m] illius delicto ascriptura, et non solum n[ost]ri, sed omnium quoq[ue] Christianorum periculi rationem habitura, atq[ue] Moschoviticis hisce comertiis regni sui mercatoribus interdicturam.

Cum non solum id incommodi ex eo (*F. 131*) proveniat, quod barbarus omnium nostrum hostis, omni apparatus bellico instruat a n[ost]ris, et aversus nosmet ipsos potentior reddatur, verum etiam, quod ad irrumpendum in mare n[ost]rum, illudq[ue] infestandum, navigationibus hisce quodammodo alliciatur et invitetur. Facile enim ser[enitas] v[est]ra existimare potest, illum, pro barbarico fastu, commertiorum istorum fructibus modeste et tranquille non esse usurum, sed ijs inductum atq[ue] illectum, de omnibus huius maris littoribus lustrandis et cognoscendis classeq[ue] comparanda cogitaturum. Qua deinde, si copias suas istuc effuderit et nimiserit, quanto id cum periculo et detrimento eorum regnorum et imperioru[m] omnium, quae ad mare hoc sita sunt, foret, facile est iudicare.

Haec cum ita sint, non dubitamus Ser[enita]tem v[est]ram, ut diximus, communi utilitati pro virili consulturam, et in regno quoq[ue] suo edicturam, nequis deinceps Narvam commeari audeat. Cuius rei caussa, oratorem n[ost]r-

um ad Ser[enita]tem v[est]ram mittimus, et ad alios item maris Germanici et Baltici accolae missuri sumus. Ex quo oratore n[ost]ro de ea re Ser[enitas] v[est]ra plenius intelliget. De nobis vero id sibi Ser[enitas] v[est]ra persuadebit, nullum nos erga eam officium, fratris, amici, et confoederati Principis esse praetermissuros, ac eam, qua a maioribus n[ost]ris accepimus amicitiam cum Ser[enita]te v[est]ra semper esse diligentissime et constantissime culturos, ac quibus rebus poterimus confirmaturos et corroboraturos.

Bene valere Ser[enita]tem v[est]ram cupimus.

Datum Knishini, die XXVIII julij. Anno Domini MDLXVIII.

Regni vero n[ost]ri XXXIX.

Собственноручная подпись:

Bonus frater

Sigismundus Augustus Rex

РНБ (Санкт-Петербург). Отдел рукописей.
Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 62, № 61.

Перевод³

Светлейшему государю господину Карлу, Божьей милостью христианнейшему королю Франции, дражайшему другу, брату и кузену нашему, Сигизмунд Август. Его же милостью король Польский, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитийский и иных государь и повелитель, приветствует с пожеланиями благоденствия, процветания и всяческих успехов.

Светлейший государь и господин, дражайший друг, брат и кузен наш, мы одновременно получили три послания от вашего величества, в двух из которых Ваше Величество выразили стремление прекратить ту войну, которую мы и светлейший король Дании, дражайший брат наш и союзник, ведем с королем Швеции, и установить между нами мир и согласие. С этой целью Вами был отправлен в Данию и Швецию благородный Шарль де Данзе, Ваш советник⁴, который пишет и добивается от нас того, чтобы мы не отходили от своих мирных намерений. Что же до стараний и планов, которых придерживается Ваше Величество, то знайте, что мы не думаем ни о чем другом, кроме как о спокойствии и пользе для всего христианства, а также об успехе нашей вожденной цели. И посему этот долг нам приятен.

У нас имеется множество серьезных причин, почему нам следовало воевать с этим врагом⁵, тем более что мы не испытываем недостатка в оружии,

³ Перевод автора статьи.

⁴ Часть официального обращения к Данзе. В частности, в письме к послу от 1 мая 1572 г. Карл IX обращается к нему как к «нашему советнику, придворному и послу при высочайшем, превосходнейшем и могущественнейшем государе, нашем дорогом друге и добром брате и кузене короле Дании» (перевод наш. – С. Р.) [Bricka, s. 152].

⁵ С королем Эриком XIV Шведским.

с помощью которого могли бы покарать его за те обиды, которым мы безо всякой нашей вины подверглись от него, хотя непрестанно ведем войну и с другими, отличными [от него] и чрезвычайно могущественными общинами врагами всего христианства, так как мы расположены на границе со столь большим количеством варваров, с территориями народов, [являющихся] недругами христианской веры⁶, и навсегда утвердились [здесь] в качестве настоящего оплота всего христианства. Да, нас, являющихся христианским государем, множество государей, и Ваше Величество, и другие христианские правители единодушно просят способствовать нашему общему благу, чтобы мы, со смирением отложив свои собственные дела, встали с войсками нашими совместно с силами других наших владений против войск варваров в защиту христианства, не щадя нашей христианской крови. Так, Ваше Величество, сами сможете убедиться в том, когда действительно верное и справедливое решение будет предложено посланцу Вашего Величества, чтобы умиротворить эту войну, не презиращую наши интересы и соответствующее желаниям Его Величества короля Дании и других союзников, и если таковое решение достойно для заключения мира и соответствует общему делу всего христианства, то оно должно быть принято, преодолев всяческие трудности. Мы выразили то же самое посланцу Вашего Величества в соответствии с его предложениями, которые он представил относительно планов и намерений Вашего Величества посредством известного Жака Гуврие, подданного Вашего Величества, которого он к нам отправил и чья служба и усердие были оценены нами еще в Пруссии и в нашем королевстве, что заслужило наше одобрение высшей степени в ответе, предоставленном ему⁷.

Что же касается того корабля, который был захвачен пятью нашими судами, на что Ваше Величество жалуется в трех Ваших письмах, то произошло это по той причине, что московитская торговля и навигация не только нами, но и всеми христианскими государями считается чрезвычайно опасной, поэтому, чтобы мы могли ее полностью остановить и заблокировать, верно и правильно то, чтобы все товары разгружались и складировались, покупались и загружались не в Нарве, а в других, в том числе и в наших торговых факториях, которые, помимо Московии, могут использоваться различными державами. Мы приказали опубликовать [наш приказ] в каждом порту, а также довести его до сведения Вашего Величества, а также до других государей, чьи владения располагаются у Германского⁸ и Балтийского морей. В то же самое время они⁹, зная о запрете нарвского плавания, [который мы установили] посредством

⁶ Под «варварами» и «недрузьями христианской веры», по-видимому, следует понимать турок-османов, крымских татар и русских.

⁷ Жак Гуврие – французский купец, в годы правления Карла IX живший в городе Ньор, расположенном в провинции Пуату, и, судя по всему, выполнявший торговые операции на Балтике. Его в качестве гонца посол Данзе отправил к Сигизмунду II для передачи своих писем и посланий от Карла IX. В письме к французскому королю от 12 июня 1568 г. он писал: «...также я отправил гонцов с Вашими письмами к королям Польши и Швеции, чтобы побудить их уладить свои разногласия и привести все к счастливому завершению...» (перевод наш. – С. Р.) [Favre, p. 248; Bricka, p. 47].

⁸ Северное море.

⁹ Французские купцы.

нашего флота, курсирующего по морю, отчаянно попытались прорваться в Нарву. Возвращаясь оттуда, они были встречены нашими кораблями. Так наконец они и были захвачены, когда шли северо-западным курсом, что, безусловно, мы вынуждены были сделать без особого на то желания. Несмотря на то, что капитаны нашего флота, все наши судна ради охраны моря получили от нас приказ захватывать тех, кто плывет в Московию, мы, тем не менее, со своей стороны заставляли [Ваших подданных] поворачивать обратно, чтобы не тревожить Ваше Величество. Однако случилось так, что прежде, чем мы узнали об этом деле, корабль с товарами подвергся разграблению солдатами, и даже если бы мы имели возможность сразу же рассмотреть жалобу Вашего Величества, чего бы мы очень хотели, и могли бы держать совет с Вашим Величеством, в соответствии с которым товары [Ваших подданных] не подверглись бы упомянутой участи, отследить [их судьбу] невозможно среди такого множества солдат. И даже если бы товары были найдены, они были бы оставлены у солдат, которые их захватили, что соответствует принятому обычаю, и, кроме того, после захвата корабля прошло уже столь много времени, что солдаты были распущены и более не могут быть в нашей власти и в пределах нашего королевства, и у нас нет даже малейших оснований, [чтобы приказывать им]. Поэтому мы надеемся, что Ваше Величество возложит вину за это происшествие также на самого [купца] и его компаньонов, а не только на нас, ибо все вместе и каждый христианин по отдельности должны понимать опасность, [исходящую от Московии], посему надлежит запретить купцам вашего королевства торговать с москвитями.

Ведь из-за того, что этот Варвар¹⁰, наш общий враг, снабжается и оснащается всяческим вооружением, возникает не только угроза, что приобретенное им могущество затем обернется против нас же, но равно поспособствует его намерениям дальше добиваться свободной навигации, из-за чего он вторгается на наше море и досаждаёт постоянными нападениями. Ибо Ваше Величество легко может рассудить, что он по своему варварскому высокомерию не стал бы тихо и мирно пользоваться плодами этой торговли, но способствовал бы их преумножению, чтобы вознамериться плавать вдоль берегов этого моря, изучить их, а также обзавестись собственным флотом¹¹. Легко понять, сколь великую опасность и вред он может причинить всем державам, расположенным у моря, если обрушит сюда свои силы.

Так как это вполне может случиться, мы не сомневаемся, что Ваше Величество, озаботившись общим благом, издаст указ, о котором мы уже просили, по которому никто [из Ваших подданных] не сможет отплывать в Нарву. По этой причине мы пошлем к Вашему Величеству, как и к другим ближним государям, [чьи владения располагаются на берегах] Германского и Балтийского морей, нашего посла, чтобы таковой смог более полно разузнать о намерениях Вашего Величества. Он также удостоверит Ваше Величество

---

¹⁰ Иван IV.

¹¹ Русское государство действительно попыталось обзавестись собственными каперами на Балтике. В частности, в 1570 г. на царскую службу был принят датчанин Карстен Роде, который во главе эскадры грабил польские и шведские суда [Русская историческая библиотека, с. 101–104].

в том, что мы никогда не будем избегать своего долга и пренебрегать братскими отношениями, дружбой с государями-союзниками, но, напротив, будем поддерживать дружбу с Вашим Величеством и извечно заботиться о ее прочности и надежности, о ее укреплении и упрочении всеми возможными средствами.

Желаем Вашему Величеству быть в добром здравии.
Дано в Кнышине, 28 дня июля 1568 года от Рождества Христова.
В год 39 нашего царствования¹².

Добрый брат [Ваш]
Сигизмунд Август, король

Список литературы

- Виане Б.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году / пер. и ред. А. Терещенко. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 505 с.
- Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1959. Т. 1. 382 с.
- Любович Н. Н.* История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии (по неизданным источникам). Варшава : Тип. Земкевича и Ноаковского, 1883. 348 с.
- Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / под ред. Ю. Досси, В. В. Шишкина. СПб. : Евразия ; М. : ИД Клио, 2015. 352 с.
- РНБ. Отдел рукописей. Коллекция автографов П. П. Дубровского. Авт. 62, № 61.
- Русская историческая библиотека : [в 39 т.] / под ред. И. А. Бычкова. СПб. : Печатня С. П. Яковлева, 1872–1927. Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. 951 с.
- Рябов С. М.* «Эта торговля весьма удобна и приносит огромную прибыль вашим подданным и успокоение вашему королевству»: русско-французская коммерция в Нарве в условиях Балтийских войн 1560-х годов // Средние века. 2022. Т. 83, № 1. С. 164–181. DOI 10.7868/S0131878022010093.
- Филлошкин А. И.* Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2014. № 2. С. 220–289.
- Филлошкин А. И.* Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 320 с.
- Флоря Б. Н.* Планы созыва в Польше середины XVI века «*concilium nationale*» и французский пример (памяти В. Н. Малова) // Средние века. 2020. Т. 81, № 1. С. 116–126. DOI 10.7868/S0131878020010110.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1893. 642 с.
- Форстен Г. В.* Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 341 с.
- Шишкин В. В.* Франко-португальская дипломатическая корреспонденция в 1550-х – 1570-х гг. (на основе автографов из Санкт-Петербурга) // Люди и тексты : ист. альм. 2018. № 11. С. 177–197.

¹² Сигизмунд II стал великим князем Литовским в 1529 г., королем Польши – в 1530 г., до 1548 г. разделяя власть совместно с отцом Сигизмундом I (1506–1548).

Шишкин В. В., Шварц И. Французское королевство и Русское государство в XI–XVI веках. СПб. : Наука, 2021. 310 с.

Bricka C.-F. *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske hof om forholdene i Norden 1567–1573*. Kjøbenhavn : I kommission hos C.A. Reitzel, 1901. 239 s.

Chichkine V. *Mirage d'une alliance. Les relations franco-portugaises dans les collections manuscrites de Saint-Petersbourg (1557–1572)* // *Histoire, économie et société*. 2021. № 1. P. 38–55. DOI 10.3917/hes.211.0038.

Favre L. *Histoire de la ville de Niort depuis son origine jusqu'en 1789*. Niort : Typographie de L. Favre, 1880. 498 p.

Lepszy C. *La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle* // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1962. Vol. 40, № 1. P. 32–47.

Malinowski Th. *L'élection de 1573, cet événement «qui n'avoit esté veu de nostre temps»* // *Seizième siècle*. 2018. № 14. Henri, roi de Pologne / sous la dir. de N. Le Roux et C. Magnien-Simonin. Genève : Droz, 2018. P. 19–30.

Richard A. *Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark*. Poitiers : Imprimerie de Blais et Roy, 1910. 246 p.

Serwański M. *Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta* // *Kwartalnik Historyczny*. 1974. T. 81. S. 251–266.

References

Bricka, C.-F. (Ed.). (1901). *Indberetninger fra Charles de Dançay til det franske Hof om Forholdene i Norden 1567–1573*. Kjøbenhavn : I kommission hos C.A. Reitzel. 239 p.

Bychkov, I. A. (Eds.). (1897). *Russkaya istoricheskaya biblioteka v 39 t.* [Russian Historical Library. 39 Vols.]. St Petersburg, Pechatnya S. P. Yakovleva. Vol. 16. Russkie akty Kopenagagenskogo gosudarstvennogo arkhiva, izvlechennyye Yu. N. Shcherbachevym. 951 p.

Chichkine, V. (2021). *Mirage d'une alliance. Les relations franco-portugaises dans les collections manuscrites de Saint-Petersbourg (1557–1572)*. In *Histoire, économie et société*. No. 1, pp. 38–55. DOI 10.3917/hes.211.0038.

Daussy, H., Shishkin, V. V. (Eds.). (2015). *Religioznye voyny vo Frantsii XVI v. Novye istochniki, novye issledovaniya, novaya periodizatsiya* [Religious Wars in 16th-Century France. New Sources, New Research, New Periodisation]. St Petersburg, Evraziya, Moscow, Izdatel'skii dom Klio. 352 p.

Favre, L. (1880). *Histoire de la ville de Niort depuis son origine jusqu'en 1789*. Niort, Typographie de L. Favre. 498 p.

Filyushkin, A. I. (2014). *Russko-litovskaya voina 1561–1570 i datsko-shvedskaya voina 1563–1570 gg.* [The Russo-Lithuanian War of 1561–1570 and the Danish-Swedish War of 1563–1570]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. No. 2, pp. 220–289.

Filyushkin, A. I. (2018). *Pervoe protivostoyanie Rossii i Evropy: Livonskaya voina Ivana Groznogo* [The First Confrontation between Russia and Europe: The Livonian War of Ivan the Terrible]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 320 p.

Florya, B. N. (2021). *Plany sozyva v Pol'she serediny XVI veka “concilium nationale” i frantsuzskii primer (pamyati V. N. Malova)* [Plans to Convene a “concilium nationale” in mid-16th-Century Poland and the French Example (in Memory of V. N. Malov)]. In *Srednie veka*. Vol. 81, No. 1, pp. 116–126. DOI 10.7868/S0131878020010110.

Forsten G. V. (1893). *Baltiiskii vopros v XVI i XVII stoletiyakh (1544–1648)* [The Baltic Question in the 16th and 17th Centuries (1544–1648)]. St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva i Ko, 642 p.

Forsten, G. V. (1889). *Akty i pis'ma k istorii Baltiiskogo voprosa v XVI i XVII stoletiyakh* [Acts and Letters on the History of the Baltic Question in the 16th and 17th Centuries]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 341 p.

Lepszy, C. (1962). *La Pologne et la souveraineté sur la Baltique au milieu du XVIe siècle*. In *Revue d'histoire économique et sociale*. Vol. 40. No. 1, pp. 32–47.

Lyubovich, N. N. (1883). *Istoriya reformatsii v Pol'she. Kal'vinisty i antitrinitarii (po neizdannym istochnikam)* [History of the Reformation in Poland. Calvinists and Anti-Trinitarians (From Unpublished Sources)]. Varshava, Tipografiya Zemkevicha i Noakovskogo. 348 p.

Malinowski, Th. (2018). L'élection de 1573, cet événement « qui n'avait été vu de notre temps ». In Le Roux, N., Magnien-Simonin, C. (Eds.). *Seizième siècle*. No. 14. Henri, roi de Pologne. Genève, Droz, pp. 19–30.

Richard, A. (1910). *Un diplomate poitevin du XVI siècle: Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark*. Poitiers, Imprimerie de Blais et Roy. 246 p.

RNB [National Library of Russia]. Otdel rukopisei. P. P. Dubrovsky's Collection. Autograph 62, No. 61.

Ryabov, S. M. (2022). “Eta trgovlya ves'ma udobna i prinosit ogromnyu pribyl' vashim poddannym i uspokoenie vashemu korolevstvu”: rusko-frantsuzskaya kommersiya v Narve v usloviyakh Baltiiskikh voyn 1560-kh godov [“This Trade is Very Convenient and Brings Great Profit to Your Subjects and Appeasement to Your Kingdom”: Russian-French Commerce in Narva in the Context of the Baltic Wars of the 1560s]. In *Srednie veka*. Vol. 83, No. 1, pp. 164–181. DOI 10.7868/S0131878022010093.

Serwański, M. (1974). Kandydatura francuska do tronu polskiego za panowania Zygmunta Augusta. In *Kwartalnik Historyczny*. T. 81, pp. 251–266.

Shishkin, V. V. (2018). Franko-portugal'skaya diplomaticheskaya korrespondentsiya v 1550-kh – 1570-kh gg. (na osnove avtografov iz Sankt-Peterburga) [Franco-Portuguese Diplomatic Correspondence in the 1550s–1570s (Based on Autographs from St Petersburg)]. In *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh*. No. 11, pp. 177–197.

Shishkin, V. V., Schwarcz, I. (2021). *Frantsuzskoe korolevstvo i Russkoe gosudarstvo v XI–XVI vekakh* [The French Kingdom and the Russian State in the 11th–16th Centuries]. St Petersburg, Nauka, 310 p.

Vianey, B. (2017). *Puteshestvie Zhana Sovazha v Moskoviyu v 1586 godu* [The Journey of Jean Sauvage to Muscovy in 1586]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 505 p.

Zhordaniya, G. (1959). *Ocherki iz istorii franko-russkikh otnoshenii kontsa XVI i pervoi poloviny XVII vv. v 2 t.* [Essays from the History of Franco-Russian Relations in the Late 16th – the First Half of the 17th Centuries. 2 Vols.]. Tbilisi, Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 1. 382 p.

The article was submitted on 20.07.2022

**Старообрядческое сочинение о Наполеоне-лжепророке
«Сказание о картах»***

Ирина Починская

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Tale of the Cards:
An Old Believer Work on the False Prophet Napoleon

Irina Pochinskaya

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

From the beginning of their history, the Old Believers had not doubted that the Antichrist either reigned in the world or would appear shortly. In this regard, they continued the tradition of “factual proof” and chronological calculations, which had developed even before the schism, to define the exact time of the Antichrist’s accession and define the image in which he would appear. Along with the Russian tsars, Napoleon Bonaparte also appears as the embodiment of the Antichrist in Old Believer literature. Among the original eschatological writings which brought together the stories about the Russian emperors who incarnated Antichrist and about Napoleon, there is *The Tale of the Cards*. In this essay, the French emperor acts as a false prophet, the forerunner of the final coming of the Antichrist. This “fact” is confirmed by his introduction of new banknotes, or “cards”, in Russia, which helped prepare the conditions for the emergence of an enemy of mankind. This article analyses three copies of the literary artifact. Based on this analysis, it is established that it was created between November 1824 and the end of December 1825. Most probably, its provenance is connected with the Old Believer Cossacks of the southeastern part of Russia, the Volga

---

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

** Citation: Pochinskaya, I. (2022). *The Tale of the Cards: An Old Believer Work on the False Prophet Napoleon*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1499–1514. DOI 10.15826/qr.2022.4.743.

Цитирование: Pochinskaya I. *The Tale of the Cards: An Old Believer Work on the False Prophet Napoleon* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1499–1514. DOI 10.15826/qr.2022.4.743 / Починская И. Старообрядческое сочинение о Наполеоне-лжепророке «Сказание о картах» // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1499–1514. DOI 10.15826/qr.2022.4.743.

Region, Orenburg or Uralsk, which is most closely connected with Irgiz, the most influential centre of the Beglopopovtsy denomination of the Old Believers. The author assumes that Ya. M. Tarasov, an Old Believer dogmatist and foreteller from Uralsk, could have been the author of *The Tale of the Cards*. In the Appendix to the article, the author publishes the text of *The Tale* following three copies from the 1820s–1870s: from the Russian State Library (Moscow), Ural Federal University (Yekaterinburg), and the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Keywords: Russia, Old Believers, eschatology, Napoleon, manuscript

С начала своей истории старообрядцы не сомневались в том, что антихрист либо воцарился в мире, либо объявится в ближайшее время. В связи с этим они продолжили традицию «фактологического доказательства» и хронологических расчетов с целью определения точного времени воцарения антихриста и определения образа, в котором он явится. Наряду с русскими царями воплощением антихриста в старообрядческой литературе выступает Наполеон Бонапарт. К числу оригинальных эсхатологических сочинений, соединивших сюжеты о русских императорах, олицетворявших антихриста, и о Наполеоне, относится «Сказание о картах». В нем французский император выступает в роли лжепророка, предтечи окончательного пришествия антихриста. Этот «факт» подтверждается тем, что он внедрил в России новые денежные знаки – «карты», с помощью которых готовятся условия для появления врага рода человеческого. В статье проанализированы три списка памятника письменности, на основе чего установлено, что время его создания – ноябрь 1824 и конец декабря 1825 г., вероятная среда происхождения – старообрядческое казачество юго-восточной части России – Поволжья, Оренбурга или Уральска, связанное с Иргизом, центром беглопоповского направления староверия. Автором «Сказания о картах» или одного из его вариантов мог быть старообрядческий начетчик и предсказатель из г. Уральска Я. М. Тарасов. В приложении опубликован текст сочинения по трем спискам 1820–1870-х гг.: из РГБ (Москва), УрФУ (Екатеринбург) и Института истории СО РАН (Новосибирск).

Ключевые слова: Россия, старообрядчество, эсхатология, Наполеон, рукописная книга

Эсхатология как основная составляющая старообрядческой идеологии нашла отражение во множестве оригинальных сочинений, являющихся реакцией на современные реалии бытия, которые оцениваются как «предвестники» пришествия антихриста и грядущего Страшного суда. В такого рода сочинениях воплощением антихриста или его предтечей объявлялись все русские государи начиная с Алексея Михайловича, санкционировавшего церковную реформу патри-

арха Никона, после 1917 г. – советская власть в целом и конкретные ее представители. Это обстоятельство выводит старообрядческую эсхатологическую литературу за рамки чисто религиозной, придавая ей характер политической публицистики. Отражение и трактовка событий времени создания сочинений делают их ценнейшим источником по истории общественного сознания.

В первой половине XIX в. новым лицом воплощения антихриста в старообрядческой литературе наряду с русскими царями стал Наполеон Бонапарт. К числу произведений с этим героем относится то, которое условно будем именовать «Сказанием о картах». Его наиболее ранний из обнаруженных списков датируется 20-ми гг. XIX в. Сочинение имеет самоназвание: «Выписано из многих книг на последняя время и о последних царях, что напоследок учинят, все зимли согласится на погибель христианску, сказани[е] о картах и о зверином образе» [ОР РГБ. Ф. 17. № 223. 20-е гг. XIX в. 80. 87 л. Л. 3–43]. В качестве обложки и форзацных листов использованы фрагменты ведомостей по Алатырскому уезду Симбирской губернии о церквях, церковных владениях и священнослужителях с упоминанием дат конца 1830-х гг. Использование этих документов позволяет предположить место создания списка.

Второй список, 40-х гг. XIX в., обнаружен в рукописном сборнике Отдела археологии и источниковедения Института истории СО РАН [ИИ СО РАН. № 17/76. 30–40-е гг. XIX в. 40. 231 л. Л. 208–230 об. «Копия с письма»; см. об этом: Панич, Титова, с. 161–163, № 17/76], который входит в состав компилятивного сочинения под названием «Копия с письма», начинающегося со слов: «Сказывал уральской есаул...». Оно состоит из части «Сказания о картах», соединенной с другим сочинением на тему «Наполеона-антихриста» под названием «Толкование о антихристе» [Починская, с. 153–155]. Составитель компиляции из первоначального варианта «Сказания» практически полностью выбросил фрагмент об императорском роде и Петре III – антихристе. Вся эта история очень кратко пересказана составителем нового сочинения, причем она оказалась отделена от первой части «Сказания о картах» вставкой текста «Толкования о антихристе».

Третий список «Сказания о картах» из фондов ЛАИ УрФУ имеет самоназвание «Копия письма уральского есаула» [ЛАИ УрФУ IV.180р/5341. 1862–1875 гг. 40. 182 л. Л. 91–108. «Сказание о картах»]¹. Он входит в состав четъего сборника-конволюта второй половины XIX в. Сюжет «Сказания о картах» посвящен появлению в России при Александре I ассигнаций нового образца. На ассигнациях 1802 г. орел изображен с поднятыми крыльями, с тремя коронами, со скипе-

---

¹ Далее ссылки на это сочинение приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием листов рукописи.

тром и державой в лапах, а на бумагах 1818 г. рисунок орла меняется: он с одной короной, его крылья опущены, а от двух лап в разные стороны развеваются ленты, напоминающие змей.

Появление этих ассигнаций автор сочинения связал с Наполеоном. Он говорит, что Александр по недомыслию заключил договор с французским императором, по сути, это договор с дьяволом.

История с картами у автора «Сказания» рассматривается как реализация предсказания Апокалипсиса:

И дано бысть ему (антихристу. – *И. П.*) дати дух образу зверину, да проглаголет икона зверина и сотворит, да иже аще не поклонятся образу звериному, убиени будут. И сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руке их или на челех их, да никтоже возможет ни купити, ни продати, токмо кто имат начертание, или имя зверя, или число имене его (Ап. 13 : 15–17).

Неоднократно обращаясь к этому сюжету, автор пишет:

Уже нынешняя карта заняла место, еже ни продать, ни купить без карты, а печать будет иметь силу в себе, запечатление души, не может человек ум обратити к Богу (Л. 95).

История появления «карт» не случайно оказалась связанной с именем Наполеона, поскольку в 1805–1811 гг. по его указанию были изготовлены поддельные русские ассигнации [Маршак, с. 50–64]. Хотя они не получили широкого распространения, но информацию о самом факте их существования автор нашего сочинения соединил со сведениями о новых бонах Александра I.

Писатель отмечает, что кое-кто сравнивает «карты» с паспортами, но, по его мнению, это совершенно разные вещи: паспорта были придуманы для «праздношатающихся людей», и на них нет тайного имени антихриста. Совсем иное дело «карты»: «если карту принять, то и звериной образ принять все равно... А о картах доказывают купцы, что в целой карте вся настоящее существо исполнено еже есть 666, еще в бумаге, к левой руки, вензель литером 666» (Л. 92–92 об.).

Подозрительными автору сочинения кажутся и трансформации изображения орла, который на новых «картах» потерял «короны и кресты», а из его «ногтей отняты скипетр и держава, а вместо сего помещено две змеи, сие немалое нечто прообразует даемое в них, понеже орел собою показывает, что опустил крыле, яко бы некую погибель» (Л. 96). Поскольку орел символизирует царскую власть, внесенные изменения отражают негативные процессы во власти: опущенные крылья означают отнятие воли государя, «а две главы в орле знаменуют – едина во антихристе, а другая в Наполионе, тайно уже [их] царство над нами, веселятся за отнятие всея воли нашего императора» (Л. 97 об.).

Все происходящее рассматривается как канун второго пришествия Христа, которое имеет свое предзнаменование в виде явления Креста Господня, описание которого автор «Сказания о картах» обнаружил в «Житии Андрея Юродивого»:

За три лета до пришествия Христова покажет небесной царь земному царю на небеси знаме, животворящий крест осмиконечной, яко хуроквь царскую своего пришествия. Зри, сие совершилося по потопе питерском (Л. 99 об.).

Замечание о «потопе питерском» позволяет определить время создания сочинения. Видимо, речь идет о самом катастрофическом наводнении в истории Санкт-Петербурга, случившимся 7 ноября 1824 г. [Адлер], следовательно, эта дата является нижней границей предполагаемых хронологических рамок завершения работы, а их верхней границей – смерть Александра I в декабре 1825 г.

Далее автор «Сказания о картах» обращается к «истории» российской правящей династии, чтобы показать, что внедрение наполеоновских «карт» в России было не случайным.

Главный вопрос, задававшийся многими старообрядческими книжниками, – где родится антихрист, появление которого должно предвратить второе пришествие Христа. Проанализировав намеки, имеющиеся в Священном Писании, и сравнив их с современным состоянием России, автор «Сказания» приходит к выводу, что антихрист родится «в нашем государстве» (Л. 104). Но поскольку он, по Писанию, должен произойти от колена Данова, то писатель подробнейшим образом излагает, как это «шествие жидовина Данова колена в нашу Россию» произошло и кто есть антихрист, который уже давно обосновался на русской земле (Л. 104–106 об.). Обращаясь к образу орла из Третьей книги Ездры, автор пишет:

Орел есть антихрист, а 12 царей – по отступлению веры Алексия Михайловича, а два крыла тая – отец и мать антихристова, а жидовин, которой к нам в Росию вышел вместо Петра Алексеевича и мать антихристову вынес в себе, нарекся царем Петром Алексеевичем (Л. 100).

Создатель «Сказания о картах» отталкивается от сложившийся в самом начале XVIII в. легенды о подмене Петра I во время его путешествия в Европу. Он подводит под легенду о подмене царя «обоснование» ссылками не только на Священное Писание, но и на старообрядческие сочинения, например, на «Бисер драгоценный», написанный в XVIII в. представителем поморского согласия Михаилом Вышатиным, в которых находит ответы на волновавшие его вопросы (Л. 104–104 об.). «Анализируя» родословие российской правящей династии, автор «Сказания о картах» приходит к выводу о том, что первый российский император является отцом антихриста, а антихрист – «рожденный в блюде»

император Петр III. Как нередко бывает в народных сочинениях, написанных авторами, слабо знакомыми с историческими фактами, в «Сказании о картах» смешались и были подогнаны под авторскую концепцию все слышанные или прочтенные когда-то сведения из истории российского правящего дома.

В ходе рассуждений о царях-антихристах писатель-старообрядец периодически вступает в диалог со своими потенциальными читателями, предвидя с их стороны некие вопросы, возражения или сомнения. Такой диалог звучит в сюжете о Петре III. Автор сочинения пишет, что кто-то может усомниться в антихристовой сущности Петра Федоровича на основании якобы сказанного в книге пророка Даниила, что у «антихриста детей не будет», а у царя есть сын Павел. Но он не Петров сын, говорит автор «Сказания», а рожден Екатериной Алексеевной от некоего «северского царя» (Л. 105 об.). Кроме того, писатель отмечает, что, в соответствии с Писанием, вместо антихриста казнен будет его советник, и «паки на конец лет придет, ни слуху не духу не будет до явления его» (Л. 106). И здесь история Петра «совпадает» с предсказанием: Екатерина «выгнала Петра Федоровича из Росии, Пугача (Емельяна Пугачева. – И. П.) казнила». До следующего появления антихриста происходившие из его семьи Павел и Александр готовили условия для этого возвращения, и появление новых «карт» – один из этапов этой подготовки.

Все списки «Сказания о картах» имеют небольшие текстовые отличия, анализ и сопоставление которых позволяют строить гипотезы относительно их авторства и реконструировать историю бытования сочинения. В двух рассмотренных списках «Сказания» в качестве повествователя фигурирует некий уральский есаул. Естественно, встает вопрос – имело ли реально уральское казачество отношение к созданию сочинения?

В самом раннем списке, ОР РГБ, нет никаких указаний на связь с уральскими казаками. Однако переплет рукописи, как отмечалось выше, связывает ее с Алатырским уездом, который, как и территория Симбирской губернии в целом, составляет единое пространство взаимодействия казаков-старообрядцев Поволжья, Оренбурга и Уральска, теснейшим образом связанных с Иргизом, известным центром беглопоповского направления старообрядчества. На связь с этим регионом указывают и оригинальные вставки в списке ИИ СО РАН, в котором в качестве рассказчика называется уральский есаул. Во всех списках сочинения при характеристике «карт», присланных Наполеоном, упоминаются купцы, свидетельствовавшие об их антихристовой сущности. Но в новосибирской рукописи обнаруживаем уточнение о том, откуда эти купцы: «доказывают *волцькия* купцы» [ИИ СО РАН. № 17/76. Л. 208 об.]. В продолжении спора упоминается инок, который уверяет, что это еще не те «карты», что должны появиться в последние времена. И в этом сюжете видим географическую привязку местонахождения инока: «Смутил всех в *Волоцком* некий

инок...» [Там же. Л. 210 об.]. В качестве свидетельства того, что без новых «карт» уже сейчас «не продати, не купити», приводятся слова *симбирского* капитан-исправника: «ети карты не ришатся до века, а печать будет иметь силу в себе, запечатление души» [Там же. Л. 211]. Скорее всего, определение «волцькия» и населенный пункт «Волоцк» являются искажением названия г. Волгска (ныне Вольска) и производного от него прилагательного. Волгск – один из крупных центров поволжского старообрядчества, находившийся недалеко от Иргизских старообрядческих монастырей.

Список ЛАИ УрФУ дает возможность сузить рамки определения среды создания памятника письменности или выработки его новых вариантов. В уральском списке встречается следующая фраза: «А ныне китаец списался с нашим Германом, идет под Хиву, так все полчища пройдут под Царьград» (Л. 106 об.). *Герман Федор Иванович* – это личный адъютант оренбургского военного губернатора генерала П. К. Эссена в 1818–1823 гг., занимавшийся вопросами дипломатических отношений с Хивой и Бухарой. В 1819 г. он должен был возглавить посольство в Хиву, но эта поездка не состоялась [Чулков, с. 62]. Эссен занимался решением вопросов сопровождения торговых караванов на Восток, через территории, где бесчинствовали хивинские разбойники и поддерживавшие их киргиз-кайсаки. Среди этих караванов были и те, что шли в Коканд и северо-западный Китай [АВПРИ. Ф. Гл. архив. Д. 1. Л. 2179–2184; Шкунов]. Для сопровождения торговцев подряжали оренбургских и уральских казаков. Видимо, автор «Сказания о картах» или создатель списка был хорошо знаком с этой ситуацией, а быть может, и сам был участником таких конвоев. Упоминание китайца, возможно, связано с неким торговцем из Китая, который добирался до России со своим товаром, либо речь идет о попытках некоего совместного с китайцами взаимодействия против бесчинств Хивы.

Дополнительный материал дает исследование В. Н. Витевского, краеведа, преподавателя ряда учебных заведений Уральска, в том числе Уральской войсковой гимназии. Он пишет: «Среди уральских казаков издавна существовало убеждение, что “Хива – заклятая страна и будет взята только в последнее время вместе с Иерусалимом и Царьградом”» [Витевский, с. 83]. Распространителем представлений о том, что взятие казаками Хивы является предвестником конца света, был старообрядец Яков Михайлович Тарасов (†1850-е гг.). В уральском войске он пользовался авторитетом как грамотный начетчик и предсказатель. Казаки обращались к нему за тем, чтобы узнать результаты предстоящих походов на Хиву. Ходили рассказы о предсказании Тарасовым не только результата хивинского похода 1839 г., но и военных действий под Царьградом во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На вопрос о возможности взятия русскими Царьграда в то время он отвечал: «Время не приспело, время не приспело, братцы» [Витевский, с. 86].

Витевский подробно излагает сюжет, связанный с Тарасовым. В 1839 г., накануне похода, рассказывает исследователь, «раскольники достали из своих сундуков засаленные и крепко потертые тетрадки, в которых отыскивали различные пророчества о Царьграде, Хиве и антихристе» [Там же, с. 83]. И далее он цитирует написанное в одной из этих тетрадок. Цитаты позволяют атрибутировать текст как «Толкование о антихристе», сочинение, соединенное с фрагментом «Сказания о картах» в новосибирском списке. Главным рассказчиком и комментатором содержания тетрадок был Я. М. Тарасов. Сведения о нем Витиевский черпает из материалов бесед с казаками другого исследователя уральского казачества И. И. Железнова, записи которых он обнаружил в черновиках умершего к тому времени коллеги. В этих записях казаки-старообрядцы характеризовали Тарасова как «столпа старой веры», называли «таким грамотным, таким начетчиком, каких еще свет не видывал». Информант Железнова, продолжая характеристику Тарасова, говорил:

Он все книги, сколько их ни есть в Расеи, дай ему Бог Царство Небесное, – и рукописныя, и печатованныя – все от доски до доски прочел, и потому самому ни один церковный священник, ни один благочинный спорить с ним не могли: всех их Тарасов побеждал, всех, значит, сильнее был насчет божественнаго-то писания и насчет всего, что касается до креста, до симипросфория, до аллилуия и прочаго такого... [Витевский, с. 85].

Таким образом, характеристика Тарасова вполне позволяет предположить, что он может быть автором обоих сочинений о Наполеон-антихристе, «Толкования о антихристе» и «Сказания о картах» или, как минимум, составителем компиляции из сборника ИИ СО РАН. Однако более точное установление авторства, мест создания этих сочинений возможно в дальнейшем только при условии комплексного анализа всего блока старообрядческой литературы первой половины XIX в. по теме «Наполеон-антихрист», в который входят, кроме рассмотренных в статье, и другие уже выявленные произведения [Починская, 155–160]. Дальнейшие исследования, несомненно, позволят обнаружить и интересные списки, и редакции уже известных сочинений, а возможно – и совершенно новые для нас высказывания старообрядческих писателей. Введение в научный оборот этого литературного комплекса расширяет представления о реакции традиционного общества на общественно-политические события, показывает его вовлеченность в современную жизнь.

* * *

В приложении публикуется текст «Сказания о картах» с извлечениями. Сокращены пространные цитаты из святоотеческой литературы. Публикация осуществляется по двум спискам. В качестве

основного взята рукопись ЛАИ УрФУ. IV.180p/5341. Л. 91–108 (А), в качестве дополнительного – ОР РГБ. Ф. 17. № 223. Л. 3–46 (Б), а также были учтены оригинальные дополнения рукописи ИИ СО РАН. № 17/76. Л. 208–230 об. (В). Текст воспроизводится буквами гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными. Титлы раскрываются, выносные вносятся без выделения. «Ер» и «ерь», знаки препинания употребляются согласно современному правописанию. Все имена собственные пишутся с заглавной буквы. Комментарии к тексту основного списка обозначены буквенными сносками, разночтения списков – цифровыми.

(Л. 91)³ Копия с письма уральского есаула³.

⁴Карты уже немалое время // (Л. 91 об.) кроются по присутственным местам. А вышли родом таковым:⁴ государь наш просил миру с Напалионом и писал ему: «Долго ли нам воевать и силу терять? Время нам с тобою помирится». А он ему⁵⁻⁵ пишет: «Помирюсь я – ты могущество держишь по вселенной, а я по тебе могущество держу. Положим с тобою заповедь, что нам вознамерится содеяти, мне⁶ – вам не будем во[с]прещать, а что нам вознамерится учинить – вы⁷⁻⁷ не возбраняйте». Государь наш не омыслился⁸, что напоследок будет, подписался своерушно.⁹А он, Напалион⁹, // (Л. 92) выслал две формы, звериной образ и карту: «Я¹⁰ желаю да во всяком месте в куплях и проданиях, и в путных шествиях присудствует сей образ и карта». Внимайте, внимайте, православнии, с прилежанием, откуда изыде корень, естли карту принять, то и звериной образ принять вся равно. А по Писанию, карта¹¹ – увязание разума. А звериной образ – чван ярости и гнева Божия неразтворена, его же обеща пити поклонившимся антихристу. А о картах доказывают¹²⁻¹² купцы, что в целой карте вся настоящее // (Л. 92 об.) существо исполнено, еже есть 666¹³⁻¹³. Еще в бумаге, к левой руки, вензель литером 666.¹⁴Не пересказыванныя весты¹⁴ возвещаю, но евангельски образуюсь, ей-ей уста ко устам глаголемое завирую, нецыи¹⁵ тако

³ Выписано из многих книг на последняя время и о последних царях, что напоследок учинят, все зимли согласится на погибель христианску, сказани о картах и о зверином образе Б.

⁴ нет Б.

⁵ на сопотив Б.

⁶ мы Б.

⁷ нам Б.

⁸ обмысля сего Б.

⁹ он Б.

¹⁰ нет Б.

¹¹ нет Б.

¹² волцькия В.

¹³ А разывается она на четверо, они совершенно дознались. Писали цыфирем и слагали на щеты. Точно выходит 666 Б.

¹⁴ нет Б.

¹⁵ глаголют Б.

равняют¹⁵, вся равно, что взять пачпорт, что карту, а по апостольскому¹⁶ писанию никак не можно сравнить. 1, на пачпортах один орел, а тайнаго его имяни нет, а о нем же писано во Евздрином пророчестве, глава 11: «Видех се орел летяще на перии своем и царства¹⁷ на земли. И¹⁸видех, повиновена¹⁸ бысть ему¹⁹ вся поднебесная, никто же ему // (Л. 93) противяшеся²⁰, ни един от твари, еже есть на земли». Зри, кто возможе убежати от орла по всей поднебесной, и избранныя не убежаша от орла. Кто убежит²¹ пачпорта, а на денгах²² не убежит никто²² орла, необходимая вещь. Однако в Писании сего не видно, чтобы чрез орла позволено было гладныя смерти вкусити, а чрез тайное его имя мнози от потребныя нужды смерть примут, а напоследок вящии первых мученик²³ себя оправдать. 2, и²³ пачпорты наши цари сочинили для праздношатающихся людей, // (Л. 93 об.) а карты выслал лживый пророк, последний предтеча, на увязание человеческого ума и на розделение плевел со пшеницею. <...> // (Л. 94 об.)²⁴Смутил всех своеволием²⁵ некий инок, сказал: «Ете не те карты²⁴, будут маленки, а вогруг будет змий седмиглавой, а подпись – ²⁶⁻²⁶“Аду сын сатанин”». Не блазнитесь, православнии, ²⁷он и сам не знает²⁷, ета будет чювственная печать, а не карта. <...> // (Л. 95) Уже нынешняя карта заняла место, еже ни продать, ни купить без карты,²⁸⁻²⁸ а печать будет иметь силу в себе, запечатление²⁹ души, не может человек ум обратити к Богу. <...> // (Л. 96) Обща беседа изычных купцов³⁰⁻³⁰, вопросы и ответы от божественнаго писания с краткими доказательствами о нынешних картах. Вопросы: «Почему в картах со орла короны и кресты посняты и еще же из ногтей отняты скипетр и держава, а вместо сего помещено две змии?» Сие немалое нечто прообразует, даемое в них, понеже орел собою показывает, что опустил крылье, якобы некую погибель про // (Л. 96 об.) ...образует нас³¹ быти. Ответ:³²Библия³², // (Л. 97) пророка Евздры глава 11: «Орел есть знание царское, а 12 орлков³³ на пятаках

¹⁶ святому Б.

¹⁷ царствова Б.

¹⁸ внидех яко повиновенна ему Б.

¹⁹ нет Б.

²⁰ противляшеся Б.

²¹ убежал Б.

²² ничто возможе убежати Б.

²³ себе опредвидет. Второе Б.

²⁴ Неции г(лаго)лют: евта короны не оныя, а те Б.

²⁵ в Волоцком В.

²⁶ будет Б.

²⁷ они глаголюще и сами не знают Б.

²⁸ симбирский капитан-исправник сказал, что уже ети карты не ришатся до века В.

²⁹ тленую Б.

³⁰ самарских с волацкими краткими доказательствами В.

³¹ на ся Б.

³² сам, виш, он из Францции летел, того ради облегшил сибе, пославил, чтобы лекши долететь в Россию, шутки в сторону, отसेле будим от писания беседовати. От Библии В.

³³ орликов Б.

пишут – 12 царей по отступлению веры, то есть крыле его антихристовы³⁴, а еже глаголет о трех главах, его главы же после да сохранятся». Главы есть последние цари, иже при главах нечестивых его совершат, последняя его две главы в каронах пишутся. <...> // (Л. 97 об.) Повесил орел³⁵ крыле, когда³⁵ воля его от него отнялась тайно,³⁶ беззаконие. Образ³⁶ орла – корону и скипетр, и державу³⁷ снял, а вместо сего поместил свое имя, а³⁷ еже есть 666.³⁸ Змий прообразует³⁸ змеиное его³⁹ царство, а две главы в орле знаменуют одина³⁹ во антихристе, а другая в Наполеоне. Тайно уже царство над нами, веселятся за отнятие всея воли нашего⁴⁰ императора, почему⁴⁰ выслал две формы: звериной образ и карту, чтобы в куплях и⁴¹ проданиях⁴¹ печать его распространялася. <...> //

(Л. 99 об.) По Андрею Юродливому⁴², пред сим⁴³ миротворным гругом⁴³, за три лета до пришествия Христова, покажет небесной царь земному царю на небеси⁴⁴ знаме,⁴⁴ животворящий крест осмиконечной, яко хуроквь⁴⁵ царскую своего пришествия. Зри, сие совершилося по потоце питерском⁴⁶. Сам государь наш сего знамения самовидец бысть. Общая⁴⁷⁻⁴⁷ святых // (Л. 100) отец пустынножителей и нынешняго плачевнаго времени. ⁴⁸Нравоучение на глав. 11 и 12 книги пророка Евздры: орел есть антихрист, а⁴⁸ 12 царей – по отступлению веры Алексия Михайловича⁴⁹, а два крыла тая⁴⁹ – отец и мать антихристова. ⁵⁰А жидови[н]⁵⁰, которой к нам в Росию вышо[л] вместо Петра Алексеевича и мать⁵¹ антихристов[у] вынес в себе,⁵¹ нарекая царем Петром ⁵²Алексеевичем, стрельцов побил, сам родил жидовский матерь антихристову, // (Л. 100 об.) а⁵² с нею родил антихриста. Родися рвеня немала. Екатерина Петра изводила, а Петр Екатерину, да она его извергла. О нем же писано: «Погибнет⁵³ и не погибнет ⁵³, яко да падет и не падет тог-

³⁴ антихристов Б.

³⁵ крылий, когда вся Б.

³⁶ беззакония уже обрал со Б.

³⁷ и вместо сего поместил тайное свое имя Б.

³⁸ А две змии прообразуют Б.

³⁹ царство и едино Б.

⁴⁰ государя, почему и Б.

⁴¹ в продааниях Б.

⁴² Юродливому Б.

⁴³ миротворны кругом Б.

⁴⁴ знамение, честный Б.

⁴⁵ хорухов Б.

⁴⁶ питирбургском Б.

⁴⁷ беседа Б.

⁴⁸ и есть антихрист, а 12 крыл Б.

⁴⁹ да Петра Алексеевича, а два крыле ты Б.

⁵⁰ первый жидовин Б.

⁵¹ антихристову и антихриста в себе вынес и Б.

⁵² Алексеевичам, стрельцом побил, и казнил, и показнил, той род перевел, сам родил з жидовскою матерь антихристову Б.

⁵³ нет Б.

да, но паки положится в свое начало». Зри, паки царь будет⁵⁴осмый, царь первый⁵⁴ сам поцарит, а за ним шесть⁵⁵царей подкрылие⁵⁵, а за⁵⁶ними паки⁵⁶ двое, бо от тех родятся приближающися времени полчетыре, сохранятся, егда приближати // (Л. 101) ся начнет време да скончается⁵⁷двои, концы⁵⁷ содержатся две подкрылницы, Екатерина и Павел. О нем же пишет, на одре своем умрет, обаче смущением главы же после да сохранятся, главы же есть последнии цари, они четыре, ⁵⁸по царилицы⁵⁸ антихристовы. Уже приближися время самому царить. <...> (Л. 103 об.)⁵⁹Ниже той ж⁵⁹ вопрос, где антихрис[т] родится? Како Писание глаголет, от племени жидовска, от колена Данова, а не в Росии. Сие весма нужно знать всякому человеку. Ответ: книга Драгии бисер, глава 16: «⁶⁰Родитца ему⁶⁰ в Вавилоне граде ⁶¹в лице, по тайновидцу⁶¹ на главу 17, видех жену, сидящу на звере имущем. Глав[а] 7: и знаменова от себя быти антихристу». ⁶²Книга беседа апостольска⁶², глава 18: «Толков.: начальство вселенныя – Вавилон, оный тайственной превеликий град, державу имущий над царями земными даже до пришествия антихри[с]т[о]ва, се безсомнения прорекут по временах // (Л. 104) оных, держашаго могущество, якоже⁶³⁻⁶³ у персов Вавилон». Нравоучение: зри⁶⁴, по вселеней, кто⁶⁵ могущество держит, не нашо ли государство? По всему⁶⁶ сему антихрис[т] в нашем государстве, без сомнения, родится. А шестие⁶⁷ жидовина Данова колена в нашу Россию сицевым образом: бысть государь Петр Алексеевич и ходил в Стекляное царство, и бысть там 7 лет, там же и пропал безвести, а вместо его вышел в Росию жидовин от колена Данова. Антихристов отец силою назвался царем Петром Алексеевичем, стрелцов ⁶⁸побил, и всех перевешил^a и казнил⁶⁸ за крест и за бороду, царицу сослал в сылку, царевича убил, а сам женился, // (Л. 104 об.) взял жидовку, звали Софьей, прекрасной из себя. Родили с нею Елисафету⁶ Петровну, которая у нас царила девицею^b. Матерь⁶⁹ померла, она осталася

⁵⁴ осмь цареи первые Б.

⁵⁵ шесть поткрылец Б.

⁵⁶ ним паки сам царь Б.

⁵⁷ двоа, бо на каньцы Б.

⁵⁸ покрылицы Б.

⁵⁹ нет Б.

⁶⁰ Родится имать Б.

⁶¹ велицем, по таеновидцу Б.

⁶² беседы Б.

⁶³ древле Б.

⁶⁴ кто Б.

⁶⁵ нет Б.

⁶⁶ нет Б.

⁶⁷ в нашестве Б.

⁶⁸ всех перевешел и показил Б.

^a испр., в ркп: перевышел.

⁶ испр., в ркп: Елилисафету.

^b испр., в ркп: двицею.

⁶⁹ мать Б.

12 лет, ⁷⁰доросла до 16 лет и связалась со отцом. Родили ⁷⁰ Петра Феодоровича и ⁷¹отправили его в Халкидонскую ⁷¹ землю к сестре. Сестра померла, а он остался 15 лет. Елисафета Петровна взяла его вроде племянника, се по писанию свершилось, Ипполит Дамаскин пишет: «Антихрист родится убо из блуда и воспитается тайно». Книга Тифология: «Антихрист зачат будет во утробе ⁷²матери своея ⁷² силою дияволу, иже // (Л. 105) исполнь будет ⁷³⁻⁷³ всякаго беззакония и лукаства. Сего отец соблудит со своею дщерию и будет антихрстом ⁷⁴обременено». Зри глаголы матери ⁷⁴ к сыну о своем отце: «Отец наш тебе отец и мне отец, тебе дет ⁷⁵, а мне муж, ты мне брат, а я тебе мать». Антихрист будет ⁷⁶дедич ⁷⁶ и наследник ⁷⁷3 Рыма и распудитель, по матери внук, по отце сын, по роду наследник, сам разоритель ⁷⁷ будет. По писанию, Римское царство само о себе будет сокрушено, чти о сем Даниила ⁷⁸ пророка главу 2, Кормчию, лист 15. Великороссийское царство – 3 Рим, а Ветхаго Рыма антихрист ни сын, ни внук, ни наследник, точию сокрушитель и искоренитель. // (Л. 105 об.) А естли кто сумнителен, что у Петра Феодоровича сын был Павел, а у антихриста детей не будет аще кто совершенно хошет знать, прочти сам в Библии пророка Даниила главу 11, зри, дщи царя южнаго ⁷⁹ внидет к северску царю, сотворит завет с ним, не удержит крепости мышцы, не станет племя ея, предасть та дева и востанет от цвета и от кореня ея на уготование его. Зри, чей [†] сын, а не Петров. <...> // (Л. 106) Екатерина Алексеевна царем была вместо его и возвратится ⁸⁰ на свою землю. Сынове его соберут народ ⁸¹мног, внидет ⁸¹ грядый ⁸²потопляя, мимо идет, не укрепляет. Возвратися царь северский, отъид народ мног, на концы лет приидет северска царя, разумей царицу Екатерину Алексеевну, выгнала Петра Феодоровича из Росии, Пугача казнила. По писанию, вместо его казнен будет его советник, а паки на конец лет приидет, ^{82 83-83} ни слуху ни духу не будет до явления его. Даниил пишет ⁸⁴: «И востанет от кореня его, царство на уготование его». Се разумей Александра Павловича. Павел

⁷⁰ выросла до 17 лет и связалась со отцем. Родила Б.

⁷¹ отправила его в Голстинскую Б.

⁷² матерне Б.

⁷³ блуда Б.

⁷⁴ обременена. Глаголы матерня Б.

⁷⁵ дед Б.

⁷⁶ детич и отеч Б.

⁷⁷ Третьего Рыма и распудитиль по матери сам разоритель Б.

⁷⁸ нет Б.

⁷⁹ южескаго Б.

[†] испр., в ркп: чий.

⁸⁰ возвратится Б.

⁸¹ силен много, внидет и Б.

⁸² нет Б.

⁸³ укоризна его обаче, укоризна его вовратится ему, онеможется и падет, и не обрящется, и в тыя дни сокрушится, и ни вliche сех ни брани сиречь Б.

⁸⁴ нет Б.

уготовал узы, Александра – карты и звериной образ, // (Л. 106 об.) Костанкин⁸⁵ dokonчат и последняя его.⁸⁶⁻⁸⁶

⁸⁷Пророка Исаия глава 4: «Зане несть милости несведения Божия на земли, блуд, вино, пиянство. Прият сердце людей моих, знамение во прошах и жезлы его поведася ему. Духом служения прельстишася, жезлы – разумей казни Божия. Ниже.⁸⁷ А ныне время нашим царям⁸⁸⁻⁸⁸ Царьград брать, только управитца Контанкин с господами, а престол его – семь царей садили и корону с рымскаго папы взял⁸⁹чезри Напаолион, а Б[о] жию чрез же пророка⁸⁹. Чти о сем беседы апостольския.⁹⁰⁻⁹⁰ ⁹¹А ныне китаец списался с нашим Германом, идет под Хиву, так все полчища пройдут под Царьград.

Книга Кирила Белозерскаго: «При кончине века сего великороссийско⁹² престол⁹³ восприимет Никон, и⁹³ по сем будет великия сметения, и воины, и междуусобная брань, а Царьград взят будет царем Констянкином, приимет на главу свою карону и порфиру царскую, мечь и державу дара Контянкинова. Вскоре царство его разрушится, а по нем приимет престол великий князь Михайло». Глав. 12 пророка Даниила: «⁹⁴Тако и его

⁸⁵ Коньстянтин Б.

⁸⁶ Даниил: «И возвратися на свою землю, и возьярится назаве святыи». Толкование: Петр Федор Федорович возвратится в Россию и возьярится на православную веру, подобно сему и Коньстянтин Павлович. О взятия Царяграда Генадей, патриарх Царьградский, во истории пишет: «Внук же его царствует время». Тоя же книги: «Да измайлова роду воцарится, но небольшое время». Внук – разумей по Петре, а измаилова роду – по Екатерине Алексевни, понеже от цвета и от корения велию. И измайтелен победят ру[с]кий иже народ и со языки 18 измайтелен победят, и седмихолмаго приимут. Не по писанию ли совершилося? Во осьмом индикте все списалися, в девятом по Дунаю нашу границу разбил, в десятом – греков победил чрез турков и паки греки турков победят долматы по Кириловой г[r]еки Б.

⁸⁷ нет Б.

⁸⁸ о 18 цари Б.

⁸⁹ чрез Наполиона по писаному божество себе чрез лжепророка Б.

⁹⁰ Книга Гранограф: «Взят бысть Царьград от безбожнаго царя Амурата Махтега, султана турецкаго, на лето 6961 года при греческим царе Коньстянтине, при патриархе благочестивым Анастасии. Царь Коньстянтин Мануилов удири мечем в каменный столп, и рече Коньстянтин: “Сей град соградил Коньстянтян, у Коньстянтина отбили и паки Коньстянтином и взят будет”. От сего разумеется, что нашим царем Коньстянтином взят будет Царьград». Библия греческая: «Возмется Царьград южным церем Европы, российский, а южное звание имеет сего ради, что на юге обладают наши цари и Вавилонское царство от сего нарицается, и вавилонский царь Дан, седмый сын Иякова патриарха, а Июда – четвертый. Ияков при смерти своей прорече: «От Июды Христу родится, а от Дана – антихристу». Чти о сем Библию, Бытие 49, лист 24. <...> И ныне все владение его, а ныне наши цари будут брат[ь], а не антихрист, а он явится в самое взятья Царяграда, ту венчают его царем. Книга Драгия бисер, глава 24: «В севере и в полунощи в (испр., в ркя: е) Европе третие часть света Скифия Малая и Великая от Данова племени Афетова подь единым именем славянороссийстий, россы, россияне <...>» Б.

⁹¹ нет Б.

⁹² великороссийский Б.

⁹³ восприим царь Никола, а Б.

⁹⁴ также и сего царство вскоре сократится, и верхоримскую державу владеть и корону Б.

царство вскоре разрушится», а Ветхорымскую державу и образ, и карону⁹⁴ похитит антихрист чрез⁹⁵же пророка⁹⁵, и напоследок сам // (Л. 108) будет владеть.

ЛАИ УрФУ. IV.180р/5341. Л. 91–108.

Список литературы

- АВПРИ. Ф. Гл. архив. Д. 1.
Адлер С. Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 числа ноября 1824 года. СПб. : Тип. Деп. народ. просвещения, 1826. 246 с.
Витевский В. Н. Раскол в уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1878. 239 с.
 ИИ СО РАН. № 17/76.
 ЛАИ УрФУ. IV.180р/5341.
Маршак М. Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1986. Т. 26. С. 50–64.
 ОР РГБ. Ф. 17. № 223.
Панич Т. В., Титова Л. В. Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР / отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Наука, 1991. 279 с.
Починская И. В. Сочинения о Наполеоне-антихристе первой половины XIX в. уральского происхождения // Уральский исторический вестник. 2021. № 3. С. 152–160. DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-152-160.
Чулков Н. Герман Федор Иванович // Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова : в 25 т. СПб. : Имп. рус. ист. о-во, 1916. Т. 5. С. 62.
Шкунов В. Н. Синьзян в системе российско-китайской торговли в XIX в. // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 139–145.

References

- Adler, S. (1826). *Opisanie navodneniya, byvshego v Sankt-Peterburge 7 chisla noyabrya 1824 goda* [Description of the Flood that Occurred in St Petersburg on November 7, 1824]. St Petersburg, Tipografiya Departamenta narodnogo prosveshcheniya. 246 p.
 AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock Glavnyi arkhiv. Dos. 1.
 Chulkov, N. (1916). German Fedor Ivanovich [Fyodor Ivanovich German]. In Polovtsov, A. A. (Ed.). *Russkii biograficheskii slovar'*. St Petersburg, Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo. Vol. 5, p. 62.
 II SO RAN [Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. No. 17/76.
 LAI UrFU [Laboratory of Archaeographical Studies of Ural Federal University]. IV.180p/5341.
 Marshak, M. B. (1986). Napoleonovskie poddelki russkikh assignatsii [Napoleonic Forgeries of Russian Banknotes]. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, Iskustvo. Vol. 26, pp. 50–64.
 OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 17. No. 223.
 Panich, T. V., Titova, L. V. (1991). *Opisanie sobraniya rukopisei IIFiF SO AN SSSR* [Description of the Collection of Manuscripts of the Institute of History, Philology, and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR] / ed. N. N. Pokrovskii, E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk, Nauka. 279 p.
 Pochinskaya, I. V. (2021). Sochineniya o Napoleone-antikhriste pervoi poloviny XIX v. ural'skogo proiskhozhdeniya [Works on Napoleon the Antichrist of the First Half of the 19th Century]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3, pp. 152–160. DOI 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-152-160.

⁹⁵ лжепророка, а напоследок сам будет ею владеть Б.

Shkunov, V. N. (2017). Sin'tszyan v sisteme rossiisko-kitaiskoi trgovli v XIX v. [Xinjiang in the System of Russian-Chinese Trade in the 19th Century]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Vol. 19. No 3, pp. 139–145.

Vitevskii, V. N. (1878). *Raskol v ural'skom voiske i otnoshenie k nemu dukhovnoi i voennograzhdanskoi vlasti v XVIII i XIX v.* [The Split in the Ural Army and the Attitude of the Religious and Civil and Military Authorities towards It in the Late 18th and 19th Centuries]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 239 p.

The article was submitted on 18.04.2022

Hereditas:
nomina
et scholae

1. Apollon Davidson. 2010s

Hereditas:
nomina et scholae

Searching for Africa in Russia: The Fate of Apollon Davidson*

Alexey Antoshin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Alexander Balezin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article is devoted to analysing the scholarly path of the outstanding Russian Africanist Apollon Davidson. His personality has already attracted scholarly attention, primarily in connection with the history of the Centre for African Studies of the Institute of Global History, which Davidson created in 1971. In this study, comprehensive analysis of the subject of Russia and Africa in Davidson's work is conducted for the first time. Earlier research has only partially touched upon this theme. The main sources are Davidson's works. The origins of Davidson's interest in Africa are analyzed. This interest was closely connected with the atmosphere of Stalin's Soviet Union, in the conditions of which the historian's personality was formed. The analysis shows that avoiding problems related to the political situation was a conscious choice for Davidson, who sought to avoid having to write propaganda essays within the framework of the dominant ideology. The article identifies the key subjects that attracted Davidson's attention: the formation of Africa's image in Russia, the position of Russia in the Anglo-Boer War of 1899–1902, the Comintern and Africa, and the main aspects of Soviet foreign policy in Africa. It is shown that Davidson was especially interested in the African travels of Nikolai Gumilyov and the surge of interest in Africa among the Russian intelligentsia of the Silver Age. The publication of most of Davidson's studies was possible only in the post-Soviet period.

Keywords: Apollon Davidson, Soviet historiography, Russia and Africa, Anglo-Boer War, Comintern, Nikolai Gumilev

Статья посвящена анализу научного пути выдающегося отечественного африканиста, академика РАН Аполлона Давидсона. Ранее его личность привлекала внимание ученых прежде всего в связи с историей деятельнос-

---

* *Citation:* Antoshin, A., Balezin, A. (2022). Searching for Africa in Russia: The Fate of Apollon Davidson. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1517–1526. DOI 10.15826/qr.2022.4.744.

Цитирование: Antoshin A., Balezin A. Searching for Africa in Russia: The Fate of Apollon Davidson // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1517–1526. DOI 10.15826/qr.2022.4.744.

ти Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, который был создан им в 1971 г. Проблема сюжета «Россия и Африка» в творчестве А. Б. Давидсона лишь фрагментарно затрагивалась в статьях, посвященных творчеству историка. Здесь впервые проанализирован вопрос об истоках интереса к Африке у А. Б. Давидсона, доказана тесная связь с атмосферой в сталинском Советском Союзе, в условиях которого происходило формирование личности историка. Проведенный анализ свидетельствует, что уход от проблематики, связанной с политической конъюнктурой, был для А. Б. Давидсона сознательным выбором, обусловленным стремлением уйти от создания пропагандистских сочинений в рамках господствовавшей идеологии. В статье выявлены ключевые сюжеты, которые привлекали внимание А. Б. Давидсона в рамках темы «Россия и Африка»: история формирования образа Африки в России, позиция России в англо-бурской войне 1899–1902 гг., Коминтерн и Африка, основные направления советской политики в Африке. Особый интерес вызывает у А. Б. Давидсона сюжет, связанный с историей африканских путешествий Николая Гумилева и всплеском интереса к Африке среди российской интеллигенции эпохи Серебряного века. Публикация большинства исследований А. Б. Давидсона по данной проблематике стала возможна лишь в постсоветский период.

Ключевые слова: Аполлон Давидсон, советская историческая наука, Россия и Африка, англо-бурская война, Коминтерн, Николай Гумилев

Recently, the question of professional self-definition in Soviet academic history has attracted increasing attention from the scholarly community. In a range of memoir-like works, famous Soviet historians have analysed how they were educated as members of a corporation, how they chose their scholarly specialisms, and the influence of political developments in the USSR on their lives and professional development [Шелохаев; Ненароков и др.]. This question is also important with regards to those Russian historians whose scholarly specialism was connected with fields of historical knowledge rarely encountered in the USSR. It is precisely for this reason that the fate of Apollon Borisovich Davidson, a great Russian Africanist and the creator and long-time leader of the Centre for African Studies at the Russian Academy of Science's Institute of Global History, is of scholarly interest.

In terms of his roots, Davidson came from the world of pre-revolutionary Russia and the Silver Age of Russian culture. The closest person to him was his mother, Tamara Aleksandrovna, who belonged to the Petersburg intelligentsia. Davidson writes the following about her and her brother:

Mama, while she was still in the senior year of the gymnasium, and Uncle Valia were attracted to Bal'mont and Merezhkovskii. They were readers of the journal *Apollon*... they did not mourn the overthrow of the tsar. [They considered] February a breath of freedom. For these young people, this was

an escape from strict prohibitions – Mama remembered how she and her friend were the first to take exams with painted lips, an unheard-of liberty [Давидсон, 2008, с. 29].

After the revolution, Tamara initially raised her numerous brothers and sisters and then worked as an administrator in Leningrad educational establishments for many years. Apollon had a very touching relationship with his mother until the very last days of her life. He brought her from Leningrad to Moscow, where she lived together with him and his wife. When at work, Davidson always called her on the telephone and asked one and the same question: “Mama, how are you?” He did this rigorously as soon as his meetings ended, and it never entered his head to restrain himself if others were in the room, regardless of whether they were colleagues (including foreigners), friends, or enemies. In terms of his father, Davidson recalls:

He was from a merchant family. He believed that Lenin’s NEP [New Economic Policy] was serious and would be long lasting. But in 1928, when Stalin, strengthening his grip on power, ended the NEP, Father lost everything he had and was sent into exile, along with tens of thousands of others. My parents lived together in exile, but their marriage was never formalised [Там же, с. 30].

It was precisely in exile, in the village of Ermakovo in Sverdlovsk oblast, that Apollon Davidson was born on 23 August 1929. The unusual name of this future historian of Africa was connected with his father’s arrival in detention: “Before exile, my father sat for some time in prison,” remembers Davidson. “Among his cellmates, he liked a man by the name of Apollon. A real member of the intelligentsia. [He was] also from among the ‘former people.’ He died in prison prior to release. I was named in his honour” [Там же, с. 31]. The circumstances in which Davidson’s name was chosen were in many ways symbolic: it was his lot to suffer through many trials.

The future historian’s childhood was spent in the atmosphere of Stalin’s Great Break, which had a strong influence on his socialisation. The repressions destroyed Davidson’s family: before 1934, his father was in exile and after this he was forbidden to live in large cities. Nonetheless, he violated this prohibition and went to Leningrad for one or two days, where his family lived. In 1938, Davidson gained a stepfather, but he preferred to keep his father’s surname, although on more than one occasion it was suggested that he change it, since this would probably ease his career.

The development of Davidson’s personality was inextricably connected with Leningrad. Together with the city on the Neva, he lived through the first winter of the Nazi siege and all its horrors. In the spring of 1942, life took the adolescent to Sverdlovsk, where his stepfather was living at the time.

Davidson resided in Sverdlovsk from 13 April 1942 to December 1943. Initially, he stayed at the Bol’shoi Ural hotel. According to his recollections, this was “the most fashionable hotel in Sverdlovsk”:

Evacuated from Moscow, the high functionaries of the party and state apparatus lived there for weeks and then months. Then city apartments were sought for them in accordance with the “Table of Ranks”. The hotel also had its own system of gradations. Waiters brought trays of delicacies and starched napkins in the morning, at lunch, and in the evening to the rooms of the highest officials – generals, artists, some academics. What a thing it was to see this after dying Leningrad! [Давидсон, 2008, с. 44-45].

In December 1943, his stepfather took Davidson and his mother to Moscow: in June 1945, the family returned to Leningrad. But life there was very hard: the majority of Davidson’s relatives had either died in the siege or been repressed.

In 1948, Davidson entered the history faculty of Leningrad University and began to study the history of Africa: “How did it begin?” he ponders:

At the end of the 1940s, Leningrad had still not left the terrible siege years behind. And all around rampaged the “struggle against cosmopolitanism”, the campaign against “grovelling before the West”... arrests, exiles, firings... and endless shameful meetings where intelligent people were forced to repent of something or, still more disgusting, to denounce each other. We students were involved in all this, so that we would be witnesses and even participants. What was I to do? Write my student essays on, as they said then, burning hot topics? Here you would be inevitably caught up in the whirlpool of this madness. I buried myself in old books and documents, staring at ancient wood prints... [Давидсон, 2017, с. 9].

Leningrad University’s history faculty did not then deal with Africa, but there was a chair of African studies in the oriental faculty. This was occupied by the eminent ethnographer, linguist, and historian D. A. Olderooghe (1903–1987), one of the first Russian Africanists. He was the supervisor of Davidson’s academic work.

In 1953, when Davidson graduated from university, the Stalinist campaign against cosmopolitanism was at its very height. A graduate with the surname Davidson had no chance of finding work. He received dozens of rejections from schools, museums, and libraries across the country. However, Stalin died in March: by the end of the academic year, the campaign began to wind down. Davidson joined the PhD programme of the Moscow Institute of History, entering its modern history division. In 1956, under the supervision of N. A. Erofeev, a famed historian of Great Britain, he defended his dissertation (entitled “The Conquest of Rhodesia”) and began to work at the new Africa department of the Institute of Oriental Studies.

Immediately after the creation of the Institute of Africa in 1959, Davison went to work there. However, since historical research gradually began to occupy a smaller and smaller place at this institute, he decided to create a new scholarly centre that would be occupied precisely with the history of the dark continent. He founded this on 1 December 1971 on the basis

of the Institute of Global History, which had spun off by that time from the Academy of Science's Institute of History. Thus, a full half century of his life would be connected with the institute where he had become a PhD student in 1953 [Балезин, 2019].

At the beginning of the 1970s, Davidson prepared the programme for the department of African history (today called the Centre for African Studies IVI RAN). One of the main directions of his work was the subject of Russia and Africa. We should note that among the departmental leaders at the Academy of Science's humanities institutes in the 1970s, he was the only one who did not belong to the party.

Davidson defended his habilitation dissertation at the beginning of 1971 and immediately released it as the book *South Africa – Forming the Forces of Protest, 1870–1924* [Давидсон, 1972]. The work was built on unique historical sources, access to which he received after great effort and despite restrictions. Davidson even managed to become acquainted with documents in the closed Comintern archive, although he was not allowed to quote or cite this material. At the time, the history of the Comintern was a forbidden subject. Many in the USSR in the 1960s and 70s did not like to remember the existence of this organisation. The facts that the Bolsheviks had seized power in October 1917 in hope of a world revolution and that Moscow had been the centre of preparations for this for two decades did not fit with the official conception of the USSR's history. Furthermore, the majority of Comintern activists had been repressed in the 1930s.

Meanwhile, the destalinisation of the Khrushchev thaw was not deep: the explanation for the tragedy of the 1930s was boiled down to the leader's "cult of personality". After Khrushchev's removal in 1964, criticism of the Stalin epoch began to wither away, replaced in the 1970s by "creeping restalinisation".

In these conditions, Davidson had to gather materials on the Comintern and Africa literally piece by piece. He was fortunate: he was personally acquainted with some of the Comintern veterans who had managed to survive the camps and come to work at the Institute of Oriental Studies and the Institute of Africa after 1956. Among these individuals, A. Ia. Zusmanovich (1902–1965) occupies a special place: in the 1930s, he had been a political assistant at the Comintern's oriental secretariat and the head of the African chair at the Scientific Research Association on National and Colonial Issues at the Communist University of the Toilers of the East.

However, talking with Zusmanovich, as with other former members of the Comintern, was not easy. Despite having gone through the camp system, these people remained Old Bolsheviks. They did not maintain an iota of doubt about the correctness of the party's policy: they also resolutely fought against free-thinking young people like Davidson, the future "people of the sixties." "Zusmanovich and those who had left the gulag approved of the decisions of party organs – from the Central Committee to the party committee of the Institute of Oriental Studies", Davidson recalls: "Those who objected, he called 'enemies of our party'. At the same time, in a domestic setting, after all of his philippics, I allowed myself to ask:

Which party are you [talking] about, Aleksandr Zakharovich? Not the one that sentenced you to death?’ He momentarily caught himself and began to scold the party – the careerists had snuck in and it was generally full of scoundrels. And then he forgot. This repeated itself over and over [Давидсон, 2019, с. 91–92].

One of the other Comintern members from the 1930s that Davidson knew well was I. I. Potekhin (1903–1964). The first director of the Academy of Science’s Institute of Africa, this man is often considered a typical Soviet official, making a successful career for himself. But Davidson knew that, as with Zusmanovich, Potekhin had been removed from the Communist University of the Toilers of the East in 1936 and had been left unemployed for long time. Once, after the Twentieth Congress of the Communist Party, Potekhin made a comment to one of his peers in Davidson’s presence: “What are we worth if we did not sit in prison in 1937?” [Давидсон, 2019, с. 96]. Obviously even such convinced communists like Potekhin and Zusmanovich sometimes had doubts about the rectitude of the line of behaviour they had chosen, thinking that, perhaps, it was necessary to live life differently.

For many years, Davidson sought opportunities to speak with Africanists who had participated in the Comintern in the 1920s and 30s. This was very difficult: the majority of those who had survived avoided conversations about the Comintern. Nonetheless, he continued to work on this subject, using any chance to gather materials.

Work on reconstructing the history of the Comintern’s activities in Africa obviously realised for Davidson in many ways his long-time passion in the subject of Russia and Africa, which had begun as early as the 1940s. However, this never went anywhere: later, when Davidson wrote his PhD and habilitation theses, it became only a kind of scholarly hobby.

I did not put this subject into any official plans or accounts during my student years, nor did I report on it before any bosses. As was said then, the historian is “a fighter on the ideological front.” But here there were no struggles, no exposure of “ideological opponents”, of enemies internal and external. So for me this subject was not for official accounts, not for reporting to someone. It was simply for the soul [Давидсон, 2017, с. 11].

The fruits of many years of gathering travel accounts, maps, and geographical essays were two magnificent books released in the 1970s on the history of connections between Russia and Africa in the eighteenth and nineteenth centuries: *The Face of a Distant Country* [Давидсон, Макрушин, 1975] and *The Call of Distant Seas* [Давидсон, Макрушин, 1979]. Davidson’s co-author was his uncle V. A. Makrushin (1902–1987), an editor by profession. These books made a colossal contribution to popularising the history of Africa in Russia. Even the style of these essays was unusual: not dry or bureaucratic, but lively, provoking the interest of readers in

the distant dark continent. Noting that Russians had begun to formulate their image of Africa 200–300 years ago, Davidson argued that the situation had not much changed by the end of the twentieth century. For the majority of Soviet people, the dark continent was before all a “distant country”. To stimulate interest among a mass readership and to show how the spirit of adventure and state interests had driven past Russians to search for routes to Africa’s distant shores – these were the aims that Davidson and Makrushin placed before themselves. And these were achieved: the books were of no small interest to readers.

A new impulse to Davidson’s work came after radical transformations began in Russia. The removal of ideological prohibitions, the opportunity to choose themes and narratives for research more freely than before – these gave new possibilities to people like Davidson, who had earlier been internally free.

In 1992, Davidson published a book on the African voyages of Nikolai S. Gumilev, a work unthinkable before perestroika [Давидсон, 1992]². In the USSR, memory about the Silver Age had been entirely destroyed. But Davidson had been interested in this part of Russian culture since childhood. He reminisces that his mother, Tamara Aleksandrovna, and her friends, representatives of the old Petersburg intelligentsia, often spoke about their favourite writers and poets, so little by little he absorbed their love for the Silver Age. Of all the authors discussed by his mother and her friends, Davidson was closest to the verses of Gumilev and stories about his fate. Tamara Aleksandrovna had collections of Gumilev’s poetry in her library. Davidson’s interest in Gumilev became his window onto the world of the Silver Age. At the beginning of the 1960s, the young historian interviewed Anna Akhmatova and then Irina Odoevtseva and Lev Gumilev, questioning those who still remembered the atmosphere of the Silver Age.

The very title of Davidson’s new book, *The Muse of Nikolai Gumilev’s Wanderings*, was unusual, drawing attention. This book could only have been written by a person like Davidson: a professional Africanist who knew very well the history of the places where Gumilev’s itinerary took him, but also a Petersburger raised in the atmosphere of the northern capital, where the people and spirit of the Silver Age were still maintained. In 2001, Davidson published a new book about Gumilev, the main themes of which were the poet’s personality and the interest among Russian literary circles in eastern and African exotica at the beginning of the twentieth century [Давидсон, 2001].

Only in the post-Soviet period was Davidson able to publish the results of his long work on the history of the Comintern in Africa [Коминтерн и Африка; Davidson et al.]. At the centre of his attention was the tragedy of those who had believed in the ideal of world revolution but had then become victims of this faith. Davidson writes about his work:

---

² From the numerous reviews of this work, Davidson especially highlighted that written by one of the authors of this article [Балезин, 1993].

When I leafed through the pages of archival documents, it seemed to me that they oozed with the blood of these people. And above the archival folders invisibly swarmed their groans, agonies, and hopes, deceit and self-deceits, the certainty of some and the repentance of others for misled lives. This was my feeling and I wanted to share it. If only a little [Давидсон, 2019, с. 119].

These works were based on a large complex of documents from various archives. In the 1990s and 2000s, at Davidson's initiative, an academic team he led prepared a range of large document publications, in particular the two-volume *Russia and Africa. Documents and Materials* [Россия и Африка]. These presented rare documents on the history of Russo-African connections from the Petrine era to the 1960s. Continuing work on this direction was a book by Davidson, S. V. Mazov, and G. V. Tsypkin [Давидсон, Мазов, Цыпкин], written to a considerable extent using archival documents.

The interrelations between the USSR and the countries of Africa had had a constant presence on the pages of the Soviet press between the 1950s and 1980s, with numerous propaganda essays dedicated to this subject. Davidson and his associates made a large contribution to deideologising and demythologising these stories from the history of Soviet foreign policy. This was possible thanks to the fact that Davidson and his pupils began to analyse various aspects of this subject on the basis of a large complex of archival sources. Documents taken from the fonds of the Central Committee of the Communist Party and other party/state structures revealed before Russian readers an authentic image of Russo-African connections for the first time, showing the efforts and losses with which the Soviet Union had "paved" its "path" to Africa. The sum total of their labours on this matter was the voluminous collective work *Africa in the Destiny of Russia. Russia in the Destiny of Africa* [Африка в судьбе России].

This tome begins with an analysis of the image of Africa in Russia at the end of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries. The key event of this period was the Boer War of 1899–1902, which, as in many other countries, gave birth in the Russian Empire to a burst of interest in Africa. Dozens of volunteers from all over the world travelled to southern Africa in order to help the Boers fight for their independence. Imbued with the romance of distant travel and freedom fighting, this narrative could not fail to attract a person like Davidson. With his pupil I. I. Filatova, who worked at universities in South Africa, he prepared a series of book on this subject. They were published both in Russia and in South Africa [Davidson, Filatova; Давидсон, Филатова, 2010; Филатова, Давидсон, 2012]. In 2013, Filatova and Davidson published an English book in South Africa, *The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era* [Filatova, Davidson]: in 2014, the work received a prize from the South African publishing conglomerate Media 24 as the best book of the year.

Davidson was never just an "armchair academic." He always paid great attention to popularising the history of Africa, for many years reading lectures at Moscow State University. In 2004, he began to teach at the Higher

School of Economics. Among his courses are “The Silver Age of Russian Literature” and “The Culture of the Soviet Epoch”. These are electives, but students nonetheless flock to them each year.

Davidson's example shows that historians do not have to follow political circumstances for their work to be truly relevant. Davidson belongs to those representatives of the Soviet intelligentsia who consciously fled from topics considered “relevant” in order to remain themselves and stand honourably before their consciences and readers. It is thus a paradox that these people managed to create works that provoked genuine social interest, touching strings in the hearts of readers. Working on Africa, Davidson found answers to many questions in Russia's past and eliminated “white spots” in the history of Russian culture. Searching for Africa, he found the authentic face of Russia, liberated from ideology. Apollon Davidson continues his scholarly search to this very day.

Список литературы

Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / отв. ред. А. Б. Давидсон. М. : Полит. энцикл., 2019. 606 с.

Балезин А. С. Изысканный жираф в перекрестье Россия – Африка : (О книге А. Б. Давидсона «Муза странствий Николая Гумилева») // Восток. 1993. № 4. С. 198–200.

Балезин А. С. А. Б. Давидсон и Центр африканских исследований // Миролубие и миротворчество в Африке : К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона : сб. ст. / отв. ред. А. С. Балезин. М. : Весь мир, 2019. С. 21–34.

Давидсон А. Б. Южная Африка : Становление сил протеста. 1870–1924. М. : Наука, 1972. 614 с.

Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилева. М. : Наука, 1992. 316 с.

Давидсон А. Б. Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск : Русич, 2001. 414 с.

Давидсон А. Я вас люблю. Страницы жизни. М. : МИК, 2008. 336 с.

Давидсон А. Б. ...Иже именуется Африка. Взгляд из русской старины. М. : Принципиум, 2017. 560 с.

Давидсон А., Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка. 1918–1960 : Документированная история взаимоотношений / под ред. А. Давидсона. М. : ИВИ РАН, 2002. 320 с.

Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Облик далекой страны. М. : Наука, 1975. 424 с.

Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей. М. : Наука, 1979. 330 с.

Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка. Три века связей. М. : Изд. дом ВШЭ, 2010. 332 с.

Коминтерн и Африка : Документы / сост. В. Городнов ; ред. А. Давидсон. СПб. : Алетейя, 2003. 352 с.

Ненароков А. П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями : [в 2 кн.]. М. : Асс. исследователей рос. о-ва : Новый хронограф, 2009. Кн. 1. Вдаль к началу. 296 с.

Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. – 1960 г. : в 2 т. / под ред. А. Б. Давидсона. М. : ИВИ РАН, 1999. Т. 1. 285 с. Т. 2. 397 с.

Филатова И. И., Давидсон А. Б. Россия и Южная Африка. Наведение мостов. М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. 491 с.

Шелухаев В. В. Прощание с прошлым. М. : РОССПЭН, 1997. 304 с.

Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town : Human & Rousseau, 1998. 287 p.

Filatova I., Davidson A. The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era. Cape Town ; Johannesburg : Jonathan Ball Publ., 2013. 553 p.

References

- Balezin, A. S. (1993). Izyskanni zhiraf v perekrest'ye Rossiya – Afrika [An Exquisite Giraffe at the Crosshairs: Russia and Africa]. In *Vostok*. No. 4, pp. 198–200.
- Balezin, A. S. (2019). A. B. Davidson i Tsentr afrikanskikh issledovaniy [A. B. Davidson and the Centre for African Studies]. In Balezin, A. S. *Mirolyubie i mirotvorchestvo v Afrike. K 90-letiyu akademika Apollona Borisovicha Davidsona. Sbornik statei*. Moscow, Ves' mir, pp. 21–34.
- Davidson, A. B. (1972). *Yuzhnaya Afrika. Stanovlenie sil protesta. 1870–1924* [South Africa: The Rise of Protest Forces. 1870–1924]. Moscow, Nauka. 614 p.
- Davidson, A. B. (1992). *Muza stranstvii Nikolaya Gumileva* [The Muse of Nikolai Gumilyov's Wanderings]. Moscow, Nauka. 316 p.
- Davidson, A. B. (2001). *Nikolai Gumilev. Poet, puteshestvennik, voin* [Nikolai Gumilyov. Poet, Traveler, Warrior]. Smolensk, Rusich. 414 p.
- Davidson, A. B. (2008). *Ya was lyublu* [I Love You]. Moscow, MIK. 336 p.
- Davidson, A. B. (2017). ...*Izhe imenuetsya Afrika. Vzgl'yad iz russkoy stariny* [... This is Africa. A View from the Russian Past]. Moscow, Printsipiium. 560 p.
- Davidson, A. B. (Ed.). (1999). *Rossiia i Afrika. Dokumenty i materialy. XVIII v. – 1960 g. v 2 t.* [Russia and Africa. Documents and Materials. 18th Century – 1960. 2 Vols.]. Moscow, Institut vseobshchei istorii. Vol. 1. 285 p. Vol. 2. 397 p.
- Davidson, A. B., (Ed.). (2019). *Africa v sud'be Rossii. Rossiya v sud'be Afriki* [Africa in the Destiny of Russia. Russia in the Destiny of Africa]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 606 p.
- Davidson, A. B., Filatova, I. I. (2010). *Rossiia i Yuzhnaya Afrika. Tri veka svyazei* [Russia and South Africa. Three Centuries of Connection]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 332 p.
- Davidson, A. B., Makrushin, V. A. (1975). *Oblik dalekoi strany* [The Face of a Distant Country]. Moscow, Nauka. 424 p.
- Davidson, A. B., Makrushin, V. A. (1979). *Zov dal'nikh morei* [The Call of Distant Seas]. Moscow, Nauka. 330 p.
- Davidson, A. B., Mazov, S. V., Tsypkin, G. (2002). *SSSR i Afrika. 1918–1960. Dokumentirovannaya istoriya vzaimootnoshenii* [The USSR and Africa. 1918–1960. Documented Relationship History]. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN. 320 p.
- Davidson, A., Filatova, I. (1998). *The Russians and the Anglo-Boer War*. Cape Town, Human & Rousseau. 287 p.
- Filatova, I. I., Davidson, A. B. (2012). *Rossiia i Yuzhnaya Afrika. Navedenie mostov* [Russia and South Africa. Building Bridges]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 491 p.
- Filatova, I., Davidson, A. (2013). *The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era*. Cape Town, Johannesburg, Jonathan Ball Publ. 553 p.
- Gorodnov, V., Davidson, A. (Eds.). (2003). *Komintern i Afrika* [The Comintern and Africa]. St Petersburg, Aleteiya. 352 p.
- Nenarokov, A. P. (2009). *V poiskakh zhanra. Zapiski arkhivista s dokumentami, kommentariyami, fotografiyami i posvyashcheniyami v 2 kn.* [Looking for a Genre. An Archivist's Notes with Documents, Comments, Photographs and Dedications. 2 Books]. Moscow, Assotsiatsiya issledovatelei rossiiskogo obshchestva, Novyi khronograf. Book 1. Vdal' k nachalu. 296 p.
- Schelokhaev, V. V. (1997). *Proshchanie s proshlym* [Farewell to the Past]. Moscow, ROSSPEN. 304 p.

The article was submitted on 01.06.2021

Translated by James White

Disputatio

Disputatio

Крокодил в русском языке, сознании и культуре*

Борис Норман

Независимый исследователь,
Минск, Белоруссия

The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture

Boris Norman

Independent Researcher,
Minsk, Belarus

The development of figurative secondary meanings in a word is due to the correlation of denotative and reference components, i. e. sigmatics and semantics. The starting point of the study is the hypothesis that the farther the object is from the everyday life of a society (i. e. the more exotic it is, the less significant in practice, the less common for the native speaker), the weaker, the “emptier” is the denotative part of the name. However, this non-semantics is apparent, because denotative emptiness is immediately compensated by the development of figurative meanings, most of which are connotative. This article examines the Russian word *крокодил*, meaning an exotic water animal. The author studies the characteristics of this lexeme based on explanatory and frequency dictionaries of the Russian language, associative dictionary, the Russian National Corpus, and several examples from Russian fiction: works of V. Solovyov, A. Chekhov, M. Gorky, T. Tolstoy, V. Kantor, etc. For Russian consciousness, the crocodile is a marginal creature, and its name is located on the periphery of the vocabulary. The national corpus of the Russian language contains 500 documents with the word *крокодил* and a total of 1222 entries. The analysis demonstrates that about two thirds of these documents contain the word *крокодил* in figurative meanings. This confirms the assumption that the word denoting a thing that does not participate in the daily life of a society has a tendency to secondary semantic content. It is interpreted metaphorically, in accordance with the cognitive and communicative needs of society.

Keywords: Russian lexicology, semantics, psycholinguistics, secondary semantisation, metaphor, Russian culture, crocodile

---

* *Citation:* Norman, B. (2022). The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745.

Цитирование: Norman B. The Crocodile in the Russian Language, Consciousness, and Culture // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745 / Norman B. Крокодил в русском языке, сознании и культуре // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1529–1540. DOI 10.15826/qr.2022.4.745.

Развитие у слова переносных, вторичных значений обусловлено соотношением денотативного и референтного компонентов, то есть сигматики и семантики. Исходной для исследования является гипотеза о том, что чем предмет находится дальше от обыденной жизни социума (то есть чем он экзотичнее, незначимее в практике, реже встречается носителю языка), тем денотативная часть названия слабее. Но этот асемантизм – кажущийся, ибо денотативная пустота тут же компенсируется развитием переносных значений, в большинстве своем коннотативных. В качестве объекта наблюдения автор выбрал слово *крокодил*, обозначающее экзотическое водоплавающее животное. Исследуется характеристика этой лексемы в толковом и частотном словарях русского языка, в ассоциативном словаре, Национальном корпусе, а также анализируется ряд примеров из русской художественной литературы: произведений Вл. Соловьева, А. Чехова, М. Горького, Т. Толстой, В. Кантора и др. Для русского сознания крокодил – существо маргинальное, и название его находится на периферии словарного состава. Национальный корпус русского языка дает на слово *крокодил* 500 документов, 1222 вхождения. Анализ показал, что около 2/3 этих документов содержат слово *крокодил* в переносных значениях. Тем самым подтверждается предположение о том, что слово, обозначающее денотат, не участвующий в повседневной жизни социума, имеет склонность к вторичному семантическому наполнению. Оно осмысливается метафорически, в соответствии с когнитивными и коммуникативными потребностями общества.

Ключевые слова: русская лексикология, семантика, психолингвистика, вторичная семантизация, метафора, русская культура, крокодил

План содержания слова складывается из многих разнородных компонентов – это не подлежит сомнению. Вопрос только в том, сколько этих составляющих и как их выделить и обозначить. Один из основателей семиотики американский философ Ч. У. Моррис предложил в составе лексического значения различать три части: семантику, то есть отношение знака к объекту, синтактику, то есть отношения знака к другим знакам, и прагматику, то есть отношение между знаком и говорящим [Моррис, с. 37–74].

Развивая эту семиотическую концепцию, немецкий философ Г. Клаус предложил еще более дробное деление. Он считал необходимым, кроме прагматики и синтактики, различать сигматику, то есть отношение знака к самому объекту (денотату), и семантику, то есть отношение к понятию о нем (отражению знака в нашем сознании) [Klaus, S. 13–16].

Это очень важное противопоставление, которое имеет свои исторические корни. Оно отсылает нас к движению «Слова и вещи» («Wörter und Sachen») и к одному из его теоретиков австрийскому лингвисту Гуго Шухардту (1842–1928). Г. Шухардт был склонен абсолютизировать денотативный компонент в составе значения. Он писал: «Вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее» [Шухардт, с. 277].

Вместе с тем ученый обращал внимание на роль понятия, или представления о предмете: «Представления в отношении между вещью и словом играют не случайную, но закономерную и необходимую роль. Подобно тому как между фактом и предложением стоит мысль, так между вещью и словом неизменно находится представление» [Шухардт, с. 278]. В целом же научное направление «Слова и вещи» пыталось поставить семасиологию на здравые материалистические рельсы, оно принесло несомненную пользу развитию лексикологии, этимологии, диалектологии, а позже послужило одним из оснований для возникновения культуроведческой лингвистики, ср.: [Kuße, S. 25–41].

В современной научной литературе противопоставление между «материальным» (предметным) и «мысленным» (понятийным) компонентами значения воплощается в различии между денотативным и сигнификативным аспектами планами содержания слова. Разумеется, различные составляющие значения взаимодействуют между собой, и механизмы этого взаимодействия можно продемонстрировать на примере конкретных слов.

О характере связи лексического значения с денотатом

Мы в данном случае придерживаемся интуитивной гипотезы, которая, на первый взгляд, и не требует доказательств. Чем предмет находится дальше от обыденной жизни социума (то есть чем он экзотичнее, незначимее в практике, реже встречается носителю языка), тем денотативная часть значения слабее, «пустее». Но этот асемантизм – кажущийся, ибо денотативная пустота тут же компенсируется развитием переносных значений, в большинстве своем коннотативных. Особенно активны в данном отношении значения экспрессивные, пейоративные.

В качестве объекта наблюдения мы выбрали слово *крокодил*, обозначающее экзотическое водоплавающее животное. Для русского сознания это существо маргинальное, и название его находится на периферии словарного состава. Приведем сначала определение, данное в 17-томном [ССРЛЯ]:

‘*Крокодил*. Крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей, живущее в теплых странах. || *Бранно*. О жестоком, бессердечном человеке’.

Здесь же указана первая лексикографическая фиксация слова: ‘Поликарпов. Лекс. 1704: крокодилъ. – Греч. Кроκόδειλος’.

Сравним с этой дефиницией толкование, приводимое в [БТСРЯ]:

‘*Крокодил* ...Крупное водное пресмыкающееся с толстой панцирной кожей (обитает в водоемах тропических стран). *Разг.* Об очень некрасивом человеке’.

В той же статье упоминаются словосочетания *крокодиловы слезы* и *крокодиловая кожа*.

Как видим, за 40 с лишним лет, разделяющих два словаря, толкование слова практически не изменилось (если не считать сдвига

в переносном значении – с психологической характеристики человека на физическую).

Но данные дефиниции требуют комментария. Прежде всего перед нами очередная иллюстрация расхождения энциклопедической трактовки слова и его наивного толкования. *Крокодил* в словарной статье определяется как пресмыкающееся. Конечно, в школьной программе субстантиват *пресмыкающееся* присутствует, однако в сознании среднестатистического носителя языка его практически нет. По данным [Ляшевская, Шаров], частота употребления леммы *пресмыкающееся* очень мала – она в 15 раз ниже, чем слова *крокодил*, тоже, кстати, не очень частотного.

Главное же – в приведенных выше словарных толкованиях вообще отсутствуют семы ‘хищный, кровожадный’, ‘страшный, опасный’, ‘с зубами’, ‘зеленого цвета’, ‘некрасивый, уродливый’ – то, что в первую очередь приходит в голову при воссоздании образа крокодила.

Ничего удивительного в этом расхождении научного и наивного значений слова нет. Словарь здесь идет по пути не общенародного, «обыденного» знания, а энциклопедического толкования. Энциклопедическое толкование включает в себя иерархию – от идентифицирующей архисемы (здесь это ‘пресмыкающиеся’, определенный класс позвоночных) до дифференциальных сем (в данном случае – ‘где обитает’, ‘какими внешними признаками выделяется’ и т. п.).

Однако этим сложность описания семантической структуры лексемы не исчерпывается. Эта структура, как уже отмечалось, неоднородна. «В лексическом значении слова могут быть заключены так называемые “потенциальные” семы, которые не осмысляются в качестве существенных при изолированном рассмотрении слова, но которые могут актуализироваться во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях» [Кузнецова, с. 35].

Как же ведет себя существительное *крокодил* в русской речи? Памятники письменности показывают, что слово употреблялось в русском языке задолго до его лексикографической фиксации. Однако вплоть до XVIII в. это заимствование из греческого обозначало не реальное существо (его зоологические свойства были практически неизвестны), а некую мифологему. «Русский средневековый грамотей не слишком хорошо представлял, что такое крокодил, но он знал, что это нечто страшное» [Богданов, с. 163]. Традиция такой «фольклорной мифологии» прослеживается у М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина – везде крокодил выступает как олицетворение зла или, воспользуемся удачным определением К. А. Богданова, как «эмблематический атрибут дикости и варварства». Только начиная с XVIII в., когда возрастает интерес к чужой культуре, российское общество начинает охотно осваивать такие факты (и понятия), как кофе, пряности, картофель, в этот ряд попадают и слоны, и, что для нас особенно важно, крокодилы [Там же, с. 49–67, 188–209 и др.].

Значения слова *крокодил* в массовом сознании

Для того, чтобы узнать, как трактует слово и понятие «крокодил» массовое сознание носителя современного русского языка, обратимся к [СОТРС]. Здесь сто ответов, полученных на вопрос «Какое значение имеет слово *крокодил*?», распределились следующим образом в порядке убывания: животное – 27; игра – 18; хищник (хищное животное) – 15; пресмыкающееся (животное) – 12; хищник с большой пастью – 6; зеленый зубастый (животное; зеленое зубастое) – 5; Гена из мультика – 4. Остальные толкования носят единичный характер, мы их опускаем.

Конечно, на характер ответов повлиял подбор информантов: этим, по-видимому, объясняются и ответ *игра* (существует детская игра «Крокодил»), и упоминание Крокодила Гены из мультфильма. Но важно, что семы 'хищник', 'зеленый', 'зубастый', отсутствующие в приведенных словарных толкованиях, здесь занимают свое место.

Тот же словарь [СОТРС] репрезентирует и другой подход к лексическому значению: через ассоциативное поле. Это ответы на вопрос: «Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова *крокодил*?» Приведем реакции информантов и здесь в порядке убывающей частоты: животное – 22; хищник – 17; зеленый – 13; зубы – 9; игра – 6; Гена – 3; Африка, сумка (сумки) – 2; далее идут единичные реакции. Результат, как мы видим, тот же самый, с той разницей, что *пресмыкающееся* среди ассоциаций вообще не упоминается.

Теперь зададим себе вопрос: как, с какими значениями употребляется слово *крокодил* в русских письменных текстах? Обратимся к [НКРЯ]. Корпус дает на слово *крокодил* 500 документов, 1222 вхождения. Сразу отметим: более половины этих документов содержат слово *крокодил* в переносных значениях. Это имена собственные: прежде всего название юмористического и сатирического журнала «Крокодил», популярного в советские годы, затем, несколько реже, заглавие известной поэмы К. Чуковского, рассказа Ф. М. Достоевского, название уже упомянутой настольной игры, имя героя кинофильма («Крокодил Данди»), а также персонажа мультфильма про Чебурашку (Крокодил Гена). Встречается в текстах слово *крокодил* и как название игрушки, определенного вида ножа, зубчатого зажима, торта, вертолета МИ-24, туфель (во множественном числе – *крокодилы*), гимнастического упражнения и т. д.

Нередко *Крокодил* служит прозвищем человека или литературного персонажа. В частности, по свидетельству [Вальтер, Мокиенко], так за глаза называют российских политиков Г. А. Зюганова и Г. Э. Бурбулиса; такое же прозвище было у лингвиста Г. В. Колшанского (везде, очевидно, срабатывает ассоциация с именем персонажа *Крокодил Гена*). Основаниями для прозвища могут быть также высокий рост, зеленый цвет одежды и иные физические признаки (известно, что друзья так называли знаменитого физика Э. Резерфорда).

О чем говорят эти факты? Мы видим, как, если воспользоваться терминами Г. Клауса, слабость сигматики компенсируется развитием семантики и прагматики. Повторим, что доля прямых употреблений слова *крокодил* в корпусе – меньше половины (по нашим подсчетам, в «зоологическом» значении оно встречается в 223 документах, 421 вхождении). Следовательно, подтверждается наше предположение о том, что слово, обозначающее денотат, не участвующий в повседневной жизни социума, имеет склонность к вторичному семантическому наполнению. Оно осмысливается метафорически, в соответствии с когнитивными и коммуникативными потребностями общества, ср. на другом материале: [Норман, с. 62–65]. Стоит добавить еще, что немалая часть прямых употреблений приходится на долю сказок и анекдотов: крокодил – частый гость фольклорных текстов, и там это фактически уже не животное, а антропоморфный символ, носитель определенных качеств.

Имя собственное само по себе обладает особой прагматической значимостью. Особую роль в формировании образа крокодила в сознании носителя русского языка начиная с детского возраста сыграли стихотворные сказки Корнея Чуковского. У Чуковского Крокодил – излюбленный персонаж («Крокодил», «Краденое солнце», «Бармалей», «Телефон» и др.), но образ его весьма противоречив. То это злодей, чудовище, «кровожадная гадина», то добрый папаша для своих детей и гостеприимный хозяин. Но в любом случае это антипод ребенка, для которого предназначаются сказки, представитель чужого животного мира.

Позже, в 1970–1980-е гг., литературный образ крокодила претерпел в сознании русскоязычных детей значительную модификацию. Писатель Эдуард Успенский написал сказку «Крокодил Гена и его друзья», по которой был снят мультфильм, получивший невероятную популярность. Герои этого фильма стали частью российской массовой культуры. Здесь крокодил по имени Гена – одинокий добродушный старичок, играющий в шахматы и ищущий себе друзей.

Но, как это нередко бывает с образами масс-культуры (ср.: Микки-Маус, Винни-Пух, Муха-Цокотуха и др.), «одомашненный» Крокодил Гена далеко оторвался от своего зоологического прототипа. А доминирующим для русскоязычного сознания осталось представление о крокодиле как о некрасивом, опасном и хищном звере. Вообще этому животному как литературному персонажу в русской традиции, можно сказать, повезло, см. [Беззубцев-Кондаков]. Кроме уже упомянутого рассказа Достоевского, поэмы К. Чуковского, повестей Э. Успенского, есть еще с названием «Крокодил» стихотворение Саши Черного, рассказ репрессированного писателя М. Козырева, повесть В. Кантора и др. Практически везде крокодил – олицетворение фантазмагорического зла. Скажем, рассказ М. Козырева – социальная сатира, повествующая о том, как появившийся (по слухам) в местной речушке крокодил приводит в панику совдеповское начальство: оно пытается списать на него все творящиеся безобразия. А в повести

В. Кантора крокодил – воплощение похмельных кошмаров главного героя, сотрудника редакции московского журнала.

Развитие семантики слова *крокодил* в текстах

Волею случая слово *крокодил* послужило в одной научно-популярной книге поводом для иллюстрации принципиального лингвистического тезиса. Приведем цитату: «Незнание значения слова проявляется в двух основных типичных ошибках. Неверно будет назвать крокодила *бегемотом* или велосипед *сохой*. Из такого словоупотребления будет следовать, что говорящий, во-первых, не знает наименований для крокодила и велосипеда, а, во-вторых, не знает значений слов *бегемот* и *соха*» [Супрун, с. 78–79].

Однако, как ни удивительно, в некоторых дискурсивных условиях с определенной целью крокодил, фигурально выражаясь, может быть назван бегемотом! Рассмотрим на конкретных фактах, как возникают в речи вторичные номинации, на какие исходные семы они опираются. Проанализируем с этой целью подборку примеров из русской художественной литературы.

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав (М. Горький. «На дне»). Здесь *крокодил* – «нечто невероятное, нереальное»; в словоупотреблении актуализируется потенциальная сема 'экзотика'.

Своей судьбы родила крокодила / Ты здесь сама. / Пусть в небесах горят паникадила – / В могиле тьма (Вл. Соловьев. «На небесах горят паникадила...»). *Крокодил судьбы* – это «злой рок», в основе метафоры лежит представление об экзотическом пресмыкающемся как чем-то «плохом, злом».

А больше всего я натерпелся и поношений разных вынес от этого вот сига копченого, от этого вот... крокодила! Вот от этого самого смиренника, от Курицына! (А. Чехов. «Торжество победителя»). И здесь употребление лексемы *крокодил* основано на потенциальной семе – 'плохой, злой, мучитель', соотносящейся с дифференциальной семьей 'хищник'. Характерно, что употреблению лексемы предшествует пауза (многоотчие в письменном тексте): говорящий колеблется в выборе номинации.

...Симеонов купит у одного крокодила за большую цену редкую пластинку (Т. Толстая. «Река Оккервиль»). Здесь употребление существительного *крокодил* также окрашено пейоративным оттенком: это «жадный бесчеловечный спекулянт» (опять-таки связь с семьей 'хищник').

А может быть, он, детдомовец, родился из цветка, из цветочной пыльцы. Вызрел и поднялся, как колосок. Но почему же тогда рождаются крокодилы? Все мы в принципе обитаем в одной среде, дышим одним воздухом! Чего недовложили? (С. Есин. «Гладиатор»). И здесь *крокодил* – негативная характеристика человека: это «негодяй, подлец, преступник».

Еще, я помню, думала: чем перекрашивать эту сволочь, не лучше ли было совсем закалякать его черной краской, а еще лучше бы обоих, а совсем хорошо бы вообще все эти портреты **крокодилов** сжечь раз и навсегда, чтобы духу их не было (Т. Толстая. «Неугодные лица»). Крокодилы здесь – «правители советской эпохи» с той же общенегативной оценкой, что и в предыдущем случае.

...Жениться хочу. Личико бы только увидеть. А то вдруг **крокодил** какой-нибудь попадется, потом томись всю жизнь... (В. Ежов, Р. Ибрагимов. «Белое солнце пустыни»). Словоупотребление крокодил тут относится к чисто внешней характеристике человека: «некрасивый, страшный, уродливый».

Руслан. ...Тоже мне, Дашка! Строит она из себя ну уж такую крепость неприступную, что не дай бог! Колченогий она **крокодил!** (Н. Коляда. «Барак»). Случай аналогичен предыдущему: значение «некрасивый, страшный». Но любопытно, что слово крокодил употреблено тут, как и в предыдущем примере, применительно к женщине – как существительное общего рода!

– Эй, Лео, только нам придется **на крокодиле ехать**, а пока его поймаешь...

– На каком крокодиле? – похолодел Лева.

– Такси ш-шестиместное так называется. Т-ты, Лео, на своем вчерашнем видении совсем свихнулся (В. Кантор. «Крокодил»). Шестиместное такси получило прозвище «крокодил», очевидно, за свою величину: актуализируется сема 'большой, длинный'.

Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу:

– У вас есть «**крокодилы**»?

Кириллу не хотелось с ней возиться! Конечно, у него были «**крокодилы**», но проще было сказать, что нет (Т. Устинова. «Хроника гнусных времен»). Здесь крокодилы – профессионализм с предметным значением «зубчатые зажимы». Переносное значение основано на функции, а именно – на способности крокодила захватывать жертву зубами.

– ...У нас же все только впереди. Непонимание, возможно, даже аресты.

– Оставьте социологию! Мы говорим о ваших личных **крокодилах**. Расскажите, почему вы хотите развестись? (Слава Сэ. «Разводь»). На сей раз крокодил – это «проблемы, неприятности». Перед нами развитие очередного потенциального значения, производного от 'плохой'.

Я мастер по ремонту **крокодилов**, / Окончил соответствующий вуз. / Хочу пойти в МГИМО, но я боюсь, / Что в эту фирму не берут дебилов (А. Еременко. Из поэмы). Здесь крокодилы – «что угодно», «неизвестно что»: слово «с нулевым денотатом».

Приведенные примеры с достаточной, на наш взгляд, полнотой представляют разветвленную сеть вторичных значений слова крокодил и очерчивают возможности ее дальнейшего развития (пополнения).

Образ в культуре и психолингвистическое значение

Мы видим, что при речевом употреблении в плане содержания слова *крокодил* актуализируются потенциальные семы 'нереальный', 'злой', 'жадный', 'опасный', 'некрасивый', 'с зубами', и в большинстве приведенных нами случаев это соответствует тому негативному образу, который сопровождает данное животное в русской народной культуре, а именно: крокодил – «плохой». Те же признаки, которые мы наблюдали в определениях толковых словарей ('водное', 'пресмыкающееся', 'с толстой панцирной кожей', 'тропические страны'), в метафорических контекстах вообще не используются. Это еще раз подтверждает, что толкования в [ССРЛЯ] и [БТСРЯ] основаны не на наивном представлении, а на научном понятии. Конечно, лексикографы-толкователи вынуждены искать компромисс между энциклопедическим знанием (научной дефиницией) и суммарным опытом (в том числе образным, литературным, ассоциативным), содержащимся в сознании среднестатистического носителя языка.

В то же время мы вправе задать вопрос: а какое знание «истиннее»? Практика показывает, что «человеку совершенно несвойственно формировать знания об объектах в виде **набора признаков**, описывающих данный объект. Напротив, человек склонен оперировать с объектом как с гештальтом» [Фрумкина, с. 144]. Это значит, что наивное сознание опирается в своей работе на доступные (наглядные и функциональные) качества предмета, составляющие его актуальный целостный образ («гештальт»). Иллюстрацией может послужить пример из книги К. Чуковского «От двух до пяти»: девочка на вопрос «Чем море отличается от реки?» отвечала: «Море – это с одним берегом, а река – с двумя». В каком-то смысле и взрослый человек подобен ребенку: он тоже основывается в первую очередь на своем практическом опыте. Вода для него – нечто жидкое, прозрачное, что можно пить и чем можно умыться, а не соединение двух атомов водорода и одного – кислорода.

По сути, это то, на чем настаивают сторонники когнитивной лингвистики: трактовать значения следует, опираясь на общественный опыт со всем богатством его коннотаций. В частности, морщина – это не «складка кожи, вызванная ее ссыханием», а признак старости, появляющийся преимущественно на лице, и т. д. [Vaňková, s. 291]. Соответственно, для употребления в речи слова *крокодил* семы 'зеленый' или 'с зубами' оказываются не менее важными, чем 'водный' или 'тропический (экзотический)'.

Но есть путь, сглаживающий противоречие между научным и обыденным знанием: по нему идут психолингвисты. В экспериментах, нацеленных на вербализацию смыслов в массовом сознании, находят свое отражение самые разные семантические компоненты. А потому правы те ученые, которые наряду с привычным для нас лексикографическим (представленным в толковых словарях) значением требуют выделять

и исследовать психологически реальное (или психолингвистическое) значение: «Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. <...> Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение)» [Стернин, с. 135].

Реализуется психолингвистическое значение в максимальной сумме контекстов, и при этом переносные значения могут количественно «забивать» собой исходное прямое значение. Наиболее очевидно это происходит тогда, когда соответствующий прямому значению денотат не участвует в повседневной жизни человека, а потому само это значение приближается к агнонимическому. Если же прямое значение характеризуется негативной коннотацией (*крокодил* – это ‘плохо’, ‘некрасиво’, ‘опасно’...), то и переносные, вторичные значения охотно наследуют эту коннотацию и развивают в себе пейоративную оценку.

Способствовать данному процессу – развитию вторичных значений – может и формальная выразительность слова – его насыщенность взрывными и дрожащими согласными или фонетические ассоциации с другими словами. Для русского языка известны примеры вроде *бардак*, *кавардак*, *каламбур*, *канделябр*, *брандахлыст*, *барракуда*, *помпадур*, *дребедень*, *престипома* и т. п., с легкостью приобретающие коннотированные значения. *Крокодил*, можно считать, по-полняет собой этот ряд. Анафония, то есть совокупность звуковых ассоциаций, сопровождающих речевую деятельность, представляет собой вполне реальное основание для семантизации слова в массовом сознании, ср.: [Пузырев, с. 160–167]. Парадокс, с точки зрения лингвистики, заключается в том, что таким образом форма языкового знака вмещивается в его содержание.

Развитие у слова переносных, вторичных значений обусловлено соотношением денотативного и референтного компонентов, то есть сигматики и семантики. Рассмотренные в статье примеры характеризуют план содержания лексемы как динамичную, нечетко-множественную сферу, формирующуюся во взаимодействии индивида с обществом и миром реалий.

Список литературы

Беззубцев-Кондаков А. Е. Крокодил в русской литературе: от Федора Достоевского до Эдуарда Успенского // Электронный журнал РОНО : [сайт]. Вып. 7. 2010. Июнь. URL: https://sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-7-iun-2010/innovacii-poisk-i-issledovania/krokodil-v-russkoj-literature-ot-fedora-dostoevskogo-doeuarda-uspenskogo (дата обращения: 01.03.2021).

Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 348 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1535 с.

Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа групп, 2007. 704 с.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М. : Высш. шк., 1982. 152 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 с.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / ред. Ю. С. Степанов. М. : Радуга, 1983. С. 37–89.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2021).

Норман Б. Ю. От лексического значения к концепту и обратно (слово *чемодан* в русскоязычном сознании) // Проблемы русского и общего языкознания : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8. Елец : ЕГУ, 2010. С. 59–68.

Пузырев А. В. О системном подходе в лингвистике. М. : ВНИИгеосистем, 2014. 520 с. СОРПС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2012. Т. 1. А – М (Абрикос – Муравей). 535 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965.

Стернин И. А. Концепт и значение // ...Слово отзовется : Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного / ред. Т. И. Доценко [и др.]. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2006. С. 132–138.

Супрун А. Е. Лекции по языковедению. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 144 с.

Фрумкина Р. М. Языковые гештальты и проблема представления знаний // Сборник от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София : Изд-во ЕТ Бойко Качармазов, 1993. С. 138–150.

Шухардт Г. Вещи и слова // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. М. : Учпедгиз, 1960. Ч. 1. С. 275–283.

Klaus G. Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat. 6. Auflage. Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1972. 200 S.

Kuße H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht UTB, 2012. 319 S.

Vaňková I. Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa // Slovo a slovesnost. 1999. № 60. S. 283–292.

References

Bezzubtsev-Kondakov, A. E. (2010). Krokodil v russkoi literature: ot Fedora Dostoevskogo do Eduarda Uspenskogo [The Crocodile in Russian Literature: From Fyodor Dostoevsky to Eduard Uspensky]. In *Elektronnyi zhurnal RONO* [website]. Iss. 7 (June). URL: https://sites.google.com/a/shko.la/ejrno_1/vypuski-zurnala/vypusk-7-iun-2010/innovacii-poisk-i-issledovania/krokodil-v-russkoj-literature-ot-fedora-dostoevskogo-do-eduarda-uspenskogo (accessed: 01.03.2021).

Bogdanov, K. A. (2014). *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovanii i ekzotizmov* [About Crocodiles in Russia. Essays from the History of Loanwords and Exoticisms]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p.

BTSRYa – Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian Language]. St Petersburg, Norint. 1535 p.

Frumkina, R. M. (1993). Yazykovye geshtal'ty i problema predstavleniya znaniy [Language Gestalts and the Problem of Knowledge Representation]. In *Sbornik ot nauchni trudove, posveten na sedemdesetgodishninata na profesor Miroslav Yanakiev*. Sofia, Izdatelstvo ET Boiko Kacharmazov, pp. 138–150.

Klaus, G. (1972). *Die Macht des Wortes. Ein erkenntnistheoretisch-pragmatisches Traktat*. 6. Auflage. Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften. 200 S.

Kuße, H. (2012). *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht UTB. 319 S.

- Kuznetsova, E. V. (1982). *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 152 p.
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Material of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik. 1087 p.
- Morris, Ch. W. (1983). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. In Stepanov, Yu. S. (Ed.) *Semiotika*. Moscow, Raduga, pp. 37–89.
- NKRYa – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 10.02.2021).
- Norman, B. Yu. (2010). Ot leksicheskogo znacheniya k kontseptu i obratno (slovo *chemodan* v russkoyazychnom soznanii) [From the Lexical Meaning to the Concept and Back (the Word *chemodan* in the Russian-Speaking Mind)]. In *Problemy russkogo i obshchego yazykoznanija. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Iss 8. Yelets, Yeletskii gosudarstvennyi universitet, pp. 59–68.
- Pyzyrev, A. V. (2014). *O sistemnom podkhode v lingvistike* [On the Systemic Approach in Linguistics]. Moscow, VNIIGeosistem. 520 p.
- Schuchardt, H. (1960). Veshchi i slova [Things and Words]. In Zvegintsev, V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh v 2 ch.* Moscow, Uchpedgiz. Part 1, pp. 275–283.
- SOTRS – Golev, N. D. (Ed.). (2012). *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody v 2 t.* [Dictionary of Everyday Interpretations of Russian Words. The Vocabulary of Nature. 2 Vols.]. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 1. A – M (Abrikos – Muravei). 535 p.
- SSRLYa – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. 17 Vols.]. (1948–1965). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
- Sternin, I. A. (2006). Kontsept i znachenie [Concept and Meaning]. In Dotsenko, T. I. et al. (Eds.) *...Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakhar'nogo*. Perm, Permskii gosudarstvennyi universitet, pp. 132–138.
- Suprun, A. E. (1978). *Lektsii po yazykovedeniyu* [Lectures in Linguistics]. Minsk, Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Lenina. 144p.
- Vaňková, I. (1999). Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa. In *Slovo a slovesnost*. No. 60, pp. 283–292.
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh prozvizhch* [The Great Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, OLMA Media group. 704 p.

The article was submitted on 14.03.2021

«Мосье L'Abbé», гражданин Российской империи***Елена Маркасова**Пекинский университет иностранных языков,
Пекин, Китай**Павел Ключин**Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия***Monsieur L'Abbé: A Citizen of the Russian Empire*****Elena Markasova**Beijing Foreign Studies University,
Beijing, China**Pavel Kliushin**St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This article contains a previously unpublished biography of Gabriel (Gavriil/Gavrila) L'Abbé Deslonde (1773–1830), a well-known teacher of French and Latin who served in various educational institutions of St Petersburg. The information found in the Russian State Historical Archive and the Central State Historical Archive makes it possible to clarify the facts of life and the motives behind the actions of a French teacher. L'Abbé Deslonde lived in the Russian Empire of the early nineteenth century; the material helps discover some details of professional competition in this field, mechanisms of promotion, and vicissitudes of relations within the professional community of teachers and French expatriates. These reasons make the published documents a valuable historical source that helps put forward the hypothesis that Gabriel L'Abbé Deslonde, whose life was intertwined with the lives of many St Petersburg aristocrats, was Pushkin's inspiration for *Monsieur l'Abbé*, “француз убогой” (*a starving Gaul* (Spalding), *a threadbare Frenchman* (Mitchell), *a poor wretch of a Frenchman* (Nabokov)) that has traditionally been considered a purely fictional character of *Eugene Onegin*. An account of L'Abbé Deslonde's life

---

* Citation: Markasova, E., Kliushin, P. (2022). *Monsieur L'Abbé: A Citizen of the Russian Empire*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1541–1552. DOI 10.15826/qr.2022.4.746.

Цитирование: Markasova E., Kliushin P. *Monsieur L'Abbé: A Citizen of the Russian Empire* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1541–1552. DOI 10.15826/qr.2022.4.746 / Маркасова Е., Ключин П. «Мосье L'Abbé», гражданин Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1541–1552. DOI 10.15826/qr.2022.4.746.

gives reasons to disprove the school's interpretation of the Russian epithet "убогий" interpreted as "заурядный" (mediocre).

Keywords: French people in Russia, prototype in literature, monsieur l'Abbé, Alexander Pushkin, Nikolay Gretsch

Публикуемые материалы освещают биографию Г. Л. Лаббе-Делонда (1773–1830), известного в свое время преподавателя французского языка и латыни, служившего в разных учебных заведениях Санкт-Петербурга. Информация, найденная в документах РГИА и ЦГИА СПб, позволяет прояснить обстоятельства жизни и мотивы поступков иностранца-преподавателя в России первой трети XIX в., а также увидеть некоторые детали профессиональной конкуренции в этой сфере, механизмы продвижения по служебной лестнице, особенности взаимоотношений внутри профессионального сообщества гувернеров и учителей-иностранцев, приехавших из Франции. Все это делает публикуемые материалы ценным историческим источником для построения гипотезы о том, что прототипом *Monsieur l'Abbé*, «француза убогого», традиционно считавшегося вымышленным персонажем романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», был Г. Л. Лаббе-Делонд, в судьбе которого принимали участие видные аристократы Санкт-Петербурга. Биография Лаббе-Делонда дает основания опровергнуть школьную трактовку эпитета «убогий» как «заурядный» и предложить новую интерпретацию образа учителя Евгения Онегина.

Ключевые слова: французы в России, прототип в литературе, monsieur l'Abbé, А. С. Пушкин, Н. И. Греч

В последние годы возрос интерес к присутствию учителей-иностранцев в России XVIII–XIX вв., о чем говорят количество и качество работ, освещающих эту тему [Златопольская; Мильчина; Солодянкина; Чудинов, 2003; Чудинов, 2004; Mézin, Rjéoutski; Vlassov, Rjéoutski и др.]. Однако среди учителей-иностранцев не упоминается Гаврила Леонтьевич Лаббе-Делонд (1773–1830), преподаватель французского языка и латыни. О нем не знают ни современные литературоведы, ни современный читатель, хотя этот человек, как нам кажется, заслуживает внимания и уважения по многим причинам, о чем будет сказано ниже. Но самое интересное заключается в том, что данные архивных документов, адрес-календарей, мемуаров позволяют предположить, что именно он был прототипом *Monsieur l'Abbé*, который традиционно считается вымышленным персонажем романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Попытки связать героев «Евгения Онегина» с реальными людьми обычно воспринимаются скептически [Лотман, с. 484], однако биография Г. Л. Лаббе-Делонда позволяет пересмотреть общепринятую точку зрения на «monsieur l'Abbe».

Принципы создания главных и второстепенных персонажей в тексте различны. Ю. М. Лотман убедительно разделял образы романа «Евгений

Онегин» на два типа: центральные фигуры, в случае с которыми «говорить о прототипах можно лишь с большой осторожностью, постоянно имея в виду приблизительность таких утверждений», и второстепенных персонажей, которые вводятся автором с ориентацией на хорошо известных читателю лиц [Лотман, с. 486]. На наш взгляд, Лаббе-Делонд принадлежит именно к этому кругу образов. Обращение к авторским комментариям и черновикам, особенностям использования курсива в разных изданиях романа дает основания считать, что сведения о его жизни и деятельности А. С. Пушкину были известны [Ключин, Маркасова].

«Вымышленный» *l'Abbe* мог обучать Евгения Онегина французскому языку какое-то время между 1801 и 1811 гг., то есть в период активной профессиональной деятельности Г. Л. Лаббе-Делонда. В связи с этим случайно обнаруженное нами упоминание Н. И. Греча о том, как он обратился за советом к Гавриле Леонтьевичу Лаббе-Делонду, «умному и знающему учителю, французу» [Греч, 1930, с. 243–244], стало импульсом к поиску других сведений об этом человеке, чье имя осталось в истории лингвистики благодаря предисловию к «Пространной русской грамматике» Н. И. Греча [Греч, 1827, с. XI].

В связи с высокой вариативностью передачи иностранных имен [Мильчина, с. 71–72] Г. Л. Лаббе-Делонд значился в источниках под разными именами (Габриэль, Гаврила, Гавриил, Гаврило и даже Григорий) и фамилиями (L'Abbé de Londes, Абе, Аббе де Лонд, Л'аббе де Лонд, Л'аббе-де-Лонд, Лабе, Лябе-де-Лонд, Делонд, Лабе Делонд, Лябе-де-Лонд, Лаббеделонд, де Ланд, Лабе Деклонд, Делату, Ланд¹). Несмотря на первую часть фамилии, аббатом не были ни он, ни его братья. Кроме того, среди Лаббе-Делондов было два учителя. Все это очень затрудняло наши поиски.

Габриэль-Жюстен-Жак Л'Аббе Делонд (далее Делонд. – П. К., Е. М.) родился в 1773 г. в Париже. Его мать Мари-Магдален-Катрин Л'Аббе Делонд родилась в 1733 г. в г. Кан (Нормандия), умерла «от простуды» в 1799 г. в Петербурге. В семье было трое детей: Шарль (ок. 1760–?), Марен (1763–1799), Габриэль (1773–1830). В 1793 г. семья присягнула на подданство [Mézin, Rjéoutski, с. 442]. Это было связано с указом Екатерины II от 8 февраля 1793 г. «Из России высылались французские дипломатические представители, а также в трехнедельный срок следовало выехать всем французам (купцам, ремесленникам, учителям и пр.), «признающим нынешнее в земле их правление». Однако если находящиеся в России французы принимали присягу в том, что не признают новой власти в их отечестве, а также обязуются не иметь никаких сношений с «одноземцами», «повинующимися нынешнему незаконному и неистовому правлению», они имели право остаться» [Ермакова, Рукосуев, с. 15].

По словам же Греча, Лаббе-Делонд бежал к старшему брату в Кронштадт из Парижа, где не мог оставаться из-за революционных событий. История выглядит правдоподобно, так как путь через Кронштадт

¹ Мы признательны библиографу РНБ Н. Г. Пушкаревой за помощь и ценные советы.

был обычен для покидавших Францию после 1789 г. [Мильчина, с. 13], но расходится с архивными данными. По документам, ребенок приехал в Россию с отцом, матерью и двумя старшими братьями в 1774 г. [ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 826. Л. 2]. То есть рассказ о несчастьях тринадцатилетнего Лаббе-Делонда – вымысел. Кстати, в 1789 г. Габриэлю было уже 17 лет.

Гаврила Леонтьевич Делонд был женат на Маргарите Шоль, дочери Гаспара Шоля и Барб-Моник Барбазан (дочери Амвросия Барбазана (1750–1821), владевшего фольговой и золотошвейной фабриками) [Сборник, с. 353–358]. Детей у них не было.

С 4 сентября 1797 г. по 1803 г. Делонд служил в Воспитательном обществе благородных девиц учителем «верхних» и средних классов и «происходил чинами»: 3 апреля 1800 г. он стал коллежским регистратором, а 18 октября 1802 г. – титулярным советником [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 17. Л. 8–9]. В документе сказано: «К продолжению службы способен и к повышению чина достоин», а это писали отнюдь не всем. Например, у брата Делонда Карла Делонда в формулярном списке в той же графе мы находим характеристику «не достоин» [Там же. Оп. 86. Д. 381. Л. 28]. С 1801 г. количество курсов (и жалованье) Делонда увеличиваются вдвое, поскольку он начинает преподавать в буквальном смысле за двоих. Так, в одном из донесений из дела о службе учителя французского языка Лаббе-Делонда читаем:

На место уволенного учителя Французского языка в старшем возрасте благородных воспитанниц Ипполита Масиле обучать во всех трех отделениях онаго возраста желание свое объявил учитель средних классов Лаббе-Делонд, продолжая уроки свои и в оных. Что касается до его достаточных знаний и хорошаго образа учения, он многократно оные доказал при экзаменах и высочайших посещениях. Но поелику в таком случае он преподавать будет те уроки один, которые преподавали двое, то и просит покорны высочотенный Совет, дабы к производимым ему ныне шести стам рублей в год за обучение в средних классах и те семь сот рублей, которые ежегодно получал Масиле, предоставлены были в его же, Лаббе-Делонда, годовое жалованье [ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 826. Л. 3]².

Жизнь Делонда осложнялась не только большим количеством уроков, но и отдаленностью его жилья от места службы, и эта проблема была решена благодаря участию императрицы и У. Ф. Адлерберг:

1802 года Июня 16го дня Совету воспитательнаго Общества благородных девиц Госпожа Начальница и Ордена Святыя Екатерины Кавалерственная дама Ульяна Федоровна фон Адлерберг объявила, что Ея Императорское величество повелеть соизволила учителю Лаббе Делонду,

---

² Здесь и далее тексты источников даны с сохранением орфографии оригинала. Заменены вышедшие из употребления буквы алфавита (і на и, ѣ на е). «Ер» (ѣ) в конце слов не воспроизводится.

приезжающему из города для обучения благородных воспитанниц французскому языку, в разсуждении отдаленности его квартиры от общества и для удобнейшаго выполнения положенных ему часов для учения, которых он имеет, больше против прочих учителей, дать ему квартиру в дом общества и производить отопление печей дрова[ми], против прочих живущих в доме общества Учителей в удержанием за то по собственному его, Лабе Делонда, желанию из получаемого им жалованья ежегодно по 100 рублей. В Совет определено: записать сие в протокол и оное высочайшее Ея Императорскаго величества повеление для надлежащаго исполнения объявить Економу Брозину, а у помянутаго учителя Лабе Делонда [нрзб.] выдачах ему жалованья в число принадлежащих от него в сумму общества ста рублей вычитать каждую треть по тридцати по три рубли по тридцати по три копейки с четвертью, а поелику он, Лабе Делонд, пользуется уже в доме общества квартирою, то с того же самага времени, как он имеет квартиру и показанной с него, вычсть из жалованья производить [далее нрзб.] [ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 826. Л. 5].

7 мая 1806 г. Делонд подал прошение об увольнении попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцеву:

Находясь я учителем французскаго языка в уездном и Приходском училищах при Губернской Гимназии, состоящих ныне по слабости моего здоровья обучать не могу. А по тому покорнейше прошу вашего превосходительства от той должности меня уволить [Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 181. Л. 1].

Приобретший репутацию прекраснаго преподавателя новейших языков в Петербурге, Делонд преподавал французский в Институте благородных девиц, в Петербургской губернской гимназии, в Педагогическом институте [Азбучный указатель, с. 465–466; Венгеров, с. 364; Черепнин, с. 427]. Это была головокружительная карьера. Не всякого гувернера принимали на государственную службу, хотя мечтали об этом многие [Фролова, с. 94; Гёц]. Видимо, сыграли роль не только знания и талант учителя, но и постоянное внимание к семейству Делондов со стороны императрицы Марии Федоровны.

После того как Д. И. де Будри ушел из Санкт-Петербургской губернской гимназии, его место преподавателя старших классов получил Делонд [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 630]. В ноябре 1812 г. Делонд переходит в Воспитательное общество благородных девиц, прекратив деятельность в Педагогическом институте и Губернской гимназии [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 107]. 23 ноября 1812 г. С. С. Уварову было подано представление от директора Училища Санкт-Петербургской губернии И. О. Тимковского:

Старший учитель французскаго языка С. П. б. Гимназии Титулярный Советник Гавриил Лабе-Делонд в следствие объявленной ему высочайшей воли Государыни Императрицы Марии Феодоровны об определении его

учителем французского языка при воспитательном обществе благородных девиц просит об увольнении его из С. П. б. Гимназии и об исходатайствовании от Педагогического Института [ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 902. Л. 1].

Вероятно, это было обусловлено эвакуацией гимназии из Петербурга в связи с наполеоновским нашествием [Курганович, с. 98–99]. Процесс эвакуации преподавателей-иностранцев не описан, но известно, что из-за поиска среди них шпионов не каждый получал возможность покинуть столицу. Как пережил этот период Делонд, мы не знаем.

В Педагогический институт он был принят благодаря протекции со стороны С. С. Уварова и министра народного просвещения А. К. Разумовского. Их переписка по этому поводу продолжалась с 26 января 1811 г. по 3 декабря 1812 г., что было обусловлено необходимостью обосновать и согласовать замену Делондом прежнего преподавателя де Ламолиньера, не говорившего по-русски. Де Ламолиньер же требовал или утвердить его профессором французского языка и словесности, или уволить «с каким-либо отличием» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 107. Л. 6]. Он рассчитывал сохранить место за собой и в качестве важного аргумента правомерности своих претензий писал о завершении работы над «Французской грамматикой» [Там же. Оп. 118. Д. 136; РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 276]. Дело закончилось тем, что де Ламолиньера уволили, наградив чином коллежского асессора [Там же. Оп. 20. Д. 107. Л. 9]. В письме от 4 февраля 1811 г. А. К. Разумовский обратился к конференции Педагогического института и к С. С. Уварову с предложением уволить де Ламолиньера и принять «Лабе де Лонда»:

Конференции Педагогического Института

Попечитель С. Петербургского учебного Округа Г. Действительный Штатский Советник Уваров представил мне письмо, написанное к нему от обучающего в Педагогическом Институте Французскому языку Магистра дела Молиньера, в котором изъясняет он, что желает быть или произведенным в Профессора Французского языка и Словесности, или вовсе от Института уволен быть. Но как в оном не положено иметь профессора по сей части, то предлагаю уволить его от Института и определить на место его Лабе де Лонда, который при основательном знании Французского языка может изъясняться также на Руском, и тем облегчить для воспитанников изучение Французского языка.

Г. Алексей Разумовский
[Там же. Ф. 733. Оп. 20. Д. 107. Л. 7].

Отметим, что письма де Ламолиньер писал по-французски, а Делонд – на чистом русском, и приведем текст поданного на утверждение попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову «Представления Лабе-Делонда о необходимости покупки книг на французском языке» от 13 марта 1811 г.:

В Конференцию Педагогического института
от обучающего в оном Французском языке Лабэ-Делонда

Представление.

У воспитанников Педагогического Института книг Французских нет для изучения языка; того ради имею честь представить Конференции о покупке следующих:

1. Разговоры Вегелия на обоих языках.

2. Несколько экземпляров Телемака для Верхняго Класа и, если можно, для Средняго. – Здесь у Плюшара оную книгу печатали вновь, и продается по самой сходной цене у Слонина в Зеркальной линии под н.м 3.

3. В разсуждении Грамматики – нужно воспитанникам такую представить, которая бы написана была на обоих языках, для того, что большая часть из них по-Французски не разумеют. По сей-то причине Грамматика Г^{на} Ламолиньера для них не годится. Что касается до Рестотовой, не только встречается в ней множество ложных правил, но и на системе, совсем несовместной свойству Французскаго языка, основана, для чего и во Французских училищах давно уже вышла из употреблений. Итак, я представляю Конференции о покупке Грамматики моего при здешней Гимназии находящагося товарища Г^{на} Будри, которая уже Министерством одобрена и принята в оной Гимназии. Я с ним пересмотрел оную, и в скором времени издана будет. Мы со временем приступим ко второму, весьма дополненному изданию, и присовокуплено будет к ней непрерывное сравнение Французскаго языка с Российским.

4. Для перевода с Российскаго языка на Французской можно на время завести книгу Г^{на} Шлеснера под заглавием: Опыт Грамматическаго руководства в переводах с Российскаго языка на Французской и Немецкой. Она же самая послужит для изучения и Немецкаго языка. Марта 13 дня 1811го года.

Т[айный] С[оветник] Гавриил Лабэ-Делонд
[ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 814. Л. 1–2].

В апреле 1816 г. Делонд «удостоился Всемилостивейшаго награждения орденом Св. Владимира 4 степени» [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 741. Л. 5].

Делонд не имел образования, был самоучкой, учебников не писал, но имел богатый опыт преподавания и хорошую репутацию. 30 апреля 1827 г., предоставив одобрительные «аттестаты» с прежних мест службы (за подписями Ю. Ф. Адлерберг и С. С. Уварова), он написал «покорнейшее прошение» Л. Л. Карбонье (Карбониру, Карбоньеру) об определении его на должность библиотекаря в Главный цензурный комитет. В число своих заслуг он включил и службу в образовательных учреждениях, и частное преподавание французского и латыни [Там же. Л. 1–1 об.].

7 мая 1827 г., то есть довольно быстро (в сравнении с устройством его на службу в Педагогический институт), Делонд получил место библиотекаря Главного цензурного комитета:

... Во все время нахождения его в сем звании благородным поведением, примерною деятельностью и ревностным исполнением порученной ему должности обращал на себя внимание Начальства и к получению знака отличия безпорочной службы оказывался достойным, в отпусках не бывал. По закрытии же Главного Цензурного комитета в 30 день Ноября 1828 года от должности Библиотекаря уволен; причем Высочайше повелено продолжать производить ему из Государственного Казначейства в течение шести месяцев оклады, которые он получал по вышепоказанному званию. <...>

С. Петербург, Январь 28 дня 1829 года
[ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3567. Л. 9].

Незадолго до смерти (осенью 1830 г.) Делонд занял место скончавшегося профессора Тилло в Артиллерийском училище [Северная пчела, с. 1; ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3567. Л. 20]. Умер он в Петербурге 14 ноября 1830 г. (дата 24 декабря 1830 г. в [Mézin, Rjéoutski, с. 442] ошибочна), после чего его вдове было выдано 1500 рублей [РГИА. Ф. 733. Оп. 93. Д. 17. Л. 2].

Круг знакомств Делонда был весьма широк, поэтому вряд ли Пушкин ничего не знал о «мосье Лаббе», который был лично знаком с представителями высшего чиновничества С. С. Уваровым, А. К. Разумовским, Л. Л. Карбонье, Н. Н. Новосильцевым, Ю. Ф. Адлербергом, И. О. Тимковским, А. С. Шишковым. Его коллегами в разное время были Я. Я. Белен-де-Баллю, Ф. М. Клиндер, Н. И. Язвицкий, Ф. Б. Грефе, М. Г. Плисов, Ф. И. Миддендорф, И. А. Тилло, Н. Ф. Беллюстин, П. А. Плетнев и другие известные преподаватели того времени. Напомним, что именно П. А. Плетневу посвящен роман «Евгений Онегин».

Делонд был в хороших отношениях с Д. И. де Будри, знаменитым учителем А. С. Пушкина, и даже принимал участие в создании известной «Французской грамматики» де Будри.

Если допустить, что Делонд был прототипом *l'Abbe*, то выявленные обстоятельства его жизни позволяют понять, почему Евгений Онегин прекрасно знал французский, но его знание латыни Пушкин оценивает иронично. Ведь для Делонда латынь (в отличие от французского) не была основным предметом. Кроме того, можно усомниться в трактовке эпитета «убогий» как «заурядный», тем более что в тексте романа нет никаких фактов, доказывающих необразованность *l'Abbe*.

Обратимся к словарям, вышедшим в первой половине XIX в., чтобы выяснить, как понимали прилагательное «убогий» современники А. С. Пушкина.

В «Словаре Академии Российской» приводятся три значения, применимых к рассматриваемому случаю: «скудный, бедный, неимущий» [Словарь Академии Российской, стб. 406–407].

В «Словаре церковнославянского и русского языка» даны следующие значения: '1) Очень бедный, нуждающийся в содержании, совершенно недостаточный. <...> 2) Увечный. 3) Лишенный умственных способностей, глупый' [Словарь церковнославянского и русского языка, с. 314].

В «Опыте словаря» И. Ф. Калайдовича приводится целое рассуждение о прилагательном «убогий»: «Слово *убожество*, кажется, получило знаменование от мысли *жить у Бога или при Боге*, то есть быть в таком состоянии бедности и дряхлости, что уже не на людскую, а на Божью помощь уповать, не о земных, но о небесных благах помышлять остается. В слове “убогий” заключается понятие о недостатке здравия и сил телесных. Человек бывает беден в молодости, убог в старости, когда уже древо жизни его, осенними бурями колеблемое, пожелтеет (курсив Калайдовича. – Е. М., П. К.)» [Калайдович, с. 94].

Наконец, в «Словаре языка Пушкина» приведены три значения слова «убогий»: '1. Крайне бедный, нищий, нищенский (в словах из “Медного всадника” “приют убогого чухонца” слово употреблено именно в этом смысле). 2. Немощный, увечный. 3. Крайне посредственный, духовно ограниченный, узкий' [Словарь языка Пушкина, с. 647–648].

Таким образом, значение «посредственный, ограниченный» зафиксировано в словаре, создававшемся после смерти А. С. Пушкина (четвертый том с буквой «У» вышел в 1961 г.).

Распространенное мнение о том, что эпитет «убогий» применительно к *l'Abbe* выступает в трех значениях [Набоков, с. 44], не выдерживает критики. Во-первых, бессмысленна апелляция к истории отношения А. С. Пушкина к его гувернерам-французам для доказательства того, что повествователь в романе «Евгений Онегин» отрицательно относится к учителю главного героя. Во-вторых, текст не дает никаких доказательств заурядности *l'Abbe*.

Почему мы исключаем вероятность того, что мосье был просто физически слабым, болезненным, хромым и т. п.? Делонд был человеком не очень здоровым, то есть «убогим», о чем говорят его повторяющиеся просьбы об увольнении по состоянию здоровья. Если он действительно был прототипом, то возможна и другая версия: «убогий» значит «бедный, малоимущий».

Обратимся к Национальному корпусу русского языка, чтобы изучить использование этого слова в языке первой трети XIX в. В НКРЯ около 70 примеров употребления этого прилагательного в текстах, созданных с 1800 по 1830 г. Варианты значений: «больной, немощный или физически ущербный (инвалид)»; «вызывающий жалость»; «бедный (небогатый)». Значение «необразованный, духовно ограниченный, заурядный» среди этих примеров не обнаружено, как и в словарях. Все это не дает нам права утверждать, что оно есть у Пушкина, потому что для таких выводов должны быть веские доказательства. При интерпретации эпитета выбор одного из значений, данных в «Словаре языка Пушкина», должен опираться на сочетаемость и контекст.

Зато с середины XIX в. литература изобилует словосочетаниями «духовное убожество», «умственное убожество». Если к слову *убожество*

необходимо было присоединять эпитет, поясняющий тип «убожества», то следует признать, что значение прилагательного «убогий» – *духовно ограниченный, заурядный* – в предшествующий период было в стадии формирования. Значит, распространившаяся в XX в. интерпретация этого прилагательного именно в таком ключе представляет собой приписывание слову значения, которое появилось позже.

История Г. Л. Лаббе-Делонда показывает, как человеческая биография может провалиться в разлом между авторским и исследовательским дискурсами, а экстраполяция массовых представлений на характеристику литературного героя блокирует память потомков и стирает следы живого человека.

Список литературы

Азбучный указатель имен русских деятелей, для Русского биографического словаря : в 2 ч. Репр. изд. 1887. М. : Нобель Пресс, 2003. Ч. 1. А–Л. 518 с.

Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей : в 4 т. Пг : Тип. Имп. акад. наук, 1914. Т. 3. 524 с.

Гёц Ш. Путь Давида (Марата) де Будри: от частного преподавателя до воспитателя Царскосельского Лицея // Французский ежегодник 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 315–328.

Греч Н. И. Пространная русская грамматика / предисл. Ф. Булгарина. СПб. : Тип. Н. Греча, 1827. 386 с.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М. ; Л. : Academia, 1930. 896 с.

Ермакова О. К., Рукоусев Е. Ю. Иностранцы переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам Полного собрания законов Российской империи) // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2 (14). С. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

Златопольская А. А. Образ гувернера и педагогическая теория Руссо в русской культуре // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 81–91.

Калайдович П. Ф. Опыт словаря русских синонимов. М. : Университет. тип., 1818. Ч. 1. 157 с.

Клюшин П. В., Маркасова Е. В. По следам «мосье l'Abbé» // Прекраснейшей : сб. памяти Елены Дущечкиной. СПб. : Нестор-История, 2022. С. 75–82.

Курганович А. В. Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии : в 3 ч. СПб. : Тип. Э. Арнольда, 1880. Ч. 1. 152 с.

Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» : Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин» : комментарий. СПб. : Искусство-СПб, 1997. 845 с.

Мильчина В. А. «Французы полезные и вредные» : Надзор за иностранцами в России при Николае I. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 480 с.

Набоков В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. М. : Интелвак, 1999. 1086 с.

РГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 276; Ф. 733. Оп. 20. Д. 107; Оп. 86. Д. 381; Оп. 93. Д. 17; Оп. 118. Д. 136; Ф. 777. Оп. 1. Д. 741.

Сборник Императорского русского исторического общества : [в 148 т.] / печ. под наблюдением члена о-ва А. Ф. Бычкова и секретаря А. А. Половцева. СПб. : Тип. Траншеля, 1867. Т. 1. 558 с.

Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1794. Т. 6. 1064 стб.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1847. Т. 4. 489 с.

Словарь языка Пушкина : в 4 т. М. : Азбуковник, 2000. Т. 4. 1223 с.

Северная пчела. 1830. № 120.

Солодянкина О. Ю. Французские гувернеры и гувернантки в Московском и Петербургском учебных округах (1820-е – 1850-е гг.) // Французский ежегодник 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 127–149.

Фролова С. А. От частных уроков – к собственной школе: участие гувернеров в создании частных учебных заведений в России (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Французский ежегодник 2011. Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. М. : ИВИ РАН, 2011. С. 92–109.

ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 826; Ф. 13. Оп. 1. Д. 814, 3567; Ф. 139. Оп. 1. Д. 181, 630, 902.

Черепнин Н. П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк, 1764–1914 : в 3 т. Пг. : Гос. тип., 1915. Т. 3. 754 с.

Чудинов А. В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М. : Наука, 2003. С. 441–474.

Чудинов А. В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России. М. : Наука, 2004. С. 330–340.

Mézin A., Rjéoutski V. Les Français en Russie au siècle des Lumières : 2 vols. Ferney-Voltaire : Publ. du Centre intern. D'étude du XVIIIe siècle, 2011. Vol. 2. 1424 p.

Vlassov S., Rjéoutski V. L'enseignement de la grammaire française en Russie au XVIII-e siècle : enseignants, méthodes et livres utilisés // Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde. 2013. № 51. P. 105–128.

References

Azbuchnyi ukazatel' imen russkikh deyatelei, dlya Russkogo biograficheskogo slovary v 2 ch. [Alphabetical Index of Names of Russian Figures for the Russian Biographical Dictionary. 2 Parts]. (2003). Reprint 1887. Moscow, Nobel' Press. Part 1. A–L. 518 p.

Bychkov, A. F., Polovtsev, A. A. (Eds.). (1867). *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva v 148 t.* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. 148 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Transhelya. Vol. 1. 558 p.

Cherepnin, N. P. (1915). *Imperatorskoe Vospitatel'noe obshchestvo blagorodnykh devits: istoricheskii ocherk, 1764–1914 v 3 t.* [The Imperial Educational Society of Noble Maidens: An Historical Sketch, 1764–1914. 3 Vols.]. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 3. 754 p.

Ermakova, O. K., Rukosuev, E. Yu. (2019). Inostrannye pereselentsy i spetsialisty v Rossii v XVIII veke: zakonodatel'noe regulirovanie prebyvaniya (po materialam Polnogo sobraniya zakonov Rossiiskoi imperii) [Foreign Immigrants and Specialists in Russia in the 18th Century: Legislative Regulation of Residence (Based on the Materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire)]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. No. 2 (14), pp. 7–21. DOI 10.25730/VSU.2070.19.015.

Frolova, S. A. (2011). Ot chastnykh urokov – k sobstvennoi shkole: uchastie guvernerov v sozdanii chastnykh uchebnykh zavedenii v Rossii (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) [From Private Lessons to a Private School: The Role of Tutors in Creating Educational Institutions in Russia (Late 18th – First Half of the 19th Centuries)]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 92–109.

Götz, Ch. (2011). Put' Davida (Marata) de Budri: ot chastnogo prepodavatelya do vospitatelya Tsarskosel'skogo Litseya [The Career of David (Marat) De Boudry: From Private Teacher to Professor of the Lycee of Tsarskoe Selo]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 315–328.

Gretsch, N. I. (1827). *Prostrannaya russkaya grammatika* [Expanded Russian Grammar] / foreword by F. Bulgarin. St Petersburg, Ttipografiya N. Grecha. 386 p.

Gretsch, N. I. (1930). *Zapiski o moei zhizni* [Notes on my Life]. Moscow, Leningrad, Academia. 896 p.

Kalaidovich, P. F. (1818). *Opyt slovarya russkikh sinonimov* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 1. 157 p.

Kliushin, P. V., Markasova, E. V. (2022). Po sledam “mos’c l’Abbé” [Finding Monsieur L’Abbé]. In *Prekrasneishei. Sbornik pamyati Eleny Dushechkinoi*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 75–82.

Kurganovich, A. (1880). *Istoricheskaya zapiska 75-letiya Sankt-Peterburgskoi vtoroi gimnazii v 3 ch.* [A Historical Note on the 75th Anniversary of the Second St Petersburg Gymnasium. 3 Parts]. St Petersburg, Tipografiya E. Arngol’da. Parts 1. 152 p.

Lotman, Yu. M. (1997). Roman v stikhakh Pushkina “Evgenii Onegin”. Spetskurs. Vvodnye leksii v izuchenie teksta [Alexander Pushkin’s Novel in Verse *Eugene Onegin*. Special Course. An Introduction to the Study of the Text]. In Lotman, Yu. M. *Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat’i i zametki, 1960–1990; “Evgenii Onegin”. Kommentarii*. St Petersburg, Iskusstvo-SPb. 845 p.

Mézin, A., Rjéoutski, V. (2011). *Les Français en Russie au siècle des Lumières. 2 vols.* Ferney Voltaire, Publ. du Centre intern. D’étude du XVIIIe siècle. Vol. 2. 1424 p.

Mil’china, V. A. (2017). “Frantsuzy poleznye i vrednye”: Nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolae I [“The Useful and Harmful French”: Supervision of Foreigners in Russia under Nicholas I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 480 p.

Nabokov, V. V. (1999). *Kommentarii k “Evgeniyu Oneginu” Aleksandra Pushkina* [A Commentary to *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin]. Moscow, Intelvak. 1086 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 13. List 1. Dos. 276; Stock 733. List 20. Dos. 107; List 86. Dos. 381; List 93. Dos. 17; List 118. Dos. 136; Stock 777. List 1. Dos. 741. *Severnaya pchela* [Severnaya Pchela]. (1830). No. 120.

Slovar’ Akademii Rossiiskoi v 6 t. [Dictionary of the Russian Academy. 6 Vols.]. (1794). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 6. 1064 columns.

Slovar’ yazyka Pushkina v 4 t. [Dictionary of Pushkin’s Language. 4 Vols.]. (2000). Moscow, Azbukovnik. Vol. 4. 1223 p.

Slovar’ tserkovnoslavlyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk v 4 t. [Dictionary of Church Slavonic and Russian Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. 4 Vols.]. (1847). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 4. 489 p.

Solodyankina, O. Yu. (2011). Frantsuzskie guvernery i guvernantki v Moskovskom i Peterburgskom uchebnykh okrugakh (1820-e – 1850-e gg.) [French Tutors and Governesses in Moscow and Petersburg Educational Districts (1820s–1850s)]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 127–149.

Tchoudinov, A. V. (2003). Obychnye i neobyknovennye priklyucheniya frantsuzskogo gubernera v Rossii XVIII v. [Ordinary and Extraordinary Adventures of a French Tutor in 18th-Century Russia]. In *Kazus: individual’noe i unikal’noe v istorii*. Iss. 5. Moscow, Nauka, pp. 441–474.

Tchoudinov, A. V. (2004). Frantsuzskie guvernery v Rossii kontsa XVIII v.: stereotipy i real’nost’ [French Tutors in Russia in the Late 18th Century: Stereotypes and Reality]. In *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii*. Moscow, Nauka. pp. 330–340.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 2. List 1. Dos. 826; Stock 13. List 1. Dos. 814, 3567; Stock 139. List 1. Dos. 181, 630, 902.

Vengerov, S. A. (1914). *Istochniki slovarya russkikh pisatelei v 4 t.* [Sources for a Dictionary of Russian Writers. 4 Vols.]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 3. 524 p.

Vlassov, S., Rjéoutski, V. (2013). L’enseignement de la grammaire française en Russie au XVIIIe siècle : enseignants, méthodes et livres utilisés. In *Documents pour l’histoire du français langue étrangère ou seconde*. No. 51, pp. 105–128.

Zlatopol’skaya, A. A. (2011). Obraz gubernera i pedagogicheskaya teoriya Russo v russkoi kul’ture [The Image of the Tutor and the Pedagogical Theory of Rousseau in Russian Culture]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2011. Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 81–91.

The article was submitted on 02.02.2022

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

Наполеон и Россия: историографические и общественные тренды последних лет*

Владимир Земцов

¹Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия;

²Уральский федеральный университет,

³Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Napoleon and Russia: Recent Historiographical and Social Trends

Vladimir Zemtsov

¹Saratov State University,
Saratov, Russia;

²Ural Federal University,

³Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the trends that have emerged in recent years in the study of issues connected with the history of the Napoleonic era, including the study of relations between France and Russia. As the 200th anniversary of Napoleon's death approached, a serious debate broke out in France, sometimes turning into sharp public clashes on various issues of Napoleon's policy. A characteristic feature of the discussions was the transfer of the controversies of today (democracy or authoritarianism; the role and place of women in society; repentance or refusal to repent in relation to the slavery of black people, etc.) to the realities of the historical past. In this situation, French historians have made significant efforts to thoroughly study the events and processes of the turn of the nineteenth century and shown the state and society the illegitimacy of such a "modernisation" of the past. Several brilliant and deeply founded works by T. Lenz and other researchers, mainly from the Napoleonic Foundation, as well as the willingness of historians to engage in public discussions, have led to a noticeable improvement in the

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи»).

** Citation: Zemtsov, V. (2022). Napoleon and Russia: Recent Historiographical and Social Trends. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1555–1566. DOI 10.15826/qr.2022.4.747.

Цитирование: Zemtsov V. Napoleon and Russia: Recent Historiographical and Social Trends // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1555–1566. DOI 10.15826/qr.2022.4.747 / Земцов В. Наполеон и Россия: историографические и общественные тренды последних лет // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1555–1566. DOI 10.15826/qr.2022.4.747.

attitude of French society and the state towards the Napoleonic era. A prominent place in the efforts of French historians to present a “true” past was occupied by the analysis of Franco-Russian relations, e. g. the origin, course, and consequences of the war of 1812. Along with French researchers, historians of Britain and the United States have achieved notable success, having carried out, together with their colleagues from other countries, the extensive project “Cambridge History of the Napoleonic Wars”. Thanks to this project, it was possible not only to include the history of Napoleon (including his Russian campaign) in the global context but also to dwell on the problems of the development of society as such – from moral issues to the specifics of the development of historical memory. In recent years, researchers from Russia have continued to publish yearbooks reflecting the history of the era and have published several important monographs. Along with an in-depth study of the factual side of the events of the Napoleonic time, a noticeable feature was the consistent appeal of Russian authors to the issues of historical memory. Several works by N. P. Tanshina, N. V. Promyslov, and, in particular, A. A. Postnikova helped reveal the mechanisms of functioning not only of domestic historical memory in relation to the era but also of the memory of peoples and other countries, primarily France.

Keywords: Napoleonic era, history and public discussions, historiography of the Napoleonic wars, Napoleon’s Russian campaign

Статья посвящена анализу тенденций, проявившихся в последние годы в изучении проблем истории Наполеоновской эпохи, в том числе при рассмотрении отношений Франции и России. С приближением 200-летней годовщины смерти Наполеона во Франции разгорелись серьезные дебаты, порой переходившие в острые общественные столкновения по различным вопросам политики Наполеона. Характерной особенностью дискуссий стал перенос спорных вопросов сегодняшнего дня (демократия или авторитаризм; роль и место женщины в обществе; покаяние или отказ от покаяния в отношении рабства чернокожих и др.) на реалии исторического прошлого. В этой ситуации французские историки предприняли значительные усилия по глубокому изучению событий и процессов рубежа XVIII–XIX вв. и показали государству и обществу неправомерность подобной «модернизации» прошлого. Ряд блестящих, глубоко фундированных работ Т. Ленца и других исследователей, главным образом из Фонда Наполеона, а также готовность историков включиться в общественные дискуссии привели к заметному оздоровлению в плане отношения французского общества и государства к эпохе Наполеона. Заметное место в усилиях французских историков представить «подлинное» прошлое занял анализ франко-русских отношений, в особенности происхождение, ход и последствия войны 1812 г. Наряду с французскими исследователями, заметных успехов добились историки Британии и США, осуществившие совместно со своими коллегами из других стран большой проект «Кэмбриджской истории Наполеоновских войн». Благодаря этому проекту удалось не только вписать историю Наполеона (в том числе и его Русского похода) в общемировой контекст, но и остановиться на проблемах развития общества как такового – от вопросов мора-

ли до специфики развития исторической памяти. Исследователи из России в последние годы продолжали издание ряда ежегодников, отражающих историю эпохи, и выпустили в свет несколько важных монографий. Заметной особенностью стало последовательное обращение российских авторов, наряду с углубленным изучением фактологической стороны событий наполеоновского времени, к проблемам исторической памяти. Ряд работ Н. П. Таньшиной, Н. В. Промыслова и в особенности А. А. Постниковой помогли выявить механизмы функционирования не только отечественной исторической памяти применительно к эпохе, но также памяти народов и других стран, прежде всего Франции.

Ключевые слова: Наполеоновская эпоха, история и общественные дискуссии, историография Наполеоновских войн, Русский поход Наполеона

Ничто так не оттеняет сегодняшние проблемы, как знаменательные даты событий прошлого. На 2021–2022 гг. пришлось две такие даты и во Франции, и в России – 200-летие со дня смерти Наполеона и 210-я годовщина Отечественной войны 1812 г., или, как ее называют во Франции, Русской кампании Наполеона. Возможно, на фоне глобальных мировых событий подобные даты в значительной степени теряются, но для каждой из двух стран они знаменуют важный этап национальной истории.

200-летняя годовщина смерти Наполеона обозначила заметные перемены во Франции по отношению к наследию великого императора и государственного деятеля. В условиях демонстративного игнорирования французской государственной элитой 200-летней годовщины Аустерлица, 250-летия со дня рождения Наполеона, а, тем более, 200-летия Ватерлоо двухсотая годовщина смерти императора оказалась отмечена памятным выступлением президента Э. Макрона в Институте Франции, а затем возложением венка к его усыпальнице. Президент заявил, что «Наполеон Бонапарт – это часть нас самих», что он заложил основы современного французского государства. Но, соблюдая политкорректность, Макрон не преминул упомянуть о возвращении Наполеоном рабства в 1802 г. и о «произвольности использования» им «единоличной власти». Как бы то ни было, французские историки, занимающиеся временем Наполеона, особенно позитивно восприняли слова Макрона о том, что президент не собирается «уступать тем, кто намеревается стереть прошлое на том основании, что оно не соответствует их представлению о настоящем» [Macron].

Действительно, в годы, предшествовавшие этой, казалось бы, непродолжительной (19 минут) речи президента, французские исследователи-профессионалы вели непрекращающиеся, говоря словами Л. Февра, «бои за историю». В 2018 г. завершилось грандиозное издание 15-томной «Correspondance générale» («Общей корреспонденции») Наполеона Бонапарта. Значительная часть документов была опубликована впервые, бросив новый свет на, казалось бы, давно из-

вестные исторические сюжеты. Так, 12-й том, вышедший еще в 2012 г. [Napoléon Bonaparte, t. 12] и тем самым опередивший появление ряда других томов, был целиком посвящен Русской кампании 1812 г. Материалы тома дали возможность проследить день за днем логику решений французского императора в течение полугода перед открытием военных действий, во время самого Русского похода и при подготовке следующей кампании 1813 г. В 10-м томе, который вышел позже, в 2014 г., было впервые полностью опубликовано письмо Наполеона к Ф. Ж. Г. Кларку, герцогу Фельтрскому от 6 октября 1810 г., которое указывало на то, что к тому времени подготовка к войне с Россией уже шла полным ходом, и закончить эту подготовку французский император планировал к марту 1812 г. Это письмо, как и другие материалы, определенно свидетельствовало о том, что вторжение в Россию произошло отнюдь не спонтанно в результате злонамеренной неуступчивости русского императора Александра, но было заранее спланировано как важнейший элемент долговременной стратегии Наполеона.

13-й, 14-й и 15-й тома, охватившие период завершения Наполеоновских войн, также дали богатый материал применительно к действиям русской армии и борьбе с ней Наполеона в 1813–1814 гг. [Napoléon Bonaparte, t. 13–15].

Историки Фонда Наполеона, подготовившие новое издание его эпистолярного наследия, исходили не из стремления оправдать действия императора или, тем более, идеализировать его образ. Они попытались представить историческое наследие той эпохи во всей его полноте и противоречивости, не соотнося его с политической конъюнктурой начала XXI в. Именно этот подход французские историки продемонстрировали при подготовке публикаций и мероприятий, связанных с 200-летием смерти Наполеона. Задолго до памятной даты сотрудники Фонда Наполеона осуществили ряд ценных публикаций. Директор фонда Т. Ленц опубликовал новое хорошо прокомментированное издание мемуаров Наполеона [Mémoires de Napoléon, t. 1–3], а П. Хикс, Ф. Удесек и Ш. Прево выпустили в свет недавно обнаруженный оригинальный текст воспоминаний Наполеона, записанных Э. Лас Казом на острове Святой Елены [Las Cases]. Еще в 2019 г. (это был год 250-летнего юбилея рождения императора) Т. Ленц опубликовал книгу «Бонапарта больше нет!», в которой, в деталях воссоздав события начала мая 1821 г. на острове Святой Елены, воспроизвел реакцию на известие о смерти великого императора во Франции и процесс распространения информации об этой смерти в других странах. Материал, представленный Т. Ленцем, однозначно говорил о том, что известие это не произвело в Европе особого эффекта – мир уже давно жил другими проблемами [Lentz, 2019; см. также: Болт].

Действительно, достаточно однозначно об этом говорит хотя бы обращение к русской прессе 1821 г. Краткое сообщение со ссылкой на известия из Лондона было напечатано в «Сыне Отечества». Лаконичность этой информации авторы попытались компенсировать беглым изложе-

нием жизни Бонапарта, указав при этом, что именно «поход 1812 года сокрушил гигантскую силу, а зарево Москвы осветило путь в Париж» [Сын Отечества]. А «Вестник Европы» не нашел ничего лучшего, как после уведомления, что «Буонапартия нет на свете», просто обратиться к строкам воспоминаний Ж. де Сталь [Вестник Европы]. «Отечественные записки» и вовсе не написали ни строчки об этом событии.

Стоит ли удивляться, что российские историки фактически оставили без внимания и 200-летие смерти Наполеона? Единственной публикацией на эту тему оказалась статья Н. П. Таньшиной, которая, обратившись к скандальной истории, связанной с попыткой размещения над императорским саркофагом в соборе Инвалидов пластикового 3D-скелета коня, остановилась на общественных дискуссиях 2021 г. вокруг личности и роли Наполеона и роли в них французских историков [Таньшина, 2021].

Одна из книг Т. Ленца, вышедшая в 2021 г. и названная «За Наполеона», фактически предвосхитила общественные дебаты, переходившие нередко в яростные столкновения, которые захватили французов в год 200-летия смерти императора [Lentz, 2021]. Однако подобные публикации, имеющие важное значение для научной среды, вряд ли могли оказать какое-либо заметное воздействие на общие настроения во французском обществе, в особенности на фоне молчания официальных властей. Казалось, повторялась ситуация с тем, что было в год 250-летия со дня рождения Наполеона, когда президент Э. Макрон демонстративно отправился не в собор Инвалидов или на Корсику, где проходили торжества с участием главы Дома Бонапартов Жаном-Кристофом и его отцом Шарлем Наполеоном, но в Прованс на церемонию по случаю 75-й годовщины высадки союзников в годы Второй мировой войны. Все более и более активно раздавались голоса, требовавшие не только отменить какие-либо мероприятия в связи с 200-летием смерти Наполеона, но вообще убрать его останки из Дома инвалидов, а улицы, носившие его имя, переименовать. В некоторых городах были попытки снятия его статуй с пьедесталов. Яростными были нападки на Наполеона и в связи с восстановлением им рабства в 1802 г., неравными правами женщин в Гражданском кодексе 1804 г. и даже обвинениями в антисемитизме.

Все это, происходившее на фоне молчания официальных властей, заставило французских историков, по словам Т. Ленца, «покинуть свою зону комфорта, чтобы “отправиться в шахту”», но «не для защиты Наполеона», а для объяснения того, насколько важно или неважно прошлое [Une chronique de Thierry Lentz]. В своем интервью газете «Figaro» Т. Ленц так охарактеризовал обвинителей покойного императора: «Все прекрасно понимают, что Наполеон для них всего лишь прикрытие их подлинных целей – уничтожить наше прошлое, наши традиции, нашу веру в лучшее, заменив их своим чувством горечи и ненависти ко всему национальному вкупе с комплексом жертвы и желанием рассматривать все сквозь призму колониального опыта» [цит. по: Чудинов, 2021, с. 7].

«Мобилизация» профессионального исторического сообщества в защиту истории оказалась впечатляющей. Только один Фонд Наполеона провел не менее 500 мероприятий, «от скромных местных церемоний, реконструкций или конференций до престижных парижских выставок». Было продано от 100 до 130 тыс. экземпляров 70 различных изданий, выпущенных только с 1 января 2021 г. Почти ежедневно проходили дебаты в прессе и на новостных каналах, шли постановки новых и старых пьес, в том числе знаменитого «Орленка» Э. Ростана [Une chronique de Thierry Lentz]. Не исключено, что именно столь мощная, как выразился тот же Т. Ленц, «мобилизация» заставила президента Э. Макрона выступить с речью 5 мая 2021 г.

Своеобразным развитием успехов в борьбе за историю стала трогательная церемония прощания во дворе Дворца инвалидов 2 декабря 2021 г. с останками дивизионного генерала Ш. Э. Гюдена де ла Сабоньера, павшего под Смоленском в 1812 г. Его захоронение, утраченное на 200 лет, было обнаружено 7 июля 2019 г. в результате совместной российско-французской археологической экспедиции под руководством П. Малиновского, президента Фонда развития русско-французских исторических инициатив. История поисков могилы французского генерала, идентификации его останков и многочисленных перипетий, связанных с определением французскими государственными структурами своей позиции по отношению к судьбе этих останков, достойна отдельного рассмотрения. Но сам факт того, что прощание с генералом состоялось во Дворце инвалидов, как и его погребение, в присутствии министра обороны Франции г-жи Ф. Парли, говорил о серьезном переломе, который произошел в 2021 г. в плане взаимоотношений государственных институтов, исторической корпорации и общества Франции. Очередной раунд борьбы за историю завершился, и немалую роль в этом сыграли тень великого императора и память о его Русском походе 1812 г.

Темы Наполеоновских войн и роли в них России оказались важным элементом в двух больших проектах, инициаторами которых стали англо-американские историки. В 2020 г. американский историк грузинского происхождения А. Микаберидзе издал фундаментальный труд «Наполеоновские войны: глобальная история» [Mikaberidze, 2020]. Вписав период Наполеоновских войн в более длительную эпоху, начавшуюся со Славной революции 1688–1689 гг. и закончившуюся в 1815 г., автор пришел к выводу о вынужденном отказе Парижа (в особенности после провала экспедиции Ш. Леклерка на о. Гаити и продажи Луизианы, а затем и трафальгарской катастрофы) от своих амбиций в отношении заморских территорий и решении сосредоточиться на делах Европейского континента. Это с неизбежностью должно было привести Наполеона к борьбе с двумя державами, находящимися на своего рода европейской периферии – Англией и Россией, в совокупности обладавшими большими ресурсами, чем вся «французская Европа». Как результат исхода этой гигантской борьбы Россия, по мнению А. Микаберидзе, смогла не толь-

ко добиться доминирования в европейских делах, но и активизировать свою политику и на Западе, и на Востоке [подробнее см.: Земцов, 2021].

В начале 2022 г. с некоторой задержкой по сравнению с намечавшимися планами из печати начал выходить трехтомник «Кэмбриджской истории Наполеоновских войн», в работе над которым, помимо британских и американских исследователей, приняли участие ряд французских, немецких и итальянских специалистов и один автор из России (А. В. Чудинов) [The Cambridge History of the Napoleonic Wars]. Первый том, редакторами которого стали М. Броэрс и Ф. Двайер, посвящен проблемам политики и дипломатии эпохи. Проблемы места и роли России оказались представлены в главе «Александр I: цели в ходе франко-российских войн 1801–1815 гг.», написанной известным французским специалистом М.-П. Рей. Будучи автором целого ряда работ, посвященных этой проблематике [Rey, 2013; Рэй, 2015; Rey, 2014; Rey, 2012; Рэй, 2017; Rey, 2009], М.-П. Рей достаточно убедительно показала основные этапы внешней политики русского императора, который последовательно стремился к гармонизации европейских отношений на основе общегуманистических принципов эпохи Просвещения и религиозных идей.

Во втором томе (редакторы Б. Кольсон и А. Микаберидзе) предложен широкий обзор событий военной истории эпохи, включая стратегию и тактику, характеристику вооруженных сил ряда государств (обзор русской армии сделал Д. Ливен, автор одной из фундаментальных работ по данной тематике [Lieven; Ливен]), оружие и военную логистику, ход отдельных военных кампаний (Русская кампания 1812 г. освещена А. Микаберидзе, ранее посвятившим этой теме целую серию исследований [Mikaberidze, 2007; Mikaberidze, 2010; Mikaberidze, 2012; Mikaberidze, 2014]).

Третий том («Опыт, культура и память»), редакторами которого выступили А. Форрест и П. Хикс, целиком посвящен вопросам развития общества, отразившего на себе опыт Наполеоновских войн – от сферы военной морали, идеалов чести и маскулинности до отражения эпохи в литературе, искусстве и в исторической памяти наций.

На общем фоне впечатляющих результатов в изучении эпохи Наполеона, которые были продемонстрированы французскими, британскими и американскими историками и для которых знаменательные даты нашего времени стали дополнительным стимулом для более глубокого проникновения в содержание и смысл прошлого, успехи российской науки последних лет в этом плане выглядят более скромными. Однако и российские авторы смогли предложить ряд интересных работ. В 2018 г. вышел великолепный труд В. М. Безотосного, ставший редким для отечественной историографии примером фундаментального просопографического исследования [Безотосный]. Усилиями В. М. Безотосного продолжал выходить ежегодник «Эпоха 1812 года: исследования, источники, историография», в котором нередко появлялись и появляются статьи, выходящие за рамки

исключительно войны 1812 г. [Эпоха 1812 года, 2018, 2019, 2020, 2021]. То же можно сказать и по поводу ежегодника Бородинского военно-исторического музея-заповедника [Отечественная война 1812 года, 2018, 2020, 2021]. Ряд хорошо фундированных исследований, отличающихся пристальным вниманием к военно-историческим деталям, опубликовал А. И. Попов [Попов, 2017; Попов, 2020–2021; Попов, 2021].

В 2020 г. наконец-то увидела свет неизданная в свое время рукопись Н. А. Троицкого (1931–2014), посвященная биографии Наполеона. Блестяще написанная, нередко по-новому ставящая для русскоязычного читателя вопросы, эта биография, тем не менее, объективно не могла учесть тех достижений, которые демонстрировало в последние десятилетия мировое наполеоноведение [Троицкий]. Сделал попытку проникнуть в логику действий французского императора накануне и в ходе кампании 1812 г. автор книги «Наполеон в 1812 году: хроника» [Земцов, 2022].

Однако наиболее характерной чертой российских авторов последних лет стало обращение к проблемам исторической памяти Наполеоновской эпохи. Это ярко отразилось в публикациях «Французского ежегодника», выходящего под редакцией А. В. Чудинова, в содержательной коллективной монографии «Война, политика, память» [Война, политика, память], в работах Н. П. Таньшиной [Таньшина, 2019; Таньшина, 2020] и в книге А. А. Постниковой «Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение» [Постникова].

Возможно, что именно эта последняя работа дает нам ключ к пониманию того, как функционирует французская историческая память применительно к Наполеоновской эпохе и почему имеет место столь явное расхождение между восприятием 1812 г. русскими и французами. Если во время самой кампании французские солдаты под воздействием официальной пропаганды и прежних стереотипов [см., например: Промыслов] создали на страницах своих писем и дневников героический нарратив, являвшийся своеобразной поддержкой в условиях военных тягот, а затем и катастрофы, то в дальнейшем в сфере мемуаристики и в политическом пространстве стали создаваться востребованные тем или иным временем новые представления об этой войне. Сегодня, как полагает А. А. Постникова, образ Русской кампании вновь раскололся под воздействием процессов «переформатирования» памяти [Постникова]. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением исторической науки к преодолению «устоявшихся мифов», а, с другой, интересом общественной оппозиции к использованию образа отступления 1812 г. с целью критики действий властных структур. Поразительно, но очевидно: если в XIX в. Березина была символом неудач имперской политики, то в XXI в. она перевоплотилась в метафору катастрофических последствий мультикультурализма и европейской интеграции. Выводы А. А. Постниковой, в сущности, объясняют тот заметный интерес, который зарубежная наука продолжает сохранять к роли и месту России, в особенности применительно к 1812 г., вплоть до сегодняшнего дня.

Следует также констатировать, что мощное сближение тематики и методологических поисков между российской и зарубежной наукой, проявившееся на рубеже XX–XXI вв. [см., например: Чудинов, 2013], несмотря на некоторый спад интереса российских историков и общественности к наполеоновской тематике и воздействию на это превходящих обстоятельств политического характера, продолжается и сегодня.

Список литературы

Безотосный В. М. Российский генералитет эпохи 1812 года: опыт изучения коллективной биографии. М. : Полит. энцикл., 2018. 762 с.

Болт В. С. Бонапарта больше нет // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 235–240. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.079.

Вестник Европы. № 15. 1821. Авг. С. 201–209.

Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.), Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М. : Полит. энцикл., 2020. 551 с.

Земцов В. Н. Наполеоновские войны в контексте глобальной истории : (О новой книге Александра Микаберидзе) // Французский ежегодник 2021. М. : ИВИ РАН, 2021. С. 279–289.

Земцов В. Н. Наполеон в 1812 году: хроника. М. : Полит. энцикл., 2022. 639 с.

Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М. : Полит. энцикл., 2012. 679 с.

Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы. М. : Гос. Бородинский воен.-ист. музей-заповедник, 2018. 424 с.

Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы. М. : Гос. Бородинский воен.-ист. музей-заповедник, 2020. 624 с.

Отечественная война 1812 года : Источники. Памятники. Проблемы. М. : Гос. Бородинский воен.-ист. музей-заповедник, 2021. 464 с.

Попов А. И. Второе наступление Великой армии в русской кампании : [в 3 т.] М. : Книж. изд-во, 2017. Т. 1. 142 с. Т. 2. 102 с. Т. 3. 101 с.

Попов А. И. Первое наступление Великой армии в России в 1812 г. : [в 3 т.] Самара : ООО «Слово», 2020–2021. Т. 1. 116 с. Т. 2. 104 с. Т. 3. 120 с.

Попов А. И. Великая армия в России : Погоня за миражом. Ч. 1. Самара : ООО «Слово», 2021–. 148 с.

Постникова А. А. Русская кампания Наполеона и Франция: историко-антропологическое измерение. М. : Полит. энцикл., 2022. 199 с.

Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М. : Полит. энцикл., 2016. 254 с.

Рэй М.-П. Александр I. М. : Полит. энцикл., 2013. 495 с.

Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год. М. : Полит. энцикл., 2015. 312 с.

Рэй М.-П. 1814. Царь в Париже. М. : Полит. энцикл., 2017. 245 с.

Сын Отечества. 1821. Ч. 71. С. 133–135.

Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история. 2019. № 3. С. 146–166. DOI 10.31857/S013038640004846-8.

Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб. : Евразия, 2020. 224 с.

Таньшина Н. П. Страсти по Наполеону и парящий скелет коня в Соборе Инвалидов: арт-инсталляция, провокация или надругательство над национальной историей? // Историческая экспертиза. 2021. № 4. С. 107–116. DOI 10.31754/2409-6105-2021-3-107-116.

Троицкий Н. А. Наполеон Великий. М. : Полит. энцикл., 2020. Т. 1. 526 с. Т. 2. 549 с.

Чудинов А. В. О «глобализации» в историографии войны 1812 года : (Размыш-

ления над книгой М.-П. Рей) // История : электрон. науч.-образоват. журн. : [сайт]. 2013. № 4 (20). URL: <https://history.jes.su/s207987840000495-3-1/> (дата обращения: 10.05.2022).

Чудинов А. В. Темы нам диктует жизнь // Французский ежегодник. 2021. М. : ИВИ РАН. С. 5–8.

Эпоха 1812 года: исследования, источники, историография. Т. 15. М. : Кучково поле, 2018. 366 с.

Эпоха 1812 года: исследования, источники, историография. Т. 16. М. : Кучково поле, 2019. 416 с.

Эпоха 1812 года: исследования, источники, историография. Т. 17. М. : Кучково поле, 2020. 448 с.

Эпоха 1812 года: исследования, источники, историография. Т. 18. М. : Гос. Бородинский воен.-ист. музей-заповедник, 2021. 336 с.

Las Cases E. Le memorial de Sainte-Hélène / ed. P. Hicks, F. Houdecek, C. Prévot. P. : Perrin, 2017. 800 p.

Lentz T. Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon (Juillet – Septembre 1821). Paris : Perrin, 2019. 308 p.

Lentz T. Pour Napoléon. Paris : Perrin, 2021. 200 p.

Lieven D. Russia against Napoleon. The Struggle for Europe, 1807–1814. L. : Penguin, 2009. 656 p.

Macron E. Discours du Président de la République à l'occasion du bicentenaire de la mort de Napoléon Ier // Élysée : [website]. 5 mai 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/05/commemoration-du-bicentenaire-de-la-mort-de-napoleon-ier> (accessed: 10.05.2022).

Mémoires de Napoléon : 3 t. / ed. T. Lentz. Paris : Tallandier, 2016. Т. 1. 478 p. Т. 2. 601 p. Т. 3. 410 p.

Mikaberidze A. The Battle of Borodino: Napoleon versus Kutuzov. L. : Pen & Sword, 2007. 288 p.

Mikaberidze A. The Battle of the Berezina: Napoleon's Great Escape. L. : Pen & Sword, 2010. 284 p.

Mikaberidze A. Russian Eyewitness Accounts of the Campaign of 1812. L. : Frontline Books, 2012. 261 p.

Mikaberidze A. The Burning of Moscow: Napoleon's Trial by Fire 1812. L. : Pen & Sword, 2014. 288 p.

Mikaberidze A. The Napoleonic Wars: A Global History. Oxford : Oxford Univ. Press, 2020. 960 p.

Napoléon Bonaparte. Correspondance générale : 15 t. Paris : Fayard, 2004–2018. Т. 12. 1531 p. Т. 13. 1464 p. Т. 14. 1066 p. Т. 15. 1488 p.

Rey M.-P. Alexandre I-er. Paris : Flammarion, 2009. 593 p.

Rey M.-P. L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris : Flammarion, 2012. 320 p.

Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris : Flammarion, 2014. 331 p.

The Cambridge History of the Napoleonic Wars : 3 vols. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2022. Vol. 1. 625 p. Vol. 2. 600 p. Vol. 3. 688 p.

Une chronique de Thierry Lentz: un magnifique bicentenaire // Napoleon.org : [website]. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/une-chronique-de-thierry-lentz-un-magnifique-bicentenaire> (accessed: 05.05.2022).

References

Bezotosnyi, V. M. (2018). *Rossiiskii generalitet epokhi 1812 goda: opyt izucheniya kolektivnoi biografii* [The Russian Generals of the Era of 1812: The Experience of Studying Collective Biography]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 762 p.

Bolt, V.S. (2019). Bonaparta bol'she net [Bonaparte is No More]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 4 (193), pp. 235–240. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.079.

Epokha 1812 goda: issledovaniya, istochniki, istoriografiya [The Epoch of 1812: Research, Sources, Historiography]. (2018). Vol. 15. Moscow, Kuchkovo pole. 366 p.

Epokha 1812 goda: issledovaniya, istochniki, istoriografiya [The Epoch of 1812: Research, Sources, Historiography]. (2019). Vol. 16. Moscow, Kuchkovo pole. 416 p.

Epokha 1812 goda: issledovaniya, istochniki, istoriografiya [The Epoch of 1812: Research, Sources, Historiography]. (2020). Vol. 17. Moscow, Kuchkovo pole. 448 p.

Epokha 1812 goda: issledovaniya, istochniki, istoriografiya [The Epoch of 1812: Research, Sources, Historiography]. (2021). Vol. 18. Moscow, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik. 336 p.

Las Cases, E. (2017). *Le memorial de Sainte-Hélène* / ed. by P. Hicks, F. Houdecek, C. Prévot. Paris, Perrin. 800 p.

Lentz, T. (2019). *Bonaparte n'est plus! Le monde apprend la mort de Napoléon (Juillet–Septembre 1821)*. Paris, Perrin. 308 p.

Lentz, T. (2021). *Pour Napoléon*. Paris, Perrin. 200 p.

Lentz, T. (Ed.). (2016). *Mémoires de Napoléon. 3 t.* Paris, Tallandier. Vol. 1. 478 p. Vol. 2. 601 p. Vol. 3. 410 p.

Lieven, D. (2009). *Russia against Napoleon. The Struggle for Europe, 1807–1814*. L., Penguin. 656 p.

Liven, D. (2012). *Rossiya protiv Napoleona: bor'ba za Evropu, 1807–1814* [Russia against Napoleon: The Struggle for Europe, 1807–1814]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 679 p.

Macron, E. (2021). Discours du Président de la République à l'occasion du bicentenaire de la mort de Napoléon Ier. In *Élysée* [website]. 5 mai. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/05/commemoration-du-bicentenaire-de-la-mort-de-napoleon-ier> (accessed: 10.05.2022).

Mikaberidze A. (2014). *The Burning of Moscow: Napoleon's Trial by Fire 1812*. L., Pen & Sword. 288 p.

Mikaberidze, A. (2007). *The Battle of Borodino: Napoleon versus Kutuzov*. L., Pen & Sword. 288 p.

Mikaberidze, A. (2010). *The Battle of the Berezina: Napoleon's Great Escape*. L., Pen & Sword. 284 p.

Mikaberidze, A. (2012). *Russian Eyewitness Accounts of the Campaign of 1812*. L., Frontline Books. 261 p.

Mikaberidze, A. (2020). *The Napoleonic Wars: A Global History*. Oxford, Oxford Univ. Press. 960 p.

Napoléon Bonaparte. (2004–2018). *Correspondance générale. 15 t.* Paris, Fayard. Vol. 12. 1531 p. Vol. 13. 1464 p. Vol. 14. 1066 p. Vol. 15. 1488 p.

Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Issues]. (2018). Moscow, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik. 424 p.

Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Issues]. (2020). Moscow, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik. 624 p.

Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Issues]. (2021). Moscow, Gosudarstvennyi Borodinskii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik. 464 p.

Popov, A. I. (2017). *Vtoroe nastuplenie Velikoi armii v russkoi kampanii v 3 t.* [The Second Offensive of the Great Army in the Russian Campaign. 3 Vols.]. Moscow, OOO "Knizhnoe izdatel'stvo". Vol. 1. 142 p. Vol. 2. 102 p. Vol. 3. 101 p.

Popov, A. I. (2020–2021). *Pervoe nastuplenie Velikoi armii v Rossii v 1812 g. v 3 t.* [The First Offensive of the Great Army in Russia in 1812]. Samara, OOO "Slovo". Vol. 1. 116 p. Vol. 2. 104 p. Vol. 3. 120 p.

Popov, A. I. (2021–). *Velikaya armiya v Rossii: Pogonya za mirazhom* [The Great Army in Russia: Chasing a Mirage]. Part. 1. Samara, OOO "Slovo". 148 p.

Porshneva, O. S., Baranov, N. N., Zemtsov, V. N. (Eds.). (2020). *Voina, politika, pamyat': Napoleonovskie voiny i Pervaya mirovaya voina v prostranstve yubileev* [War, Politics,

Memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the Space of Anniversaries]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 551 p.

Postnikova, A. A. (2022). *Russkaya kampaniya Napoleona i Frantsiya: istoriko-antropologicheskoe izmerenie* [Napoleon's Russian Campaign and France: A Historical and Anthropological Dimension]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 199 p.

Promyslov, N. V. (2016). *Frantsuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremena voyny 1812 goda* [French Public Opinion about Russia on the Eve and during the War of 1812]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 254 p.

Rey, M.-P. (2009). *Alexandre I-er*. Paris, Flammarion. 593 p.

Rey, M.-P. (2012). *L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*. Paris, Flammarion. 320 p.

Rey, M.-P. (2013). *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 495 p.

Rey, M.-P. (2014). *1814, un Tsar à Paris*. Paris, Flammarion. 331 p.

Rey, M.-P. (2015). *Strashnaya tragediya. Novyi vzglyad na 1812 god* [A Terrible Tragedy. A New Look at 1812]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 312 p.

Rey, M.-P. (2017). *1814. Tsar' v Parizhe* [1814. The Tsar in Paris]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 245 p.

Syn Otechestva [*Syn Otechestva*]. (1821). Part 71, pp. 133–135.

Tan'shina, N. P. (2019). Napoleon Bonapart v istoricheskoi pamyati: mezhdumifom, brendom i legendoi [Napoleon Bonaparte in Historical Memory: Between Myth, Brand, and Legend]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 3, pp. 146–166. DOI 10/31857/SO13038640004846-8.

Tan'shina, N. P. (2020). *Napoleon Bonapart: mezhdum istoriei i legendoi* [Napoleon Bonaparte: Between History and Legend]. St Petersburg, Evraziya. 224 p.

Tan'shina, N. P. (2021). Strasti po Napoleonu i paryashchii skelet konya v Sobore Invalidov: art-instalyatsiya, provokatsiya ili nadrugatel'stvo nad natsional'noi istoriei? [Napoleon Passion and the Soaring Skeleton of a Horse in the Dôme des Invalides: Art Installation, Provocation or Abuse of National History?]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. No. 4, pp. 107–116. DOI 10.31754/2409-6105-2021-3-107-116.

Tchoudinov, A. V. (2013). O "globalizatsii" v istoriografii voyny 1812 goda (Razmyshleniya nad knigoi M.-P. Rei) [On "Globalisation" in the Historiography of the War of 1812 (Reflections on the Book by M.-P. Rey)]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [website]. No. 4 (20). URL: <https://history.jes.su/s207987840000495-3-1/> (accessed: 10.05.2022).

Tchoudinov, A. V. (2021). Temy nam diktuet zhizn' [Life Dictates Topics to Us]. In *Frantsuzskii ezhegodnik*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 5–8.

The Cambridge History of the Napoleonic Wars. 3 vols. (2022). Cambridge, Cambridge Univ. Press. Vol. 1. 625 p. Vol. 2. 600 p. Vol. 3. 688 p.

Troitskii, N. A. (2020). *Napoleon Velikii* [Napoleon the Great]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. Vol. 1. 526 p. Vol. 2. 549 p.

Une chronique de Thierry Lentz: un magnifique bicentenaire. In *Napoleon.org* [website]. (N. d.). URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/une-chronique-de-thierry-lentz-un-magnifique-bicentenaire> (accessed: 05.05.2022).

Vestnik Evropy [*Vestnik Evropy*]. (1821). No. 15. August, pp. 201–209.

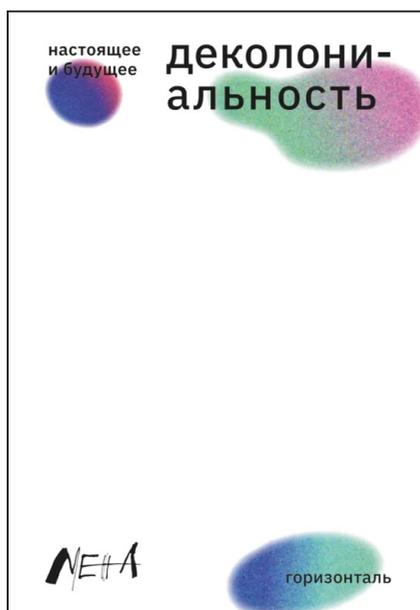
Zemtsov, V. N. (2021). Napoleonskie voyny v kontekste global'noi istorii. (O novoi knige Aleksandra Mikaberidze) [The Napoleonic Wars in the Context of Global History. (About the New Book by Alexander Mikaberidze)]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2021*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 279–289.

Zemtsov, V. N. (2022). *Napoleon v 1812 godu: khronika* [Napoleon in 1812: A Chronicle]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 639 p.

The article was submitted on 09.03.2022

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

Polyphony of Decoloniality*

Rev. of: Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). (2022). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei* [Decoloniality: Present and Future. Collection of Articles]. Moscow, Gorizonta'. 154 p.

Evgeny Chemyakin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review presents an analysis of the collection of articles *Decoloniality: Present and Future*, published by the Gorizonta' publishing house in 2022. The collection includes essays, interviews, and travelogues of Russia by foreign researchers, poets, artists, curators, and directors. The authors analyze the concept of decoloniality, consider the main strategies for living and creatively expressing oneself in decolonial scenarios, and analyze their own traumatic experience in modern post-Soviet space. The relevance and significance of this collection are determined by the relatively small number of Russian-language studies and works devoted to decoloniality, as well as the recently increasing interest in rethinking the domestic colonial past (which means both the imperial conquests of pre-revolutionary Russia and the national policy of the USSR). The collection raises questions about overcoming the consequences of the colonial hierarchy, defining the cultural identity of so-called “small” indigenous peoples and residents of countries that were part of the Russian Empire or the Soviet Union. An essential role is played by the discussion of decolonial art as one of the main strategies for the practical deconstruction of power relations and the creation of space for the polyphonic sounding of the voices of subaltern groups. According to the reviewer, this book makes a significant contribution to the development of Russian decolonial thought.

Keywords: decoloniality, postcolonialism, modernity, decolonial art, post-Soviet space, subalterns

В сборник «ДекOLONиАльность: настоящее и будущее» (М., 2022) вошли эссе, интервью, травелоги отечественных и иностранных исследователей, поэтов, художников, кураторов, режиссеров. В своих работах авторы ана-

---

* The author would like to express his deep gratitude to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Programme of Development within the Priority-2030 Programme) for funding the research.

** *Citation:* Chemyakin, E. (2022). Polyphony of Decoloniality. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1569–1577. DOI 10.15826/qr.2022.4.748.

Цитирование: Chemyakin E. Polyphony of Decoloniality // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1569–1577. DOI 10.15826/qr.2022.4.748.

лизируют понятие деколониальности, рассматривают основные стратегии проживания и творческого проговаривания деколониальных сценариев, разбирают собственный травматический опыт в современном постсоветском пространстве. Их актуальность определяется сравнительно малым объемом русскоязычных исследований и работ, посвященных деколониальности, а также возросшим в последнее время интересом к переосмыслению отечественного колониального прошлого (под которым подразумеваются как имперские завоевания дореволюционной России, так и национальная политика СССР). В сборнике поднимаются вопросы преодоления последствий колониальной иерархии, определения культурной идентичности малых коренных народов, а также жителей стран, входивших в состав Российской империи или Советского Союза. Существенную роль играет обсуждение деколониального искусства как одной из главных стратегий практической деконструкции властных отношений и создания пространства для полифонического звучания голосов субалтерных групп. Рецензируемый сборник вносит существенный вклад в развитие отечественных исследований деколониальности.

Ключевые слова: деколониальность, постколониализм, модерность, деколониальное искусство, постсоветское пространство, субалтерны

The collection of articles *Decoloniality: Present and Future* (Moscow: Gorizontaĭ, 2022) is part of a large project called *Mezha*, which involves a series of lectures, workshops, festivals, and publications dedicated to decolonial writing and the problems of knowledge decentralization. The book consists of works by Russian and foreign authors: researchers, poets, artists, curators, and directors. The various formats of published materials (from interviews and fragments of scientific papers to travelogues and essays) are explained by Yegana Jabbarova, the editor of the collection: "...such a polyphony of text forms is important in so far as it loosens the strict ideas and normative framework laid down both in the scientific and artistic fields" [Джаббарова, 2022a, с. 5]. This seems completely justified, since the conversation about decoloniality inevitably goes beyond academic experience and scientific language, creating a need to search for new forms of expression.

For the Russian audience, decoloniality is still a relatively new and unfamiliar topic; therefore an important task facing the authors is to familiarize readers with this phenomenon, explain the basic terms, and, most importantly, present the various experiences of living and creatively expressing oneself in decolonial scenarios. Developed in the works of Latin American researchers in the 1990s, decolonial thought was positioned as an attempt to build an "optional image of the world" [Глостанова, с. 18], i. e., creating a completely different starting point for rethinking the past and present of discriminated groups (among which former colonized peoples play a central role). Decolonial authors declared the need to break with the existing traditions of Western-oriented science and culture, which inevitably carry elements of colonialism. This was the main difference between this new

direction and the postcolonial criticism that emerged in the late 1970s, which was methodologically developed largely from European philosophy.

While postcolonial scholars worked with the cultural, psychological, and socio-political mechanisms of colonialism, analyzing them from the point of subalterns, decolonial thought tried to free itself from coloniality, the “dark side of modernity”, which should be understood as “a trace or trail of power hierarchies, ideas, stereotypes, norms, human identities, and gender roles, economic and knowledge models that remain with us and in us, in how the world works after colonialism and imperialism have formally ended” [Джаббарова, 2022b, p. 37]. Decoloniality does not so much describe the trauma left by colonialism as ways to overcome it.

A special place in modern discussions is occupied by the legitimacy of using postcolonial and decolonial optics in relation to Russian history. Russian history here refers to both the legacy of the Russian Empire and the Soviet experience of national and cultural policy. Authors working with this topic usually focus on issues of identity, immigration, border positions, cultural and historical memory, chauvinism, etc. This collection makes an important contribution to the development of these issues, summarizing and analyzing existing experience and offering new decolonial strategies.

Decoloniality involves overcoming eurocentrism, which remains today a common problem for all peoples with a colonial experience. In his monograph *Provincializing Europe*, the Indian researcher Dipesh Chakrabarty convincingly shows that Europe monopolized ideas of modernity, and the rest of the world as a result has come to be seen as backward, requiring the intervention of “Western man” [Chakrabarty]. Europe declared itself as the standard of modern thought and the carrier of universal values associated with modern society, approving ideas about a sole path of development for any society. Rejection of this universalism, of “great narratives and utopias, of Truth with a capital letter, of attempts to impose their idea of happiness on the whole world” [Джаббарова, 2022b, c. 38], remains a primary task for decolonial authors. The artist and researcher Juliya Semenova notes: “In the aspiration to a reality without social discrimination and Eurocentric epistemes, the decolonial choice rejects the concept of the sole truth and rethinks the existing project of modernity” [Семенова, c. 58]. This should lead to pluriversality and heterogeneity, recognition of the existence of other equal subjects of history, and the expansion of the concept of modernity by including in it the diverse experience of subaltern groups.

Colonial suppression and subjugation of the Other, the deprivation of its independence, and the recognition of its dependent position lead to the partial erasure and blurring of the identity of colonized peoples. Therefore, the themes of cultural self-determination and overcoming psychological traumas and inferiority complexes are central for any post- and decolonial work. Franz Fanon drew attention to the fact that the inhabitants of the European colonies eventually began to imitate the white colonizers, mimicking their way of life and language. Putting on “white masks” over

black skin, they only exacerbated their dependence [Fanon]. A similar situation can be traced in the example of Soviet and post-Soviet space. The artist Saule Suleimenova, in her essay “Kudatku Bilig, or the Science of How to be Happy”, notes that Kazakhstan has long experienced the consequences of cultural imperialism from the Russian Empire: “The huge role of Russian culture was felt everywhere, the Kazakhs were embarrassed by their own authenticity, an inferiority complex developed in front of the rich cultural history of Europe and Russia” [Сулейменова, с. 92]. Therefore, during the twentieth century, one of the main problems in Kazakh art was the search for a national idea and self-identification.

Suleimenova shows the genesis of Kazakh fine art during the twentieth and twenty-first centuries, drawing attention to the fact that initially none of its directions represented the voice of subalterns. She highlights the authors who looked to join “the world community, trying to keep up and mimic global conceptual movements”, the artists who used “Kazakh as an image of barbarism”, and the official art of “ethnoromanticism” (a kind of social realism) [Там же, с. 84]. Only after independence did Kazakhstan face the question of creating a new aesthetic image for the country, and contemporary art began to solve this using decolonial optics.

According to Madina Tlostanova, Suleimenova “embodies one of the most original examples of conscious decolonial sensitivity in the post-Soviet space” [Тлостанова, с. 129]. Her works, presented in the iconic series “I’m Kazakh”, “Somewhere in the Great Steppe”, and “Saga of Returnees”, appeal to painful points in Kazakhstan’s history (for example, the Kazakh famine of 1932–1933 or the plight of ethnic Kazakhs in Xinjiang Uygur Autonomous Region). Raising the issues of defining national identity and her people’s participation in history, Suleimenova goes beyond the usual colonial dichotomy of “archaic-modern” (where the archaic is strongly associated with subalterns and the modern is the privilege of the dominant culture), offering a new way of representation: “Elements of Kazakh culture are not masked once and for all as archaic, but interpenetrate with the features of modernity” [Там же, с. 137]. Her artworks, made using a technique she calls “cellophane painting” (because they are made from plastic bags), are free from the stereotypes about Kazakhs and other steppe peoples typical of both Western art and “ethnoromanticism”. Suleimenova’s works are documentary and can even be considered as chronicles fixing the traumas and scars of colonialism.

This approach is similar to the views of Semenova, whose essay “Notes on the Elusive Form of Silence” also features in the collection. She describes her experience of decolonial art in terms of a photo project organized in the village of Yokundyu (Sakha Republic) together with the artist Marie-Noel Lego. The goal of this project was to create a collective narrative representing the voice of a subaltern group (in this case, the Yakuts). The artists organized a photographic circle to understand with local residents the issues of “identity, culture and history”, “to expand the boundaries of reality, to enter into sensitive interaction with the outside world, to take the present into their own hands” [Семенова, с. 73].

Like other authors in the collection, Semenova draws attention to the exoticization common for the dominant culture in the depiction of subalterns. Stereotypes, shrouded in a halo of romance, often having nothing to do with real life and the worldview of the indigenous people, also serve as a tool for objectification. In this sense, “exoticization” is synonymous with the term “orientalization”, introduced into postcolonial criticism by Edward Said. The image of eastern society as alien, archaic, unfamiliar, and different from Western (or Russian) customary norms becomes a distorted representation of the Other, strengthening the existing relationship of subordination and leading to the “exploitation... of the knowledge, stories, experience, lifestyle, meanings, and imaginary of indigenous peoples” [Семёнова, с. 60]. The rejection of such images, the collective discussion of self-identity, and the search for its expression is one of the tasks of decolonial art.

It is necessary to mention the appropriation of the historical memory of subaltern groups, which is a method for establishing a colonial hierarchy. In his travelogue “Tashkent – Termez (August 2021)”, Furkat Palvan-Zade, describing his trip across Uzbekistan, draws attention to the Registan, the main square in Samarkand and one of the main national symbols of the Uzbek nation. It was reconstructed by Soviet archaeologists, who, in the words of Benedict Anderson (to whom Palvan-Zade also refers), allowed “the state to appear as the guardian of a generalized, but also local, Tradition” [Anderson, p. 181]. In other words, through archeology, reconstruction work, museum work, cartography, compiling dictionaries, and other practices, the status of the dominant culture was established (and still is being established in some cases) as the main subject of knowledge, which has the right not only to study other traditions, but also to take over the duty to preserve them. At the same time, national buildings and monuments sacred to indigenous culture become part of the secular colonial system. An example of the appropriation of historical memory is the organization of the work of major museums in Europe and Russia, which has been actively criticized in recent years for the misappropriation and export to Europe of artistic and cultural values in colonial times. The question of the restitution of museum artifacts is sharply raised on modern agendas. The ways and possibility of representing various non-Western cultures through museum exhibitions prepared by European or American curators are criticized because they continue to preserve and broadcast elements of colonialism. As Walter Mignolo, one of the founders of the decolonial turn, argues: “...museums, as they evolved in the modernizing, western world, enacted the archive of western civilization but could not enact the archives of the rest of the world” [Mignolo]. In response, some activist movements have emerged in recent decades (for example, “Decolonize This Place”), insisting on the revision of modern museum policy, the restitution of exhibits, and the protection of the rights of subalterns in the cultural sphere.

Most of the authors in this collection are artists, writers, poets, curators, etc., i. e., people with creative professions. A thread running through

their essays is the limitations of science as the main institution to produce knowledge, since the academy in its modern form is strongly associated with modernity and, therefore, with colonial relations. This thesis is one of the main reasons that supporters of decolonial optics criticize postcolonial researchers for their adherence to the methodologies and principles of Western academic science, which is based on subject-object relations. In his classic of decolonial thought, Anibal Quijano points out that such a division of the world is rooted in the Cartesian philosophy of separating the soul (cognizing subject) from the body (object). Based on this, the idea was formed in Europe that “the ‘inferior’ ‘races’ are ‘inferior’ because they are ‘objects’ of study or of domination/exploitation/discrimination, they are not ‘subjects’, and, most of all, they are not ‘rational subjects’. Thus, they could legitimately be dominated and exploited. And only from that peculiar point of view was it (‘rationally’) possible to consider all non-European peoples as the past as previously articulated: as objects of knowledge or of domination and exploitation by Europeans” [Quijano, p. 221].

If we follow this logic, then any conversation about decoloniality conducted within the framework of a scientific approach is doomed to failure. Therefore, art becomes the main language for discussing these issues: “Art is able to convey diametrically opposed feelings and, thanks to this, create a symphonic work that reflects the breath of life. In rational optics, this exciting task is practically impossible” [Сулейменова, с. 76]. It should be noted that special attention to culture and art as a field of production and transfer of knowledge is also characteristic of postcolonial criticism (which arose primarily as literary criticism). But at the same time, postcolonialism does not deny, and indeed refers to, scientific research as the main way of rethinking the colonial past. Decoloniality, in contrast, postulates that “culture and art are freer than science” [Семенова, p. 71] and focuses on the creative language of statements.

The fundamental point is that unlike scientific knowledge, which strives for maximum detachment and neutrality, art always deals with personal life, with the refraction of life through a personal lens. In the same way, decoloniality emphasizes “concrete practical experience, namely, the experience of being the Other”, “direct, bodily experience of coloniality” [Мамедов, с. 121, 123]. And since this specific experience is different for everyone, the options for overcoming the trauma of coloniality may differ in each case. Consequently, no universal generalizations (typical for colonial rhetoric, often perceiving subalterns as a single group with common features and properties) are allowed. Speaking about the problems with which the decolonial agenda is struggling, Semenova notes that one is “the unification of the experience of indigenous peoples. A generalization of their past and present without considering many different aspects creates a common image, fictional in its essence” [Семенова, p. 61].

The other side of this problem is the impossibility of developing some common solutions – decoloniality takes on special specific forms in each country, each region. Georgy Mamedov emphasizes the difference between

Western and Russian/post-Soviet postcolonial criticism, rightly pointing out that “the translation of critical thought cannot be an exclusively linguistic task, but must necessarily include the translation of the context, premises, and political and affective aspects of theoretical thought” [Мамедов, с. 123]. The simple use of concepts and algorithms borrowed from Western theory may not always lead to the necessary result. Moreover, as many authors in the collection note, this often turns the domestic decolonial agenda into a kind of “fashionable fetish of biennale and art-corporate parties”, depriving it of “its original political and affective content” [Там же]. In other words, the desire to keep pace with Western historiography is fraught with an insufficient understanding of domestic realities and their differences from the colonial history associated with former European colonies.

It is especially important to talk about how decolonial optics should function in modern post-Soviet realities. One of the answers may be, according to Mamedov, the aforementioned personal, direct experience of living coloniality: “...the main task of decolonial criticism in Russian lies precisely in this – in the active connection of theoretical thought with everyday Russian (post)colonial life. How can this link between theory and everyday life be achieved?” [Мамедов, с. 115]. It should be emphasized that decoloniality is associated primarily with practice and not with abstract theorizing. The latter is a kind of trap into which any attempts to build a theoretical/scientific justification for decoloniality fall. Therefore, practical projects (such as photo projects by Juliana Semenova, paintings by Saule Suleimenova, or the various Internet projects dedicated to the study of the history and culture of central Eurasia by Furkat Palvan-Zade), affecting the history of specific regions/people, become important points in the deconstruction of coloniality, the disintegration of the surviving power hierarchy, the dissolution of the effects of colonial domination, and the revision of power and knowledge relations in the context of post-colonial space.

The publication of *Decoloniality: Present and Future* can certainly be considered as one such practical project, a collective statement of the authors based on their direct “bodily” experience of encountering coloniality. This emphasizes its relevance to modern post-Soviet space, in which more and more attention is paid to the issues of historical memory, rethinking the past, and the national policy of the Russian Empire and the USSR. The polyphony of this statement is important, which can be considered, based on the ideas of Mikhail Bakhtin, as “a combination of several individual wills”, “a fundamental way beyond the limits of one will”: “the artistic will of polyphony is the will to combine many wills, the will to an event” [Бахтин, с. 25]. This event is the formation of decolonial optics among readers (or at least acquaintance with them). Unlike scientific articles oriented to specialists and researchers, the essays, interviews, and travelogues included in this collection are understandable to a wide range of readers, which corresponds to the educational tasks of the decolonial agenda – to make the “dark side of modernity” visible, to make clear the problems that exist in modern times.

Список литературы

- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. 320 с.
- Джаббарова Е. От составителя // Деколонизальность: настоящее и будущее : сб. ст. / отв. ред., сост. Е. Я. Джаббарова. М. : Горизонталь, 2022а. С. 4–7.
- Джаббарова Е. Интервью с Мадриной Тлостановой // Деколонизальность: настоящее и будущее : сб. ст. / отв. ред., сост. Е. Я. Джаббарова. М. : Горизонталь, 2022б. С. 8–40.
- Мамедов Г. Соучастие: о колониальности по-русски // Деколонизальность: настоящее и будущее : сб. ст. / отв. ред., сост. Е. Я. Джаббарова. М. : Горизонталь, 2022. С. 112–126.
- Семенова Дж. Заметки о неуловимой форме молчания // Деколонизальность: настоящее и будущее : сб. ст. / отв. ред., сост. Е. Я. Джаббарова. М. : Горизонталь, 2022. С. 56–74.
- Сулейменова С. Кудатку билиг, или Наука о том, как быть счастливым // Деколонизальность: настоящее и будущее : сб. ст. / отв. ред., сост. Е. Я. Джаббарова. М. : Горизонталь, 2022. С. 75–111.
- Тлостанова М. Деколонизальность бытия, знания и ощущения : сб. ст. Алматы : Центр совр. культуры «Целинный», 2020. 192 с.
- Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L. ; N. Y. : Verso, 2006. 240 p.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2000. 336 p.
- Fanon F. *Black Skin White Masks*. L. : Pluto Press, 2008. 186 p.
- Mignolo W. *Enacting the Archives, Decentering the Muses* // Ibraaz : [website]. 2013. 6 November. URL: <https://www.ibraaz.org/essays/77> (accessed: 18.07.2022).
- Quijano A. *Coloniality of Power and Eurocentrism in Latin America* // *International Sociology*. 2000. Vol. 15 (2). P. 215–232. DOI 10.1177/0268580900015002005.

References

- Anderson, B. (2006). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., N. Y., Verso. 240 p.
- Bakhtin, M. (1979). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 320 p.
- Chakrabarty, D. (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press. 336 p.
- Dzhabbarova, E. (2022a). *Ot sostavitelya* [From the Editor]. In Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei*. Moscow, Gorizonta', pp. 4–7.
- Dzhabbarova, E. (2022b). *Interv'yu s Madinoi Tlostanovoi* [Interview with Madina Tlostanova]. In Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei*. Moscow, Gorizonta', pp. 8–40.
- Fanon, F. (2008). *Black Skin White Masks*. L., Pluto Press. 186 p.
- Mamedov, G. (2022). *Souchastie: o kolonial'nosti po-russki* [Complicity: About Coloniality in Russian]. In Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei*. Moscow, Gorizonta', pp. 112–126.
- Mignolo, W. (2013). *Enacting the Archives, Decentering the Muses*. In Ibraaz [website]. 6 November. URL: <https://www.ibraaz.org/essays/77> (accessed: 18.07.2022).
- Quijano, A. (2000). *Coloniality of Power and Eurocentrism in Latin America*. In *International Sociology*. Vol. 15 (2), pp. 215–232. DOI 10.1177/0268580900015002005.
- Semenova, J. (2022). *Zametki o neulovimoi forme molchaniya* [Notes on the Elusive Form of Silence]. In Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei*. Moscow, Gorizonta', pp. 56–74.

Suleimenova, S. (2022). Kudatku bilig, ili Nauka o tom, kak byt' schastlivym [Kudatku Bilig, or the Science of How to be Happy]. In Dzhabbarova, E. Ya. (Ed.). *Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statei*. Moscow, Gorizonta', pp. 75–111.

Tlostanova, M. (2020). *Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya. Sbornik statei* [Decoloniality of Being, Knowledge, and Sensations: A Collection of Articles]. Almaty, Tsentr sovremennoi kul'tury "Tselinnyi". 192 p.

The article was submitted on 20.07.2022

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Балезин Александр Степанович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
ORCID 0000-0002-1693-1366
alex.balezin@yandex.ru

Винокуров Сергей Евгеньевич, кандидат искусствоведения, заведующий отделом декоративно-прикладного искусства, Екатеринбургский музей изобразительных искусств; старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620014, Россия, Екатеринбург, ул. Воеводина, 5.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0001-7548-8651
serg.vinokuroff@gmail.com

Деменова Виктория Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-2348-8817
vikina@mail.ru

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет.

127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, 29.
ORCID 0000-0002-4878-2027
krugh@yandex.ru

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и истории журналистики, Новосибирский государственный университет; старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0003-0535-7765
olga_zhuravel@mail.ru

Журова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0002-6796-0896

zhurova@ngs.ru

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин, Уральский государственный педагогический университет.

410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

ORCID 0000-0002-5389-0428

vladimirzemtsov@yandex.ru

Карамиджахангир, PhD, доцент, Тегеранский университет.

1417466191, Иран, Тегеран, ул. 16th Azar, пл. Enghelab.

ORCID 0000-0001-8815-7069

jkarami@ut.ac.ir

Карими-Мотаххар Джанолах, кандидат филологических наук, профессор, Тегеранский университет.

1417466191, Иран, Тегеран, ул. 16th Azar, пл. Enghelab.

ORCID 0000-0002-6072-5797

jkarimi@ut.ac.ir

Клюшин Павел Вячеславович, студент, Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0001-8532-4386

pavel.kliushin@gmail.com

Коваленко Антон Николаевич, младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН.

630102, Россия, Новосибирск, ул. Восход, 15.

ORCID 0000-0002-5127-0962

damdiv@ngs.ru

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, заведующий Центром глобальных и региональных исследований, академик РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

ORCID 0000-0002-2825-8391

larin.vic@gmail.com

Ларина Лилия Львовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

ORCID 0000-0002-5040-3671

lilylar25@mail.ru

Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, Пекинский университет иностранных языков.

100089, Китай, Пекин, ул. Сисаньхуань бей, 2.

ORCID 0000-0002-9231-1476

markasovaelena@yandex.ru

Мельничук Валентина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.

meln@g.nsu.ru

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, независимый исследователь (Минск, Белоруссия).

ORCID 0000-0001-8520-5387

boris.norman@gmail.com

Оганнисян Эдгар, кандидат исторических наук, декан факультета истории и обществоведения, Армянский государственный педагогический университет.

3750010, Армения, Ереван, пр. Тиграна Меца, 17.

ORCID 0000-0003-2190-1011

hovhannisyanedgar@yahoo.com

Олджай Тюркан, PhD, профессор, Стамбульский университет.

34452, Турция, Стамбул, пл. Беязыт.

ORCID 0000-0001-6124-5747

turkanolcay@gmail.com

Пак Чипэ, PhD, профессор, Университет иностранных языков Хангук.

02450, Республика Корея, Сеул, Imun-ro, 107.

ORCID 0000-0003-3339-3851

ji-bae@hamnail.net

Починская Ирина Викторовна, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археографических исследований, Уральский федеральный университет.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-7431-856X

poirvi12@gmail.com

Рябов Сергей Михайлович, ассистент, лаборант-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7090-5479

sergeyryabov1997@gmail.com

Савельева Наталья Вячеславовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

199034, Россия, Москва, набережная Макарова, 4.

ORCID 0000-0002-4500-9039

n.v.savelieva@inbox.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Сотудехмехр Форуз, магистр, Тегеранский университет.

1417466191, Иран, Тегеран, ул. 16th Azar, пл. Enghelab.

ORCID 0000-0002-3662-1293

forough.sotoudeh@ut.ac.ir

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, Институт программных систем имени А. К. Айламазяна РАН.

152021, Россия, Ярославская область, Переславский район, с. Вельково, ул. Петра Первого, 4а.

ORCID 0000-0001-7692-2085

lbsukina@gmail.com

Федотова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

199034, Россия, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4.

ORCID 0000-0001-5167-3414

fedotova_m@mail.ru

Чемякин Евгений Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-1441-8438

evgeny.chemiakin@urfu.ru

Чон Ухён, PhD, доцент, Университет Чунан.
Республика Корея, Сеул, Heukseok-ro, 84.
ORCID 0000-0001-7920-6260
wooh21@cau.ac.kr

Яхьяпур Марзие, кандидат филологических наук, профессор, Тегеранский университет.
1417466191, Иран, Тегеран, ул. 16th Azar, пл. Enghelab.
ORCID 0000-0001-8195-6909
myahya@ut.ac.ir

Antoshin Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Balezin Alexander, Dr. Hab. (History), Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-1693-1366
alex.balezin@yandex.ru

Chemyakin Evgeny, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-1441-8438
evgeny.chemiakin@urfu.ru

Chon Woo-hyung, PhD, Associate Professor, Chung-Ang University.
84, Heukseok-ro, Seoul, Republic of Korea.
ORCID 0000-0001-7920-6260
wooh21@cau.ac.kr

Demenova Victoria, PhD (Art History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-2348-8817
vikina@mail.ru

Dergacheva Irina, Dr. Hab. (Philology), Professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University.
29, Sretenka Str., 127051, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-4878-2027
krugh@yandex.ru

Fedotova Marina, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

4, Makarov Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-5167-3414

fedotova_m@mail.ru

Hovhannisyan Edgar, PhD (History), Dean of the Faculty of History and Social Science, Armenian State Pedagogical University.

17, Tigran Mets Ave., 3750010, Yerevan, Armenia.

ORCID 0000-0003-2190-1011

hovhannisyanedgar@yahoo.com

Karami Jahangir, PhD, Associate Professor, University of Tehran.

16th Azar Str., Enghelab Sq., 1417466191, Tehran, Iran.

ORCID 0000-0001-8815-7069

jkarami@ut.ac.ir

Karimi-Motahhar Janolah, PhD (Philology), Professor, University of Tehran.

16th Azar Str., Enghelab Sq., 1417466191, Tehran, Iran.

ORCID 0000-0002-6072-5797

jkarimi@ut.ac.ir

Kliushin Pavel, Undergraduate student, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8532-4386

pavel.kliushin@gmail.com

Kovalenko Anton, Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

15, Voskhod Str., 630102, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0002-5127-0962

damdiv@ngs.ru

Larin Viktor, Dr. Hab. (History), Head of the Centre for Global and Regional Studies, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

89, Pushkinskaya Str., 690001, Vladivostok, Russia.

ORCID 0000-0002-2825-8391

larin.vic@gmail.com

Larina Liliia, PhD (History), Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

89, Pushkinskaya Str., 690001, Vladivostok, Russia.

ORCID 0000-0002-5040-3671

lilylar25@mail.ru

Markasova Elena, Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Beijing Foreign Studies University.

2, North Xisanhuan Road, 100089, Beijing, China.

ORCID 0000-0002-9231-1476

markasovaelena@yandex.ru

Melnichuk Valentina, PhD (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State University.

1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

meln@g.nsu.ru

Norman Boris, Dr. Hab. (Philology), Independent Researcher (Minsk, Belarus).

ORCID 0000-0001-8520-5387

boris.norman@gmail.com

Olcay Türkan, PhD, Professor, Istanbul University.

Beyazıt Sq., 34452, Istanbul, Turkey.

ORCID 0000-0001-6124-5747

turkanolcay@gmail.com

Park Ji-bae, PhD, Professor, Hankuk University of Foreign Studies.

107, Imun-ro, 02450, Seoul, Republic of Korea.

ORCID 0000-0003-3339-3851

ji-bae@hamnail.net

Pochinskaia Irina, Dr. Hab. (History), Head of Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7431-856X

poirvi12@gmail.com

Ryabov Sergey, Assistant, Laboratory Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7090-5479

sergeyryabov1997@gmail.com

Savelieva Natalya, Dr. Hab. (Philology), V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences.

4, Makarov Embankment, 199034, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-4500-9039

n.v.savelieva@inbox.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Sotoudehmehr Forough, MA, University of Tehran.

16th Azar Str., Enghelab Sq., 1417466191, Tehran, Iran.

ORCID 0000-0002-3662-1293

forough.sotoudeh@ut.ac.ir

Sukina Liudmila, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Highly Qualified Personnel Training, Programme Systems Institute of the Russian Academy of Sciences. 4a, Petr Velikiy Str., 152021, Ves'kovo Village, Pereslavsky District, Yaroslavl Region, Russia.

ORCID 0000-0001-7692-2085

lbsukina@gmail.com

Vinokurov Sergey, PhD (Art History), Head of the Department of Decorative and Applied Arts, Yekaterinburg Museum of Fine Arts; Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

5, Voevodin Str., 620014, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7548-8651

serg.vinokuroff@gmail.com

Yahyapour Marzieh, PhD (Philology), Professor, University of Tehran.

16th Azar Str., Enghelab Sq., 1417466191, Tehran, Iran.

ORCID 0000-0001-8195-6909

myahya@ut.ac.ir

Zemtsov Vladimir, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Head of the Department of General History and Methods of Teaching Historical Disciplines, Ural State Pedagogical University.

83, Astrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

26, Kosmonavtov Ave., 620017, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5389-0428

vladimirzemtsov@yandex.ru

Zhuravel Olga, Dr. Hab. (Philology), Head of the Department of the Theory and History of Journalism, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-0535-7765

olga_zhuravel@mail.ru

Zhurova Liudmila, Dr. Hab. (Philology), Chief Researcher, Institute of History,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolayev Str, 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0002-6796-0896

zhurova@ngs.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii

БАН – Библиотека Российской академии наук
BAN – Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyi istoricheskii muzei

ИИ СО РАН – Институт истории Сибирского отделения РАН
II SO RAN – Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN

ЛАИ УрФУ – Лаборатория археографических исследований Уральского
федерального университета
LAI UrFU – Laboratoriya arkheograficheskikh issledovaniy Ural'skogo
federal'nogo universiteta

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei

РГБ – Российская государственная библиотека
RGB – Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РНБ – Российская национальная библиотека
RNB – Rossiiskaya natsional'naya biblioteka

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-
Петербурга
TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 10, 2022, № 4

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 15.11.2022. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 33,6. Усл. печ. л. 31,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 226.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru